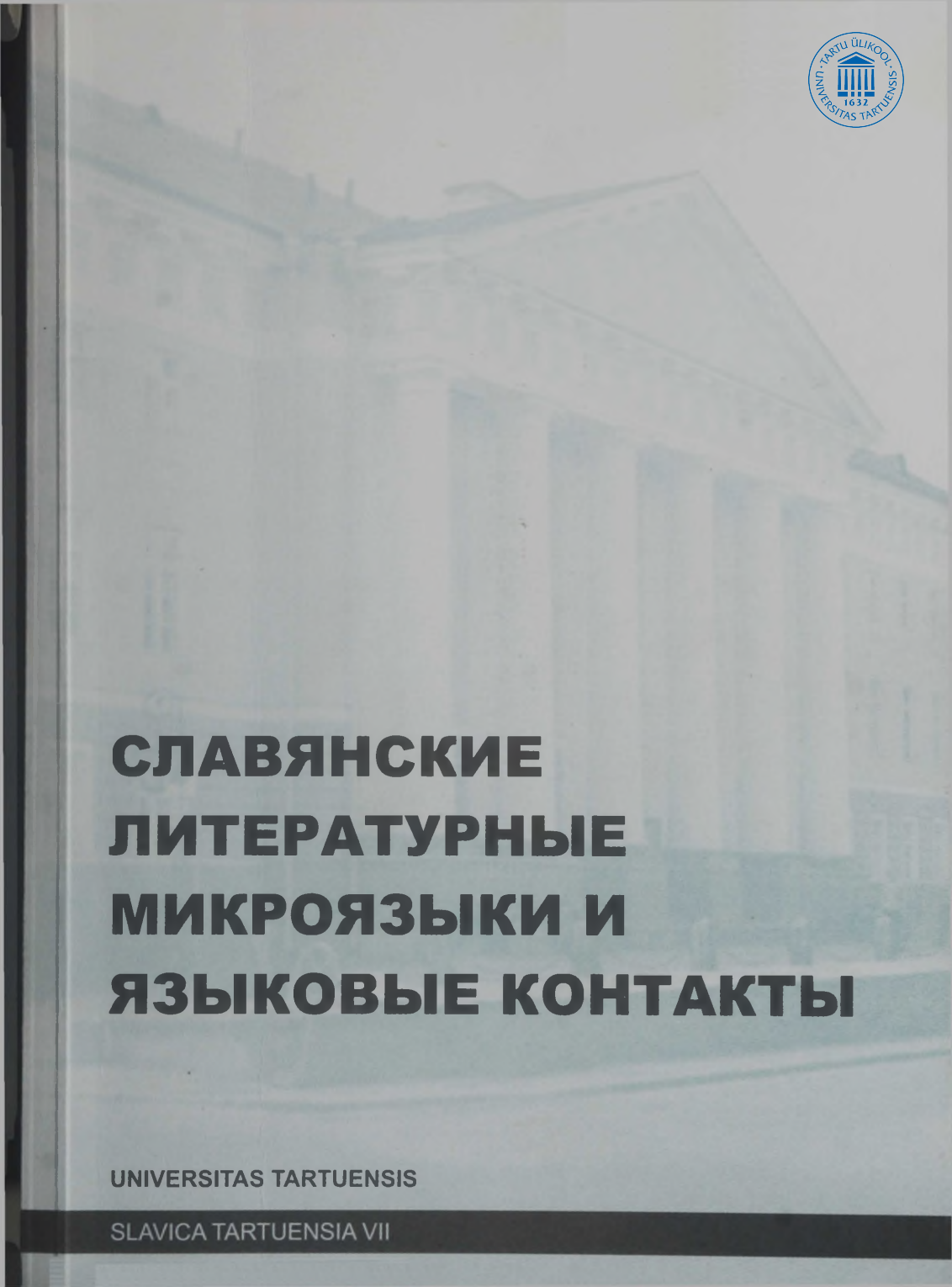

СЛАВЯНСКИЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ МИКРОЯЗЫКИ И ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ

UNIVERSITAS TARTUENSIS

SLAVICA TARTUENSIA VII

SLAVICA TARTUENSIA

VII

UNIVERSITAS TARTUENSIS • TARTU UNIVERSITY
DEPARTMENT OF SLAVIC PHILOLOGY
WITH
THE ROYAL SWEDISH ACADEMY OF LETTERS,
HISTORY AND ANTIQUITIES

SLAVIC LITERARY MICROLANGUAGES AND LANGUAGE CONTACTS

**Proceedings of an International Conference
organised as part of the work
of the Commission for the Study of Language Contacts
at the International Committee of Slavists
Tartu, 15–17 September 2005**

**Ed. by Alexandr D. Dulichenko and Sven Gustavsson
(in collaboration with John Dunn)**

Tartu 2006

UNIVERSITAS TARTUENSIS • ТАРТУСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
КАФЕДРА СЛАВЯНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ
И
КОРОЛЕВСКАЯ ШВЕДСКАЯ АКАДЕМИЯ ЛИТЕРАТУРЫ,
ИСТОРИИ И ДРЕВНОСТЕЙ

СЛАВЯНСКИЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ МИКРОЯЗЫКИ И ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ

Материалы международной конференции, организованной в рамках Комиссии по языковым контактам при Международном Комитете славистов Тарту, 15–17 сентября 2005 г.

**Под редакцией
Александра Д. Дуличенко и Свена Густавссона
(при участии Джона Данна)**

Тарту 2006

Редактор серии *Slavica Tartuensia* А. Д. Дуличенко
Редакторы VII тома серии А. Д. Дуличенко и С. Густавссон (при участии Дж. Данна)
Технический редактор Р. Э. Романчик

Редакция серии *Slavica Tartuensia*: Estonia, 50090 Tartu, Näituse, 2–214/215, Tartu Ülikooli Slaavi filoloogia õppetool. Prof. dr. Alexandr D. Dulichenko.
Tel. 372/ 7 375 351; fax 372/ 7 376 352
E-mail: aleksd@list.ru, aleksander.dulitsenko@ut.ee

Сборник содержит материалы международной конференции *Славянские литературные микроязыки и языковые контакты*, проведенной 15–17 сентября 2005 г. в г. Тарту Кафедрой славянской филологии Тартуского университета и Королевской Шведской Академией литературы, истории и древностей в рамках Комиссии по языковым контактам при Международном Комитете славистов. Рассматриваются общетеоретические аспекты славянских микроязыков – нижнелужицкого, кашубского, югославо-русинского и (карпато)русинского, градищанско-хорватского, резьянского, прекмурско-словенского, чакавского, кайкавского, западнополесского, гуральского и силезского и др., вопросы их нормализации, кодификации, эволюции как литературных языков, контактов с окружающими языками. В книге два приложения – избранная библиография по славянским микроязыкам и программа конференции.

Авторские права: Авторы статей и редакторы, 2006

ISSN 1406–3522
ISBN 978–9949–11–537–2

Tartu Ülikooli Kirjastus/ Tartu University Press
Tartu, Eesti/ Estonia
www.tyk.ee

Содержание

Предисловие **11**

1. Общетеоретические аспекты малых языков (микроязыков) и контактная лингвистика

G. Hentschel (Oldenburg). О работе Комиссии по языковым контактам при Международном Комитете славистов **17**

А. Д. Дуличенко (Tartu). Современное славянское языкознание и славянские литературные микроязыки **22**

Г. Цыхун (Мінск). Славянские литературные микроязыковые проекты в эколингвистической перспективе **47**

J. Dunn (Glasgow). What do you do if you haven't got an army and a navy? Some observations on the standardisation of regional and minority languages **55**

О. В. Никитин (Москва). О языковых контактах, языковых сближениях и языковых отталкиваниях (в связи со славянскими микроязыками) **64**

В. М. Алпатов (Москва). Что делать с малыми языками? **73**

S. Gustavsson (Uppsala). The Framework Convention for the Protection of National Minorities, the European Charter of Regional or Minority Languages, Euromosaic and the Slavic Literary Microlanguages **82**

2. Вопросы нормализации и эволюции славянских литературных микроязыков

R. Marti (Saarbrücken). (Nje)pśijaśelne wobojmjeśa: położenje serbšćiny a dolnoserbskeje rěcy **102**

K. Tyran (Wien / Eisenstadt). Der Streit um die Standardsprache bei den Burgenländischen Kroaten **122**

Р. Э. Романчик (Tartu). Кашубско-польские дилеммы в лексикографическом аспекте (или лексикографические методы языковой сепарации) **138**

R. Dapit (Udine). The Resian dialect and its evolution as a literary language **166**

D. Markoja (Ljubljana). Рукописная грамматика прекмурского литературного языка (начало XX века) **176**

M. Lončarić, S. Kekez (Zagreb). Čakavština i kajkavština kao književni jezici i danas u književnosti **188**

3. Проблемы русинистики / русинологии

P. R. Magocsi (Toronto). Русинский язык: достижения последнего времени и предстоящие задачи **207**

Ю. Тамаш (Нови Сад). Правни аспект статуса русинского язика/ русинских язикох – дияхрония, синхрония и телеологиа **223**

M. Moser (Wien). Die karpatoruthenische sprachliche und kulturelle Identität aus einer galizischen Perspektive (1772–1850) **236**

В. І. Падяк (Ужгород). Закарпатье (Подкарпатская Русь): проблемы и особенности функционирования русинского литературного языка в контексте национального возрождения **265**

Ю. Рамач (Нови Сад). Пременки у руским язику без цудзих уплївох **285**

4. На путях к нормализации и кодификации

K. Steinke (Erlangen). Anmerkungen zur sprachlichen Vitalität der slavischen Minderheiten in Albanien und Griechenland **308**

Ch. Voss (Erlangen / Freiburg i. Br.). Toward the comparability of Slav-speaking Balkan Muslims in the light of the 'microlanguage' concept **326**

Ф. Д. Клімчук (Мінск). К истокам письменной традиции Берестейско-Пинского Полесья и о западнополесском литературном микроязыке в частности **340**

A. Czesak (Kraków). Góralski i śląski – mikrojęzyki literackie in statu nascendi? **360**

Приложения

Славянские литературные микроязыки: грамматики, учебники, словари, очерки, периодика в библиографическом представлении. Составитель А. Д. Дуличенко **386**

Программа международной конференции "Славянские литературные микроязыки и языковые контакты" (Тарту, 15–17 сентября 2005 г.) **409**

Table of Contents

Foreword **11**

1. General and theoretical aspects of lesser-used languages (microlanguages) and contact linguistics

Gerd Hentschel (Oldenburg). The work of the Commission for the Study of Language Contacts set up by the International Committee of Slavists **17**

Alexandr D. Dulichenko (Tartu). Slavic linguistics today and Slavic literary microlanguages (in Russian) **22**

Henadz' Cykhun (Minsk). Projects for the creation of Slavic literary microlanguages from the perspective of linguistic ecology (in Russian) **47**

John Dunn (Glasgow). What do you do if you haven't got an army and a navy? Some observations on the standardisation of regional and minority languages **55**

Oleg V. Nikitin (Moscow). Language contacts, language convergence and langauge divergence in the context of Slavic microlanguages (in Russian) **64**

Vladimir M. Alpatov (Moscow). What to do with minority languages? (in Russian) **73**

Sven Gustavsson (Uppsala). The Framework Convention for the Protection of National Minorities, the European Charter of Regional or Minority Languages, Euromosaic and the Slavic Literary Microlanguages **82**

2. Issues relating to the standardisation, codification and evolution of Slavic literary microlanguages

Roland Marti (Saarbrücken). (Un)friendly embraces: The Situation of Sorbian and of Lower Sorbian (in Lower Sorbian) **102**

Katarina Tyran (Wien / Eisenstadt). The Process of standardising Burgenland Croatian in the second half of the 20th century (in German) **122**

Romasz Erlend Romanchik (Tartu). Kashubian-Polish dilemmas from the point of view of lexicography (or Lexicographical methods of language separation) (in Russian) **138**

Roberto Dapit (Udine). The Resian dialect and its evolution as a literary language **166**

Darja Markoja (Ljubljana). Manuscript grammar of Prekmurje standard language (beginning of the 20th century) (in Russian) **176**

Mijo Lončarić, Stipe Kekez (Zagreb). Čakavian and Kajkavian as literary languages as well as the languages of literature (in Croatian) **188**

3. Rusyn studies

Paul Robert Magocsi (Toronto). The Rusyn language: recent achievements and present challenges **207**

Julin Tamaš (Novi Sad). Legal aspects of the status of the Ruthenian languages/ language – diachrony, synchrony and teleology (in Yugoslav-Ruthenian) **223**

Michael Moser (Wien). The Carpatho-Ruthenian cultural and linguistic identity from a Galician perspective (1772–1850) (in German) **236**

Valerii Padyak (Uzhgorod). Transcarpathia (Subcarpathian Rus'): the problems and particularities of how the Rusyn literary language functions in the context of its national revival (in Russian) **265**

Julijan Ramač (Novi Sad). Changes in the Ruthenian language that have occurred without foreign influence (in Yugoslav-Ruthenian) **285**

4. Approaches to standardisation and codification

Klaus Steinke (Erlangen). Some remarks on the linguistic vitality of the Slavic minorities in Albania and Greece (in German) **308**

Christian Voss (Erlangen / Freiburg i. Br.). Toward the comparability of Slavic-speaking Balkan Muslims in the light of the 'microlanguage' concept **326**

Feodor D. Klimčuk (Minsk). On the sources of the written traditions of the Brest-Pinsk Poles'e and on the west Polesian literary microlanguage in particular (in Russian) **340**

Artur Czesak (Kraków). Podhalean and Upper Silesian – literary microlanguages *in statu nascendi*? (in Polish) **360**

Appendices

The Slavic literary microlanguages: A bibliographic survey of grammars, text-books, dictionaries, studies and periodical publications, compiled by Alexandr D. Dulichenko **386**

The Programme of International Conference "Slavic Literary Microlanguages and Language Contacts" (Tartu, Sept. 15–17, 2005) **409**

Предисловие

Настоящий сборник составляют материалы международной конференции "Славянские литературные микроязыки и языковые контакты", проведенной 15–17 сентября 2005 г. в г. Тарту совместно Кафедрой славянской филологии Тартуского университета и Шведской Королевской Академией литературы, истории и древностей в рамках Комиссии по языковым контактам при Международном Комитете славистов. В конференции приняли участие 24 специалиста из 15 стран мира. Основной целью конференции было обсуждение феномена *славянские литературные микроязыки* и вопроса сосуществования микроязыков с окружающими родственными и неродственными языками, т. е. проблемы контактной лингвистики.

Тематически сборник поделен на четыре раздела.

В первом разделе "Общетеоретические аспекты малых языков (микроязыков) и контактная лингвистика" рассматриваются перспективы работы Комиссии по языковым контактам (Г. Хентшель/ Oldenburg), славянские микроязыки в контексте современного славянского языкознания (А. Д. Дуличенко/ Tartu), в эколингвистической перспективе (Г. А. Цыхун/ Мінск), в связи с объективными трудностями их стандартизации (J. Dunn/ Glasgow), их местом в Европейской хартии о региональных языках и языках меньшинств (S. Gustavsson/ Uppsala), а также в связи с соотношением языковых контактов и языковых сближений, которые переживают некоторые микроязыки (О. В. Никитин/ Москва). В этом разделе также доклад по общим проблемам малых языков России (В. М. Алпатов/ Москва).

В разделе "Вопросы нормализации и эволюции славянских литературных микроязыков" читатель найдет материал о ситуации с современным нижнелужицким языком (R. Marti/ Saarbrücken), проблемах развития норм градищанско-хорватского литературного языка в Австрии (K. Tyran/ Eisenstadt – Wien) и резьянского в Италии (R. Dapit/ Udine), о дилеммах выбора лексики и моделей словообразования при нормализации кашубского (Р. Романчик/ Tartu), о нормативных установках в рукописной грамматике начала XX в. прекмурско-сло-

венского литературного языка (D. Markoja/ Ljubljana), об основных этапах истории чакавского и кайкавского литературных языков в Хорватии (M. Lončarić, S. Kekez/ Zagreb).

Третий раздел посвящен феномену lingua ruthenica – "Проблемы русинистики/ русинологии" (на самой конференции этому вопросу было посвящено специальное заседание). П. Р. Магочи (P. R. Magocsi/ Toronto) пишет о процессах конституализации (карпато)русинских литературно-языковых вариантов, Ю. Тамаш (Новый Сад) – о юридических аспектах русинских феноменов; исторический аспект (карпато)русинской культурно-языковой проблемы в Галиции в XVIII–XIX вв. освещает М. Мозер (M. Moser/ Wien), В. И. Падяк (Ужгород) касается вопросов закарпатского варианта (карпато)русинского литературного языка в контексте национального возрождения, а Ю. Рамач (Новый Сад) рассматривает внутренние и внешние причины изменений в югославо-русинском. По объективным причинам Ю. Тамаш и Ю. Рамач приехать в Тарту не смогли, их доклады были оглашены в переводе на русский язык А. Д. Дуличенко.

Последний раздел книги "На путях к нормализации и кодификации" посвящен микроязыковым ситуациям, в которых созревают условия для создания литературных языков. Такова ситуация со славянскими меньшинствами в Албании и Греции (K. Steinke/ Erlangen), с балканскими мусульманами (Chr. Voss/ Erlangen – Freiburg i. Br.), а также с попытками нормализации гуральского и силезского в Польше (A. Czesak/ Kraków); в оглашенном докладе Ф. Д. Климчука (Мінск), который не смог присутствовать на конференции лично, речь идет об истоках возникновения и современных проблемах западнополесского литературного микроязыка.

В книге помещены приложение "Славянские литературные микроязыки: грамматики, учебники, словари, очерки, периодика в библиографическом представлении" и программа конференции.

Накануне конференции была издана брошюра *Тезисы и программа международной конференции "Славянские литературные микроязыки и языковые контакты"* (Тарту, 15–17 сентября 2005 г.). Тарту, 2005, 28 с.

Электронная версия сборника опубликована в виде первого тома "Публикаций Комиссии по языковым контактам" под общей редакцией Г. Хентшеля (Oldenburg).

Александр Д. Дуличенко, Свен Густавссон.

Благодарности

Конференция "Славянские литературные микроязыки и языковые контакты" и настоящая книга оказались возможными благодаря поддержке следующих учреждений: Кафедры славянской филологии Тартуского университета, Тартуского университета, Королевской Шведской Академии литературы, истории и древностей, Комиссии по языковым контактам при Международном Комитете славистов, Центра мультиэтнических исследований и Балтийской программы Уппсальского университета, Эстонского Национального Комитета славистов.

Мы хотели бы также поблагодарить коллег Кафедры славянской филологии Тартуского университета за их бесценную помощь в организации конференции и в подготовке этой книги.

Редакторы.

Foreword

The present volume contains the proceedings from the international conference "Slavic Literary Microlanguages and Language Contacts", which took place in Tartu, September 15–17 2005. The conference was organised by the Department of Slavic Philology, Tartu University with the Royal Swedish Academy of Letters, History and Antiquities as a part of the work of the Commission for the Study of Language Contacts at the International Committee of Slavists. Twenty-four specialists from fifteen countries took part in the conference. The main goal of the conference was to discuss the *Slavic Literary Microlanguages* (*SLMs*), their specific traits, and their coexistence with surrounding related and unrelated languages, i.e. issues concerning contact linguistics.

Thematically the volume is divided into four parts.

In the first part "General and theoretical aspects of lesser-used languages (microlanguages) and contact linguistics" the authors discuss: the future work of the Commission for the Study of Language Contacts (G. Hentschel, Oldenburg), SLMs in the context of today's slavistics (A. D. Dulichenko, Tartu), SLMs from an ecolinguistic perspective (H. A. Cykhun, Minsk), SLMs and problems of standardisation (J. Dunn, Glasgow), the place of SLMs in documents from the Council of Europe and the European Union (S. Gustavsson, Uppsala), and SLMs' converging or diverging reactions to language contacts (O. V. Nikitin, Moscow). A paper treating general problems of the small languages in Russia (V. M. Alpatov, Moscow) also belongs to this part.

In the second part "Issues relating to the standardisation, codification and evolution of Slavic literary microlanguages" the reader will find material about the situation for the modern Lower Sorbian (Lusatian) language (R. Marti, Saarbrücken), the problems of development of norms for the Burgenland Croatian literary language in Austria (K. Tyran, Eisenstadt – Wien) and for Resian in Italy (R. Dapit, Udine), problems of choices of vocabulary and models of word formation in the standardisation of Kashubian (R. E. Romanchik, Tartu), normative goals in a manuscript grammar of the Prekmurje-Slovene literary language from the beginning

of the 20th century (D. Markoja, Ljubljana), and about the main stages in the history of the Čakavian and Kajkavian literary languages in Croatia (M. Lončarić, S. Kekez, Zagreb).

The third part contains texts on the issue *lingua ruthenica*, – "Rusyn studies" (a special session was devoted to this question at the conference). P. R. Magocsi (Toronto) writes about (Carpatho-)Rusyn as well as about its recent achievements and challenges, and J. Tamaš (Novi Sad) about judicial aspects of the Rusyn question in the past and present. M. Moser (Vienna) elucidates aspects of the (Carpatho-)Rusyn linguistic and cultural problem in Galicia in the 18th-19th centuries, V. I. Padjak (Užhorod) treats the Transcarpathian variant of the (Carpatho-)Rusyn literary language in the context of national revival, and J. Ramač (Novi Sad) examines internal causes of change in the modern Yugoslav Rusyn microlanguage. The papers of J. Tamaš and J. Ramač, who for objective reasons could not come to the conference, were read in Russian translation by A. D. Dulichenko.

The last part of the volume, "Approaches to standardisation and codification", is devoted to some language situations where the conditions for the creation of SLMs are ripening. Such is the situation with the Slavic minorities in Albania and Greece (K. Steinke, Erlangen), and with the Balkan Muslims (Chr. Voss, Freiburg). We also have attempts at standardising the Goralian (Podhalean) and Silesian MLs in Poland (A. Czesak, Kraków). The paper by F. D. Klimčuk (Minsk), who for objective reasons could not be present at the conference, treats the origin and situation for the West Polesian literary microlanguage.

An appendix "The Slavic literary microlanguages: A bibliographical survey of grammars, textbooks, dictionaries, studies, and periodical publications, compiled by A. D. Dulichenko" and the Programme of the conference are included in this volume.

In connection with the conference the programme and the abstracts of the papers were published in Tartu. The conference book will also be published on the web by Gerd Hentschel in Oldenburg.

Alexandr D. Dulichenko, Sven Gustavsson.

Acknowledgements

The conference "Slavic Literary Microlanguages and Language Contacts" and this book were made possible by support from the following institutions: The Department of Slavic Philology, Tartu University; Tartu University; The Royal Swedish Academy of Letters, History and Antiquities; The Commission for the Study of Language Contacts at the International Committee of Slavists; The Centre for Multiethnic Research and the Baltic University Programme at Uppsala University; The Estonian National Committee of Slavists.

We would also like to thank the collegues from the Department of Slavic Philology of Tartu University for their invaluable help in the organisation of the conference and in the preparation of this book.

The editors.

1. ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МАЛЫХ ЯЗЫКОВ (МИКРОЯЗЫКОВ) И КОНТАКТНАЯ ЛИНГВИСТИКА

О работе Комиссии по языковым контактам при Международном Комитете славистов

В данное издание вошли материалы конференции "Славянские литературные микроязыки и языковые контакты", организованной А. Д. Дуличенко и С. Густавссоном (при участии Г. Хентшеля) в сентябре 2005 г. в Тарту (Эстония). Эта конференция стала первой встречей "Комиссии по языковым контактам при Международном Комитете славистов", которая была вновь избрана на последнем XIII Международном съезде славистов, состоявшемся в 2003 г. в Любляне (Словения). Поэтому настоящее издание является первым в серии *Публикаций Комиссии по языковым контактам при Международном Комитете славистов*.

До съезда в Любляне работала комиссия с тем же самым названием. Однако по своему фактическому содержанию данная комиссия занималась карпатским регионом как зоной интенсивных языковых контактов, в центре ее внимания было создание общекарпатского диалектологического атласа. В то же время была создана особая Комиссия по общекарпатскому диалектологическому атласу с соответствующим названием. Таким образом, новой комиссии по языковым контактам необходимо было коренным образом изменить содержание и тематическую ориентацию работы.

Сначала, однако, следует сделать некоторые замечания касательно общих задач комиссии, имеющей статус органа Международного Комитета славистов. Важными в этом отношении являются общие условия работы данной комиссии. Международный Комитет славистов учреждает комиссии для исследования определенных феноменов и проблем славянской филологии в области языка, литературы и культуры. Применительно к новой Комиссии по языковым контактам речь идет о языковых контактах как славянских языков друг с другом, так и славянских языков с неславянскими. По форме органи-

зации комиссии традиционно представляют собой преимущественно "ученые сообщества". Состав комиссий Международного Комитета славистов, как правило, подбирается так, чтобы, во-первых, в них принимали участие представители как можно более широкого круга стран, в которых занимаются исследованиями по славистике. Во-вторых, страны, в которых данная тематическая область качественно и количественно является основным центром исследовательской работы, должны быть представлены несколькими участниками. Комиссиям предоставляется право организации конференций, которые в идеальном случае должны проводиться два или три раза в промежутках между съездами Международного Комитета славистов, проходящими через каждые пять лет. Конференции могут оставаться в рамках общей темы комиссии или быть посвящены более узкому кругу проблем. Первый случай, т. е. конференции, содержательно ограниченные только "титульной" темой самой комиссии, по-видимому, наиболее распространен в комиссиях Международного Комитета славистов. Именно такие конференции являются образцом работы ученых сообществ, где постоянно действующие члены (лишь в редких случаях среди участников появляются специально приглашенные гости) информируют друг друга о своих исследованиях, имеющих в качестве общего знаменателя лишь "титульный признак" (а не специфическую подтему), обязательный для всех участников комиссии, а также вместе обсуждают отдельные результаты.

Прежде комиссии подвергались критике извне – скорее, впрочем, скрытой, чем открытой. Одной из причин этой критики служил герметичный характер их работы, состоявший, помимо прочего, в том, что членство в комиссии было фактически пожизненным и могло длиться несколько десятилетий. Очевидным недостатком такой формы организации – на фоне безусловно необходимого установления квот для участников из отдельных стран – является тот факт, что молодые специалисты в течение долгого времени не допускаются к сотрудничеству в данной области, что в долгосрочной перспективе приводит к неприятию комиссий и утрате их значения. Весьма распространенным недугом – и также результатом герметического характера работы комиссий – было и то, что некоторые из них в целом бездействовали или что на конференциях часто отсутствовали некоторые их члены. Таким образом, статус членов отдельных комиссий превратился лишь в почетное звание. В качестве мер, препятствую-

щих такому развитию, Международный Комитет славистов на своем последнем съезде в Любляне ограничил срок не только членства, но и председательства. Теперь он составляет пять лет – от одного съезда Международного Комитета славистов до следующего. Существует, однако, возможность продления как членства, так и председательства.

Помимо новых правил членства, Комиссия по языковым контактам при Международном Комитете славистов будет также отличаться от предыдущих комиссий (по крайней мере от их большинства) методами отбора участников. Число постоянных членов будет относительно невелико – по сравнению с другими комиссиями. Как и прежде, постоянными членами должны быть признанные и опытные специалисты в области "титульной" темы, т. е. – в данном случае – языковых контактов. В их задачи, однако, в первую очередь будут входить планирование, подготовка и проведение заседаний комиссии. Это концептуальная и организационная работа, включающая финансовое обеспечение встреч. Что касается предмета дискуссий, то конференции в будущем должны быть посвящены отдельным, особеннно важным и актуальным подтемам из области языковых контактов. В Тарту такой специфической темой являлись славянские микроязыки с особым учетом аспектов языкового контакта. Такая специфическая тематическая ориентация каждой конференции должна, естественно, отразиться и на круге участников данной конференции: к постоянным членам присоединится такое же, если не большее, количество коллег, подтвердивших свой авторитет исследованиями в данной области. В недалекой перспективе должно быть достигнуто определенное равновесие между количеством постоянных членов и числом гостей-участников конференций Комиссии по языковым контактам. Данная концепция позволяет создать здоровое соотношение традиций и новаций. При этом особенно важным моментом является возможность привлечения молодых славистов. Другими словами, эта комиссия отойдет от модели "закрытого ученого сообщества". Ее основными характеристиками станут частично постоянный, частично меняющийся круг участников, а также специализированная тематическая ориентация отдельных конференций.

Выбор славянских микроязыков с особым учетом аспектов языкового контакта в качестве первой подобной специализированной темы для первой конференции новой Комиссии по языковым кон-

тактам был не случаен. Все эти микроязыки, к которым А. Д. Дуличенко привлек внимание не только специалистов, являются в значительной мере "контактными языками". Ни один из них не является единственным языком их носителей. Кроме того, появление данной книги в 2006 г. удачно совпадает с 25-летием со дня выхода в свет новаторской работы А. Д. Дуличенко *Славянские литературные микроязыки* (1981).

В будущем комиссия обратится к возможно более широкому кругу актуальных тем из области языковых контактов. Следующая конференция пройдет летом 2007 г. в Ольденбурге (Германия). Организаторы: Майкл Флайер (Кембридж / Массачусетс, США), Сяргей Запрудский (Минск, Белоруссия) и автор этих строк. Конференция будет посвящена феномену смешения белорусских или украинских элементов и структур, с одной стороны, и русских – с другой стороны, в речи значительной части населения Белоруссии и Украины, т. е. так называемым трасянке и суржику, которые являются актуальной научной и весьма непростой политической темой.

В дальнейшем Комиссия планирует обратиться к следующим темам:

(а) Законодательное урегулирование отношений и контактов славянских языков между собой и с другими языками;

(б) Неопуризм на фоне глобализации, с одной стороны, и эмансипации "новых славянских языков", или их возрождения, с другой стороны;

(в) Современное влияние английского языка на славянские языки в их литературных и нелитературных вариантах;

(г) Влияние немецкого языка на современные славянские языки;

(д) Славянские языки в эмиграции;

(е) Явления пиджинизации и креолизации в славянских языковых контактах.

Несомненно, этот перечень будет расширяться.

Для успешной разработки этих тем необходимо активное участие всех славистов, работающих в данной области. При этом Комиссия намерена приглашать в качестве гостей конференций также и ученых-неславистов – например, специалистов по общему языкознанию или романской, германской или финно-угорской филологиям, – если

такие специалисты, занимаясь подобными феноменами за пределами славянского ареала, могут предоставить важный материал, касающийся теории, методики или эмпирической базы. Так было и на первой конференции в Тарту. Необходимо, однако, и активное участие самих членов Комиссии, подобное тому, что было продемонстрировано Свеном Густавссоном и Александром Д. Дуличенко при подготовке и организации конференции, материалы которой составили основу данной книги. Искренне благодарю их обоих, сотрудников А. Д. Дуличенко в Тарту, а также, конечно, всех участников конференции и данного издания. Также хотелось бы поблагодарить Королевскую Шведскую Академию литературы, истории и древностей, Национальный Комитет славистов Эстонии, Кафедру славянской филологии Тартуского университета, Центр мультиэтнических исследований и Балтийскую Университетскую программу при Уппсальском университете. Без их широкой поддержки не состоялось бы первое заседание Комиссии по языковым контактам при Международном Комитете славистов, не смогла бы выйти в свет и данная книга.

Герд Хентшель,
председатель Комиссии по языковым контактам
при Международном Комитете славистов.

gerd_hentschel@web.de

Александр Дмитриевич Дуличенко, Тарту

Современное славянское языкознание и славянские литературные микроязыки

1. Общее

Славянское языкознание конца XX – начала XXI вв. представляет собою сформировавшуюся научную дисциплину классического типа, где достаточно четко обозначено содержательное пространство, а для исследования его проблем разработаны (разумеется, в содружестве с другими дисциплинами) определенные приемы и методы. Ядром славянского языкознания, как известно, является лингвистическая палеославистика, т. е. наука о праславянском языке, в то время как другие его разделы так или иначе связаны со славянским языковым первоисточником, постоянно получая от него различного рода импульсы. В отличие от исторической фонетики и грамматики, история славянских литературных языков – это дисциплина, сформировавшаяся значительно позднее на основе учета очевидных неязыковых (письменность) и собственно языковых (становление и эволюция норм) фактов. Как история, так и теория литературного языка развивались преимущественно в течение XX в. с главной опорой на вопросы нормирования литературно-языковой страты, уже наличествовавшей к тому времени у всех крупных славянских народов. Список в 12 славянских языков, каждый из которых выступал также в виде литературного языка, стал привычным, войдя во все справочники, энциклопедии и университетские учебники. Правда, здесь нужно сделать некоторое пояснение: в одних случаях в этот список включается литературно-письменный старославянско-церковнославянский язык – тогда серболужицкий выступает как один язык, в других – без учета старославянско-церковнославянского, но тогда серболужицкий делится на верхе- и нижнелужицкий. Добавим так-

же, что как литературный язык лишь с середины XX в. формируется македонский.

В целом в славянском языкознании и в лингвистике вообще возобладало мнение о том, что языковая Славия (как, впрочем, и неславянские регионы Европы) достаточно плотно покрыта литературными языками. Однако при пристальном взгляде выяснилось, что "крыша" в виде литературного языка не везде одинаково плотно покрывает соответствующее этно-языковое пространство и что вообще плотность языковой Славии не абсолютна, что она еще дает некоторые возможности для появления новых "ростков" в виде литературно-языковых образований. И хотя все это стояло на периферии в географическом смысле и в плане внимания исследователей, все же возникало ощущение неполноты славянской литературно-языковой картины. В середине XX в. о "теневых" литературно-языковых образованиях, формировавших такую неполноту, в научной литературе практически ничего нельзя было прочесть. Правда, кое-какие статьи и заметки по отдельным таким образованиям время от времени появлялись, однако они, как правило, не выводились из контекста соответствующего крупного литературного языка, с которым генетически связывались.

2. Зарождение идеи славянских литературных микроязыков (СЛМЯов) и ее рецепция в славянском языкознании

Наше внимание к литературно-языковым образованиям, стоящим вне традиционного списка славянских языков, привлекли в конце 60-х – начале 70-х гг. XX в. По существу это произошло случайно, когда в 1966 г. нам в руки попался номер газеты "Руске слово" ("Русинское слово"), выходившей тогда в небольшом селе Руски Крстур (серб.) / Руски Керестур (юг.-русин.) в Воеводине (Сербия, Югославия). Попытки идентифицировать язык этой газеты с каким-либо известным славянским языком не дали результата, и лишь обращение к известному слависту Н. И. Толстому помогло нам разобраться в этом вопросе. Речь шла об особом литературном языке. После написания очерка фонетики и морфологии югославо-русинского литературного микроязыка (далее – ЛМЯ) и защиты его в качестве кандидатской диссертации в Институте славяноведения и балканистики АН СССР в Москве в 1974 г. (см. Дуличенко 1973) постепенно стали расширяться горизонты – и перед нами шаг за шагом открывалась Микро-

славия. В течение ряда лет мы собирали материал по становившимся нам известными микроязыкам. В 1981 г. в защищенной в Институте языкознания им. Якуба Коласа Белорусской АН в Минске докторской хабилитационной диссертации нами было проведено типологическое исследование уже 12 литературных микроязыков – ЛМЯов (Дуличенко 1980; см. также монографию: Дуличенко 1981). По существу начинало формироваться новое направление в новейшем языкознании.

Как было воспринято это новое направление в славянском языкознании начиная с 70–80-х гг. XX в.?

Нужно сказать, что отношение к нему было разным. Прежде всего следует подчеркнуть, что к феномену славянских литературных микроязыков был отмечен интерес широких славистических кругов. Достаточно сказать, что на нашу монографию 1981 г., посвященную этой категории языков, было написано и опубликовано в разных странах более десятка рецензий. Однако не всем пришлась эта теория. Наблюдались и курьезные случаи, о которых мало кто знает. На Украине в советское время обращение к югославо-русинскому было воспринято достаточно ревностно – нельзя было этот литературный микроязык отделять от украинского литературного языка (!). Там раздавались даже голоса о том, чтобы эту проблематику для исследования просто-напросто запретить! Благо, на Украине работало немало трезво мыслящих славистов, которые в исследовательском интересе к югославо-русинскому не увидели никакой «крамолы»… Далее. Из нашей докторской диссертации, незадолго до ее защиты, некоторые московские слависты предлагали исключить кашубский – "чтобы не обиделись поляки"! А в 1988 г., т. е. спустя семь лет после защиты нами диссертации и выхода монографии, на страницах журнала "Język polski" даже разгорелась дискуссия по поводу того, существуют ли в Польше региональные литературные языки? Поводом для дискуссии стала наша монография 1981 г., в которой среди 12 литературных микроязыков был представлен и кашубский. Тогда участники дискуссии никаких региональных литературно-языковых образований в Польше не видели, однако спустя десять лет, в 90-е гг., когда в Поморье начал развиваться новый виток этно-культурно-языкового возрождения кашубов, стало ясно (в том числе и для некоторых участников дискуссии): региональные литературные языки (resp. микроязыки) в Польше существуют и развиваются. Нельзя не

вспомнить и того, как болгарский славист И. Кочев разразился острыми нападками на теорию литературных микроязыков, обвиняя ее автора в том, что он, якобы, "дробит единое тело болгарского языка" (Кочев 1984, 297–304). В полемической статье немецкого слависта П. Редера "Славянские микро-литературные языки?" была подвергнута сомнению категория рассматриваемых языков, так как, по представлению этого автора, данные языки не отвечают схеме признаков литературного языка, выдвинутой в свое время А. И. Исаченко (Rehder 1984–1985, 665–670). Жизнь показала, что универсальных схем литературного языка все же не существует, да и вряд ли стоит их искать: спустя десять лет П. Редер пригласил автора этих строк написать очерки нескольких литературных микроязыков для известного в Германии университетского учебника "Einführung in die slavischen Sprachen" (начиная с 3-го издания этой книги, см.: Rehder, red. 1998, 126–140, 246–249, 326–330).

Потребовалось примерно четверть века для того, чтобы категория славянских литературных микроязыков (СЛМЯ) заняла свое место в славянском языкознании. Так, эта проблема была озвучена уже на XI Международном съезде славистов (МСС) в Братиславе в 1993 г. На XII МССов в Кракове в 1998 г. работал специальный блок по малым славянским языкам. Проблематика микроязыков широко была представлена также и на последнем МССов в Любляне в 2003 г. В ряде стран молодыми исследователями написаны или же пишутся диссертации, посвященные тем или иным СЛМЯам. Эти языки представлены теперь в лекционных курсах ряда европейских университетов – например, такой курс систематически читается десятки лет в Тартуском университете для тех, кто специализируется по славистике; есть сведения о них и в университетских учебниках. СЛМЯами успешно занимаются и многие крупные слависты различных стран – Белоруссии, Германии, Швеции, Австрии, республик бывшей Югославии, Польши, Италии, Канады и др. Эту категорию языков стали включать в справочники и энциклопедии. Так, большое число очерков по СЛМЯам помещено в вышедшей в 2002 г. австрийской энциклопедии "Wieser Enzyklopädie" (Wieser 2002, 183–185, 203–208, 253–255, 287–290, 291–293, 355–358, 395–397, 559–561, 581–587 и др.). Пространный очерк о СЛМЯах и отдельно очерк кашубского славист может найти также в славянском томе энциклопедии "Языки мира", только что изданной в Москве Российской Академией наук

(ЯмСя 2005, 383–403, 595–615). Наша конференция, собравшая известных специалистов со всего мира, красноречиво говорит о том, что проблематика ЛМЯов современной Славии прочно вошла в круг основных вопросов современного славянского языкознания.

3. Факторы, способствующие созданию СЛМЯов

Откуда берутся, т. е как формируются ЛМЯи? Их появление – результат сложных исторический условий, в которых оказывались в разное время славянские народы. Речь идет о политико-административном разделении этноса, переселении его части по экономическим, политическим, религиозным и иным причинам в другие регионы славянского и неславянского мира и др. В последнем случае возникали этно-языковые острова, длительное время оторванные от своего этноса-корня. Но немаловажную роль в процессе выделения ЛМЯов играют и собственно языковые факторы, например, сложность диалектной картины того или иного этно-языкового ареала, выражающейся в очевидных отличиях говоров и диалектов друг от друга, а отсюда – возникающий большой разрыв между общим литературным языком и диалектом, ставшим его основой, и остальными диалектами, не ставшими таковыми. В "обделенных" статусом литературного языка говорах и диалектах усиливается обособленность, дольше консервируются локальные языковые черты. Все это приводит в конечном счете к осознанию языковой и этнической специфичности и может способствовать культивированию в соответствующей этно-языковой среде мысли о необходимости собственными силами создать собственную письменность и собственный литературный язык. В истории развития СЛМЯов отмечаются и иные факторы, которые так или иначе способствовали их формированию.

4. Термин и понятие литературного микроязыка

Что понимается нами под термином *литературный микроязык*? Сразу же хотелось бы обратить внимание на то, что появление на том или ином говоре или диалекте, не ставших базой того или иного литературного языка, отдельных сборников поэзии или прозы или же текстов других жанров еще не говорит о начале литературного языка. Контуры ЛМЯа вырисовываются лишь тогда, когда единичные акты рассматриваемого характера постепенно превращаются в про-

цесс, который мы называем *литературно-языковым*, т. е. это *организованный процесс*, в конечном счете приводящий к созданию литературного языка.

В свете сказанного *литературный микроязык – это такая форма существования языка (или диалекта), которая наделена письменностью, характеризуется нормализующими тенденциями, возникающими как следствие функционирования литературно-письменной формы в рамках более или менее организованного литературно-языкового процесса. Именно организованный литературно-языковой процесс диктует выбор письменности, ведет к унификации грамматических, лексических и проч. норм, заявляя тем самым о рождении нового литературного языка.*

Термин (*литературный*) *микроязык* был предложен нами (при непосредственном обсуждении проблемы с нашим учителем акад. Н. И. Толстым) в начале 70-х гг. в. Предлагая этот термин, мы имели в виду прежде всего то, что он отражает в себе три важнейших параметра:

1) форму существования языка	2) количественно-пространственный фактор	3) ранг объекта
↓	↓	↓
литературный	***микро-***	***-язык***

Таблица № 1

В указанные годы важно было определением *литературный* показать, что речь идет всего лишь об одной из форм существования языка – тем самым момент "языкового сепаратизма" как бы затушевывался или нейтрализовывался. Прежде всего по этой причине, работая в течение 70-х гг. над типологией СЛМЯов, мы прямо не включали в их состав серболужицкий, который, как известно, обладает самостоятельным генетическим статусом языка, имея при этом два литературных варианта – верхнелужицкий и нижнелужицкий, в то время как все остальные ЛМЯи сохраняют очевидные генетические связи с соответствующим этно-языковым корнем (исключение: разные точки зрения на генезис кашубского и югославо-русинского) и являются либо их периферийным продолжением, либо дистанционно отдаленными фрагментами (как результат переселения). Когда

идеологические ограничения (после развала СССР) были устранены, стало возможным присоединение к ЛМЯам и серболужицких, а о кашубском – говорить, как это было принято в русской славистической традиции, как о самостоятельном языке (хотя всегда с оговорками о его тесных генетических связях с польским).

Точен ли и единствен ли термин *литературный микроязык*? Мы не считаем его идеальным или единственно возможным. Вскоре после появления термина *литературный микроязык* в откликах на нашу монографию и другие публикации были высказаны различные мнения о нем: одни авторы принимали, считая его емким, точным, удобным в содержательном и словообразовательном плане, другие считали недостаточным, но тем не менее, употребляя его, брали, например, в кавычки или прибавляли к нему выражение *так называемые*. Но никто – даже те, кому этот термин не пришелся, в конечном счете не предложили ничего взамен. Можно в какой-то мере согласиться с предложенным на варшавской конференции 2001 г. разграничением, отраженным в самом названии этой конференции, – *языки этнических меньшинств* и *региональные языки* (*региолекты*), по-польски *języki mniejszości etnicznych* и *języki regionalne* (*regiolekty*). Однако нетерминологичность первого – *языки этнических меньшинств* очевидна, а факт объединения и того и другого говорит о языковых образованиях, так или иначе связанных друг с другом.

Кроме того, термин *региональный язык* и его вариант *региолект* не отражают, по нашему мнению, существа вопроса: им можно обозначить, по нашей терминологии, периферийные литературные языки, поскольку они занимают крайние регионы в рамках единого языкового пространства, имеющего центр и периферийные ареалы. Языковое же пространство образуют диалекты и их подразделения – говоры. С некоторыми оговорками можно признать, что признаком региональности обладают также, в нашей терминологии, периферийно-островные литературные языки. Что же касается островных, то они удалены от своего исторического языкового пространства (resp. от языка-корня), непосредственного соприкосновения с ним не имеют и потому не могут называться региональными. В свете сказанного остается употреблять термин (*литературный*) *микроязык* – в расширительном смысле, пока не появится новый, отражающий всю специфику этой категории литературно-языковых образований.

5. Лингвонимический аспект СЛМЯов

Нет имени – нет объекта. Это правило, хотя и не без исключений.

Каждый славянский язык имеет наименование – *лингвоним*, которому всегда соответствует *этноним*, ср. *русский язык* ← *русские*, *словенский язык* ← *словенцы*, *белорусский язык* ← *белорусы*, *украинский язык* ← *украинцы* и под. Такое соотношение – этнонимическо-лингвонимическое – является непременным условием выделения объектов, каковыми в данном случае являются этнос и его язык. ЛМЯи современной Славии идут по тому же пути, хотя здесь ситуация характеризуется некоторой спецификой:

1) в определительном компоненте их лингвонимов отражается очевидная специфичность, ср.: *руски язик* ‘(югославо-)русинский язык’, ‘(южно)русинский язык’ (собственно ‘русский язык’ – *велькоруски язик* или *росийски язик*), *kaszëbsczi jãzëk / kaszëbskô mowa* ‘кашубский язык’ и под.;
2) в определительной части их компонентов отражаются элементы лингвонима-корня, ср. *banátsći-balgarsći jazić* ‘банатско-болгарский язык’, *vichod(no)slovenska reč* ‘восточнословацкий язык/-ая речь’, *gradišćanskohrvatski jezik* ‘градищанско-хорватский язык’, т. е. *balgarsći*, *-slovenska*, *-hrvatski* и под.;
3) в определительной части отражается их географическое нахождение – см. пункт 2).

Здесь следует заметить, что в реальном употреблении среди носителей ЛМЯов определительный компонент *литературный* часто может опускаться, что свидетельствует об углублении сознания языковой специфичности или отдельности, ср.: не только *руски литературни язик* ‘(югославо-)русинский литературный язык’, но и просто *руски язик*; далее *rozajanski jazek/ langač* ‘резьянский язык’ и т. д.

Вот состав лингвонимов современных СЛМЯов:

группа	лингвоним	перевод
I. Автономные	*serbšćina/ hornjoserbšćina, hornjoserbska spisowna rěč*	‘серболужицкий язык’, ‘верхнелужицкий язык’, ‘верхнелужицкий литературный язык’
	serbšćina/ dolnoserbšćina, dolnoserbska pisna rěc	‘серболужицкий язык’, ‘нижнелужицкий язык’, ‘нижнелужицкий литературный язык’

	kaszëbsczi jãzëk/ kaszëbskô mowa	‘кашубский язык, кашубская речь’
II. Островные	*руски язик, руски литературни язик*	‘(югославо)русинский язык’, (южно)русинский язык, ‘(югославо)русинский литературный язык’
	gradišćanskohrvatski jezik, gradišćanskohrvatski književni jezik	‘градищанско-хорватский язык’, ‘градищанско-хорватский литературный язык’
	po našu/ na naši, molizansko/ moliškohrvatski književni jezik (хорват.)	‘(говорить) по-нашему’, ‘молизско-хорватский литературный язык’
	rozajanski jazek/ langač	‘резьянский язык’
	banátsći-balgarsći jazić	‘банатско-болгарский язык’
III.Периферийно-островные	*русиньскый/ русинськый/ русинскый язык, лемківскый язык, карпаторусскій язык/ karpatorusskij jazyk*	‘русинский язык’, лемковский язык’, ‘карпаторусский язык’
	македонски език от Егей/ Egej	‘эгейско-македонский язык’
	ΠΟΜΑΤΣΚΕΣ ΓΙΕΖΙΚ/ POMATSKES GIEZIK	‘помакский язык’
	beneškoslov(i)enski jezik/ beneška slovenščina	‘венецианско-словенский язык’
IV.Периферийные	*čakavština, čakavski književni jezik*	‘чакавщина’, ‘чакавский литературный язык’
	kajkavština, kajkavski književni jezik	‘кайкавщина’, ‘кайкавский литературный язык’
	prekmurščina, prekmurski knjižni jezik (словен.)	‘прекмурщина’, ‘прекмурский литературный язык’
	laščina, lašsky spisowny jazyk	‘ляштина’, ‘ляшский литературный язык’
	vichod(no)slovenska reč	‘восточнословацкий язык/ речь’
	заходышнополіська лытырацька володa/ мова	‘западнополесский литературный язык’

Таблица № 2

6. Классификация СЛМЯов

Как и любой объект исследования, СЛМЯи, число которых доходит до двух десятков, необходимо классифицировать с тем, чтобы они были обозримы и чтобы исследователи могли обращаться ко всем микроязыкам сразу или к отдельным их группам. В качестве критерия классификации СЛМЯов мы предложили в свое время географический, который сочетается также с этнолингвогенетическим и литературно-языковым. На первый взгляд кажется, что основной критерий, положенный в основу классификации, никак не связан с ареальными характеристиками, поскольку речь здесь идет о литературно-языковых образованиях, т. е. о собственно литературных языках. Однако по отношению к ЛМЯам этот критерий выполняет не формальную роль: от него во многом зависит состояние нормы и функционального развития ЛМЯа. Изучение взаимосвязей между ЛМЯом и географическими факторами показывает, что, например, островные ЛМЯи, т. е. оторванные от своего языка-корня, находящиеся в иноязычном окружении, лучше нормированы и в функциональном плане более развиты, чем, например, периферийные, которые с трудом добиваются нормированного статуса, а в функциональном отношении, как правило, ограничены культурной сферой – обычно художественной литературой. Географический отрыв от своего языка-корня является толчком для *внутриязыковых* (нормирование) и *внеязыковых* (функциональный аспект) действий – как у крупных национальных литературных языков; региональность по отношению к языку-корню сужает указанные возможности (об этом см. ниже).

При таком подходе классификация СЛМЯов выглядит следующим образом (см. также: Дуличенко 2003, I, 6–7):

I. **Автономные**:

1) серболужицкий – верхнелужицкий: Германия, Верхняя Лужица; культурный центр – Будышин / Budyšin; 40 тыс. чел.
2) серболужицкий – нижнелужицкий: Германия, Нижняя Лужица; Хочебуз / Хошебуз / Cośebuz; ок. 20 тыс. чел.
3) кашубский: Польша, Поморье (Гданьское воеводство); Гданьск / Gdańsk; от 200 тыс.

II. **Островные**:

4) югославо-русинский: Сербия (и Черногория), Хорватия; Руски Крстур / Руски Керестур / Нови Сад; ок. 25 тыс. чел.

5) градищанско-хорватский: Австрия, земля Бургенланд, Эйзенштадт / Eisenstadt, ок. 35–45 тыс. чел.

6) молизско-славянский: Италия, область Молизе, ок. 4, 5 тыс. чел.

7) резьянский: Италия, провинция Фриули-Венеция-Джулия, долина Резья; ок. 3 тыс. чел. (?)

8) банатско-болгарский: Румыния, область Банат, 18–22 тыс. чел.

III. **Периферийно-островные**:

9) (карпато)русинский: Подкарпатская Русь (Закарпатская Украина), Пряшевская Русь (Восточная Словакия), Польша, Венгрия, Румыния; разные культурные столицы; статистические данные противоречивы

10) эгейско-македонский: Греция, Эгейская Македония; от 110 до 160 тыс. чел.

11) помакский: Греция; Комотини (?), 39 тыс. чел.

12) венецианско-словенский: Италия, статистических данных нет

IV. **Периферийные** (resp. региональные, матичные):

13) чакавский: Хорватия, Сплит (а также Риека?)

14) кайкавский: Хорватия, Загреб, (Вараждин?)

15) прекмурско-словенский: Словения, Прекмурье, Мурска Собота (?)

16) ляшский: Чехия (Силезия)

17) восточнословацкий: Словакия, восточная часть, Пряшев

18) западнополесский: Белоруссия (частично Украина), Минск (?)

Дадим комментарий к этой классификации:

1) Первая группа автономна и в географическом, и в этнолингвогенетическом плане; без сомнения, это касается серболужицких и, хотя до сих пор дискуссионно, – кашубского (мы, однако, стояли и стоим на позиции признания самостоятельности кащубского, хотя и учитываем его длительные исторические связи с польским); эти микроязыки имеют все возможности для культивирования литературных норм и для расширения своего функционального спектра;

2) островные, возникающие как результат переселения в другие славянские и в неславянские земли в разное историческое время, географически оторваны от своего этно-языкового корня (в меньшей мере это относится к резьянскому, который лишь словенско-ита-

льянской государственной границей отрывается от словенского этно-языкового ареала, но, поскольку там непроходимые горы, то его изолированность, напоминающая этно-языковой остров, очевидна); в генетическом плане они сохраняют достаточно четкие связи со своим корнем (за исключением югославо-русинского, генезис которого нередко трактуется либо как закарпатскоукраинский, либо как восточнословацкий); что касается литературного языка, то здесь многое выглядит (или имеет тенденцию) так, как у автономных, т. е. сформированы или формируются нормы, наблюдаются попытки как можно более удержать и расширить свой функциональный спектр и др.;

3) периферийно-островные – это языки, выдвинувшиеся за пределы основного ареала и оказавшиеся частью в ином этно-языковом окружении, и лишь государственные границы делают их, условно говоря, островами; в генетическом плане, как и островные, эта группа языков сохраняет отчетливые связи со своим этно-языковым корнем; в плане литературного языка здесь ведется работа по нормированию – тем же путем, что и у островных;

4) периферийные (resp. региональные, матичные) географически прилегают к своему этно-языковому корню, т. е. к соответствующему крупному славянскому народу и его языку, они сохраняют с ним четкие генетические связи, но их отдельность проявляется на культурно-языковом уровне (локальная культура, исполненная на локальных говорах или диалектах); применяясь в основном в литературно-художественном творчестве, эта группа литературных языков менее всего нормирована, а если иметь в виду то, что писатели нередко пишут, опираясь преимущественно на свои говоры и диалекты, то их можно называть полинормными литературными языками.

Как видим, в данной классификации ЛМЯи сгруппированы по трем важнейшим параметрам – прежде всего географическому, через посредство которого видны генетические истоки и который так или иначе связан с нормализацией и с расширением функционального спектра (см. Дуличенко 2003–2004).

7. Генетический аспект диалектных баз СЛМЯов

Что касается собственно генетической (или генеалогической) классификации, то она, разумеется, не совпадает с предложенной выше и, это понятно, затрагивает не собственно ЛМЯи, но – их диалектные (resp. говорные) базы. Нужно сразу же отметить, что более половины микроязыков (имея в виду их диалектные основы) южнославянского происхождения, при этом хорватский предстает как уникальный в славянском мире язык, который обладает

1) не только "крышей" в виде единого штокавского по диалектной основе общелитературного языка, но и в виде локальных литературно-языковых "крыш", или "подкрыш", – региональных
2) чакавской и
3) кайкавской,

а также в виде островных –

4) градищанско-хорватской и
5) молизско-славянской.

По существу письменностью и литературно-языковой стратой задействовано все хорватское исконное языковое пространство и частью – островное.

Вот так выглядит общая картина:

языковая группа и языки		литературные микроязыки		место в классификац. схеме
I. Южнославянская				
хорватский	→	чакавский кайкавский	←	периферийные
	→ →	градищанско-хорватский молизско-славянский	←	островные
словенский	→ → →	прекмурско-словенский венецианско-словенский резьянский	← ← ←	периферийный периферийно-островной островной
болгарский	→ →	банатско-болгарский помакский (в Греции)	← ←	островной периферийно-островной
македонский	→	эгейско-македонский	←	периферийно-островной

II. Западно-славянская				
серболужицкий	→	верхнелужицкий нижнелужицкий	←	автономные
кашубский	→	кашубский	←	автономный
чешский (+ польский)	→	ляшский	←	периферийный
словацкий	→	восточнословацкий	←	периферийный
III. Восточно-славянская				
украинский	→	(карпато)русинский	←	периферийно-островной
белорусский (украинский)	→	западнополесский	←	периферийный
IV. украинский (словацкий)	→	югославо-русинский	←	островной

Таблица № 3

Примечания:
1) Единого взгляда на генезис серболужицкого нет: по мнению одних исследователей, у него один генетический источник, по мнению других – таких источника два (потому и *верхне*лужицкий и *нижне*лужицкий);
2) ляшский в целом относят к чешскому генетическому источнику, однако все же вернее относить его к переходному чешско-польскому диалектному поясу;
3) западнополесский отражает белорусско-украинские черты.

Генетическая классификация показывает, что после южнославянского источника по числу созданных ЛМЯов следует западнославянский источник и лишь затем – восточнославянский. Что касается ситуаций, в которых оказываются СЛМЯи и их проекты, то:

1) южнославянские по происхождению ЛМЯи географически охватывают все три ситуации – островную, периферийно-островную и периферийную,
2) западнославянские – автономную и периферийную,
3) восточнославянские – периферийно-островную и собственно периферийную.

8. СЛМЯи с точки зрения лингвистической контактологии

СЛМЯи находятся в зонах активных языковых контактов. Первостепенную важность здесь имеет вопрос о взаимоотношениях больших

и малых языков, так как он является одним из важнейших как в плане возможностей внутреннего развития – развития норм – ЛМЯа, так и в функциональном плане (где и как "позволяет" большой язык развиваться малому и под.).

Ситуация в группе периферийных ЛМЯов в этом отношении достаточно четкая: пишущие на них (в основном писатели, реже – публицисты) в качестве источников "питания" прибегают к общенациональному литературному языку, а последний так или иначе постоянно влияет на саму диалектную базу и на протагонистов ЛМЯа. Такова ситуация у чакавских и кайкавских писателей; создатель ляшского литературного языка Ондра Лысогорский прибегал к сознательному заимствованию элементов чешского и польского литературных языков и т. д. Можно сказать, что и периферийно-островные, и островные ЛМЯи в обогащении своего словаря и грамматики также обращались и продолжают обращаться к своим языкам-источникам: градищанско-хорватский – к хорватскому, банатско-болгарский – к болгарскому, (карпато)русинские – к украинскому и т. д.

Однако как среди собственно периферийных, так и периферийно-островных отмечается и тенденция к отталкиванию, т. е. сознательное стремление как можно дальше отойти, в том числе и в письменности, от своего языка-источника, чтобы сохранить или же создать себе специфику. Этим, как правило, заняты нормализаторы и другие творческие работники. Такую тенденцию ныне отражают (карпато)-русинский (например, "словацко-русинский" с большей готовностью опирается на словацкий, чем на украинский), югославо-русинский, лавирующий между сербским (resp. сербско-хорватским) и украинским; ср. также западнополесский и "словацко-русинский", протагонисты которых пытались сменить их графическую "одежду" – с кириллицы на латиницу южнославянского или чешско-словацкого типа; в резьянском длительное время противостоят два направления, одно из которых ориентируется на словенскую графику, другое – на итальянскую, и под.

Ни один ЛМЯ, конечно же, не может обойтись без языковых контактов, которые сопровождают его существование с самого начала. Среди СЛМЯов выделяются *поликонтактные*, причем в некоторых случаях эта поликонтактность складывается из непосредственно окружающих их языков и дистанционно располагающихся языков-источников, из которых берутся те или иные элементы. Так, гради-

щанско-хорватский контактирует с немецко-австрийским, частично с венгерским, к чему прибавляется также давняя попытка сблизиться с общехорватским литературным языком (хотя отношение к этому в среде градищанских хорватов неоднозначное), т. е. речь идет о:

1) непосредственном гетерогенном контакте: славянский градищанско-хорватский + германский немецко-австрийский + финно-угорский венгерский и
2) дистанционном гомогенном: славянские градищанско-хорватский + хорватский.

Югославо-русинский непосредственно контактирует только с сербско-хорватским в Воеводине и в Хорватии (хотя, правда, в некоторые периоды наблюдалось и соприкосновение с венгерским) и дистанционно – с украинским. Таким образом, здесь преимущественно гомогенное контактирование, т. е. славянское. Далее: на прекмурско-словенский в свое время определенное влияние оказывал кайкавский, а также венгерский. Ляшский совмещает в себе элементы чешского и польского типа. На помакский в Греции более всего влияет, разумеется, греческий (начиная с греческого письма), а также турецкий (или арабо-турецкий), т. е. здесь типично гетерогенное контактирование. Эти ситуации еще предстоит более детально изучить в типологическом аспекте.

Если воздействие языков-соседей на выбор ЛМЯом письменности очевиден (греческая – потому что помаки, создающие собственный литературный язык, проживают в Греции; венгерская латиница в прошлом, а ныне латиница южнославянского типа у банатских болгар, поскольку они являются католиками), то сложнее ситуация с влиянием окружающих языков и языков-источников на грамматическую систему и прежде всего на словарь ЛМЯов. С одной стороны, элементы воздействия часто входят в оригинальном, т. е. неадаптированном, виде, с другой стороны – они могут подвергаться в той или иной степени адаптации к фонетической и проч. специфике заимствующего языка. При этом, в отличие от ситуации в больших литературных языках, в ЛМЯах часто виден источник заимствования (resp. влияния), так как элементы заимствования здесь проходят через фильтр соседнего влияющего языка, ср. интернациональное слово *аспирант*, которое в "словацко-русинском" выступает в словацкой огласовке *ашпирант* (словац. *ašpirant*), а не в украинской – *acni-*

рант, аналогично *шпекуловати*, *шпеціальный*, *шпорт*, *шпрінтер*, *штадіон*, *штандарт*, *штарт*, *штатістіка*, *штіл*, *штрайк*, *штруктура*, *штудент* и под. Через фильтр сербско-хорватского языка проходят заимствования из западных языков в югославо-русинский: *универзитет* – как в сербском (из немецкого), *социялизам*, где сербско-хорватские элементы в виде эпентетического *-j-* и специфической адаптации латинского суффикса *-ism-* – ныне предпочитают форму *социялизем* или *социялизм*, т. е. с сохранением только одного сербско-хорватского признака. В функционально слабом молизско-славянском, как и в резьянском, основным фильтрующим языком становится итальянский. О том, что ЛМЯ, обогащаясь элементами других языков, в то же время подвергается известной деструкции, говорят факты увеличения в них вариантности форм и дублетности лексических единиц, ср., например, в югославо-русинском под влиянием сербско-хорватского языка с собственной формой предложного (местного) падежа *у швеце* ‘в мире, в свете’ конкурирует (и давно) форма *у швету*. Это лишь единичный показательный пример. В действительности ими пронизаны грамматические системы и словарные составы большинства ЛМЯов.

9. Некоторые проблемы нормы и кодификации

ЛМЯи, находящиеся в условиях постоянных контактов с окружающими их языками и культурами, проявляют тягу к нормированию и кодификации своих грамматических и лексических норм. Достигнуть статуса кодифицированного литературного языка непросто – нередко на это уходят многие десятилетия. Бывает, что между последней кодификацией и современным функционированием ЛМЯа отмечается длительный период, а то и перерыв в литературно-языковом процессе. В таком случае кодификация становится всего лишь историческим документом, хотя отдельные импульсы от нее могут продолжать питать и современные усилия. В условиях дефицита кодифицированных руководств, правда, приходится считаться и с такими нормативными кодексами. Нижеследующая таблица дает представление о нормировании и кодификации СЛМЯов на примере только одной группы – островной.

Начало кодификаций у островных СЛМЯов

микроязыки	письменность с...	кодификации (в форме изданной книги)			единые нормы
		грамматич. с...	лексическ. с...	граф.-орфографич. с...	
Югославо-русинский	XVIII в.	1923	1969	1971	+
Градищ.-хорватск.	XVI в.	1919	1982	–	+
Молизско-славянск.	XIX в.	1968	1972	–	+
Резьянск.	XVIII в.	–	(2003)	1994	(–)
Банатско-болгарск.	XIX в.	1866	–	–	+

Таблица № 4

Примечание: По отношению к резьянскому в скобках дана информация, косвенно относящаяся к лексической кодификации, – двуязычный резьянско-итальянский и итальянско-резьянский словарь: S. Chinese Hug'ou. *Rošajanskë-laškë bysidnjäk / Repertorio lessicale italiano- resiano.* Udine, 2003; единые нормы здесь – скорее тенденция, чем реализованная практика.

Грамматическими нормализаторами и кодификаторами были: у югославо-русин Гавриил Костельник, у градищанских хорватов – Мате Милорадич/ Miloradić, у банатских болгар – Йозу Рилл.

Разумеется, первые грамматические кодификации есть у ЛМЯов, входящих в группу автономных, – нижнелужицкая Я. Хойнана / J. Chojnan в 1640 г. и верхнелужицкая Я. Тицина / J. Ticin в 1679 г.; у кашубов это рукописная грамматика Ф. Цейновы / F. Ceynowa 40-х гг. XIX в. и печатная – 1879 г. Среди периферийно-островных назовем эгейско-македонскую грамматику – появилась в 1953 г. (без авторства), а помакские кодификации относятся к 90-м гг. XX в. У периферийных микроязыков кодификации отсутствуют.

Что касается состояния нормы, то для микроязыков характерно достаточно сильное их варьирование, которое проявляется в наличии двух и более морфологических форм, в обилии лексических и словообразовательных дублетов и под. Например, в морфологии наличие вариантов может объясняться конкуренцией как свидетель-

ством внутренних эволюционных процессов. Так, в градищанско-хорватском заметна конкуренция в звательном падеже существительных: давние формы типа *človiče* 'человек!', *ženo* 'женщина!' могут заменяться формами именительного падежа – *človik*, *žena*. Процесс подобной замены идет по нарастающей. Формы будущего I находятся в постоянной конкуренции – то (*ja*) *ću gledati* 'я буду смотреть, посмотрю', то *gledat ću* с тем же значением (такова, собственно, ситуация и в хорватском). В то же время вариантность может вызываться извне, т. е. возникать под влиянием соседнего языка (или же, в ряде случаев, под воздействием дистанционно расположенного языка-источника), ср. возникшие по немецкой, а также венгерской модели предлоги в роли глагольных отделяемых приставок: *dolidonesti* 'снести вниз' и *donesti doli*, *doligledati* 'смотреть вниз' и *gledati doli*, *skupazbrojiti* 'сосчитать' и *zbrojiti skupa* и под. – и вместо собственных: *skupavršiti* 'сотрудничать' и *vršiti skupa* (ср. нем. zusammenwirken) при *sudjelovati* 'то же', *skupaspraviti* 'собрать' и *spraviti skupa* (ср. нем. zusammenbringen) при *zbrati* 'то же', *skupastisnuti* 'сжимать' и *stisnuti skupa* (ср. нем. zusammendrücken) при *zgnjaviti* 'то же' и т. д. Ср. также лексико-словообразовательную дублетность, нередко вызванную ориентацией на общехорватский язык: нем. Zuschauer 'зритель' – град.-хорват. *gledatelj*, *gledalac* 'то же' и общехорват. *promatrač*, *gledatelj*, *gledalac* 'то же'; нем. Hörer 'слушатель' – град.-хорват. *slušač*, *slušatelj* 'то же' и общехорват. *slušač* 'то же' и под.

Для таких автономных микроязыков, как лужицкие, а также островной югославо-русинский, характерна тенденция к строгости норм – как у крупных литературных языков.

Периферийные микроязыки обычно выступают как дву- и более вариантные системы, так как каждый пишущий здесь ориентируется на свой говор. Такие микроязыки, как мы уже заметили, можно называть полинормными.

О кодификациях и нормативных грамматиках см. Приложение к настоящему сборнику "Славянские литературные микроязыки: грамматики, учебники, словари, очерки, периодика в библиографическом представлении".

10. Функциональный аспект СЛМЯов

Как бы то ни было, но СЛМЯи – факт современной языковой Славии, они стремятся проявлять себя именно как литературные языки, шаг за шагом приобретая те или иные, необходимые для литературного языка, (социо)лингвистические признаки.

Укрепление функциональных сфер – одна из важнейших задач, перед которой стоит каждый ЛМЯ. Показательна в этом плане функциональная классификация СЛМЯов, которая позволяет видеть, какую позицию занимает конкретный ЛМЯ в общественном использовании. Мы выделяем:

1) функционально сильные ЛМЯи,
2) ЛМЯи средней функциональности,
3) функционально слабые ЛМЯи.

При этом следует заметить, что лишь группа автономных ЛМЯов обладает первым параметром (с оговоркой: нижнелужицкий все же больше тяготеет к ЛМЯам средней функциональности), в то время как в других группах рядом с функционально сильными сосуществуют языки средней и слабой функциональности. Так, из островных функционально сильным следует считать югославо-русинский; градищанско-хорватский в известной мере располагается между функционально сильными и средней функциональности ЛМЯами; средней функциональности здесь также банатско-болгарский, в то время как резьянский и особенно молизско-славянский был и остается функционально слабым.

У периферийно-островных функционально сильным является один – (карпато)русинский, в то время как остальные следует пока считать функционально слабыми.

Из периферийных, употребляющихся преимущественно в области художественной литературы, функционально сильными являются чакавский и кайкавский, до недавнего времени западнополесский, в то время как остальные – функционально слабые.

Картину реального использования СЛМЯов дает разработанная нами функциональная матрица:

ГРУППЫ	№	ЛИТЕРАТУРНЫЕ МИКРОЯЗЫКИ	СТРАНА	ХУДОЖ. ЛИТ-РА			СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ						ОБРАЗОВАНИЕ							АДМИНИСТРАЦИЯ	НАУКА	РЕЛИГ. ЖИЗНЬ		СОБСТВ. УЧРЕЖДЕНИЯ	ТЕАТР	ТОПОГРАФИЧ. НАДПИСИ	ЛИЧНАЯ ПЕРЕПИСКА
							ПЕРИОДИКА				РАДИО	ТВ	ШКОЛЫ			КЛАССЫ	ВСЕ ПРЕДМЕТЫ	ОТДЕЛЬНЫЕ ПРЕДМЕТЫ	УНИВЕРСИТЕТ			ЦЕРКОВЬ	ПЕРЕВОД БИБЛИИ				
				ЛИРИКА	РАССКАЗ	РОМАН	ГАЗЕТЫ	ЖУРНАЛЫ	ЕЖЕГОДНИКИ	СМЕШАН. ИЗД.			ОСНОВНАЯ	СРЕДНЯЯ	ГИМНАЗИЯ												
АВТОНОМНЫЕ	1	КАШУБСКИЙ	Польша	+	+	+	+	+	–	+	+	+	+	–	–	?	?	+	+	–	(+)	+	+	+	+	+	+
	2	В.-ЛУЖИЦКИЙ	Германия	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	?	+	+	?	+	+	+	+	+	+	+
	3	Н.-ЛУЖИЦКИЙ	Германия	+	+		+	+	+	?	+		+					+	+?	–	+	+	+	+	+	?	+
ОСТРОВНЫЕ	1	ЮГ.-РУСИНСКИЙ	Сербия, Хорватия	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
	2	ГРАД.-ХОРВАТ.	Австрия	+	+	(+)	+	+	+	?	+	+	+				–	–	+	+	–	+	+	+	+	+	+	+
	3	МОЛИЗ.-СЛАВЯН.	Италия	+	(+)	–	–	+	+	–	–	–	+	–	–	–	–	(+)	–	–	–	+	–	+	?	+	+
	4	РЕЗЬЯНСКИЙ	Италия	+	(+)	–	–	+	–	+	+	–	+	–	–	–	–	+	–	–	–	+	(+)	+	(+)	+	+
	5	БАНАТ.-БОЛГАР.	Румыния, Сербия	+	(+)	–	+	+	+		?		(+)	–	–	–	–	?	–	–	–	+	(+)	+	?		+
ПЕРИФЕР.-ОСТРОВНЫЕ	1	КАРПАТО-РУСИН.	Словакия	+	+	+	+	+	+	+	+		+	+		+		+	+	+	+	+	(+)	+	+		+
	2	ЭГ.-МАКЕДОН.	Греция	+	(+)	+	+			?			?	–	–	–	–	?	–	–	–	?		+		–	+
	3	ПОМАКСКИЙ	Греция	(+)			+	–	–	–			?	–	–	–	–	?	–	–	–	+		+			+
	4	ВЕНЕЦ.-СЛОВЕН.	Италия	+	+	–		+		+	?		(+)	–	–	–	–	(+)	–	–	–	(+)		+	?		+
ПЕРИФЕРИЙНЫЕ	1	ЧАКАВСКИЙ	Хорватия	+	+		–	+	+	+	(+)		(+)			–	–	(+)	–	–	–	+		+	+	–	+
	2	КАЙКАВСКИЙ	Хорватия	+	+		–	+		+	(+)		(+)			–	–	(+)	–	–	–	+		+	+	–	+
	3	ПРЕКМУР.-СЛОВЕН.	Словения	+	(+)			+	+	+	?								–	–	–	+		?			+
	4	ЛЯШСКИЙ	Чехия	+	(+)	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	+
	5	ВОСТ.-СЛОВАЦК.	Словакия	+	+	–	–	+		?	?	–	–	–	–	–	–	?	–	–	–	+		(+)		?	+
	6	ЗАП.-ПОЛЕССКИЙ	Белоруссия	+	+	+	–	+	–	+	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	(+)	–	–	+	–	–	+

Таблица № 5

Примечания (к таблице № 5):
1) Взятое в круглые скобки означает, что данная сфера заполняется слабо, спорадически;
2) пустые клетки означают отсутствие достоверных данных на конец 2006 г.;
3) в разделе "периферийно-островные", п. 1. "карпаторусинский" представлены данные только по Восточной Словакии.

Представленная здесь функциональная матрица дает возможность определить каждый ЛМЯ по 10 основным и еще по 18 внутренним детализирующим параметрам (resp. признакам). Так, например, основной параметр *художественная литература* имеет еще три внутренних детализирующих – деление на *лирику*, *рассказ*, *роман* и под. В результате можно достаточно полно определить функциональную нагрузку каждого ЛМЯа, отмечая при этом, какие параметры в том или ином случае наличествуют, насколько последовательно и полно они представлены, насколько неполно, спорадически и т. д. Правда, следует иметь в виду, что нередко наполняемость того или иного параметра может колебаться от достаточно репрезентативной до весьма скромной: есть, например, ЛМЯи, на которых написаны по одному-два романа, в то время как на других – до десяти и более, а есть и такие, на которых художественная литература существует, однако – только малых жанров. Этот фактор необходимо учитывать при исследовании функционального развития ЛМЯов.

Из матрицы следует, что всеми или почти всеми 28 параметрами (т. е. 10 основными и 18 внутренними детализирующими) обладают лишь некоторые микроязыки: из автономных – верхнелужицкий, а из островных – югославо-русинский. Следовательно, как мы уже отметили выше, это функционально сильные ЛМЯи. Нижнелужицкий и кашубский в этом плане слабее – они проявляют себя соответственно в 8 и 9 основных сферах и 13 и 14 детализирующих параметрах и скорее всего могут быть отнесены к ЛМЯам средней функциональности, однако с потенциальной возможностью достичь одной ступени выше (особенно это относится к кашубскому языку). Из островных к среднему рангу примыкают градищанско-хорватский, а также банатско-болгарский – они проявляют себя соответственно в 9 и 6 основных сферах и 13 и 8 внутренних. Резьянский и особенно молизско-славянский, выше квалифицированные нами как функционально слабые ЛМЯи, достигают небольшого числа сфер употребле-

ния – они весьма скромно употребляются в 7 основных сферах и соответственно в 9 и 7 внутренних.

Среди периферийно-островных по числу осваиваемых сфер лидирует карпато-русинский (Словакии), а среди периферийных – западнополесский, в начале XXI в., правда, начинающий сдавать позиции по причинам субъективного характера.

Подобное прочтение и последующая интерпретация предлагаемой нами функциональной матрицы позволяет наглядно увидеть степень используемости конкретного литературного микроязыка. Следует только иметь в виду, что в предложенной функциональной матрице использование ЛМЯа в той или иной сфере не обязательно только актуально: отражается факт заполнения сферы не только в сегодняшнем ее состоянии, но и когда-то в прошлом. То есть использование ЛМЯа в тех или иных сферах в определенный период становится достаточно активным, после чего может наступить спад или даже некоторый перерыв, а затем – активизация.

Сказанное позволяет сделать заключение о том, что ЛМЯи – факт современной Славии (resp. Микрославии). Они обогащают ее и наши представления о славянском мире и в то же время отражают естественное право той или иной этнической группы на *свободу языкового выражения* и тем самым на *языковое различие*. Мы считаем, что современная Славия еще располагает некоторыми потенциальными возможностями для возникновения новых ростков в виде ЛМЯов, которые будут сосуществовать и функционировать в согласии и гармонии с литературными языками крупных славянских (и не только славянских) народов. Примеры экспериментов подобного рода по созданию вичского и гальшанского в Литве, силезского и гуральского в Польше, моравского в Чехии и др. подтверждают этот прогноз.

Литература

Дуличенко, А. Д. 1973: *Литературный русинский язык Югославии. (Очерк фонетики и морфологии)*. Т. I–II. № 10.02.03 – славянские языки. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Москва [АН СССР. Институт славяноведения и балканистики]. Машинопись

См. также автореферат: *Литературный русинский язык Югославии. (Очерк фонетики и морфологии)*. № 10.02.03 – славянские языки. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Москва, 1973, 30 с.

Дуличенко, А. Д. 1980: *Славянские литературные микроязыки. (Вопросы формирования и развития)*. Т. I–IV. 10.02.03 – славянские языки. Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук. Минск, 1980 [АН Белорусской ССР, Институт языкознания им. Я. Коласа]. Машинопись

См. также автореферат: *Славянские литературные микроязыки. (Вопросы формирования и развития)*. 10.02.03 – славянские языки. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. Минск, 1980, 27 с.

Дуличенко, А. Д. 1981: *Славянские литературные микроязыки. Вопросы формирования и развития*. Таллин: Валгус

Дуличенко, А. Д. 2003–2004: *Славянские литературные микроязыки. Образцы текстов*. Т. I–II. Тарту: Изд-во Тартуского университета

Кочев, И. 1984: Стандартната и субстандартните (регионални) форми на българския език. In: *Български език*, София, 1984, № 4, с. 297–304.

Ямся 2005: *Языки мира. Славянские языки*. Москва: Academia [РАН. Институт языкознания]

Rehder 1998 – P. Rehder. Slavische Mikro-Literatursprachen? – In: *Зборник Матице српске за филологију и лингвистику*, Нови Сад, 1984–1985, св. XXVII-XXVIII. Посвећено академицима М. Ивић и П. Ивићу поводом 60-годишњице живота, с. 665–670

Rehder, P. 1998: *Einführung in die slavischen Sprachen (mit einer Einführung in die Balkanphilologie)*. 3., verbesserte und erweiterte Auflage. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft

Wieser 2002: *Wieser Enzyklopädie des europäischen Ostens. Bd. 10: Lexikon der Sprachen des europäischen Ostens*. Klagenfurt: Wieser Verlag

Slavic linguistics today and Slavic literary microlanguages

Alexandr D. Dulichenko

The elaboration of a theory concerning Slavic literary microlanguages began sometime around the end of the 1960s and the beginning of the 1970s.

A literary microlanguage must be a form of language (or dialect) that has a system of writing and is characterised by codifying tendencies which arise as the result of the appearance of a variety of written texts within the framework of a more or less organised literary-linguistic process. It is this organised literary-linguistic process that dictates the choice of writing system and leads to the unification of grammatical, lexical and other norms, thereby bringing about the effective creation of a new literary language. There are objective reasons for this, which can be the migration of part of an ethnic community or a greater than usual degree of divergence between a standard literary language and a peripheral dialect of the same language. As with more widely-used languages each Slavic microlanguage has its own distinct name.

These languages are classified according to geographical principles, with ethnolinguistic and literary-linguistic considerations also taken into account. As a result eighteen microlanguages can be identified and divided into four groups: autonomous, isolated, peripheral-isolated and peripheral.

A genetic classification according to their respective bases shows that the greatest number of such languages are South Slavic in origin; then come West Slavic and finally East Slavic languages.

Slavic literary microlanguages are found in areas of active linguistic contacts. Particularly important here is the issue of the relationships between more widely- and less widely-used languages, since this is largely responsible for determining both the scope for internal development (e. g. in the matter of codification) of each microlanguage and the space and manner in which it can be 'allowed' to function. The majority of microlanguages have multiple contacts, and new lexical elements, for example, usually enter the language through the filter of a more widely-used neighbouring language.

The norms of literary microlanguages are characterised by an abundance of variant forms. The autonomous and most of the isolated and peripheral-isolated microlanguages are codified, but this applies to only a few of the peripheral microlanguages. The functional strength of a microlanguage can be high, medium or low, and the proposed matrix of functions makes it possible to judge the vitality of each microlanguage and to assess how it is likely to develop.

aleksd@list.ru, aleksander.dulitsenko@ut.ee

Генадзь Цыхун, Мінск

Славянские литературные микроязыковые проекты в эколингвистической перспективе

Несомненно, что продолжающееся на протяжении многих лет микроязыковое строительство у славян является непосредственной реакцией на нивелирующие тенденции современного мира, в котором превалируют прагматические интересы, в том числе и в языковой области. Как утверждает П. Пипер,

> "лингвистички редукционизам водио би ампутирању многих културних, естетских, духовних и других димензија постојећих језика и хипостазирању улоге језика као средства којим се остварују одређени материјални циљеви",

не говоря уже о том, что оправдание этих процессов потребностями коммуникации необоснованно не только с этической точки зрения, но и с чисто лингвистической, поскольку функция взаимопонимания является только одной из многих функций языка (Пипер 2004, 33).

И в самом деле, вместо традиционного списка 12–13 славянских литературных языков (включая старославянский) новый "Лексикон языков европейского Востока" под редакцией М. Окуки, вышедший в 2002 г. как 10-й том "Wieser Enzyklopädie des europäischen Ostens", содержит более или менее пространное описание 40 литературных славянских макро- и микроязыков (Okuka, red. 2002), а более "сдержанный" в этом плане московский том "Славянские языки", увидевший свет в 2005 году в рамках энциклопедического издания "Языки мира", дает очерки 28 славянских литературных языков (ЯмСя 2005), не разделяя сербский, хорватский и боснийский, а также верхне- и нижнелужицкий литературные языки, но зато поднимая до ранга литературного языка древненовгородский диалект!

Принимая во внимание все более многочисленные случаи публикации текстов, отражающих особенности диалектов, интердиалектов и регионолектов, а также более или менее полные описания их узусов, что может рассматриваться как попытка кодификации, нет сомнения, что число таких литературных микроязыковых проектов может быть увеличено многократно. Потенциальной базой для такого увеличения количества микроязыков могут послужить национальные меньшинства, которые чаще всего рассматриваются как этнические группы, оставшиеся в рамках границ "чужих" национальных государств. Типичными для этих меньшинств признаются характеристики, свойственные отдельным нациям. Они часто обладают своим стандартным языком, своей культурой, школами и иными культурными институциями, имеют культурную и во многих случаях политическую элиту, что позволяет им выступать в качестве политического субъекта (PROMICER 2004, 12). Спорным является вопрос о возможности формирования литературных микроязыков у так называемых "скрытых (призрачных) меньшинств". Это обычно небольшие этнические группы, которые пытаются сохранить внутри себя что-то важное, и такое сокрытие позволяет им выживать в неблагоприятных политических условиях. Факторами, могущими повлиять на статус "скрытого меньшинства", являются наличие/отсутствие "матичного" государства, его престиж, отношение к конкретному "скрытому меньшинству" и медийная поддержка (СИКИМИЋ 2004, 10). Кроме того, не существует ясных научных критериев, по которым можно было бы жестко разграничивать славянские языковые идиомы, обладающие письменной фиксацией и выработанными для такой фиксации правилами, и традиционно трактуемые в качестве литературных (стандартных) славянские языки. В конечном итоге в качестве единственных аргументов, позволяющих отделить славянские литературные макроязыки от славянских литературных микроязыков, является их официальный или неофициальный статус и сфера использования. Ср., например, шкалу, включающую художественную литературу, администрацию, науку, религиозную жизнь, собственные учреждения, театр, топографические надписи, личную переписку, средства массовой информации и образование, используемые А. Дуличенко для сравнительной характеристики функционирования славянских литературных микроязыков (ЯмСя 2005, 602–603). Несомненно, что для славянских литературных языков эта шкала мо-

жет быть значительно расширена, однако и при этом нельзя избежать субъективизма, поскольку невозможно приписать тому или иному элементу этой шкалы решающее значение при определении статуса литературного макро- или микроязыка. Интересно, что при этом мы вынужденно обращаемся к критериям, которые относятся скорее к политике, чем к языковой теории.

И здесь уместно привести высказывание Н. Трубецкого, касающееся роли оценки в науке:

> "… всякая оценка основана на эгоцентризме, и что поэтому из науки всякая оценка должна быть изгнана. Но в культурном творчестве, в искусстве, в политике, вообще во всяком роде *деятельности* (а не *теории*, каковою является наука) без оценки обойтись невозможно" (Трубецкой 2004, 13).

Жаль только, что сам Н. Трубецкой нередко в своих работах, касающихся славянских литературных языков, давал такие оценки (Цыхун 1998, 9), что, по-видимому, свидетельствует о политической направленности этого цикла работ и в первую очередь статьи "Общеславянский элемент в русской культуре".

Впрочем, и в политической сфере подобная оценочность может преодолеваться. Ср. пассаж из так называемой Страсбургской декларации (European Charter for Regional or Minority Languages, одобренной в Страсбурге в 1992 г. и принятой Советом Европы):

> "Равенство всех языков доминирует над произвольными классификациями. Справедливое определение прав языков не может зависеть от политического или административного статуса языка, равно как и от таких неуместных в данном случае и необъективных критериев, как степень систематизации языка и число говорящих на данном языке. Поэтому в Декларации провозглашается равенство прав языков и считается неуместным деление на официальные и неофициальные, национальные и региональные, местные, языки большинства и меньшинства, современные и устарелые".

Таким образом, налицо явная тенденция количественного роста славянских литературных микроязыковых проектов, которая некоторыми воспринимается как результат инспирации, ведущей к подрыву национального единства и ослаблению современных стандартных славянских языков. Ср., например, отрицательную реакцию болгар-

ских ученых на так называемый помакский проект (Бояджиев 1997, 26–28). Между тем, как мы постарались показать, чаще всего независимо от желаний и планов инициаторов подобных проектов, с эколингвистической точки зрения последние противостоят языковой ассимиляции (Цыхун 2004, 9–10). Особенно это заметно, когда этническое меньшинство оказывается в неродственном языковом окружении. Так называемый эгейско-македонский литературный микроязык, ориентированный на костурско-леринскую ареальную базу, несмотря на то, что в настоящее время рассматривается как "угасающий", по-видимому, все же оказывает влияние на поддержание "витальности" местного говора на западе греческой Македонии, что особенно ярко видно в сравнении с другими территориями. Ср. недавние наблюдения К. Фосса:

> "И все же по моим подсчетам в значительно более густо населенном районе Пеллы (с центром Воден) живет примерно в три раза больше славофонов (примерно 70%), чем в районах Лерина и Костура, которые, насчитывая каждый приблизительно по 50 тыс. жителей (примерно 60% славофонов), после гражданской войны и последовавшей за ней миграции рабочей силы просто обезлюдели. Спорным вопросом является, пойдет ли регион Воден-Негуш тем же путем упорствующего гражданского неповиновения, как и население Лерина, чтобы требовать свои права на развитие языка меньшинств, или здесь подчинятся своей судьбе постепенной ассимиляции?" (Фосс 2003, 106).

И здесь заметна ещё одна зависимость: чем большую роль приобретает один язык в современном мире, становящийся **гиперъязыком**, тем больше возможностей появляется для конституирования микроязыков. Все дело в том, что возникает двухуровневая структура, или точнее – пирамида, где на верхней точке утверждается один язык (в современном мире – английский), все же остальные языки оказываются в более или менее равных условиях по отношению к гиперъязыку. Конструируемая некоторыми учеными многоуровневая иерархия славянских литературных языков является достаточно искусственной и избыточной, поскольку любой идиом нижнего уровня имеет возможность выхода на гиперъязык непосредственно, минуя промежуточные ступени. Более того, гиперъязык не угрожает литературным микроязыкам, поскольку они функционируют в разных плоскостях. В результате мы приходим к парадоксальному выводу о

том, что языковая глобализация представляет угрозу стандартным языкам, опуская их на один уровень с литературными микроязыками, тем самым увеличивая их общее число и открывая возможности для конституирования новых литературных микроязыков.

Таким образом, предложенное Wieser Enzyklopädie число описаний славянских языков не является крайностью, как утверждает В. Любось ("Jest to oczywiście ujęcie skrajne, nieliczące się z kryterium genetycznym i aktualną typologią naukową" [LUBOŚ, OHNHEISER, TOPOLIŃSKA 2003, 41]), а закономерным развитием современной языковой реальности. Предложенная им иерархия славянских языков включает следующую градацию (оценку?; сохраняем без перевода названия ступеней):

1. Języki powszechnie uznane (prawnie i zwyczajowo);
2. Języki uznane prawnie;
3. Języki uznane przez naukę;
4. Języki będące w początkowym stadium rozwoju, postulowane (oczekujące na prawne uznanie, częściowo aprobowane przez naukę/ politykę);
5. Języki bezpaństwowe i beznarodowe – uznawane przez naukę, posiadające tradycję historyczną (LUBOŚ, OHNHEISER, TOPOLIŃSKA 2003, 52–54).

За исключением последней группы, где фигурируют так называемые мертвые (старославянский, полабский, словинский), "угасающие" (ляшский) и гипотетические (праславянский), указанная классификация не имеет никакого отношения к генетическим критериям и актуальной научной типологии, если только не считать, что литературные микроязыки являются ответвлениями соответствующих стандартных языков. Однако, как нам кажется, вряд ли можно согласиться с тем, что резьянский литературный язык образовался на базе стандартного словенского языка, а не самостоятельно на базе резьянских диалектов, достаточно далеких от ареальной основы стандартного словенского языка, что и послужило причиной его возникновения. Тем более подобного нельзя утверждать, когда речь идет о типологии литературных языков: например, так называемый вичский строится на совершенно отличных принципах в сравнении со стандартным польским языком (преобладание фонетического письма,

близкая к словацкой графика и т. п.) (Цыхун 2003, 189–192).Таким образом, в основе указанной классификации лежит все тот же критерий, согласно которому "большое" оценивается положительно, а "малое" – отрицательно, что, естественно, к науке никакого отношения не имеет и трактуется в эколингвистике как манипуляция особенностями обыденного человеческого мышления (Luboś, Ohnheiser, Topolińska 2003, 15). В природной экологии микрообъект, находящийся под угрозой исчезновения, не менее важен, чем макрообъект.

И еще одно замечание. Как показывают наблюдения, языковая ситуация, включающая три уровня: **гиперъязык – стандартные языки – микроязыки**, является крайне неустойчивой. На ограниченном белорусском материале, где после известного референдума место гиперъязыка занял русский, белорусский стандартный (литературный) язык фактически был низведен до статуса литературного микроязыка. Правда, одновременно при этом наблюдалось и "угасание" западнополесского микроязыкового проекта. Таким образом, усложнение языковой ситуации может приводить к изменению статуса существующих литературных идиомов, в том числе и литературных микроязыков.

Литература

Бояджиев, Т. 1997: Открит ли е нов славянски език на Балканите? In: *Българистика и българисти*, 2. София, с. 26–28

Luboś, W., I. Ohnheiser, Z. Topolińska 2003: *Języki słowiańskie w perspektywie ekolingwistycznej*. Opole: Międzynarodowy Komitet Slawistów; Uniwersytet Opolski – Instytut Filologii Polskiej, s. 41

Okuka, M. (red.) 2002: *Wieser Enzyklopädie des europäischen Ostens*. Bd. 10: *Lexikon der Sprachen des europäischen Ostens*. Klagenfurt – Celovec / Wien / Ljubljana: Wieser Verlag, 2002

Promicer, K. 2004: (Ne-)vidlivost skrivenih manjina na Balkanu. Neka teorijska zapažanja. *Скривене мањине на Балкану*. Београд, с. 12

Пипер, П. 2004: *Српски између великих и малих језика*. Друго, доп. изд. Београд: Београдска књига, с. 33

Сикимић, Б. 2004: Скривене маљине. In: *Скривене маљине на Балкану*. Београд, с. 10

Трубецкой 2004: *Письма и заметки Н. С. Трубецкого*. Москва: Языки славянской культуры

Фосс, К. 2003: К вопросу о будущем развитии македонских диалектов в западноэгейской Македонии. In: *Актуальные вопросы балканского языкознания*. Санкт-Петербург: Наука, с. 106

Цыхун, Г. 1998: *Славянскія мовы ў святле экалінгвістыкі*. Мінск: Беларускі камітэт славістаў, с. 9 [XII Міжнародны з'езд славістаў. Даклады]

Цыхун, Г. 2003: Пра мову vičuv litevskich. Лінгвістычныя нататкі. In: *Pogranicza języków. Pogranicza kultur. Studia ofiarowane Elżbiecie Smułkowej*. Warszawa, s. 189–192

Цыхун, Г. А. 2004: Языки и диалекты малых славянских этнических групп на Балканах. In: *Языки и диалекты малых этнических групп на Балканах. Тезисы докладов на международной конференции* (Санкт-Петербург, 11–12 июня 2004 г.). Санкт-Петербург: Наука, с. 9–10

ЯмСя 2005: *Языки мира*: *Славянские языки*. Москва: Academia, 2005

Projects for the creation of Slavic literary microlanguages from the perspective of linguistic ecology

Henadz' Cykhun

The development of microlanguages among the Slavs is a process that began some years ago and is a direct reaction against the homogenising tendencies of the modern world. A potential source for increasing the number of microlanguages might be found among minorities living in "someone else's" national state. More difficult is the question whether the creation of literary microlanguages is possible among "hidden (or phantom) minorities". The growth in the number of projects for the creation of Slavic literary microlanguages is sometimes perceived as a consequence of a programme of incitement to undermine national unity and weaken the existing Slavic standard languages (for example, the negative attitude of Bulgarian scholars to the development of Pomak). At the same time from the point of view of linguistic

ecology microlanguages are a way of counter-acting linguistic assimilation. There is a correlation between the expansion of the role played in the modern world by a single language that acquires the status of *hyper-language* and an increase in the opportunities for creating microlanguages. At the same time, however, "big" is often seen as positive and "small" as negative, though this is undoubtedly unscientific and in linguistic ecology is viewed as a form of thought-manipulation. A language system that includes three levels (*hyper-language – standard languages – microlanguages*) is unstable, as is shown by the language situation of present-day Belarus.

cychun@im.lingvo.minsk.by

John Dunn, Glasgow

What do you do if you haven't got an army and a navy?

Some observations on the standardisation of regional and minority languages

The title of this paper contains a reference to the familiar observation that a language is a dialect with an army and a navy. This aphorism, like many others of its kind, is characterised by a disputed paternity[1], but it also resembles other such comments in that beneath the jocular surface there is hidden a kernel of truth. In this case the truth concerns the role of the nation state in the formation and imposition of standard languages.

Nations do indeed have a wide range of resources at their disposal both to create and to propagate language standards. These include: academies and other public or official bodies with designated responsibility for language matters; publishers of dictionaries and reference works, whether in the public or the private sector; an education system; print and electronic mass media. Even the aforesaid army and navy are relevant here: no branch of any armed forces can carry out its duties without clear orders which are comprehensible to all concerned, and, more generally, it is doubtful whether state and public services of all kinds would be able to function properly without the existence of a standardised language.

It is reasonable to assume that there will naturally be significant variations between individual nations in the existence, structure and functioning of these different bodies from the point of view of language standardisation: not all countries have academies or their equivalent; in some countries, but not in others, the state or its agencies may intervene directly in

---

[1] As might be expected, this dispute is now conducted on the Internet, for example at: http://en.wikipedia.org/wiki/Language-dialect_aphorism; http://www.edu-cyberpg.com/Linguistics/armynavy.html

questions of linguistic usage, including orthography; there are differences in the extent to which the state disengages itself from the conduct (including the linguistic conduct) of the mass media. And in states that are (or were) federal or confederal in nature it is perfectly possible for standard languages to be created and to function without the benefit of an army or navy, thereby demonstrating that, the kernel of truth notwithstanding, linguistic reality is too complex to be encompassed within a single aphorism.

One consequence of the various administrative, political and even military processes that underlay linguistic standardisation is that they have tended to produce a sharp distinction between on the one hand national state languages and on the other regional and minority varieties. The former had clearly defined standards and monopoly rights of use in the public sphere, while the latter were largely unstandardised, were usually referred to, if at all, as dialects and were generally restricted to the private and informal sphere. This was generally the case between the end of World War II and the beginning of the 1990s; moreover, in parts of Europe and especially (though not exclusively) the countries of the central and eastern parts of the continent the co-ordinated functioning of the various bodies concerned under tight state control meant that the characteristic structure was a 'top-down' model of standardisation, supplemented in some instances by a censorship which included among its competencies control over language usage.

There were exceptions to this tendency. Perhaps for historical reasons and perhaps because the political and cultural conditions of the time favoured a Slavonic language in a German environment Sorbian was able to establish a certain niche for itself within the structures of the GDR and even existed in two standardised variants. Though other examples can be found elsewhere in Europe, among the Slavonic languages the status of Sorbian as a standardised regional language is during the period in question unique.

If the situation described above prevailed for the first 35 years or so after World War II, there have since then been three developments that have affected the relationship between national languages and what are now perhaps best referred to as regional and minority languages (see the following paragraph). First of these is the series of political upheavals that began in 1989. The overall implications for language in the states

where these changes took place are complex and still to some extent unclear, not least because of the creation of a number of new nation states, but some consequences for the status of regional and minority languages can be discerned, for example, in the enhanced status that Kashubian and Rusyn have received in Poland and Slovakia respectively. It is not simply, however, a matter of establishing a presence in the mass media, in the education system or even in public administration. The removal of the centrally imposed system of uniform policies and attitudes has opened up areas for discussion and debate (e.g. over the status of Silesian in Poland) and created new opportunities for academic research: it is unlikely that this volume and the conference that led to it would have been possible under the previous political dispensation.

The second development is what might be termed a Europe-wide change in attitude towards regional and minority languages, whereby an earlier indifference or even hostility has been replaced by a more supportive approach. This finds official recognition in the European Charter for Regional or Minority Languages, which was adopted by the Council of Europe in 1992 (http://www.coe.int/T/E/Legal_Affairs/Local_and_regional_Democracy/Regional_or_Minority_languages/ or: http://conventions.coe.int/treaty/Commun/QueVoulezVous.asp?NT=148&CM=1&CL=ENG)[2].

As Sven Gustavsson points out elsewhere in this volume, this Charter does have serious limitations: nation states and their governments retain the right to determine what constitutes a regional or minority on their sovereign territory, and there are in practice only limited mechanisms for enforcement. Nevertheless, its importance lies in the fact that it is a Council of Europe initiative, which means that it applies, or will in due course apply, to almost the whole of Europe. Not all countries have completed the ratification process, but at the time of writing (January 2006) the published declarations of individual countries (available at: http://conventions.coe.int/treaty/Commun/ListeDeclarations.asp?NT=148&CM=1&DF=&CL=ENG&VL=1) encompass Burgenland Croatian (Austria), Rusyn (Croatia and Slovakia) and Upper and Lower Sorbian (Germany)[3]. The work of the Council of Europe in this area is supplemented by that of the

[2] The two sites give access to different sets of accompanying documentation.

[3] In the English-language version of the declarations the forms used for the first two are Burgenlandcroatian and Ruthenian.

European Union in, for example, the Euromosaic and ADUM projects (http://europa.eu.int/comm/education/policies/lang/languages/langmin/euromosaic/index_en.htmlhttp://www.adum.info/adum/)

This new attitude also finds reflection in the legislative activities of individual countries. Italy has not ratified the European Convention, but it has passed a national law on minority languages, which refers to Slovene and Croatian (without further specification) (http://www.governo.it/governoinforma/dossier/tutela_minoranze/index.html).

This is supplemented by laws passed by individual regions, notably (for Slavonic languages) Friuli – Venezia Giulia and Molise (http://www.minoranzelinguistiche.provincia.tn.it/normativa/Normativa_delle_Regioni/)

The third development is one to which perhaps insufficient attention has been paid (though see DUNN 2002): over the last fifteen years or so there has been a series of technological developments relating to the mass media, of which the most immediately visible is the appearance of the Internet. The importance of the Internet for the development of regional and minority languages is fourfold: first, it is, especially in most of Europe, relatively easy to access from the point of view both of the sender and of the recipient; second, it is almost impossible for governments and other outside authorities to interfere in its functioning; third, it has developed in a spirit, if not of anarchy, then of a certain disrespect for hierarchy and the conventions of editorial control; fourth, it can exist independently of commercial considerations, which means that the potential size of the readership is not necessarily a relevant issue.

The Internet is not, however, the only technological advance to play a role here. The increased use of computer technology in printing and the advent of desk-top publishing has made it much easier and cheaper to set up and publish newspapers and magazines. Another development with considerable potential is the forthcoming switch from analogue to digital television. This, it seems, is about to render obsolete the existing systems where there is small number of national television channels, a system that has, incidentally, played an important role in the propagation of standard languages; instead there will be an enormous number of specialised channels, often distributed by cable or satellite. No-one has yet worked out where the content to fill all these channels is going to come from, but among all the reality shows, the home shopping channels and the endless repeats there should be some room for broadcasting in as many regional

and minority languages as people can find the resources to make programmes for. One example that already exists is the transmission via the Astra satellite of the limited amount of Sorbian-language television programming produced by the German regional stations MDR and RBB.

So: there is a more tolerant political regime, a more favourable political, cultural and, dare one say it, financial climate, a more flexible system of mass media, more open to linguistic diversity. How in these circumstances does one achieve linguistic standardisation?

A key desideratum, it would seem, is access to the education system. It can be argued that if it really necessary to define the difference between a language and a dialect, then a language is a dialect in which it is possible to pass an examination. Perhaps the main reason why Scots is a literary, but not a standard language is precisely because, although Scottish schoolchildren read writing in Scots, they never study it systematically as a language, let alone take an examination or acquire a qualification in the subject.

Scots is an extreme case which has no exact parallel in the Slavonic world (perhaps the closest would be Silesian), but it demonstrates the importance of teaching and examining, for both the pedagogic and assessment processes depend on the existence of agreed standards. And even if access is restricted to the primary level, as is often the case with minority languages, the teachers still have to be trained, which in turn means that the language is taught and studied at least at some level of higher education. Inclusion within the education system also necessitates the production of textbooks and dictionaries, which are clearly vital for the establishment and propagation of explicit standards.

If the actual or potential role of the education system is clear, that of the mass media is rather more ambiguous. On the one hand the various forms of the media can fulfil an important function in helping to establish and propagate linguistic standards. In the minority of instances where the content of the media relates directly to language use, these standards will be explicit; more commonly they will be implicit. Interestingly, it may be that the printed media are more important in this respect than the broadcast media, something that has perhaps not been the case with national languages during the last half century or so. In part this is a consequence of the sorts of standards that are being created: the broadcast media can, for example, do little to establish or propagate orthographic standards.

Yet for many regional or minority languages the creation of a orthography remains an unresolved issue, while for most national languages the orthography was settled before the appearance of radio or television.

The second issue relates to content, and it is here that the complexities of the role that the media can play become apparent. The standard-setting function of the broadcast media is or was most apparent in the more formal or 'higher' genres: news bulletins, documentaries, classical drama. These are, however, genres which tend to have no place or only a very limited place in broadcasting in regional or minority languages. From this it would seem to follow that the standardising role of the broadcast media in these languages will be limited if they restrict themselves to the more inward-looking types of programmes, what might be termed the more 'folk-loric' genres.

The other problem with the mass media is a consequence of the increased opportunities of access, reinforced by the egalitarian and anarchic spirit of the Internet. This by its very nature is a counter-standardising medium, as is demonstrated by the eccentric spellings adopted by some Russian users. For the regional and minority languages, which are in general in the process of forming standards, this question of destandardisation does not really arise: the problem instead is that the Internet may in some circumstances facilitate the perpetuation of competing standards.

Other public uses of regional and minority languages, for example, where such languages are admitted to spheres of public administration, will tend to further standardisation. A similar role may be played by academies and cultural institutions outside the formal education system, though here the effectiveness of such bodies will depend on the degree of official and also of public support.

If literature was in the period right up to the early twentieth century an important force contributing to language standardisation, its role in the standardisation processes of present-day regional or minority languages is more uncertain. On the one hand, in Aleksandr Duličenko's comparative table showing the different areas in which certain Slavonic minority languages function literature is the only category to receive an unambiguously positive indication for all eight languages included (DULIČENKO 2000, 846). This suggests that literature is one of the more accessible forms of activity for users of regional or minority languages. On the other hand, however, over the course of the twentieth century literature has become

much more of an individual activity, moreover one in which linguistic variety and experimentation have gained in importance. It is also the case that as other forms of communication have developed and become more and more widespread the significance and role of literature within a community have changed. Lachian, the language used by Óndra Łysohorsky for his poetry, provides a striking instance of where individual literary activity has not led in any way to linguistic standardisation.

There remains one final question which relates more closely to the core work of the Commission on Language Contacts. The Australian Slavist Peter M. Hill has demonstrated that the process of language standardisation is closely linked to that of modernisation (HILL 1998). In response to this the present writer suggested in a paper presented at the XIII International Congress of Slavists (Ljubljana 2003) that the post-modern era was characterised by a process of destandardisation, which was leading to the creation of something that might be termed 'post-standard languages' and that this process was in large measure due to some of the same phenomena that have been referred to here, especially the partial or total dismantling of centralised structures concerned with language usage and the development of new forms of electronic media (DUNN 2003).

A situation where some languages are moving towards standardisation while others are simultaneously heading in the direction of destandardisation appears paradoxical; it can also present the appearance of a zero-sum game, i.e. one where the standardisation of a regional language directly affects the destandardisation of a related national language. From the point of view of this perception the creation of a separate standard for Burgenland Croatian contributes to the destandardisation of the Croatian national language; the creation of a standard for Silesian furthers the destandardisation of Polish. A similar judgement might be possible for Rusyn in relation to Ukrainian, or for Resian in relation to Slovene.

That the perception of these processes as a zero-sum game is held in some quarters would seem to account at least in part for the negative attitudes towards regional or minority languages that are sometimes encountered: it would, for example, explain the Ukrainian refusal to recognise Rusyn. Nevertheless, it is a somewhat simplistic perception: just because two processes happen simultaneously and share at least to some extent the same causes, it does not mean they directly influence one another. Nor does it seem particularly accurate: it is possible in principle to imagine a

situation where a single standard disintegrates into several regional not-quite standards, and such events may have taken past in past centuries, but even in the present climate of political upheaval and technological change it is not a description that can realistically be applied to any of the Slavonic national languages.

And yet for all that there is a new situation, and amidst all the various processes of standardisation, destandardisation and restandardisation it looks as if the clear divide between standard and non-standard languages is no longer valid. Instead, it may be necessary to attempt to create a new paradigm for categorising language varieties, one that is based perhaps on a hierarchy of standardisation. Such a paradigm would allow language varieties to be classified according to the extent to which, but also according to the manner in which they are standardised. Perhaps this paper may in its own way serve as a preliminary contribution towards the discussion about what this hierarchy might be.

Works cited:

DULIČENKO 2000 – А. Д. ДУЛИЧЕНКО: Славянские микроязыки в Европе на пороге XXI века. In: Lew N. Zybatow (ed.). *Sprachwandel in der Slavia: Die slavischen Sprachen an der Schwelle zum 21. Jahrhundert*. Teil 2. Frankfurt am Main etc.: Peter Lang, pp. 843–852 [= Linguistik International, 4]

DUNN, J. A. [Джон Данн] 2002: Найдём ли мы общий язык? Языковая фрагментация в эпоху глобализации. In: *Журналистика и культура речи*, 4, pp. 18–26

DUNN, J. A. 2003: The Emergence of Slavonic Post-Literary Languages: Some Preliminary Observations'. In: *British Contributions to the XIII International Congress of Slavists*. Glasgow (http://hdl.handle.net/1905/24)

HILL, Peter M. 1998: Die Modernisierung bei den Slaven und der Herausbildung der slavischen Standardsprache. In: Herbert Jelitte (ed.). *Slavische Studien zum XII. Internationalen Slavistenkongreß in Krakau 1998*. Frankfurt am Main etc.: Peter Lang, pp. 59–71

Что вы будете делать, если у вас нет армии или военного флота?

Некоторые наблюдения над стандартизацией региональных языков и языков меньшинств

John Dunn

В данной статье рассматривается вопрос стандартизации региональных языков и языков этнических меньшинств (здесь употребляется терминология Совета Европы). Вплоть до последнего десятилетия прошлого века в отношении таких языков не существовало тех структур и механизмов, которые привели бы к стандартизации национальных языков. Тем не менее в последние 15 лет политические и культурологические сдвиги, а также технологические инновации создали благоприятные условия для хотя бы частичной стандартизации региональных языков. Однако в то же самое время существует определённая тенденция к дестандартизации национальных языков, и вследствие этих двух явлений установленный за XIX и XX вв. чёткий разрыв между стандартными и нестандартными языками постепенно заменяется сложной иерархией, в которой разные языки пользуются разной степенью и разными формами стандартизации.

J.Dunn@slavonic.arts.gla.ac.uk

Олег Викторович Никитин, Москва

О языковых контактах, языковых сближениях и языковых отталкиваниях (в связи со славянскими микроязыками)

Изучение славянских микроязыков имеет существенное значение для определения статуса литературного языка в современной Славии, характера его развития и функционирования в условиях многоязыкового сообщества, где нередко один "официальный" язык доминирует над другим, "неофициальным". Но все они развиваются в системе социокультурных и языковых связей, контактируют не только на уровне бытового применения, но и служат своего рода "психологическими этимонами", сдерживающими нарастающее центростремительное движение в Европе.

В нашем докладе речь идет о языковых контактах в виде сближений и отталкиваний, наблюдаемых прежде всего в некоторых славянских литературных микроязыках. Это достаточно сложная проблема, не нашедшая до сих пор систематического отражения в лингвистической контактологии. Поэтому наши размышления на этот счет носят предварительный характер. К тому же мы затронем лишь некоторые аспекты поднимаемого вопроса.

Прежде всего обратимся к проблеме *языкового сближения*. Процесс сближения языков – явление многоплановое и нередко противоречивое, но всегда связано с сознательными действиями. Следует, на наш взгляд, различать по крайней мере два типа сближений: в одном случае целью сближения является попытка создать рациональный язык (вспомогательный искусственный язык) в виде, например, всеславянского, или межславянского, языка; в другом – делаются шаги по сближению систем на разных уровнях с целью приблизить и даже объединить функционирующие языки.

Примеров первого типа сближения в истории создания международных искусственных языков более чем достаточно. В энциклопедическом справочнике А. Д. Дуличенко "Международные вспомогательные языки" представлено более 20 проектов всеславянского языка (Дуличенко 1990), начиная от языка Юрия Крижанича, названного им руски језик (XVII в.), до проекта взаимного славянского языка словенца Матии Маяра Зильского – узајемні славјанскі језік (XIX в.). При этом

> "образ будущего славянского языкового единства в виде узајемного славјанского језіка сформировался у Маяра и поддерживался сознанием прошлого языкового единства – наличием общего литературно-письменного языка славянства – старославянского и, конечно, праславянского. И если это языковое прошлое можно было реконструировать, то предстоящее единое языковое будущее славянства следовало сконструировать" (Дуличенко 1992, 442).

Кстати, подобного рода проекты всеславянского языка появлялись и в XX в., появляются они и в XXI веке.

Любопытно в этой связи заметить, что профессор Тюбингенского университета Тильман Бергер, исследуя проблему всеславянского языка, указал на такие "компромиссные" языки: один называется глаголица, другой – прослава. О последнем, в частности, говорится так:

> "Jezik Proslava je eshte jedna proba stvoreniu sredstva kommunikacji Slavanskih ludi bez nadmernej praci po nauchenjiu cudzogo jeziku. Proslava je poka co u nachali drogi i ne sudjite mi za jej slabosti. Je tylko detina, hotjazh s perspektivej rostu" (Berger 2004, 4).

Ср. также текст на проекте всеславянского языка Ruslavsk, в основе письма которого лежит кириллица:

> "Удраге Анастасия,
>
> Вне твой чудовне прекрасост, ете ктор делал мен желать писать тейбе, бил факт что естийш течне во Англиск. Уверено, естийш вне мой «зона операцияга», поданн твой взраст и мой. Я нигда не делал би такай Кошунство… проти твой красост и млодост. Толк если я бил безмилостке монголск хан и ти бил мейне принесенн, совиазенн со цепи неволнноста, как трофей. И даже во такай случ, я не бросил бы причинить гнев Аллаха, творителя красоста!… Естиюм Лоренцо, психологник во Атен, Греця, от

> Ицалске и Грецке предкост. Лубиюм Руске и Славианске култура, литература и хистор; чтоби можеть приемить их без утратить никаи врем, я употребиюм ете «междуславске» язик, во ктор ете послание ест писанн. Я будеюм счастке обменивать несколкие посланиеги со теб, уверено во Англиск, или во либктор различних язикейов кторие знайш и декларийш во твой странка.
>
> Лоренцо" (BERGER 2004, 5).

В чем в данном случае выражается конкретно сближение? Опираясь на фундаментальный признак славянских языков – их генетическую близость на всех лингвистических уровнях, создатели всеславянских языков искали и ищут общие элементы, а при отсутствии таковых обращаются к материалу наиболее распространенных языков. Так формируется синтезированная языковая система, в которой для носителей конкретных языков большая часть элементов достаточно прозрачна и понятна, в то время как другая требует определенных усилий для распознания и усвоения.

Более абстрактный уровень сближения наблюдается при синтезировании элементов генетически не столь близких языков – обычно это группы языков в пределах одной лингвосемьи или даже с выходом в другие семьи. Проблема сближения языков, как известно, решалась Людвигом Заменгофом, который был одним из тех, кто занимался проектами создания искусственных языков. Его эсперанто базируется на элементах разных групп индоевропейской семьи – прежде всего на романской, германской, а также славянской. Здесь узнаваемость элементов эсперанто для носителей указанных групп уже не столь велика, но успеху этого международного вспомогательного языка способствует наличие в нем большого числа интернациональных единиц (морфем и слов), простота грамматики, построенной на агглютинативных принципах, характерных для некоторых восточных языков.

Если говорить о сближении функционирующих языков, в нашем случае – славянских, то таких факторов в истории славянских народов немало. Так, например, в период национального возрождения южных и западных славян в XIX в. выдвигались проекты сближения, с одной стороны, южнославянских языков в единый книжно-литературный язык, который тогда называли иллирийским (причем на нем некоторые авторы даже писали свои тексты), с другой

стороны, в истории верхнелужицкого и нижнелужицкого литературных языков были отмечены попытки сблизить оба литературных варианта одного и того же народа. Правда, ни в первом, ни во втором случае результат так и не был достигнут, хотя, например, есть сведения о том, что среди серболужичан до настоящего времени этот вопрос не снят с повестки дня.

Попутно заметим, что тенденция к сближению наблюдается и в неславянской среде. Известный российский тюрколог Э. Тенишев (2003), в частности, говорит о необходимости составления исторических грамматик тюркских языков, обсуждает проблемы социокультурного развития этой семьи и ставит вопрос: каков должен быть единый язык общения тюркских народов между собой – искусственный или естественный?

Все эти дискуссионные вопросы имеют отношение и к контактам в языковой ауре Микрославии.

Опираясь на труды А. Д. Дуличенко, посвященные разработке различных проблем славянских литературных микроязыков, можно отметить, что процессы сближения переживали или переживают многие из них. Уже в докторской диссертации "Славянские литературные микроязыки. (Вопросы формирования и развития)" он рассматривает явление языкового сближения (см. монографию: Дуличенко 1981, 219–225). Так,

> "в донациональный период проходил не только процесс конкуренции региональных вариантов литературного языка, но и процесс сближения, взаимодействия между ними. Так было, напр., в хорватской ситуации, где литературная чакавщина и кайкавщина обнаружили в себе тенденцию к сближению со штокавщиной, которая мыслилась как основа будущего общехорватского литературного языка. Здесь произошел и процесс перехода на штокавщину" (в XIX в.; но уже в начале XX в. и чакавщина, и кайкавщина возрождаются как поэтические литературные языки, и их функционирование продолжается до настоящего времени; см. Дуличенко 1981, 219).

Предлагались даже процедуры такого сближения. Уже в XVII в. процедуру сближения с литературной штокавщиной предложил кайкавец Юрай Хабделич.

Нормализатор и кодификатор югославо-русинского литературного микроязыка Гавриил Костельник прямо ставил вопрос о сближении родного языка с украинским литературным языком, а также с сербско-хорватским. Так, в первой нормативной грамматике, которую он издал в 1923 г., читаем:

> "По моей думи тота граматика мушела буц так написана, же би отверала драгу до кнїжкового руско-украïньского язика, як тиж до сербского чито горватского язика; а прето тота граматика муши и глїбше и ширше бешеду розпатрац" (КОСТЕЛЬНИК 1923, б. 3).

Г. Костельника в целом поддерживал языковед и писатель Микола М. Кочиш, автор первых учебников родного языка, появившихся уже в 60-е гг. В своих грамматиках он нередко рекомендовал ориентироваться на украинский литературный язык. Во многом это проявилось в лексике и особенно в терминологии, которая для молодого литературного микроязыка должна была систематически разрабатываться. Так, Г. Костельник адаптировал к родному языку лингвистический термин *числительное*, взяв его из украинского языка, ср. юг.-русин. *числовнїк* – укр. *числівник*, ср. серб.-хорват. *број* в этом же значении. М. М. Кочиш принимает этот термин. Но он идет и дальше: в целом ряде случаев он отказывается от предложенных Г. Костельником терминов в пользу их большей украинизации, ср. термин *глагол* у Костельника в виде *часовнїк*, который заменяется украинским *дієслово* в форме *дїєслово* (при серб.-хорват. *глагол*). В конечном счете терминологизация лингвистического метаязыка пошла по пути его украинизации, что значит сближения двух терминосистем. А. Д. Дуличенко отмечает также значительные шаги этого кодификатора в направлении украинизации словообразовательной системы югославо-русинского микроязыка, в то же время не упуская из вида и противонаправленный процесс – создания терминов, в том числе и лингвистических, по сербско-хорватскому образцу и подобию.

Знакомство с разножанровыми текстами на микроязыках, представленными в двухтомной хрестоматии А. Д. Дуличенко (ДУЛИЧЕНКО 2003–2004, I–II), показывает, что процессы сближения с соответствующими национальными языками переживают и некоторые другие микроязыки. К ним, например, относится градищанско-хорватский, который ориентируется на общехорватский, штокавский по диалектной основе, в то время как литературный градищанско-хор-

ватский базируется на переселенческом чакавском диалекте. Известно, что зародившиеся в Закарпатской Украине, Восточной Словакии, Польше, Венгрии региональные варианты (карпато)русинского литературного языка базируются на различных диалектных основах. Поэтому деятели (карпато)русинских языковых движений выдвинули идею о создании на базе вариантов единых норм единого (карпато)-русинского литературного языка. Однако до реализации этой идеи еще далеко. Аналогичные процессы наблюдаются также в некоторых других славянских микроязыках.

В то же время нельзя не заметить, что нормализаторы некоторых микроязыков озабочены сильным влиянием, а иногда и просто давлением соседних, родственных и неродственных, языков крупных наций. Это давление проявляется как внешне, например, при создании письменности, так и внутренне, т. е. на уровне фонетики, грамматики и лексики. Малые языки "боятся", что они могут раствориться в больших языках. Поэтому нормализаторы ряда славянских микроязыков ищут пути отдаления от "больших соседей", отталкивая их от себя.

Процессы *отталкивания* заслуживают особого внимания. Они до сих пор систематически также не изучались. Поэтому мы обратим внимание коллег на некоторые прецеденты.

Так, резьяне-словенцы северной Италии еще в XVIII в. "предпринимали попытки создать *собственную* (курсив наш. – *О. Н.*) письменность" и для этого использовали итальянскую и словенскую латиницы. Такая специфика графического оформления языка, а также фонетические варианты диалектов резьян привели к мысли о создании «усредненного» (т. е. стандартного) типа письменности и самого резьянского литературного языка – в проекте Х. Стэнвейка. Ведь итальянская латиница и принципы ее фонетической реализации не отражают всей специфики резьянской речи. Более того, итальянская латиница в ряде случаев дает двоякое прочтение или произношение резьянского слова. Кроме того, в таком случае очень трудно сдерживать лексический натиск, при котором итальянские заимствования проникали бы в резьянский без какой-либо адаптации, т. е. в оригинальном виде. В проекте Х. Стэнвейка есть некоторые знаки транскрипционного вида, хотя и видна опора более всего на словенскую латиницу. Так, отталкиваясь от итальянской латиницы, сделана попытка создать специфику (см. подробнее: Дуличенко 1998, 49 и далсе).

Создатель западнополесского литературного микроязыка Н. Н. Шелягович, опасаясь его чрезмерной близости (графической, фонетической, грамматической и лексико-словообразовательной) к соседним крупным языкам – белорусскому, украинскому и русскому, сделал попытку кодифицировать две системы письма — кириллическую и латиническую, чтобы как-то отделиться от названных языков и создать себе специфику. Однако его предложение принять латиницу как равноправную графическую систему для западнополесского была отвергнута теми, кто был вовлечен в это культурно-языковое движение.

Неудачной оказалась и попытка применять параллельно с кириллицей латиницу для восточнословацкого варианта (карпато)русинского литературного языка. Было время, когда газета русин Восточной Словакии "Народны новинкы" наполовину своего объема печаталась латиницей словацкого типа. Читатели вскоре заявили протест, и газета стала выходить только кириллицей. Нормализатор Н. Н. Шелягович пытался внести и внутренние изменения в систему микроязыка. Так, он не принял для обозначения *язык* ни белорусско-украинского *мова*, ни русского *язык*, а взял из латышского слово *волода* в том же значении. Так он поступал и во многих других случаях, прибегая к иным языкам и тем самым пытаясь "отойти" от языков-соседей.

Видимо, в явлении отталкивания от соседних языков есть определенный резон: нужна специфика, некоторая дистанция между микроязыком и окружающими языками. Хотя в то же время не следует забывать, что искусственно введенные элементы могут оказаться нефункциональными, т. е. носители их не примут, и они не будут реально использоваться. Кажется, в некоторых случаях это так и происходит.

Таким образом, затронутые нами на материале современных славянских литературных микроязыков вопросы языкового сближения и языкового отталкивания обладают определенной спецификой, характерной именно для малых языков. Теория языковых контактов должна обратить на подобные формы языковых отношений специальное внимание.

Литература

BERGER, T. 2004: Vom Erfinden slavischer Sprachen. In: *Germano-Slavistische Beiträge. Festschrift für Prof. Dr. Peter Rehder zum 65. Geburtstag*. Hrsg. M. Okuka und U. Schweier. München, S. 19–28

ДУЛИЧЕНКО, А. Д. 1981: *Славянские литературные микроязыки. (Вопросы формирования и развития)*. Таллин

ДУЛИЧЕНКО, А. Д. 1990: *Международные вспомогательные языки.* Таллинн

DULIČENKO, A. D. 1992: Фран Миклошич и Матия Маяр Зильский: от языка праславянского к языку всеславянскому. In: *Miklošičev zbornik*. Ljubljana, s. 431–444 [= Obdobja 13]

ДУЛИЧЕНКО, А. Д. 1998: О современной резьянской графике и орфографии. In: Г. А. Сафонов, Г. А. Лилич, Г. А. (ред.). *Славистический сборник. В честь профессора П. А. Дмитриева*. С.-Петербург, с. 48–56

ДУЛИЧЕНКО, А. Д., 2003–2004: *Славянские литературные микроязыки. Образцы текстов*. Т. I–II. Тарту (Тартуский университет. Кафедра славянской филологии)

ДУЛИЧЕНКО, А. Д., 2005: "Надеющийся". In: *Наука и жизнь*, Москва, № 1, с. 102–104

КОСТЕЛЬНИК, Г. 1923: *Граматика бачваньско-рускей бешеди*. Ср. Карловци

ТЕНИШЕВ, Э. 2003: Некоторые социолингвистические проблемы в тюркском мире. In: *Татарский мир*, Москва, № 2, с. 1–13 (цит. по электронной версии статьи: http://www. tatmir.ru/ article.shtml? article=255&section=0&heading=0)

Language contacts, language convergence and language divergence (in the context of Slavic microlanguages)

Oleg V. Nikitin

Languages cannot function in isolation from one another. The contacts that occur especially between neighbouring languages most frequently take the form of 'natural' interference. Languages are frequently affected by the deliberate actions of normalisers, which may, for example, take the form of bringing languages closer together, a multi-dimensional and often contradictory development. It is important to distinguish at least two types of language convergence: in some instances the aim of this convergence is the creation of a rational (artificial auxiliary) language in the form of, for example, a pan-Slavic or inter-Slavic language; this category also includes languages such as Esperanto. In other instances a move is made towards the convergence of systems at different levels with the aim of bringing closer together or even uniting separate functioning languages. This latter phenomenon has been known to occur in the history of many literary languages, including microlanguages. For example, in the 1920s and 1930s Havriil Kostel'nik, the codifier of the Yugoslav Rusin literary microlanguage, raised the question of the convergence of his native language with the Ukrainian literary language (as well as with Serbo-Croat). In the 1960s a similar line was taken by Mikola M. Kočiš, who wrote the first text-books of Rusin. Similarly there are those who wish to see a greater convergence of Burgenland Croatian with the Croatian standard or of Lower Sorbian with Upper Sorbian.

There are also, however, examples of the reverse tendency, i.e. divergence from neighbouring languages on the grounds that microlanguages need to have their own specific features that differentiate them from the more widely-used languages that surround them. This can even be reflected in the choice of writing system, as is exemplified by attempts to adopt the Latin alphabet for West Polesian or for the variety of Carpathian Rusyn used in Eastern Slovakia. It is important at the same time to remember that artificially introduced systems and elements can prove dysfunctional, in that they are not accepted by speakers of the language and are in consequence rarely used, something which appears to happen from time to time.

Questions of linguistic convergence and divergence have their own specific features that are particularly characteristic of lesser-used languages. Theories of language contact need to take account of such issues.

olnikitin@yandex.ru

Владимир Михайлович Алпатов, Москва

Что делать с малыми языками?

Вопрос о судьбе малых языков, в том числе в России, в последние годы активно дискутируется. Впрочем, разговоров больше, чем реальных дел. Все призывают к сохранению этих языков, но не ясно, что для этого делать.

Малые языки обычно более или менее устойчивы, когда нет ни войн, ни переселений народов, ни активного проникновения индустриальной или постиндустриальной цивилизации в зону их распространения. Когда сейчас иногда считают, что в России малые языки «процветали» вплоть до революции, не учитывают, что устойчивость многих из них просто была обусловлена экономической неосвоенностью территорий их распространения и отсутствием для их носителей необходимости двуязычия. Малые языки, оказавшиеся уже тогда в экономически более развитой зоне, тогда же начинали вытесняться (например, малые прибалтийско-финские языки). После революции шли два объективно разнонаправленных процесса. С одной стороны, новая власть предпринимала активные меры для развития малых языков (языковое строительство). С другой стороны, индустриализация и хозяйственное освоение новых территорий неизбежно связывались с миграциями русскоязычного населения и распространением русского языка. Яркий пример – становление нефтегазовой промышленности Сибири на территории, заселенной носителями малых обско-угорских и самодийских языков. Хотя и поныне центры этой промышленности находятся на территории автономных округов, титульные народы этих округов не принимают участия в разработках нефти и газа. Эти разработки ведут почти исключительно носители русского языка, что изменило всю языковую ситуацию на этих территориях. Вот лишь один пример:

> "Практически все мансийские поселки превратились в многонациональные, причем во многих из них приезжее население преобладает над коренным" (ПАРФЕНОВА 2003, 306).

В таких условиях среди малочисленных народов распространяется двуязычие, затем сменяющееся одноязычием на более крупном языке. Оно встречается при любом общественном строе. Типичный пример – Япония, где единственный исконный язык меньшинства – айнский – исчез примерно за столетие. Он был устойчив, пока айны – охотники и собиратели – жили обособленно и почти не контактировали с японцами. Когда же во второй половине XIX в. началась массовая колонизация айнских земель японцами, этот язык стал вытесняться японским, что сохранялось при всех изменениях политики. В период японского милитаризма айны были юридически неравноправны с японцами, в некоторые периоды их принуждали учить японский язык, что способствовало языковой ассимиляции. При американской оккупации после 1945 г. одним из элементов демократизации страны стало уравнение айнов в правах, что лишь ускорило вытеснение айнского языка. К 60-м гг. XX в. он вышел из употребления. И в США за XX век исчезло больше малых (индейских) языков, чем аналогичных языков в СССР.

Впрочем, говорить о полном вымирании какого-то языка всегда опасно: можно что-то не учесть. В социолингвистической энциклопедии ПИСЬМЕННЫЕ... (2003) признан мертвым орочский язык в Хабаровском крае России (тунгусо-маньчжурская семья). Однако экспедиция Московского государственного университета и Российского государственного гуманитарного университета в 2005 г. обнаружила его живых носителей.

В России более или менее стабильная ситуация резко изменилась в 80-е годы. Распространились представления, согласно которым функционированию малых языков мешает лишь «тоталитарная система», а смена строя приведет к их "возрождению", как тогда часто говорили. При этом под "возрождением" часто имелось в виду не восстановление их полноценного бытового функционирования, а приобретение ими культурных функций, которых они зачастую либо вовсе не имели, либо имели лишь в начале советского периода, когда языковое строительство достигало максимума. В начале 90-х гг. заманчивым казался опыт ряда постсоветских государств, где роль новых государственных языков резко возросла за счет русского языка.

Но теперь уже очевидно, что языковая ситуация в России не может быть той же, что в Эстонии или даже в Казахстане: роль русского языка в современной России объективно остается той же, что была в советское время.

В большинстве случаев время иллюзий сменилось эпохой разочарований. Например, автор очерка кетского языка пишет:

> "Многие кетские учителя (в начале 90-х гг. – В. А.) относились к своему делу с большим энтузиазмом [...]. Однако, столкнувшись с суровой действительностью, энтузиазм начал постепенно затихать, а преподавание кетского языка в школах стало сходить на нет [...]. Престиж кетского языка, несколько поднявшийся в начале 1990-х гг., снова неуклонно падает. В ряду причин этого падения далеко не последней является бедственное положение, в котором находится сегодня большинство кетских семей" (КАЗАКЕВИЧ 2003а, 251–252).

Или о селькупском (самодийском) языке:

> "Школьное преподавание на селькупском языке оказывается чрезвычайно малоэффективным. Школа оказывается единственным местом, где их могут научить говорить на языке их предков. В реальности зачастую максимум, что они усваивают после нескольких лет занятий..., это некий весьма ограниченный список селькупских слов, в основном существительных" (КАЗАКЕВИЧ 2003б, 482–483).

Расширение школьного образования – наиболее значительная мера, которую удалось осуществить за последние полтора десятилетия для ряда малых языков России. Но для многих языков эта мера уже недостаточна, а иногда и с ней не получается. Скажем, в Хакасии попытка ввести школьное обучение на хакасском языке на волне национального подъема начала 90-х гг. оказалась неудачной. Авторы учебников исходили из того, что дети уже как-то владеют этим языком, но оказалось, что подавляющее большинство хакасских детей знают лишь русский язык, а хакасскому языку их надо учить, как иностранному. Такой язык, почти лишенный одноязычных носителей и практически не известный в младшем поколении, подвержен реальной угрозе исчезновения. А коми-пермяцкий язык даже в период общественной эйфории начала 90-х гг. не удалось ввести в употребление ни в одной официальной сфере; местный языковед писал

еще в 1994 г. об утере этносом "своего ядра", в связи с чем "процессы этнической эрозии приобрели у коми-пермяков необратимый характер" (Шабаев 1994, 232).

Для некоторых языков эта проблема пока что может решаться иным путем. Вот что пишется о том же селькупском языке:

> "Вся надежда [...] на оленей, все еще имеющихся у носителей [...], ибо между наличием у семьи оленей и функционированием в этой семье этнического языка наблюдается заметная корреляция" (Казакевич 2003б, 483).

Или о юкагирском языке:

> "Хорошо знают язык только те дети, у которых есть родственники, живущие традиционной жизнью в тайге или тундре и которые усвоили его естественным путем" (Николаева 2003, 754).

Традиционный уклад может спасать языки его носителей. Поэтому в конце 80-х – начале 90-х гг. некоторые представители национальной интеллигенции малых народов призывали к отказу не только от русского языка, но и от принесенной извне культуры, к полному возврату к традиционным формам хозяйства. Иногда их поддерживали и зарубежные авторы. В статье 1989 г. о бурятах содержался призыв к освобождению этого народа от угнетения, в том числе через "тоталитарные дискурсы". Для этого, по мнению автора, нужно отказаться от придуманных в советское время норм бурятского языка, вернуться к диалектам и к традиционной картине мира, в которой нет места классам, линейным представлениям о времени и пр. (Humphrey 1989). В годы перестройки могло казаться, что это возможно, но, разумеется, ничего подобного не произошло, а бурятские лингвисты продолжают жаловаться на то, что буряты всё более переходят на русский язык.

Иногда выходом из положения (в том числе и в России) считают создание резерваций по образцу США и Канады. Однако с точки зрения сохранения языков (и с ряда других точек зрения) этот опыт скорее негативен.

Впрочем, нет какой-либо жесткой корреляции между числом носителей языка или экономическим развитием территории его распространения и скоростью его вытеснения. Факторы, способствующие сохранению языка, могут быть самыми неожиданными. Например, исследователь малых языков Сибири и Дальнего Востока Н. Б. Вах-

тин отмечает "мотив бабушки": женщины, не говоря на языке своего этноса с детьми, начинают говорить на нем с внуками:

> "Не является ли эта «бабушка» некой постоянной социальной функцией в языковой общности, независимо от поколения?" (Вахтин 2001, 284).

За последние столетия быстро исчезали не только малочисленные языки вроде айнского, но и языки с миллионами носителей. За XVIII и XIX вв. ирландский язык был настолько вытеснен английским, что даже в независимой Ирландии он играет роль скорее национального символа, чем средства общения. За XX в. почти исчез еще недавно многочисленный идиш. Обычно быстро исчезают материнские языки иммигрантов (которым, разумеется, не грозит вымирание: они сохраняются в странах, откуда они эмигрировали). В то же время иногда совсем малые языки от одноаульных языков Дагестана до некоторых славянских микроязыков очень устойчивы.

Даже если язык далек от вымирания, возникает вопрос о том, какие формы его существования перспективны, а какие нет. В советское время (особенно в 20–30-е гг.) на все языки СССР вплоть до самых малых, распространялись представления, сформированные на материале национальных языков Европы. Считалось, что надо развивать на них все функциональные стили и использовать их во всех сферах общения. Речь шла, разумеется, лишь о тех языках, которые признавались языками; хуже дело обстояло, если считалось, что мы имеем дело лишь с диалектом (как это было, например, с 40-х гг. с русинским). Конечно, получалось далеко не всё, а с конца 30-х гг. процесс развития литературных языков стал свертываться. Но всё же художественная литература появилась на десятках языков, где ее раньше не было, а среди писателей бывали очень талантливые и получавшие всесоюзную известность (впрочем, лишь благодаря русским переводам); развивалась и пресса на многих языках. Однако нередко такие тексты, преимущественно художественные, имеют своеобразное бытование. Появляется:

> "своего рода этнографический предмет, становясь в один ряд с образцами декоративно-прикладного искусства: такие предметы приобретают, их хранят, но не используют по прямому назначению" (Бурыкин 2004, 48).

А поскольку письменная форма многих малых языков ограничена художественной и учебной литературой, то в некоторых из них реально функционируют лишь бесписьменные диалекты, тогда как литературная составляющая этих языков исчезает, потеряв после 1991 г. поддержку сверху.

В советское время существовало стабильное книгоиздание на многих языках, выходили газеты. Теперь всё это развалено, а многие формально сохранившиеся газеты на языках меньшинств фактически являются двуязычными: информация, привлекающая читателя (телепрограмма, реклама, анекдоты, гороскопы и пр.), печатается по-русски. Причина ясна: в советское время можно было планировать издательскую деятельность, не думая о прибыли, теперь же вступают в силу законы рынка, вообще не способствующие развитию малых языков. Поэтому в целом телевидение и радиовещание на малых языках России сохраняют более прочные позиции, чем книгоиздание и газеты: государство пока контролирует местные станции.

Итак, ряд языков реально существует лишь в виде диалектов или преимущественно в виде диалектов. Это не значит, что их носители используют язык только в бытовой сфере, но за ее пределами место своего литературного языка занимает русский язык. И, видимо, это далеко не худшая ситуация. У многих народов имеется тенденция пользоваться двумя языковыми образованиями: для "своих" и для "чужих". В современном мире язык для "чужих" – кодифицированный вариант некоторого языка, а язык для "своих" – диалект или так называемый полудиалект. Примером может служить Япония, где, по-видимому, именно этот фактор обеспечивает устойчивость японских диалектов (Алпатов 2003, 23–32). Но Япония – этнически однородное государство, а в многонациональном обществе (в том числе в России) язык меньшинства не может стать языком для "чужих". Выбор может осуществляться лишь между одноязычием на господствующем языке и двуязычием. Даже если нет административных мер, давление оказывает экономическая, политическая, культурная ситуация в стране (Skutnabb-Kangas 1983, 66–67).

С функцией языка для "своих" тесно связана и символическая функция этнического языка, которая может сохраняться и при утере коммуникативной функции (пример Ирландии). Конечно, такую функцию легче сохранить при национальной государственности, но

возможна она и при реальной (а не декоративной, как иногда в России) национальной автономии.

Один из западных социолингвистов в связи с так называемыми концепциями лингвистической экологии, основанными на приоритете сохранения всех языков во что бы то ни стало, ставит вопрос: а не надо ли при этом учитывать мнение самих носителей этих языков, которые не всегда хотят ими пользоваться (EDWARDS 1994, 108)? Впрочем, ссылка на "народное мнение" встречается часто, но обычно "мнение народа" при этом отождествляется с мнением его национально ориентированной интеллигенции. Но всегда ли они совпадают? Ведь утеря этнического языка может восприниматься как явление вынужденное, но имеющее свои преимущества. Возникает конфликт, охарактеризованный одним из ирландских лингвистов: то, что хорошо для языков в целом, может быть плохо для их носителей как индивидов, особенно с точки зрения материального благополучия (AHLQVIST 1993, 16). Как указывает Дж. Эдвардс, для многих народов существует болезненная дилемма – либо потерять язык, либо жить отсталой сельской жизнью (EDWARDS 1994, 107).

Как бы то ни было, для сохранения малых языков необходима целенаправленная государственная политика. Она есть, например, в Австралии, в странах Северной Европы, но есть немалое число стран, начиная с США, где ее нет. В СССР она была в 20–30-е гг., позднее существовала скорее инерция такой политики, в основном закончившаяся в 80-е гг. В настоящее время ее нет, по крайней мере, на федеральном уровне. И важно осознать, что такая политика по сути должна действовать вопреки законам рынка. В современной же России вера в "невидимую руку" рынка и стремление как можно дальше отойти от советской системы ценностей пока что превалирует.

Литература

АЛПАТОВ, В. М. 2003: *Япония: язык и общество*. Москва

БУРЫКИН, А. А. 2004: *Язык малочисленного народа в его письменной форме. Социолингвистический и собственно лингвистический аспекты*. Санкт-Петербург

ВАХТИН, Н. Б. 2001: *Языки народов Севера в XX веке. Очерки языкового сдвига*. Санкт-Петербург

Казакевич, О. А. 2003а: Кетский язык. In: В. Ю. Михальченко (ред.). *Письменные языки мира. Языки Российской Федерации. Социолингвистическая энциклопедия*. Кн. 2. Москва

Казакевич, О. А. 2003б: Селькупский язык. Там же

Николаева, И. 2003: Юкагирский язык. Там же

Парфенова, О. С. 2003: Мансийский язык. Там же

Шабаев, Ю. П. 1994: Языковая ситуация и этноязыковая проблема в Коми-Пермяцком автономном округе. In: Михальченко В. Ю. (ред.). *Языковые проблемы Российской Федерации и законы о языках*. Москва

Ahlqvist, A. 1993: Language Conflict and Language Planning in Ireland. In: *Language Conflict and Language Planning*. Berlin / New York,

Edwards, J. 1994: *Multilingualism*. London / New York

Humphrey, C. 1989: "Janus-Faced Signs" – the Political Language of a Soviet Minority before Glasnost. In: *Social Anthropology and the Policy of Language*. London / New York

Skutnabb-Kangas, T. 1983: *Bilingualism or Not. The Education of Minorities*. Clevedon

What to do with minority languages?

Vladimir M. Alpatov

The question of the fate of minority languages has been actively discussed in recent years; everybody wants to see them preserved, but it is not clear how this can be achieved.

For instance, in Russia the development of Russian was supported not only by state policy but also by the fact that the economic development of many regions was always connected with the migration of people who spoke Russian. The situation changed at the time of perestroika: many people began to think that it was only the "totalitarian regime" that had prevented minority languages from functioning normally, and that a change in the state system might lead to their "revival". However, after 1991 this enthusiasm came into collision with reality. The role of Russian will not change significantly in comparison with Soviet times.

Many minority languages exist only or mainly as dialects. Many peoples tend to use distinct language forms for "our people" and for "alien people". Nowadays the language for "alien people" is usually a standard language with many speakers, while the language for "our people" is a dialect, which might be a dialect of a minority language. The symbolic function of the ethnic language is closely connected with the function of the language for "our people".

It is important to understand that a policy for preserving of minority languages inevitably acts against market laws: any such measures will be social actions which work against the market.

v-alpatov@yandex.ru

Sven Gustavsson, Uppsala

The Framework Convention for the Protection of National Minorities, the European Charter of Regional or Minority Languages, Euromosaic and the Slavic Literary Microlanguages

Introduction

The situation for European minorities and European minority languages is monitored through a number of treaties and by many organisations. The most important monitoring mechanisms are, however, found in connection with the Council of Europe's Framework Convention for the Protection of National Minorities and the European Charter for Regional or Minority Languages. Minority protection is also part of the work of numerous human rights organisations in Europe or for example the European Court of Human Rights. The European Union, of course also regards human rights as an important issue. But in some respects where minority and minority language issues are concerned the European Union seems to rely at least partly on the work of the European Council. However, the Euromosaic project, which is financed by the European Union can be seen as some kind of monitoring the situation for minorities and especially minority languages. Just a few months ago the Euromosaic texts on the situation in the ten new EU member states were made available to the general public. The countries that have signed and ratified the Framework Convention and the Charter are obliged to deliver country reports that are followed by opinions from the relevant committees at the Council of Europe and resolutions from the Committee of Ministers. The Euromosaic project has up to now delivered reports on all member states of the European Union.

These reports, opinions etc are available on the web and can be downloaded. They are in many respects interesting because they give important insights into the minority policy and minority language policy of the individual countries. The signing and ratifying of these documents and hence the naming of the minorities and minority or regional languages or, in the case of the Charter, also the non-regional languages means that some languages, including some of the microlanguages, have finally been given recognition.

The texts are found on the following addresses:

The Charter: http://www.coe.int/T/E/Legal_Affairs/Local_and_regional_Democracy/Regional_or_Minority_languages/

The Framework Convention: http://www.coe.int/T/E/human_rights/minorities/

Euromosaic: http://europa.eu.int/comm/education/policies/lang/languages/langmin/euromosaic/index_en.html

The Framework Convention and the Charter

In July 2005 42 states had signed and 37 ratified the Framework Convention. The number of states that have signed and ratified the Charter is smaller, 31 have signed it, but only 18 ratified it. Among those countries that have signed but not ratified the Charter one finds the Czech Republic, France, Italy, Poland, Romania, Russia, Serbia and Montenegro, Macedonia, and Ukraine. It seems that it is easier for the states to accept the Framework Convention than the Charter, which must be because the Charter is more binding than the Framework Convention.

The Framework Convention recognizes national minorities but it is up to the individual state to define which groups constitute national minorities. When recognizing a group the state also has to protect the language of the group. The problem is that the notion of national minority is usually connected with the fact that the group has somewhere else a mother country with a state language and that the minority is simply supposed to speak and use that language. This means that if the language of such a group is different from the language of the mother country this is not registered.

In some cases in the countries that have ratified the Framework Convention all minorities mentioned in the Framework convention papers including those that do not have a mother country are looked upon as natio-

nal minorities. This is for example the case in Slovakia where for instance both Ruthenians/ Rusyns and Ukrainians are treated as national minorities. Poland, however, draws in its new minority law a distinction between national minority and ethnic minority, which means that Poland probably also draws a distinction between national minority language and ethnic minority language. In the law the only difference between the definitions of national minority and ethnic minority is that the former group somewhere has a state to back them up. Lithuanians and Ukrainians are for example national minorities whereas the Lemks/ Rusyns are treated as an ethnic minority. But according to the law national minorities and ethnic minorities should have the same rights to, for example, language education.

The Charter recognizes regional or minority languages and also non-territorial languages. The languages that are recognized may have two levels of protection, a more general one described in part II of the Charter and a more specilized, and to be frank, a more binding one described in part III of the Charter. Thus a state may sometimes rather arbitrarily choose between placing a language in group II or group III. This has happened in Hungary where of the recognized minority languages German, Slovak, Slovene, Serbian, Croatian and Romanian have part III protection, while the other seven languages mentioned in the Hungarian Minority Act have only part II protection. Part I of the Charter has a definition of regional or minority language which suffers from one problem: it is not clear what the conjunction *or* means, whether it is inclusive or exclusive. It seems that some states have understood it as exclusive and thus make a difference between regional and minority language as for example Germany which calls Low German a regional language whereas the other languages are minority languages. In its new minority law Poland sees Kashubian as a regional language whereas other languages seem to be called minority languages.

In the following I will go through the Framework Convention documents and the Charter documents delivered to the Council of Europe from the point of view of the Slavic microlanguages. I will begin in the South.

Pomak

Greece, which has signed the Framework Convention but not ratified it, has in spite of its obvious lack of a minority policy given a partial recognition of a Pomak language by publishing dictionaries and grammars where Pomak is written with Greek letters. As for Bulgaria the Pomaks

and Pomak are not mentioned at all. However one can find them mentioned in "Information on the ethnic and demographic status of the country":

> "Information on the Bulgarian citizens of Muslim religion, and speaking Bulgarian as a mother tongue, was enclosed in a letter, dated 15 March 1993, by the National Institute of Statistics and addressed to the President of the Republic. The data included in that letter was based on a two per cent representative sample from the population census, and was therefore liable to contain stochastic (random) errors. The data revealed the non-homogenous character of ethnic self-determination of the group of Muslims, whose mother tongue is Bulgarian. According to the NIS data, 70 251 of them identified themselves as Bulgarian, 63 595 as Bulgarian-Muslims, and 25 540 as Turks".

Thus, it seems that Bulgaria does not have any intention of recognizing any Pomak minority. The attitude towards the group identifying themselves as Macedonians (10803 in the census of 1992) and those with Macedonian as their mother tongue (3109 in 1992) is approximately the same.

Ruthenian/ Rusyn/ Russinian/ Lemkish

The Ruthenians/ Rusyns are considered a minority separate from the Ukrainians in Serbia & Montenegro, Croatia, Bosnia & Herzegovina, Hungary, Slovakia, The Czech Republic and Poland. In Poland the Lemko Rusyns belong to the ethnic minorities whereas in the other cases they do not seem to be separated from other (national) minorities by definition. In the Czech Republic the Ruthenians for example belong to the the 11 or 12 recognized national minorities. The Serbs seem to be the twelfth national minority but that is of recent origin. In former Yugoslavia the Rusyns have the best position in Serbia, that is, in Vojvodina. The recognition of national minorities seems however to me somewhat weaker in Croatia than in Serbia but both countries have the same problem. Should the groups that belong to the former Yugoslav nations be recognized as national minorities? In this some vacillations (to put it diplomatically) are to be found in the policies of the new post-Yugoslav states. As for Bosnia and Herzegovina it mentions in its minority law many national minorities but the state as a whole has not done very much to implement any minority policy. And Bosnia and Herzegovina of course also has the special problem of the majority-minority relationship between Bosniacs, Croats and Serbs. It seems that the Ruthenians/ Rusyns are also recognized now as a national minority in Romania. In the first Framework report from Roma-

nia the Rusyns are not mentioned but in the second report it seems that they are now a national minority separate from the Ukrainians. It is stated that:

> "In 2004, the CNM (Council of National Minorities, S. G.) comprises 19 member organizations, representing 20 national minorities: The Association 'The League of the Albanians' from Romania, The Union of the Armenians from Romania, The Bulgarian Union from Banat from Romania, The Union of the Croatians form Romania, The Hellenic Union from Romania, the Federation of Jewish Communities, the German Democratic Forum, the Italian Community from Romania, the Communitas Foundation, "Dom Polski" Polish Union from Romania, The Community of Lipovan Russians from Romania, the Union of the Serbs from Romania, the Democratic Union of the Slovaks and Czechs form Romania, The Democratic Union of the Turkish-muslim Tartars from Romania, the Turkish Democratic Union from Romania, the Union of the Ukrainians from Romania, the Association of the Macedonians from Romania, the Cultural Union of the Ruthenians from Romania. The latest two organizations represent the new national minorities revealed by the 2000 elections".

The Ruthenians are thus a new national minority in Romania.

The Rusyns have got recognition in seven countries in a very short time-span. The only country left is Ukraine but judging by what is written in the first Ukrainian Framework report to the Council of Europe, recognition will take some time:

> "Ethnographic (sub-ethnic) groups of the Ukrainian ethnos in small numbers are formed in Ukraine owing to peculiarities of historical development and geographical conditions. They are boiks, hutsuls, lemks (the western regions of Ukraine) and lytvyn and polishchuks (Polissia). Overwhelming majority of representatives of these ethnographic groups identifies itself as the Ukrainians.
>
> Representatives of some ethnographic groups of the Ukrainian people, in particular, boiks, hutsuls and lamks reside also over the borders of Ukraine. (Eastern Slovakia, Hungary, Poland, Union Republic of Yugoslavia, Croatia, Canada, the USA) and have relevant citizenship of these countries. Part of representatives of these ethnographic groups owing to isolation from processes of consolidation of the Ukrainian nation that happened in the territory of Ukraine preserved ancient own name of the Ukrainians-Rusyny (the information of ethnic and political situation in environment of this part of the Ukrainian population is

given in Appendix 'Sub-ethnic groups of the nationalities of Ukraine')".

The advisory committee comments upon this as follows:

> "16. The Advisory Committee notes that Ukraine has not established a list of national minorities. The State Report implies that all 130 'nationalities' residing in Ukraine, except the Ukrainians, are covered by the Framework Convention2 . At the same time, the State Report employs the term 'ethnographic (sub-ethnic) groups of the Ukrainian people' – a term that is not defined in any legislation pertaining to national minorities – to describe e. g. the Boikos, Hutsuls and Rusyns, without giving comprehensive information on their situation and without indicating whether it considers that persons belonging to these groups are protected by the Framework Convention. The Advisory Committee is aware of the fact that in particular Rusyns have made extensive efforts to obtain from the Government a fuller recognition of, and support for, their specific identity. The Advisory Committee believes that these concerns merit attention and it is therefore pleased to note that the authorities have taken certain steps to address them. In particular, the Advisory Committee welcomes the fact that, unlike in the census of 1989, the Rusyns and other 'sub-ethnic groups' are treated as a separate category under 'ethnic origin' in the census of December 2001. This recognition of their separate identity is however limited: in contrast to 130 other groups, Rusyns and the other seven 'sub-ethnic groups' will not be considered a separate 'nationality' category in the census but a part of the Ukrainian 'nationality'. The Advisory Committee nevertheless expects that the numerical data concerning various 'ethnic origin' categories will also be made public and that, thereby, the results of the census will provide a basis for an improved dialogue between persons belonging to the groups concerned and the authorities, covering also issues pertaining to the implementation of the Framework Convention".

In the Charter documents from the countries that have ratified the Charter it is clear that in Croatia Ruthenian has or at least should have part III recognition as it is one of the seven recognized regional or minority languages, the other ones being Serbian, Hungarian, Italian, Czech, Slovak, and Ukrainian. As non-territorial languages Hebrew and German are mentioned whereas the position of Romany is uncertain. In Slovakia Rusyn also has part III recognition and protection whereas in Hungary Ruthenian is considered a non-territorial language with recognition only in accordance

with part II of the Charter. This has caused a reaction from the Committee of Experts on the Charter, which in its Second Report on Hungary (p. 7) finds that Ruthenian could be seen as a territorial language and thus have protection according to part III. As I said earlier the Lemks/ Rusyns in Poland are considered an ethnic minority. The Polish division of the minorites into ethnic minorities and national minorities could be one of the obstacles to a Polish ratification of the Charter. What level of protection should the ethnic minority languages have? Are these languages to be considered non-territorial and thus have only protection according to part II of the Charter or should they get the same protection as for example Lithuanian, which is clearly both a territorial and a minority language? When I read the Polish minority law I could not, however, find that the authors of the law made any distinction between ethnic and national minorities as far as rights are concerned.

Kajkavian and Čakavian

As it is impossible to see the Kajkavian- and Čakavian-speakers in Croatia as national minorities they are not mentioned in Croatia's Framework reports to the Council of Europe. I could not find them mentioned in Croatia's papers on the Charter either, although it would have been possible to give them the designation of regional languages as the Poles did with Kashubian and the Germans with Low German. My guess is that this was impossible due to the linguistic situation in former Yugoslavia. A recognition of Kajkavian and Čakavian as regional languages would have weakened the position of Standard Croatian in Croatia and vis-à-vis the other states of former Yugoslavia.

Rezian Slovene and Molise Croatian

The Slovenes and Croats are considered national minorities in Italy's Framework report. Nothing,however, is said about the languages. Nor are they mentioned in Slovenia's or Croatia's reports.

Prekmurje Slovene

The Slovenian reports do not seem to see Prekmurje Slovene as different linguistically from the language of the rest of the Slovene population. This is evident from both the Framework convention reports and the reports in connection with the Charter.

Burgenland Croatian

In the first Framework Convention report from Austria the group is called the Croat minority of Burgenland and its language Croat. A distinction between Burgenland Croatian and Croatian was first made in the census of 2001. On this the Advisory Comittee writes in its Opinion the following:

> "The Advisory Committee *finds* that opinions differ among the various representatives of the Croat minority in Burgenland as to the justification of the distinction made for the first time between "Croatian" and 'Burgenland Croatian' languages in the 2001 census. It *considers* important that the Austrian authorities continue with other representatives of the Croat minority the dialogue already initiated with the Advisory Council for the Burgenland Croat minority concerning the relevance of this distinction and whether it should be maintained".

In the Charter documents from Austria Burgenland Croatian is treated as a language separate from (Standard) Croatian and the Burgenland Croats at least partly as a group separate from other Croats. In the title of the text on the minorities in Austria they are called Croats but in the text Burgenland Croats. Thus the specificity of at least the language is fully recognized.

Banat Bulgarian

The Bulgarians in the Romanian Banat have a special organisation "the Bulgarian Union from Banat from Romania" and are recognized as a national minority. A specific Banat Bulgarian is not mentioned.

Moravian and Silesian

The Czechs have a problem with the Silesians and Moravians. Both in the first and second Framework convention report they are adamant that Silesians and Moravians are Czechs and that their language is Czech.

> "1st Czech report
> In the ethnic structure of the Czech Republic the population of Moravia and Silesia is not in the position of a national minority. This is evident from this population's unlimited possibilities to exercise civil and political rights with respect to receiving education in the mother tongue (the Czech language), diffusion and reception of information in the mother tongue (the Czech language), and development of culture,

including regional culture. The Moravian and Silesian dialects do not significantly differ from the official standard of the Czech language.

2nd Czech report

The reporting of Moravian and Silesian national identity for census purposes is clearly one of the phenomena that have accompanied the post-1989 political changes. It may be understood as an expression of the Moravian historical identity, but it does not imply that parts of the population in Moravia and Silesia constitute a national minority distinguished from the majority population by ethnic origin, language and culture".

In the Polish Framework convention report the Silesians are not considered a minority, nor are they counted as a minority in the new Polish minority law. It is interesting to see what the Council of Europe's group of experts wrote in their opinion on the first Polish report:

"The results of the latest census also show that large numbers of people stated 'Silesian' in reply to the question on national affiliation – more, indeed, than stated belonging to any of the 13 national minorities, and more than the number of Kaszubs. The Polish authorities consider that Silesians cannot be treated as a national minority nor be protected by the Framework Convention. Whatever the approach ultimately adopted, the Advisory Committee urges the Polish authorities to continue their dialogue with the Silesians on this matter and to take care that persons claiming to belong to the Silesian group are able to express their identity (see also related comments below under Article 7)".

Kashubian

In the Polish Framework convention report the Kashubians are not treated as a minority although they are mentioned in some places – in one place as "the Kashubian community",in another as the "Kashubian minority". In the opinion from the Council of Europe this is discussed as follows:

"In view of these elements, which raise some doubt on the reliability of the latest census results as to the numbers of persons having decalred their belonging to a national minority and those having stated that they spoke Kaszub, the Advisory Committee believes that the authorities should interpret these results with caution, particularly for purposes of developing policies and measures and allocating subsidies to national minorities. Caution is all the more required as the results of

the latest general census, published after submission of the State Report, indicate a drastic fall in the number of persons belonging to national minorities and that a large percentage of respondents did not declare any ethnic belonging despite the compulsory nature of this question. The drop is evident not only from the estimates put forward by minorities' representatives but also from those which the authorities gave in the State Report, in many cases three to four times larger than the figures produced by the census. The Advisory Committee is concerned that such large discrepancies can seriously hamper the ability of the state to target, implement and monitor measures to ensure the full and effective equality of persons belonging to national minorities. It is therefore important that the authorities bear such discrepancies in mind when discussing policies and other measures with representatives of national minorities".

Even if Poland has not ratified the Charter it has taken it into account when writing its new minority law in which Kashubian is recognized as a regional language In the text the Charter is mentioned:

"**Rozdział 4**

Język regionalny

Art. 19.

1. Za język regionalny w rozumieniu ustawy, zgodnie z Europejską Kartą Języków Regionalnych lub Mniejszościowych, uważa się język, który:

1) jest tradycyjnie używany na terytorium danego państwa przez jego obywacieli, którzy stanowią grupę liczebnie mniejszą od reszty ludności tego państwa;
2) różni się od oficjalnego języka tego państwa; nie obejmuje to ani dialektów oficjalnego języka państwa, ani języków migrantów.
3) Zmiany tekstu jednolitego wymienionej ustawy zostały ogłoszone w Dz.U. z 2003 r. Nr 45, poz. 391, Nr 65, poz. 594, Nr 96, poz. 874. Nr 166, poz. 1611 i Nr 189, poz. 1851 oraz z 2004 r. Nr 19, poz. 177, Nr 93, poz. 890, Nr 121, poz. 1264, Nr 123, poz. 1291 i Nr 210, poz. 2135. 10

2. Językiem regionalnym w rozumieniu ustawy jest język kaszubski. Przepisy art. 7–15 stosuje się odpowiednio, z tym że przez liczbę mieszkańców gminy, o której mowa w art. 14, należy rozumieć liczbę osób posługujących się językiem regionalnym, urzędowo ustaloną jako wynik ostatniego spisu powszechnego".

By recognizing Kashubian as a regional language and not as a minority language Poland has managed to avoid the question of minority status for the Kashubs. Kashubs are simply those persons stating in the last census that they use Kashubian, that is about 50000 persons and they are not considered a minority but as some kind of language community.

West Polesian

As Belarus is not covered by the Framework Convention nor by the Charter and not a member of the Council of Europe West Polesian could not be discussed in these texts.

Lower and Upper Sorbian

In the German Framework Covention texts one Sorbian people is recognized and one Sorbian language with two written languages, Upper and Lower Sorbian:

> "In the Middle Ages, the Sorbian language was spoken in a much more extended area than today. Sorbian is part of the West Slavnic language family. From the various dialects of colloquial Sorbian, two written languages developed: Upper Sorbian [more precisely: the Sorbian of Upper Lusatia], and Lower Sorbian [the Sorbian of Lower Lusatia]. The areas where Sorbian is spoken today are Upper Lusatia in the northeast of the Free State of Saxony, and Lower Lusatia in the southeast of the *Land* of Brandenburg. The Sorbs living in Lower Lusatia are also known as Wends".

Upper and Lower Sorbian also get part III protection according to the Charter (German 1st report):

> "The Charter contains the criteria for regional or minority languages. It refers to the languages traditionally spoken in a Contracting State. In Germany, a regional language within the meaning of the Charter is Low German. Protected minority languages are the languages of national minorities and of other ethnic groups traditionally resident in Germany, who in the FRG come under the Council of Europe Framework Convention for the Protection of National Minorities – Danes, the Sorbian people, Frisians in Germany, and the German Sinti and Roma. These languages are Danish, Upper (Lusatia) Sorbian and Lower (Lusatia) Sorbian [Wendish], North Frisian and Saterland (East) Frisian, and the Romany language of the German Sinti and Roma".

In the second report the Sorbian languages have a slightly different denomination:

> "These languages are Danish, Upper Sorbian [of Upper Lusatia] and Lower Sorbian [Wendish] (of Lower Lusatia), North Frisian and Saterland Frisian [East Frisian spoken in the Saterland], and the Romany language of the German Sinti and Roma".

In the Charter documents Upper and Lower Sorbian are thus two languages.

As the Framework Convention and the Charter are judicial documents the reports and opinions from the expert committees to a great extent concern the legal side of the recognition and protection of minorities and minority languages though they also deal with the implementation of the national laws and the paragraphs of the Convention and the Charter in real life. When it comes to languages the main idea is that every minority has the right to a language of its own, to use that language and receive education in that language. As to the language name it is dependent on the name of the group in most cases. There is not much written in the reports or opinions about the substance of the language nor about interference phenomena, that is about contact with other languages. Sometimes the need for schoolbooks in a particular language is mentioned or the need to codify and standardize the language as for example Ruthenian in Hungary.

Euromosaic

More information about the languages themselves is found in the Euromosaic documents. The Euromosaic documents describe the situation for Pomak and Aegeian Macedonian in Greece, Slovene and Croat in Italy, Croat in Austria, Ruthenian and Slovene in Hungary, Ruthenian in the Czech Republic, Kashubian and Ruthenian (under the name Russinian/ Ruthenian or Lemkish) in Poland, and Upper and Lower Sorbian in Germany.

Germany – Upper and Lower Sorbian

> "Sorbian is also popularly referred to as Wendish and is divided into written Upper Sorbian and Lower Sorbian. It is from the Indo-European (Indo-Germanic) language family, belonging to the Western branch of the Slavic subgroup. Because of the German-speaking environment, numerous Germanisms have entered Sorbian vocabulary and syntax.

The main dialects are the Bautzen, Kamenz and Cottbus dialects. The language is written in the Roman alphabet and diacritical marks are used in the spelling. The alphabet can be divided into Upper Sorbian and Lower Sorbian".

Poland – Kashubian

"Kashubian [kaszëbsczi jãzek / kaszëbizna] is a West Slavic language spoken in northern Poland in the Pomorskie Voivodship. In some districts [powiaty] of this voivodship Kashubian is used more often: Gdańsk [Gduńsk], Gdynia [Gdiniõ], Wejherowo [Wejrowò], Puck [Pùck], Lębork [Lãbòrg], Bytów [Bëtowò], Kartuzy [Kartùze], Kościerzyna [Kòscérzna] and Chojnice [Chòjnice]. A specific (yet limited) Kashubian literature emerged in the 19th century with Xazeczka dlo Kaszebov by Florian Cejnowa (1817–1881). Since Kashubian is not comprehensively standardised, except for the above-mentioned text, it is often considered as a branch of the Pomeranian dialects or Polish. Therefore it does currently not have the status of a national or ethnic minority in Poland.

Although language contact between Kashubian and Polish has already lasted for several centuries, spoken Kashubian clearly differs from Polish dialects and standard Polish. Major differences occur in the fields of phonetics, vocabulary and word formation. However, literary (written) Kashubian is very close to standard Polish due to borrowings and syntactic similarities. In total there are 50 dialectal varieties of Kashubian".

Poland – Ruthenian

"Russinian/ Ruthenian [rusyn'skyj jazyk] or Lemkish [lemkivskyj jazyk] (denomination used in Poland) is an East Slavic language along with Ukrainian, Russian and Belarusian. Today, it can be considered as a Ukrainian dialect; however, on an ethnic-cultural level the Lemks are particularly independent. The Polish Ruthenians lived in the Łemkowszczyzna [Lemkowyna] region of the Lower Beskid belonging to the Beskid Sądecki mountains. Nowadays, they live scattered over the voivodships Dolnośląskie, Małopolska, Lubuskie, Podkarpackie and Zachodniopomorskie.

The Ruthenians are a population group living mostly in Sub-Carpathian Ukraine who have preserved their own dialect – Lemkish – in the mountainous regions. Since 1989 the Polish authorities have acknowledged Ruthenians (or Lemks) as an ethnic minority".

Slovakia – Ruthenian

"Ruthenian [rusyn'skyj jazyk] is an East Slavic language employing the Cyrillic alphabet. However, opinions on its relation to other East Slavic languages differ. Some linguists consider Ruthenian as a branch of Ukrainian; others attribute it to a general Russian language area including modern Russian, Byelorussian and Ukrainian. However, it is agreed that Ruthenian dialects are different from other East Slavic languages due to borrowings from their respective neighbouring dialects and languages (e.g. Slovak, Polish and Hungarian). The issue of the linguistic classification of Ruthenian is closely linked to the issue of nationality: are Ruthenians originally Russians, Ukrainians or Ruthenians / Carpathian Ruthenians (i.e. an independent nationality)? These three influences are still represented in Slovakia. The Ruthenian used in Slovakia includes characteristics of Ukrainian vernaculars, Church Slavic, Russian and Slovak. The language was codified in 1995. The first Ruthenian texts date back to the 17th century. Following the Reformation, ideas on the vernacular even led some Greek Catholic bishops to conclude that important religious books should be written in the language of the people rather than Church Slavic. Traditionally, membership in the Greek Catholic Church is a feature which identifies many Ruthenians".

The Czech Republic – Ruthenian

"Ruthenian [rusyn'skyj jazyk] is an Eastern Slavic language that belongs to the Indo-European family. Until World War II the Ruthenians were a distinct component of the Chzechoslovak state (the Podkarpatská Rus); when the Czechoslovak state was founded it was even suggested that the country be called Česko-slovenská-rusínská republika [Czecho-Slovak-Ruthenian Republic]. The territory of Sub-Carpathian Ukraine was later annexed by the USSR (now part of Ukraine); Ruthenians in the CR were identified as as subset of Ukrainians and registered as such. In the 2001 census 1,106 people have declared Ruthenian nationality (they were 1,926 in 1991). Estimates provided by the community itself indicate 10,000 members".

Hungary – Ruthenian

"Along with Russian, Belorussian and Ukrainian, Ruthenian (also referred to as Rusyn [rusyn'skyj jazyk]) belongs to the East Slavic branch of languages. From a linguistic point of view Ruthenian is ge-

nerally considered to be a dialect of Ukrainian or a transitional dialect of Ukrainian and Slovak. It should however be noted that Ruthenian is now considered to be an official language in the Autonomous Province of Vojvodina (Serbia). There are two Ruthenian dialects: Carpatho-Ruthenian that is close to Russian and Ukrainian and Panonian-Ruthenian that is close to West Slavic and in particular to Slovak. The Ruthenian used in Hungary is of the Panonian-Ruthenian variety. The number of people belonging to the Ruthenian minority in Hungary is estimated between 1,098 (according to provisional results of the 2001 census) and 6,000 (according to minority organisations ...)".

Hungary – Slovenian

"Slovenian [slovenski jezik / slovenščina] is a South Slavic language closely related to Croatian. Both Slovenian and Croatian belong to the western subgroup of South Slavic. In all some 2.4 million people speak Slovenian. Most of them live in Slovenia (1.75 million or approximately 87.8% of the country's population). The Slovenian varieties spoken in Hungary differ from those used in Slovenia.

[...]

The Hungarian Slovenes nowadays are mostly bi- or trilingual (meaning that they use Hungarian and/or a local variety of Slovenian and/or standard Slovenian). There are intergenerational differences: whereas the older generation is predominantly dominant Slovenian bilingual, the younger generation is Hungarian dominant bilingual (if not Hungarian monolingual). A sociological study of Slovene-Hungarian bilingualism on both sides of the border, carried out in the mid-1980s, found that the use of Slovene in Hungary predominates within the nuclear and the extended family, whereas language use in conversations with friends and school-mates, as well as for shopping, tends to be bilingual. While in the 1990 census 2,627 people declared Slovenian to be their mother tongue, 3,187 did so in the 2001 census. Given the purely indicative nature of census figures it is not clear whether this increase points to a reversal of language shift".

Austria – Croat

"Croat is a meridional Slav language very similar to Serbian. Because of its isolation for 450 year the Croat spoken in Burgenland differs from standard Croat. It is spoken within linguistic islands by about 25,000 in the 'Südmähren' area of Slovakia and of western Hungary extending as far as Burgenland, that is by about 9% of the population

(also there are about 6,000 speakers in Vienna). The principal locations where the language is used are Neusiedl/ Niuzalj, Eisenstadt/ Željezno, Mattersburg/ Matrštof, Oberpullendorf/ Gornja Pulja, Oberwart/ Borta et Güssing/ Novi Grad.

The Croat of Burgenland has its origin in the *čakavique-icavique-ekavique* dialects of central Croatia and Bosnia which have developed since the 18th century within a German and Hungarian language environment without contact with the country of origin. All the Croats of Burgenland also speak German. The spoken language displays many interference phenomenon with German. The written language is based upon the Croat dialects of Burgenland and reveals grammatical changes in relation to standard Croat, the tendency to preserve archaic forms, as well as innovations based upon the language contact model, German and Hungarian. The linguistic differences between standard Croat and the Croat of Burgenland, especially by reference to the written form, are marked, thereby making written communication difficult".

Italy – Slovene

"The Slovenian-speaking community lives in an area of 1km2 along the Italian-Slovenian border. This settlement area has been subject to many border changes over the past 50 years, making the 50 to 80 [thousand] Slovenian speakers the largest of the minorities living in the area (which include the German-speaking and Friulian-speaking communities).

The Slovenian minority lives in Friuli Venezia Giulia, one of Italy's 20 Regions. A Special Statute was introduced to protect the minorities living in the border regions of Valle d'Aosta, Trentino and Friuli Venezia Giulia.

[...]

The Slovenian language in the three Provinces, known as slovencina in Slovenian, is part of the Slavic subgroup of language families. It is known under the popular name of slavo in Italy and can be subdivided into six dialects: Carinthian (koroško), Littoral (primorsko) from Rovte (rovtarsko), High Carniolan (gorenjsko), Low Carniolan (dolenjsko), Styrian (štajersko) and Pannonian (panonsko)".

Italy – Croat

"Le croate est parlé dans trois communes d'Italie qui se situent dans la région de la Molise, plus précisément dans la province de Campobas-

so, à savoir les communes de San Felice del Molise (ou Filič, en croate), Montemitro (Mundimitar) et Acquaviva Collecroce (Kruč). Les variétés de croate qui y sont parlées correspondent au 'croato-štokavo-ikavo' et elles sont aussi connues sous les noms de 'slavo', 'Naš jezik' ou 'Na našu'. Il s'agit de variétés serbo-croates de la famille des langues slaves, écrites au moyen de l'alphabet latin.
[...]
Plus petite communauté alloglotte d'Italie, la communauté croatophone a survécu dans les trois communes de San Felice, Acquaviva et Montemitro grâce à son éloignement des grandes voies de communication jusqu'à tout récemment.
[...]
Selon notre correspondant, l'absence de conflit linguistique au cours des vingt dernières années s'explique en partie par l'apathie de la population qui considère généralement la connaissance de l'italien comme plus importante que celle du croate. Quant aux intellectuels, ceux-ci seraient divisés, les uns désirant donner au croate local un système d'alphabet propre et épuré des italianismes, les autres favorisant l'adoption de l'alphabet du croate standard.

Aujourd'hui le maintien du croate est favorisé par des liens plus étroits avec la Croatie. Les Croates de la Molise peuvent suivre des cours de langue à Zagreb, où même y étudier à l'université".

Greece – Pomak

"Le pomak – autrement dit, les variétés dialectales du bulgare méridional – qui est parlé aujourd'hui en Grèce évolue indépendamment de tout contact avec la langue bulgare officielle. Ces quarante dernières années, la langue a été soumise, du point de vue mophologique, à l'influence du turc et à un moindre degré du grec. Toutefois, ce sont les nombreux mots turcs de la variété dialectale parlée dans le département du Rhodope qui génèrent un certain nombre de difficultés de compréhension mutuelle, du fait que ses locuteurs ignorent les termes bulgares correspondants. Une série d'emprunts lexicaux au grec et au turc ont pénétré les idiomes de toutes les régions. Aucune étude n'a été réalisée en Grèce sur les variétés dialectales et les parlers locaux de Thrace. Il existe bien entendu des travaux plus anciens qui sont l'oeuvre de spécialistes bulgares (cf également: le macédonien / bulgare en Grèce)".

Greece – Aegeian Macedonian

"Exception faite de la sous-préfecture de Kilkis, on retrouve aujourd'hui des slavophones dans les régions où ils étaient implantés au début du siècle. La plus forte concentration de population se rencontre en Macédoine occidentale. Dans tout le département de Florina, où ils constituent la moitié au moins de la population, dans la sous-préfecture d'Almopie, d'Edessa et secondairement de Yannitsa (département de Pella), dans certaines régions du département de Kastoria, une fraction importante de la population connaît et utilise la langue [slavo-] macédonienne, tout en ayant conscience de ses spécificités culturelles.

La répartition du [slavo-]macédonien / bulgare par départements, indépendamment du déclin de la langue et du fait que les villages soient homogènes ou mixtes, se présente comme suit:

[...]

Le [slavo-]macédonien et le bulgare constituent le sous-groupe oriental des langues slaves méridionales. Le macédonien n'a acquis une forme littéraire standard qu'en 1944 sur la base des variétés dialectales de Prilep et de Veles. Il est évident que, dans l'aire géographique plus large de ces deux langues, et notamment en Macédoine grecque, sont parlés une série de variétés dialectales et de groupes plus ou moins proches des deux langues officielles, comme cela se produit du reste dans des cas analogues de langues relevant du même groupe. La langue macédonienne officielle, telle qu'elle s'est constituée, est relativement éloignée du bulgare au point qu'on peut parler d'une langue autonome qui ne saurait être 'confondue' avec un dialecte bulgare. Néanmoins, les premières formes écrites de variations macédoniennes de la langue sont les textes de l'ancienne langue ecclésiastique slavonne (celle qu'écrivirent Cyrille et Méthode). Les sous-groupes dialectaux parlés en Macédoine grecque sont au nombre de trois: celui de Serrès-Drama, celui du bas Vardar (Axios) et celui de Kastoria-Florina. Chacun d'entre eux comprend nombre de variations. La compréhension mutuelle ne pose pas de problèmes particuliers. Les locuteurs appellent leur langue le makedonski en Macédoine occidentale et centrale. En Macédoine orientale, et dans certaines régions de Macédoine occidentale, la plupart, bien qu'ils aient connaissance de ce dernier terme, ont plut recours à l'appellation de bu(l)garski.

Les idiomes qui sont parlés aujourd'hui en Grèce comportent des emprunts au grec, surtout au niveau du lexique".

Even though some of the descriptions leave a great deal to be desired and do not seem to be made by linguists we can see that they at least say

something about the specific characteristics of the languages (or dialects) concerned and thus give an additional recognition value to them.

Conclusion

The work that has been carried out in connection with the Council of Europe's Framework Convention and Charter reports and the opinions and reports from the Committees of experts and Advisory committees have given some of the Slavic litterary microlanguages an additional and even definitive recognition. One can also see that the work on the European Commision's Euromosaic project gives an additional recognition value to many of the microlanguages.

The Framework Convention for the Protection of National Minorities, the European Charter of Regional or Minority Languages, Euromosaic and the Slavic Literary Microlanguages

Sven Gustavsson

The situation for European minorities and European minority languages is monitored through rather many treaties and by many organisations. The most important monitoring mechanisms are however found in connection with the Council of Europe's Framework Convention for the Protection of National Minorities and the European Charter for Regional or Minority Languages. Minority protection is also part of the work of the European Union authorities. When minority and minority language issues are concerned the European Union seems to rely at least partly on the work of the European Council. However, the Euromosaic project, which is financed by the European Union, can be seen as some kind of monitoring the situation for minorities and especially minority languages. The countries that have signed and ratified these treaties are obliged to deliver country reports that are followed by opinions from committees at the Council of Europe and resolutions from the Committee of Ministers. The Euromosaic project has up to now delivered reports on all member states of the European Union.

These reports, opinions etc are available on the web and are possible to down-load. They are in many respects interesting because they give rather important insights into the minority policy and minority language policy of the individual countries. By signing and ratifying these documents, the states

have granted some minority or regional languages including some of the microlanguages protection and given them a lasting recognition.

sven.gustavsson@slaviska.uu.se

2. ВОПРОСЫ НОРМАЛИЗАЦИИ И ЭВОЛЮЦИИ СЛАВЯНСКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ МИКРОЯЗЫКОВ

Roland Marti, Saarbrücken

(Nje)pśijaśelne wobojmjeśa: położenje serbšćiny a dolnoserbskeje rěcy

Ako wšykne zjawjenja towarišnostnego byśa cłowjeka, njewobstoj rěc w izolaciji, ale pśecej w zwiskach z drugimi rěcami. Z pośěgami mjazy rěcami zaběra se sociologija rěcow (*sociology of language*)[1]. Za wopisanje poměrow mjazy rěcami su se we wobłuku sociologije rěcow narazili wšake klasifikacije: małe a wjelike rěcy (gl. na pś. DULIČENKO 1998; NEKVAPIL 2003), mjeńše a wětše (na pś. GAGE 1986; STOLZ 2001), podtłocone a knježece se[2] atd. Pomjenjone klasifikacije pokazuju, aż njejo rownowaga typiska situacija mjazy rěcoma abo rěcami, ale nejskerjej asymetrija. Wuslědk njerownowagi w pośěgach jo cesto dosć wutłocenje jadneje z rěcowu pśez drugu[3].

Pśi wopisanju pośěgow mjazy rěcami njedej se zabydnuś, aż njewobstoje same rěcy wot wšogo zachopjeńka ako derje definowane jadnotne

---

[1] Zajmne jo, aż wužywa zapśimjeśe *sociology of language*, kenž jo zwězane z mjenim a ze źělabnosću J A. Fishmana (gl. na pś., wudate wot njogo casopismo *International Journal for the Sociology of Language* a rěd *Contributions to the Sociology of Language*), singular a nic plural ako w serbšćinje.

[2] Toś ta terminologija jo wjelgin rozšyrjona a wužywa se wosebnje w rozestajenjach wo wobgrozone rěcy (na pś. HALE a dr. 1992, GRENOBLE / WHALEY 1998), wo smjerś rěcow (na pś. DORIAN 1989) a wo rěcnej diskriminaciji (na pś. SKUTNABB-KANGAS / PHILLIPSON 1994).

[3] Pśikład za take wutłocenje jo marginalizacija keltiskich rěcow, kenž su se něga knježyli we wětšem źělu Europy a kenž su źinsa jano hyšći žywe na kšomje britiskich kupow a w Bretoniskej. Stare kontinentalne keltiske rěcy su se dospołnje zgubili; bretoniska rěc njesłuša ku kontinentalno-keltiskej kupce, ale k britiskej, gl. HUMPHREYS (1992).

struktury: woni nastawaju ako wuslědk pośěgow mjazy luźimi abo kupkami luźi a mogu se teke pod wliwom tych pośěgow zasej pśeměniś. Wuchojźišćo za wuwiśe njejsu potakem kšute rěcne mroki, ale rěcny kontinuum. Jano tam, źož jaden rěcny kontinuum jo dosegnuł drugi, možo se groniś wo rěcnej mroce (na pś. mroka mjazy germańskim a romańskim kontinuumom). Znutśika kontinuuma njewobstoje *per definitionem* jasne mroki, ale pomały pśechod. Mroki su akle po casu nastali pod wliwom rozdźělneje intensity pośěgow a su se formalnje wobkšušili pśez wuwiśe jasnych mrokow mjazy pisnymi rěcami, kenž su se potom wuwijali do standardnych rěcow. Lěcrownož pisne a wosebne standardne rěcy zdaju se ako něco wobstawnego, mogu se woni pod nowymi wuměnjenjami zasej pśeměniś, rozdźěliś, zjadnotniś abo samo zgubiś. Pśikład takego pśeměnjenja jo rěcne położenje pla podpołdnjownych Słowjanow, źož su na kóncu XIX. st. wobstojali słowjeńska, serbochorwatska a bułgarska standardna rěc, a jadno stoléśe pozdźej su to byli słowjeńska, chorwatska, bosniska, serbiska, makedońska a bułgarska standardna rěc. Togodla njemuse se jano pśepytowaś pośěgi mjazy standardnymi rěcami, ale teke same standardne rěcy, dokulaž južo wobstojece standardne rěcy mogu zachadaś abo nowe standardne rěcy mogu nastaś. To płaśi głownje za położenje w kontinuumje, ale može teke pśestupiś mroki kontinuuma, gl. na pś. nastaśe engelšćiny abo kreolskich rěcow.

Fakt, aż jo njerownowaga typiske położenje mjazy rěcami, wjeźo cesto dosć k rěcnym rozestajenjam[4]. Pśi tym njejo rěc pśecej jano wětša abo mjeńša: konkretne położenje wotwisujo wot drugich rěcow w geografiskem abo politiskem rumje a wot rěcneje politiki. Tak jo nimska rěc wjelika rěc w Europje (najwětša w Europskej uniji; glich njejo oficialna rěc w Europskej raźe), mjeńšyńska rěc w Italskej ale zasej rěc wětšyny w podpołdnjowem Tirolu[5].

---

[4] Kněžy se samo měnjenje, aż "rěcny kontakt jo rěcny konflikt", gl. NELDE 1986 a 1989.

[5] Možo se samo staś, aż su pośěgi mjazy samskima rěcoma w jadnem staśe rozdźělne. Tak jo ladinska rěc w italskej prowinciji Bolzano derje šćitana, ma w prowinciji Trento wěste pšawa, ale jo podtłocona we prowincy Belluno (gl. PFISTER 1996).

Podobne pśeměnjenja pośěgow mamy teke mjazy nimšćinu a (podwjacorneju) słowjańšćinu[6]. Tak jo se w rumje podzajtšnje wot Łobja do pśeśěgowanja ludow wužywała germańšćina, w srjejźowěku słowjańšćina, potom stej pśišłej wobej kontinuuma do kontakta a słowjańšćina jo se pomałem wutłocyła do podžajtša. Akle w XX. st. jo se mroka mjazy kontinuumoma zasej pśesunuła na podwjacor.

Ako slědny zbytk słowjańšćiny jo se w tom rumje zachowała serbšćina. W běgu casa jo se wona na podłožku njerěcnych faktorow źěliła na dolnu a na gornu serbšćinu. Pośěgi mjazy tymi tśimi rěcami (nimšćina, dolna a gorna serbšćina) su dobry pśikład njerownowagi: mjazy nimšćinu a serbšćinu dominujo nimšćina, a mjazy gorneju a dolneju serbšćinu gorna. Zajmne jo pśi tom, až jo położenje njerownowagi mjazy nimšćinu a serbšćinu derje pśepytowane, ale nutśikownoserbske pośěgi nic. Togodla buźom w dalšnem wosebnje glědaś na nutśikownoserbski aspekt pšašanja. Com na zachopjeńku krotko wopisaś wuwiśe słowjańskego rěcnego kontinuuma we wobcerku źinsajšneje Nimskeje a źělenje serbšćiny. Pon koncentrujo se pśepytowanje na tśi wuwiśowe doby: doba do drugeje swětoweje wojny, cas NDR a źinsajšne położenje. W kuždej dobje wopisujotej se pośěg mjazy nimšćinu a serbšćinu a wosebnje pośěg mjazy dolneju a gorneju serbšćinu.

Mroki mjazy słowjańšćinu a nimšćinu njejsu pśecej byli tam, źož se woni źinsa namakaju: woni su se w běgu stoléšow młogi raz pśeměnili. Gaž glědamy na strony mjazy Łobjom na jadnom boce a Nysu a Wodru na drugem, su tam po nejstaršych informacijach pisnych žrědłow dłujki cas sejźeli germańske rody. Woni su potom wopušćili toś te strony w casu pśeśěgowanja ludow (wot IV. st.) wopušćili. Potakem jo był srjejźny źeł Europy pśisamem prozny. Słowjany, kenž su bydlili na podžajtšu, su wot VI. st. pśeśěgowali na podwjacor k Łobju a hyšći dalej (gl. HERRMANN 1985). Wot końca IX. st. jo se to zasej pśeměniło: zachopijo »reconquista« pśez germańske ludy pod wliwom "Drang nach Osten". Słowjańskorěcne strony su padnuli pod nimske nadkněstwo a su se pomałem pśenimcowali. K tomu mjenjej abo wěcej měrnemu wuwiśeju

---

[6] Popšawem płaśi to teke za podpołdnjownu słowjańšćinu, ale tam jo położenje hyšći komplikowańše, dokulaž pśiźo ku germańšćinje a słowjańšcinje hyšći romańšćina ako tśeśi partnaŕ a dokulaž njejstej se njeposrědnej kontaktnej rěcy (alpska słowjańšćina a alpska romańšćina) zachowałej.

su wšake faktory pśipomagali. Nimska wušnosć njejo na zachopjeńku wobwliwowała rěcne położenje a wuwiśe, ale njejo teke zadorała pśenimcenju. Ważne jo było założenje a wuwiśe městow, dokulaž jo se w městach kněžyła nimšćina, a wot městow jo se nimska rěc wupśesćěrała na wokolnosć. Pozdźej su se strony změstymi kolonizowali pśez nimskorěcne bury. Wosebnje na kšomje słowjańskorěcnych stronow jo se pśenimcenje zmocniło pśez kazniske měry (na pś. tak pomjenjone "Wendenparagraphen"). Mocny wliw jo měł w XVI st. reformacija a hyšći pozdźej šula a centralizowana administracija. Pśenimcenje jo wjadło k nastaśeju słowjańskorěcnych "kupow" w nimskem "morju". Wo wětšynje tych "kupow" wěmy wjelgin mało, powšyknje znate su jano połobske Słowjany we Wendlanźe na popołdnju wot Hannovera, kenž su se akle w XVIII. st. skończnje pśenimcowali, Kašuby a Słowincy, kenž se źinsa namakaju w polskem "morju", a Serby, kenž su potakemślědna słowjańskorěcna "kupa" w nimskem "morju". Rěcne stawizny togo wjelikego teritoriuma su głowny pśikład pśenimcowanja, dokulaž jo wuwiśe wjadło k womało połnemu wutłocenju słowjańšćiny[7]. Akle na kóncu, gaž jo jużo było pśepozdźe, su se jadnotliwce zajmowali za wobgrozonu rěc (gl. na pś. zajm za połobšćinu w XVIII st.; OLESCH 1989).

Słowjańskorěcna zachadnosć ruma mjazy Łobjom a Wodru jo se jano zachowała w geografskich mjenjach, a toś te strony su potakem pśikład za *Slavia submersa*. Jadnučke wuwześe, źož źinsa njejo tak, stej Łužycy a jeju wobydlarje, Serby. Łužycy žednje njejstej byłej jadnotny teritorium daniž politiski, daniž geografiski. Tomu jo teke źinsa tak, dokulaž stej rozdźělonej mjazy Sakskeju a Bramborskeju[8].

Což nastupa rěcne źělenje, njejo położenje tak jasne. W sorabistice stojtej se dwě měnjeni napśeśiwo. Prědne wuchojźi z koncepcije, až jo serbšćina była w zachadnosći jaden rěcny kontinuum, kenž jo se pon pod njerěcnymi wliwami (politiske mroki atd.) rozdźělił (gl. ŁÖTZSCH 1965). Druge měnjenje wiźi na zachopjeńku dwě rozdźělnej rěcy, kenž stej se pśez kontakt pomałem pśibližowałej a formowałej jaden rěcny kontinuum

---

[7] Na podłožku toś tych stawiznow su Słowjane wiźeli Nimce (abo Germańce) ako głowne winiki słowjańskwa, gl. na pś. baseń J. Kollára *Slávy dcera* (KOLLÁR 1868).

[8] Źěl Łužycy, kotaryž se namaka na pšawem boce Nysy a Wodry, ma za sorabistiku jano historiski zajm, dokulaž njejo se tam serbšćina zachowała, gl. SIATKOWSKA 2000.

(gl. SCHUSTER-ŠEWC 2000)[9] . Nad toś tym kontinuumom su se wuwili wšake pisne formy rěcy, kenž su se w běgu casa zjadnośili do tśich pisnych rěcow (katolska a protestantska gornoserbšćina na jadnem boce a dolnoserbšćina na drugem) a pon do dweju standardneju rěcowu, dolno- a gornoserbskeje (gl. FASSKE 1994)[10]. Nejpozdźej w XIX. st. jo se wobkšušiło wobstaśe dolno- a gornoserbšćiny ako samostatnej standardnej rěcy, dokulaž stej se akle tencas skończnje kodifikowałej (gl. BROZOVIĆ 1987).

Pośěgi mjazy nimšćinu a serbšćinu do drugeje swětoweje wojny možo se wopisaś ako dłujkotrajny proces wutłocenja serbšćiny pśez nimšćinu. Wutłocenje njejo pśecej było planowane. Wosebnje w casu do reformacije njejo se wušnosć zaběrała intensiwnje z rěcnym pšašanim, a pśenimcenje jo był głownje nještorowany proces asimilacije. Akle po reformaciji stej cerkwinska a statna wušnosć pomałem wuwiłej rěcnu politiku. Pśi tym stej wužywałej wšake napšawy. Nejnjepśijaśelnjejše napšawy su se měrili na wutłocenje. To jo se zwětšego stało na kšomje rěcnego ruma, wosebnje pśez kazni a spěchowanje nimšćiny pśi rownocasnem zadoranju wužywanja serbšćiny[11]. Toś ta politika jo se nałožowała pśedewšym w Dolnej Łužycy (ale nic w Chośebuskem krejzu)[12]. Głowna taktika jo była hynakša: serbšćina jo se tolerěrowała, ale njejo se spěchowała. Wuslědk (a cil) takeje politiki jo teke była rěcna asimilacija; tomu jo teke pśipomagało, až jo se nimšćina spěchowała. Glich jo serbšćina měła možnosć se dalej wuwijaś. Taka politika jo była typiska za Gornu Łužycu a za krejz Chośebuz. Wušej togo mamy teke pśikłady politiki, kotaraž jo serbšćinu podpěrowała, na pś. pśez

---

[9] Zajmne jo, až wuchojźitej źinsa płaśecej serbskej kazni Sakskeje a Bramborskeje teke wot rozdźělneju koncepcijowu: "Swobodny stat Saksko pśipoznawa serbskej rěči (dual. – RM), wosebje hornjoserbšćinu, jako wuraz duchowneje a kulturneje bohatosće kraja" (Saksko serbska kazń § 8; ZAKOŃ 1999) "Serbska rěc [singular. RM], wosebnje dolnoserbšćina, ma se šćitaś a spěchowaś" (Bramborska serbska kazń § 8; KAZŃ 1994).

[10] Wosebnje stoj slěpjańšćina, kenž se wotergi pomjenijo ako tśeśa serbska rěc (gl. ŠČERBA 1915 a RYCHTAŘ 1996).

[11] Pśikłady za taku politiku su wotśišćane w: MĚTŠK 1969.

[12] Wo tamnej rěcnej politice, kotaraž jo se pśeměniła we wotwisnosći wot powšyknego politiskego położenja Bramborskeje (a potom Pšuskeje) a wot nastajenja wjercha (a pozdźej krala) a městnych wušnosćow k Serbam, gl. MĚTŠK 1962.

spěchowanje šišća serbskich knigłow. Tak su w konkretnych situacijach postupowali gornołužyske krajne stawy, dokulaž su se bojali katolskeje konkurence[13], a teke bramborska (pšuska) wušnosć[14].

Systematiska politika pśenimcenja zachopijo akle w XIX. st.[15]. Pśi tym su ważne faktory administratiwna centralizacija, šula a wojsko, a wušej togo wuwiśe wobchada (zeleznica) a zachopjeńk industrializacije. Politika pśenimcenja jo była mocnjej w Pšuskej, dokulaž su Serby tam byli jano jadna z někotarych minoritow, a słabjej w Sakskej. Po założenju nimskego rajcha a we Wejmarskem casu jo se asimilatoriski šišć hyšći zmocnił (na pś. pśez zarědowanje tak pomjenjoneje "Wendenabteilung"), a w "Tśeśem rajchu" jo se zjawne wužywanje serbšćiny zakazało a jo se samo planowało wusedlenje Serbow z Łužycowu. We wuslědku takeje politiki, ale teke gospodarskego a towarišnostnego wuwiśa, jo se pospěšyło pśenimcenje, a serbskorěcne strony a licba nosarjow serbšćiny stej woteběrałej.

Zajmne jo, aż njejstej se Gorna a Dolna Łužyca pśenimcowałej na samsku wizu. W Gornej Łužycy jo se dwojorěcnosć rozšyriła jěsnjej njeźli w Dolnej Łužycy, a wona jo warnowała dlej[16]; jano w Gornej Łužycy mamy pśikłady trajneje serbsko-nimskeje dwojorěcnosći. Rozdźěle pśechoda wot serbskeje jadnorěcnosći do nimskeje jadnorěcnosći w Gornej a Dolnej Łužycy možo se w zjadnorjonej formje pśedstajiś tak[17]:

Gorna Łužyca

serbski	serbsko-nimski	(nimsko-serbski)	(nimski)
t——————————————————————————————>			
1500			2000

[13] "... damit die wendische Untertanen nicht in unchristlichen Aberglauben und Catholizismus zurückfallen" (MĚTŠK 1981, 40).

[14] Na pś. pśez spěchowanje šišća Nowego Testamenta 1709 a Starego Testamenta 1796 (MĚTŠK 1962, 35–36 a 64–76).

[15] Gl. wo tom nastawki w zběrce PECH / SCHOLZE 2003.

[16] Dwojorěcnosć zachopijo ako serbsko-nimska dwojorěcnosć, to groni, aż jo serbšćina ta prědna (mamina) rěc. Akle pon možo serbska-nimska dwojorěcnosć (wotergi po młogich generacijach) pśechojźiś do nimsko-serbskeje dwojorěcnosći, źož jo nimska rěc ta prědna.

[17] Wuwiśowe etapy, kenž hyšći njepłaśe w celem rumje, stoje w spinkach.

Dolna Łužyca

serbski	serbsko-nimski	nimsko-serbski	nimski
t———			——>
1500			2000

Wuske pośěgi mjazy nimšćinu a serbšćinu njejsu se dali wobinuś, dokulaž stej se wobej rěcy wužywałej we samskem rumje a cesto wot samskich (dwojorěcnych) luźi. Ale pośěgi mjazy dolneju a gorneju serbšćinu su byli hynakše: rěcy njejstej wobstojałej w samskich stronach, ale w susednych. W casach wobmrokowaneje mobilnosći, snadneje licby serbskich šišćanych knigłow a kšutych nutśikownych statnych a cerkwinych mrokow njejsu Serby zwětšego wobkněžyli wobej rěcy: pśi kontakśe jo se kuždy rozgranjał w swojej narěcy (semikomunikacija) abo woni su pśejšli na nimšćinu. Togodla njejsu stawizny nutśikownoserbskich pośěgow na rowninje pisnych rěcow tak stare: do XIX. st. stej se pisnej rěcy wuwijałej mjenjej abo wěcej samostatnej. Spisowaśele su drje wěźeli wo knigłach w drugej rěcy a su je zawěśće wužywali pśi źěle, wosebnje pśi pśełožku nabožninskich tekstow, ale njejsu rożeli wo pośěgi mjazy nima. Wuwześe jo był Abraham Frencl, kenž jo južo na zachopjeńku XVIII. st. naraził aktiwne pśewześe gornoserbšćiny pśez dolnoserbske fararje a pasiwne wobkněženje pśez wšykne Dolnoserby[18].

Wosrjejź XIX. st. jo se wliw gibanja słowjańskeje mjazsobnosći teke rozestrěwał na Łužycy, wosebnje na Gornu Łužycu. Wuslědk togo jo było serbske wozrożenje po pśikłaźe českego. Wono jo wjadło do mocneje literarneje a publicistiskeje źěłabnosći, do założenja Maćicy Serbskeje, do wutworjenja analogiskego pšawopisa z łatyńskimi

[18] "Derowegen stünde wohl zu hoffen, wenn in der Niederlausiz sich die Herren Pastores des Oberlausizschen reinen Haupt-dialecti auf der Cantzel nur bedienen wollten, daß leichtlich dahin gebracht werden könnte, daß der gemeine Mann die hier oben ausgegangenen Kirchenbücher verstehen und zugleich nutzen würden" (MUKA 1881, 74). Redaktor (M. Hórnik) jo k tomu dodał pśispomnjeśe: "To budźeśe móžne było, hdy by so pśed 300 lětami tak zawjedło, hdy budźechu duchowni narodnje zmysleni byli a hdy budźechu šule w Hornjej a Delnjej Łužicy derje serbske bywałe. Ale Serbja su sebi wot Němcow powjedać dali a skóńčnje sami wěrili, zo horni Serb delnjemu njerozymi a tak staj so wobě podrěči pśeco bóle dźěliłoj dyžli zjednoćałej"

pismikami a diakritiku (město šwabachskich z nimskim pšawopisom), do rěcnego purizma atd. Na zachopjeńku jo to wšykno było wobmrokowane na (saksku a pšusku) Gornu Łužycu a gornoserbšćinu. W pšuskej Dolnej Łužycy, źož jo šišć pšenimcenja był mocnjejšy njeźli w sakskej Gornej Łužycy[19], su ze zajmom takemu wuwišeju pšiglědali, a wjelgin malsnje jo se naraźiło zgromadne źěło. We wobłuku rěcy jo to ako prědny cynił dolnoserbski farař J. B. Tešnař, kenž jo we nastawku "Serbske słowa k serbskim wutšobam" pokazał na nazgonjenja Gornoserbow[20] a jo zestajił zapis nowych dolnoserbskich słow po pšikłaźe gornoserbšćiny. Pozdźej jo se gornoserbski katolski farař M. Hórnik, kenž jo se teke zasajźił za jadnotnu gornoserbsku pisnu rěc, zaběrał z pšašanim pošěgow mjazy gorno- a dolnoserbšćinu. Na zachopjeńku jo pominał pšibliženje dolnoserbšćiny k gornoserbšćinje, na pš. pšez zawjeźenje jotowanja město smužkowanja[21] a napisanje "etymologiskich" konsonantow (HÓRNIK 1869). Pozdźej jo won wěcej glědał na rownowagu mjazy rěcoma a jo wot wobeju bokowu pominał zbliženje[22]. Z togo casa mamy teke prědne pšikłady nutšikownoserbskeje dwojorěcnosći[23].

---

[19] Pšuska Gorna Łužyca, kenž jo se akle po Napoleonskich wojnow wotźěliła wot Sakskeje, jo se namakała w srjejźnem położenju, dokulaž su se zachowali stare kulturne zwiski z Budyšynom.

[20] "Ja wam wobwěsćěluju, až wono nam tak šěško pšiš njebźo, rědne a cisto serske Słowa za te nimske do našeje Rěcy změšane, namakaś; pšeto my ga mamy Bratśi, kenž to južor dawno zachopili su a jo hišći pšece wěcej a wěcy [sic!] cynje, ja menim naše serske Bratśi we gorejcnej Łužicy we starem serskem Měsće Budyšinje. K tym možomy stupiś, a sebe – nic ako pla Cuzego, ako pla Nimca – požyciś, což njamamy. A te Bratśi pšidu nam z Lubosću napśešiwo a daju nam raźi, což maju a wjasele se, gaž glucne smy, gaž se nam Neco raźijo we našom Prětkwezešu; pšeto my ga smy Bratśi, pšawe Bratśi mjaz sobu, smy Źiśi jadnogo Ludu, słyšamy šykne k jadnej Šlachśe" (TEŠNAŘ 1853, 68).

[21] Dokulaž jo se tencas w Dolnej Łužycy wužywało jano šwabachske pismo, by to popšawem było "dypkowanje".

[22] "Lohko so praji: Mjeńšy złožuj so po wjetšim! Ale mjez bratrami ma lubosć přewahu. Tuž njemóžemy žadać, zo dyrbja delni Serbja po hornjoserbsku pisać a zo by Budyšin khoćebuzskej serbšćinje poručał, jako Pariz Francózam (si licet parva componere magnis), ale horni Serb dyrbi so runje tak wo zbliženje starać, kaž delni". (HÓRNIK 1880, 162) Popšawem njejo tencas rozdźěl mjazy gornymi a dolnymi Serbami był w licbach tak wjeliki: Muka licy za 1880/1884 wokoło 100000 luźi, powědajucych gornoserbski, a 76000 luźi, powědajucych dolnoserbski (MUKA

Dokulaž jo Budyšyn był centrum kulturnych aktiwitow Serbow, jo gornoserbski wliw na dolnoserbšćinu faktiski był mocnjejšy. To jo wosebnje tak było po prědnej swětowej wojnje a jo se pokazało pśedewšym w słowoskłaźe. Zajmne jo, až njejo to wjadło ku kšutej reakciji z dolnoserbskego boka. Nejskerjej jo to zwězane z tym, až jo se gornoserbski wliw głownje wobmrokował na rěc casnika (kenž jo se šišćał w Budyšynje) a njejo se wustatkował daniž na wšednu powědanu rěc, daniž na cerkwinsku rěc. Mjazy luźimi, kenž su se zasajźowali za serbsku kulturu a wosebnje za serbšćinu, jo kněžyło powšykne měnjenje, až jo nutśikownoserbska mjazsobnosć wužytna za gorno- a za dolnoserbšćinu.

W casu NDR su se oficialne pośěgi mjazy nimšćinu a serbšćinu zasadnje pśeměnili. Zawiny za take pśeměnjenja su byli wšake. Ideologiski jo se mjeńšyńska politika wutworiła na podłožku marxistisko-leninistiskeje teorije, kenž zarucyjo rownopšawnosć a podpěrujo mjeńšyny (gl. NOWUSCH 1988). Wušej togo jo stat kśěł narownaś njepšawdu, kenž jo se nacyniła Serbam w casu "Tśeśego rajcha". A nic naslědku jo wobsadniska moc była słowjańska, NDR jo potom podpisała Warszawske dogrono a jo stupiła do Rady za mjazsobnu gospodarsku pomoc, kenž stej wobej byłej dominowanej pśez słowjańske staty. Sakski sejm jo 1948 wobzamknuł Kazń wo zachowanju pšawow serbskeje ludnosći (Zakoń wo zachowanju prawow serbskeje ludnosće), kenž jo se pśez Prědny wukaz nastupajucy spěchowanje soerbskeje ludoweje kupki Bramborskego kněžarstwa 1950 pśewzeła za Bramborsku (gl. NOWUSCH 1988, 148–151)[24] . We wustawoma NDR wot 1949 a 1968

1886, 57; gl. teke MUKA 1884 a 1885). Pśi tym jo won licył nosarje pśechodnych narěcow k gornoserbskim. Wjeliki rozdźěl jo wobstojał w serbskem kulturnem žywjenju. Tam jo popšawem Budyšyn a z tym gornoserbšćina wětšy bratš.

[23] A. Muka (Gornoserb) a B. Šwjela (Dolnoserb) stej jadnak powědałej a pisałej dolno- a gornoserbski.

[24] Głowny rozdźěl mjazy tekstoma možo se namakaś we wuwjeźenjach nastupajucych šulu: "Za serbske dźěći maju so zarjadować zakładne a naslědne šule, w kotrychž so wuči w serbskej rěči a w kotrychž ma se też wučić němčina" (Sakska kazń § 2, *Nowa doba*, 24.III. 1948) "W zakładnych a naslědnych šulach ma dwojorěcne wuwucowańe se zawasć w tych wsach, źož to žyce a źož jo dosegajuca licba Serbow" (Bramborski wukaz § 1, *Nowy Casnik* 1950, No. 9). Kazni, postajenja atd., nastupajuce Serby, su se pśecej wobzamknuli a wozjawili w nimskej rěcy, a

jo se teke garantował šćit mjeńšynow[25]. Na podłožku toś tych faktow a kazniskich tekstow jo se wutworiła mjeńšynowa politika, kenž jo wosebnje podpěrowała šulstwo a kulturne žywjenje Serbow. Pśez taku mjeńšynowu politiku jo se w casu NDR wjele wugbało za Serby (casniki, rozgłos, źiwadło, literatura, ludowa kultura, šulstwo, organizacijna struktura atd.).

Na drugem boce jo był głowny njedostatk, aż jo se mjeńšynowa politika pśecej podrědowała ideologiji a jo potakem pśecej wotwisała wot politiskeje "konjunktury". Wuraz togo jo pśeměnjenje politiki w drugej połojcy 50-tych lět. Gaž jo na zachopjeńku było gronidło

> "Die Łausitz wird zweisprachig. – Łužica budźe dwuręčna. – Łužyca buźo dwojorěcna"[26],

jo se to pon pśeměniło do

> "Die Lausitz wird sozialistisch. – Łužica budźe socialistiska. – Łužyca buźo socialistiska"[27].

Zwězane z ideologiju jo teke było wojowanje pśeśiwo cerkwi, kenž jo wotcuzbniło Serby, we wětšynje wjelgin wěriwy lud, wot statnych serbskich organizacijow, to groni wosebnje wot Domowiny. To samske

---

serbske pśełožki njamaju oficialneje płaśiwosći. (Akle serbskej kazni Bramborskeje [KAZŃ 1994, § 14] a Sakskeje [ZAKOŃ 1999, § 16] stej se teke oficialnje wozjawiłej serbski, ale njamatej kaznisku płaśiwosć. To teke pśitrjefijo za serbski pśełožk wustawy Sakskeje, kenž daniž njejo se oficialnje wozjawił: "Der abgedruckte sorbische Text ist kein amtlicher" [VERFASSUNG 2001, 7]).

[25] "Cuzorěcne žěły ludnosći republiki deje se pśez kazń a zastojnistwa spěchowaś we swojim lichym narodnostnym wuwiśu; wosebńe ńedeje jim zadoraś pśi wužywańu maśerineje rěcy w wuwucowańu, w nutśikownym zastojańu a w pšawnistwe" (WUSTAWA NDR 1949 § 11, *Nowy Casnik* 1950, No. 9) "Staśany Němskeje demokratiskeje republiki serbskeje narodnosći maj pšawo na wopśěwanje swojeje maśerineje rěcy a kultury. Wugbanje toś togo pšawa se wot stata spěchujo" (WUSTAWA NDR 1968 § 40, WUSTAWA 1968, 14) Teke how pokazujo zrownanje tekstowu wěste pśeměnjenja, kenž njejsu pśipadne. W wustawje 1949 spěchujo se na pś. "wuwiśe", ale 1968 jano "wopśěwanje". Gl. za pśepytowanje kazniskich tekstow, nastupajucych Serbow (PASTOR 1997).

[26] Popšawem by dejało to byś "Łužycy buźotej tśirěcnej" (gl. dołojce).

[27] Gl. wopisanje wuwiśa mjeńšynoweje politiki NDR do 1970 w knigłach PECH 1999.

płaśi za kolektiwizaciju, kotaruž jo Domowina teke podpěrowała. Indirektnje jo teke princip (demokratiskego) centralizma a centralizacije, kenž jo se kněžył w NDR, była serbšćinje na škodu. W centralizowanem gospodarstwje jo Dolna Łužyca měła nadawk zastaraś NDR z energiju. Za dobywanje brunicy jo se dewastěrował źěl serbskego sedleńskego ruma (gl. FÖRSTER 1996), a serbskorěcne wobydlarje su se pśesedlili do nimskorěcnych stronow. A za wutwar energijowych kombinatow su pśiśěgnuli nimskorěcne źěłaśerje, kenž njejsu se za wětšy źěl rěcnje asimilěrowali[28]. A princip centralizacije jo se teke kněžyła w serbskej politice stata a w serbskich institucijach. Wšykne napšawy, nastupajuce Serby, su se rozsuźili w Barlinju a w Budyšynje, a na městne wosebnosći (na pś. katolskich stronow abo Dolneje Łužycy) njejo se źiwało.

W cełem musy se groniś, až jo NDR wjadła dwojacnu mjeńšynowu politiku: na jadnem boce jo wona podpěrowała serbsku kulturu a serbšćinu tak, ak to žedna nimska wušnosć do togo njejo hyšći cyniła, ale na drugem boce jo powšykna politika NDR znicyła pozitiwne wuslědki mjeńšynoweje politiki. Njejo žeden źiw togodla, až stej serbskorěcny rum a licba nosarjow serbšćiny w casu NDR mocnje woteběrałej. Wosebnje dramatiski jo było wuwiśe w Dolnej Łužycy, źož njejo se dolnoserbska rěc dalej dawała we familijach a źož njamamy źinsa wěcej młodych maminorěcnych (JODLBAUER a dr. 2001).

Toś ta konstatacija wjeźo k pšašanju pośěgow mjazy dolneju a gorneju serbšćinu w casu NDR. Gorjejce jo se južo pokazało na to, až jo se nejpozdźej w XIX. st. ku kwalitatiwnej njerownowaze pśitowarišyło kwantitatiwna, a wuwiśe w prědnej połojcy XX. st. z malsnym pśenimcowanim Dolneje Łužycy jo njerownowagu hyšći zmocniło. Togodla jo serbšćina była 1945 po kóncu wojny w Gornej Łužycy w lěpšem położenju njeźli w Dolnej Łužycy. Ned po wojnje jo se serbske kulturne žywjenje w Gornej Łužycy malsnje wožywiło a wuwijało. Głowna serbska organizacija, Domowina, jo mogała ned zachopiś źěłaś w Sakskej (nic pak w Bramborskej), a natwarjenje serbskego šulskego systema jo teke šło wjelgin mal-

[28] Tencas jo se groniło, až "Carna Płumpa jo row serbstwa" (Wokoło Carneje Płumpy jo se wutworił najwětšy energijowy kombinat NDR, gl. PECH 1999, 172–191).

snje w Gornej Łužycy[29]. Rozsudne za to jo było wukubłanje serbskich ceptarjow, kenž jo jużo zachopiło w lěše 1946[30].

Serbske kulturne žywjenje w Dolnej Łužycy njejo se mogało tak malsnje wuwijaś. Tomu su zadorali njepśijaśelne nastajenje nimskeje (a sowjetskeje) wušnosći, brach kšuteje tradicije w kulturnem žywjenju a teke brach serbskich organizacijow a serbskeje inteligence. Togodla a pod wliwom centralizma jo se kulturne žywjenje w Dolnej Łužycy zarědowało pśez celoserbske organizacije, kontrolowane pśez gornoserbske funkcionarje. Gornoserby su teke źěłali ako ceptarje, w redakciji casnika atd. To jo mělo rěd pozitiwnych wuslědkow. Serbske nastupnosći a wosebnje serbšćina su dostali wětše pśipoznaśe w zjawnosći a pla wušnosći. Serbske tradicije su se wožywili, dolnoserbske šulstwo jo se założyło a serbskorěcne medije su se zjawili (casnik, knigły, rozgłos). Na drugem boce musy se teke pokazaś na negatiwne wuslědki celoserbskego postupowanja pod gornoserbskim nawjedowanim. Cesto dosć su se naraźenja a napšawy, kenž su se wutworili za Gornu Łužycu a za gornu serbšćinu, pśenjasli na Dolnu Łužycu bźez trěbnego pśiměrjenja abo su se samo pśetłocyli pśeśiwo stajanju potrjefjonych. Dolna Łužyca njejo była dosć zastupowana w gremijach, źož jo se serbska politika rozsuźiła a wutworiła. To jo se wosebnje pokazało na polu rěcneje politiki. Na zachopjeńku 50tych lět jo se pśewjadła pšawopisna reforma (POHONČOWA 2000), kenž jo dolnoserbsku standardnu rěc pśibliżyła gornoserbskej. Dokulaž su njemaminorěcne luźe w šuli, w rozgłosu a w zjawnem žywjenju wugronili "po pismiku" (spelling pronunciation), jo reforma teke wobwliwowała wugronjenje. Wušej togo jo se rěc teke pśeměniła pśez purizm (zarownanje starych nimskich požyconkow pśez "serbske" słowa)[31] a pśez wužywanje gornosorabizmow[32].

---

[29] Tomu jo teke pśipomagało, aż jo Čechosłowakska po wojnje założk tworiła za serbske šulstwo na swojom teritoriumje. Gaby zadorała takej pomocy w duchu słowjańskej mjazsobnosći, jo musała Nimska, kenž jo se bojała awtonomije/ samostatnosći serbskeje Łužycy abo samo pśizamknjenja Čechosłowakskej, porucyś podobne serbske šulske struktury.

[30] Stawizny serbskich ceptarskich kubłaniśćow hyšći njejsu napisane. Za cas do drugeje swětoweje wojny gl. PIETSCH 1991, za stawizny Serbskego wucabnikojskego WUSTAWA gl. KOMARNICKI 1965; JANAŠ (2006) a JANEC / NUK 2006.

[31] We wětšynje padow su to popšawem byli gornoserbske słowa, kenž su se cesto wutworili w XIX. st. po pśikładze českich nowotworbow (gl. JENTSCH 1999).

W rezultaśe wuwiśa serbskego žywjenja po wojnje su dolne a gorne Serby měli wěcej kontakta nježli do togo. Gorne Serby su pśewzeli zagronitosć teke za "mjeńšego bratša" w Dolnej Łužycy a su potakem napšawdu wožywili serbsku kulturu tam. Pśi tom njejsu dosć žiwali na wosebnosći serbstwa w Dolnej Łužycy a njejsu pytnuli, až jich procowanja njejsu se pśiwzeli wot wšyknych dolnych Serbow. Pśez swoju žełabnosć su woni wotcuzbnili žěl maminorěcnych wot serbskeje kultury a wot serbskich organizacijow, z kotarymiž njejsu se mogali identificěrowaś. Togodla jo interpretacija nutśikownoserbskich pośěgow po wojnje dwojaka: Gornoserby a jaden žěl Dolnoserbow su je wiźeli ako pśikład spěchowanja serbskeje kultury, ale drugi žěł to skerjej zacuwał ako podtłocowanje swojskeje kultury a gornosorabizaciju. Tragika laży w tom, až njejo ta slědna kupka se wěcej zasajźiła za serbšćinu a za serbsku kulturu. Potakem njejsu procowanja serbskich organizacijow pla nich wjadli ku skšušenju a wuwišeju serbskeje kultury a serbšćiny, ale su zmocnili pśenimcenje Dolneje Łužycy[33].

Slědna wuwišowa doba jo cas po politiskim pśewrośe w zjadnośonej Nimskej. W nimsko-serbskich pośěgach njejo se formalnje wjele pśeměniło. W protokolnej noticu 14 k artiklu 35 zjadnośeńskego dogrona jo nimski stat dalej garantował šćit Serbow (EINIGUNGSVERTRAG 1990, 37), a taku garantiju stej dałej Bramborska a Saksa we swojima wustawoma[34], ale nic Nimska w zakładnej kazni[35]. Bramborska a Saksa

---

[32] Na to pokazujo pśepytowanje wuwiśa słowoskłada w dolnoserbskem casniku (POHONTSCH 2002).

[33] Zgropnjone možo se głowny brach rěcneje politiki NDR wopisaś tak, až njejo se dosć žiwała na wjelerěcnosć Łužycowu, daniž na nimsko-serbsku dwojorěcnosć luźi, daniž na dolno- a gornoserbsku dwojorěcnosć a stakim teke nic na nimsko-dolnoserbsko-gornoserbsku tśirěcnosć Łužycowu.

[34] Wustawa Swobodnego stata Sakskeje, art. 6: "(1) W kraju bydlacy staćenjo serbskeje narodneje přisłušnosće su runoprawny dźěl statneho luda. Kraj zaruča a škita prawo na zachowanje jich identity kaž tež na hajenje a wuwiwanje jich zdźědźeneje rěče, kultury a jich tradicijow, wosebje přez šule, předšulske a kulturne institucije. (2) W krajnym a komunalnym planowanju maja so žiwjenske potrjeby serbskeho luda wobkedźbować. Němsko-serbski charakter sydlenskeho teritorija serbskeje narodnosće ma so zdźeržeć. (3) Kraj přesahowace zhromadne dźěło Serbow, wosebje w Hornjej a Delnjej Łužicy, leži w zajimje kraja" (VERFASSUNG 2001, 23).

stej wuźĕłałej wotpowĕdnej serbskej kazni (KAZŃ 1994; ZAKOŃ 1999). Na podłožku toś tych a drugich kazniskich rĕdowanjow jo se organizowało zjawne žywjenje Serbow. Serbske wusćelanja su garantowane w zjawno-pšawnem rozgłosu a telewiziji[36]. Kulturne zajmy podeprějo Założba za serbski lud, kenž jo finansowana wot Zwězka (50%), Sakskeje (33%) a Bramborskeje (16%). Formalnje jo se potakem podepréše dalej wjadło po pśewrośe. Problematiski jo, až njamogu se wšykne donĕntejšne serbske organizacije, strukture, zarĕdowanja atd. zachowaś. Wušej togo njejo stat pśecej źiwał na zajmy serbskego žywjenja, na pś. pśi zacynjenju serbskich šulow w Gornej Łužycy. Wjelgin špatne su se pśeměnjenja w gospodarskem a towarišnostnem žywjenju wustatkowali (wudrogowanje młoźiny, woteběranje licby narožénjow, wětšy wliw elektroniskich medijow a nimskeje a engelskeje rĕcy atd.). Pśenimcenje jo w rezultaśe takich wliwow pśibĕrało. Serbske organizacije, a to jo pozitiwny wuslĕdk pśeměnjenjow, su na to reagowali, wosebnje pśez WITAJ-projekt. Cil togo projekta jo wožywjenje serbšćiny tam, žož jo se južo zgubiła (wosebnje pśez pśedšulu a šulu z pomocu metody zanurjenja abo imersije), a wutworiś stabilnu nimsko-serbsku dwojorĕcnosć. Samostatnosć Serbow w toś tych pśedewześach jo

---

Wustawa Bramborskeje art. 25: "(1) Pšawo serbskego luda na šćit, na zachowanje a wopléwanje swojeje narodneje identity a swojogo starodawnego sedleńskego ruma se zarucyjo. Kraj, gmejny a gmejnske zwĕstki spĕchuju realizĕrowanje toś togo pšawa, wosebnje pak jich kulturelnu samostatnosć a statkowne politiske sobupostajenje serbskego luda. (2) Kraj statkujo za zawĕśćenje krajne mroki pśesegajuceje kulturneje awtonomije Serbow. (3) Serby maju pšawo na zachowanje a spĕchowanje swojeje serbskeje rĕcy a kultury we zjawnem žywjenju a na jeju rowzucowanje w šulach a we dnjownych pśebywaniśćach źiśi. (4) We sedleńskem rumje Serbow ma se serbska rĕc jawiś na zjawnych nadpismach. Serbska chorgoj ma barwy modra, cerwjena a bĕła. (5) Wugotowanje pšawow Serbow rĕdujo se pśez kazń. Toś ta kazń dej zawĕśćiś, až statkuju we serbskich nastupnosćach, wosebje pak pśi kaznidawanju, zastupniki Serbow sobu" (JANNASCH 1997, 7)

35 To jo zwězane z faktom, až jo kultura w Nimskej nastupnosć zwězkowych krajow a nic zwězka. To dajo se južo wucytaś z protokolneje noticy k zjadnośeńskemu dogronoju.

36 Serbskorĕcny rozgłos jo južo wobstojał w casu NDR, a serbska telewizija jo akle nastała po pśewrośe, nejpjerwjej w Bramborskej (ORB, nĕnt RBB), potom w Sakskej (MDR).

wjelgin ważna, dokulaž pśinosujo k rownowaze mjazy nimšćinu a serbšćinu.

Teke w nutśikownoserbskich pośěgach dajo se zwěsćiś wětša samostatnosć "mjeńšego bratša". Dolnoserbske žywjenje wěcej njewotwisujo dospołnje wot centralnych rozsuźenjow. To se pokazujo na wšakich rowninach. Dolnoserby su ako prědne zawjadli serbsku telewiziju, wuźěłaju, gromaźe ze serbskimi organizacijami, swojske šulske struktury, a su wosebnje wjele pśeměnili w rěcnej politice. W slědnych lětach wjeźo se diskusija wo lěpšinach a škodach gornoserbskego wliwa w casu NDR. Wugronjenje dolnoserbšćiny w rozgłosu a w šulach jo se zasej pśibližyło uzusoju maminorěcnych. Purizm jo se wosłabił, wšake gornosorabizmy su se wotporali, a samostatna dolnoserbska rěcna komisija jo pśewjadła mału pšawopisnu reformu (ale njejo hyšći mogała se rozsuźiś za wětšu, kenž by se wrośiła k staremu pšawopisoju). Teke how wjeźo wuwiśe po pśewrośe k wětšej rownowaze mjazy dolneju a gorneju serbšćinu.

Powšykno možo se groniś, až su stawizny nimsko-serbskich a nutśikownoserbskich pośěgow su byli wjelgin wotměnjate. Za nimsko-serbske pośěgi dajo se za wětšy źěl zgromadnego žywjenja wužywaś bildka njepśijaśelnego wobojmjeśa. Akle w slědnem casu jo se to pśeměniło. Nutśikownoserbske pośěgi su komplikowańše. Za wětšy źěl pśijaśelne, njejsu se woni pśecej pozitiwnje wustatkowali a su se wotergi zaculi ako njepśijaśelne wobojmjeśa.

We woběma padoma jo zjawna diskusija problemow pśinosowała k wětšej wotworjonosći a k lěpšemu rozměšu. Lěc to možo a buźo pomagaś serbšćinje a wosebnje dolnoserbšćinje pśi wojowanju wo wobstaśe, njamožo se hyšći pśedpowěźeś: asimilacija pokšacujo, a teke pśi nejpśijaśelnjejšych wobojmjeśach grozy tšach zadušenja[37].

Bibliografija

BROZOVIĆ, D. 1987: Die sorbischen Sprachen – Varianten einer Standardsprache oder spezifische selbständige Standardsprachen? In: *Lětopis A* 34, Budyšin, s. 45–56

---

[37] Źěkujom se P. Janašoju za kritiske pśispomnjenja a za rěcnu korekturu.

DULIČENKO (wud.) 1998 – А. Д. Дуличенко: *Языки малые и большие. In memoriam acad. Nikita I. Tolstoi.* Tartu [Slavica Tartuensia IV]

DORIAN, N. R. (wud.) 1989: *Investigating Obsolescence. Studies in Language Contraction and Death.* Cambridge

EINIGUNGSVERTRAG 1990: *Der Einigungsvertrag.* Wiesbaden

FASSKE, H. 1994: Der Weg des Sorbischen zur Schriftsprache. In: I. Fodor, C. Hagège (wud.). *Language Reform. History and Future / La réforme des langues. Histoire et avenir / Sprachreform. Geschichte und Zukunft* VI. Hamburg, S. 257–283

FÖRSTER, F. 1996: *Verschwundene Dörfer. Die Ortsabbrüche des Lausitzer Braunkohlenreviers bis 1993.* Bautzen

GAGE, W. 1986: The world balance of languages. In: J. A. Fishman a dr. (wud.). *The Fergusonian Impact. In Honor of Charles A. Ferguson on the Occasion of his 65th Birthday.* Vol. 2: *Sociolinguistics and the Sociology of Language.* Berlin, p. 371–383

GRENOBLE, N., a L. J. WHALEY (wud.) 1998: *Endangered Languages: Language Loss and Community Response.* Cambridge

HALE, K. a dr. 1992: On endangered languages and the safeguarding of diversity. In: *Language* 68, p. 1–42

HERRMANN, J. (wud.) 1985: *Die Slawen in Deutschland. Geschichte und Kultur der slawischen Stämme westlich von Oder und Neiße vom 6. bis 12. Jahrhundert.* Berlin

HÓRNIK, M. 1869: Wudospołnjenje delnjołužiskeho prawopisa. In: *Časopis Maćicy Serbskeje* 22, s. 42–44

HÓRNIK, M. 1880: Wutworjenje našeje spisowneje rěče a jeje zbliženje z delnjoserbskej. In: *Časopis Maćicy Serbskeje* 33, s. 155–164

HUMPHREYS, H. L. 1992: The Breton Language: its Present Position and Historical Background. In: M. J. Ball (wud.). *The Celtic Languages.* London / New York, p. 606–644

JANAŠ, P. 2006: Troji skutk a troja strata. In: *Rozhlad* 56, Budyšin, s. 12–16

JANEC, R., a J. NUK 2006: Wróćohladowanja na Serbski wučerski wustaw. In: *Rozhlad* 56, s. 16–21

JANNASCH, P. (red.) 1997: *Rahmenplanwerk Sorbisch-Wendisch / Ramikowe plany serbska wucba.* Berlin

JENTSCH, H. 1999: *Die Entwicklung der Lexik der obersorbischen Schriftsprache vom 18. Jahrhundert bis zum Beginn des 20. Jahrhunderts.* Bautzen

JODLBAUER, R., G. SPIESS, H. STEENWIJK 2001: *Die aktuelle Situation der niedersorbischen Sprache: Ergebnisse einer soziolinguistischen Untersuchung der Jahre 1993–1995.* Bautzen

KOLLÁR, J. 1868: *Slávy dcera. Lyricko-epická báseň v pěti zpěvich s přidavkem básni drobnějších.* Praha

KOMARNICKI, M. 1965: Die Durchsetzung der marxistisch-leninistischen Nationalitätenpolitik in der DDR, dargestellt am Beispiel der Entwicklung des zweisprachigen Schulsystems in der Epoche der antifaschistisch-demokratischen Ordnung im Kreis Bautzen. In: *Serbska šula* 18, Budyšin, s. 146–162, 237–248, 289–305

LÖTZSCH, R. 1965: *Einheit und Gliederung des Sorbischen.* Berlin

MĚTŠK, F. 1962: *Die brandenburgisch-preußische Sorbenpolitik im Kreise Cottbus. Vom 16. Jahrhundert bis zum Posener Frieden.* Berlin

MĚTŠK, F. 1969: *Verordnungen und Denkschriften gegen die sorbische Sprache und Kultur während der Zeit des Spätfeudalismus. Eine Quellensammlung.* Bautzen

MĚTŠK, F. 1981: Der Anteil der Stände des Markgraftums Oberlausitz an der Entstehung der obersorbischen Schriftsprache (1668-1728). In: F. Mětšk. *Studien zur Geschichte sorbisch-deutscher Kulturbeziehungen.* Bautzen, S. 24–44

MUKA, E. 1881: Frenceliana. Druhi dźěl. Abraham Frencel jako serbski rěčnicař. In: *Časopis Maćicy Serbskeje* 34, s. 69–78

MUKA, E. 1884: Statistika Serbow. In: *Časopis Maćicy Serbskeje* 37, s.129– 159

MUKA, E. 1885: Statistika hornjołužiskich Serbow pruskeho kralestwa. In: *Časopis Maćicy Serbskeje* 38, s. 3–120

MUKA, E. 1886: Statistika Serbow sakskeho kralestwa. In: *Časopis Maćicy Serbskeje* 39, s. 3–224

NELDE, P. H. 1986: Language contact versus language conflict. In: J. A. Fishman a dr. (wud.). *The Fergusonian Impact. In Honor of*

Charles A. Ferguson on the Occasion of his 65th Birthday. Vol. 2: *Sociolinguistics and the Sociology of Language*. Barliń, p. 469–482

NELDE, P. H. 1989: Le Contact de langues en tant que conflit linguistique. In: F.H. Riedl, T. Veiter (wud.). *Fédéralisme, Régionalisme et Droit des groupes éthniques en Europe. Hommage à Guy Héraud / Föderalismus, Regionalismus und Volksgruppenrecht in Europa. Festschrift für Guy Héraud*. Wien, p. 277–287

NEKVAPIL, J. 2003: O vztahu malých a velkých slovanských jazyků. In: *Lětopis* 50, Budyšin, 1, s. 113–127

NOWUSCH, H. 1988: *Die Gleichberechtigung der Bürger sorbischer Nationalität in der DDR – verwirklichtes Menschenrecht*, Bautzen

OLESCH, R. 1989: *Gesammelte Aufsätze I: Dravaenopolabica*. Köln / Wien

PASTOR, T. 1997: *Die rechtliche Stellung der Sorben in Deutschland*. Bautzen

PECH, E. 1999: *Die Sorbenpolitik der DDR 1949–1970. Anspruch und Wirklichkeit*. Bautzen

PECH, E. a D. Scholze 2003: *Zwischen Zwang und Beistand. Deutsche Politik gegenüber den Sorben vom Wiener Kongress bis zur Gegenwart*. Bautzen

PFISTER, M. 1996: Privilegierte und unterprivilegierte sprachliche Minderheiten in Südtirol und im östlichen Oberitalien. In: *Sprachenpolitik in Grenzregionen / Politique linguistique dans les régions frontaliers / Language Policy in Border Regions / Polityka językowa na pograniczach*. Saarbrücken, S. 183–203

PIETSCH, K. 1991: *Zur Geschichte der sorbischen Lehrerbildung*. Bautzen (ms.)

POHONČOWA, A. 2000: Procowanje wo pśibliženje gorno- a dolnoserbskego pšawopisa po lěśe 1945. In: *Lětopis* 47, Budyšin, 1, s. 3–21

POHONTSCH, A. 2002: *Der Einfluss obersorbischer Lexik auf die niedersorbische Schriftsprache: ein Beitrag zur Entwicklungsgeschichte der niedersorbischen Schriftsprache*. Bautzen

RYCHTAŔ, H. 1996: *Slěpjańska cytanka / Schleifer Lesebuch*. Budyšyn

ŠČERBA 1915 – Л. В. Щерба: *Восточнолужицкое нарѣчіе*. Петроградъ; reprint: Bautzen, 1973

SCHUSTER-ŠEWC, H. 2000: Łužiska serbšćina – jedna abo dwě rěcy? (Problematika a staw diskusije). In: H. Schuster-Šewc. *Das Sorbische im slawischen Kontext. Ausgewählte Studien*. Bautzen, S. 66–78

SIATKOWSKA, E. 2000: Łużyczanie po prawej stronie Nysy. In: E. Siatkowska. *Studia Łużycoznawcze*. Warszawa, s. 385–397

SKUTNABB-KANGAS, T., a R. PHILLIPSON (wud.) 1996: *Linguistic Human Rights. Overcoming Linguistic Discrimination*. Berlin / New York

STOLZ, T. 2001: Minor languages and general linguistics (with special focus on Europe). In: T. Stolz (wud.). *Minor languages of Europe*. Bochum, p. 211–242

TEŠNAŘ, J. B. 1853: Serbske słowa k serbskim wutšobam. In: *Bramborski serbski casnik* 15–18 (13., 20. a 27. IV., 4. V.), 59–60, 63–64, 67–68, 71–72

VERFASSUNG 2001: *Verfassung des Freistaates Sachsen / Wustawa Swobodneho kraja Sakskeje*. Dresden

WUSTAWA 1968: *Wustawa Němskeje demokratiskeje republiki z dnja 6.4. 1968*. Budyšyn

Internetowe žrědła (kontrolowane 27. I. 2006)

KAZŃ 1994: Kazń k rědowanju pšawow Serbow w kraju Bramborska (Serbska kazń – SK) www.domowina.sorben.com/dokumenty/rv3.pdf, s. 5–7

ZAKOŃ 1999: Zakoń wo prawach Serbow w Swobodnym staće Sakska (Sakski serbski zakoń – SSZ) www.domowina.sorben.com/dokumenty/ rv2.pdf, s. 15–19

(Un)friendly embraces: The situation of Sorbian and of Lower Sorbian

Roland Marti

Minority languages usually coexist with the majority language in a situation of asymmetry. In the case of Sorbian this situation is duplicated: in addition to the asymmetry between German and Sorbian there is an asymmetry within

Sorbian between Upper and Lower Sorbian. Whereas the former relationship has received ample attention, the latter has so far hardly been analysed at all. This paper gives a brief description of the German – West Slavic relationship in the Middle Ages and then concentrates on the German – Sorbian and Upper – Lower Sorbian linguistic situation and language policy in three periods: from the Reformation to the end of World War II, from then to the end of the German Democratic Republic, and from then up to the present time. The German – Sorbian relationship in the first period is characterised by a generally oppressive language policy, whereas in the other periods it is more tolerant, even favourable. None the less language policy could not and cannot make up for the negative consequences of other influences. The result is a continuing process of language shift from Sorbian to German. Upper and Lower Sorbian did not enter into close contact until the 19th c. Since then Upper Sorbian has continuously provided support for Lower Sorbian. Especially during the second period, however, this support had adverse effects on Lower Sorbian, since it aimed at unification and did not take into consideration the peculiarities of Lower Sorbian and its speakers. It thus contributed to the acceleration of language shift from Lower Sorbian to German. Today both the German – Sorbian and the Upper – Lower Sorbian relationships seem to be more balanced, but owing to the political, economic and social changes after the reunification of Germany both Upper and Lower Sorbian are endangered, and in Lower Sorbian the intergenerational transmission of the language has beeen disrupted.

rwmslav@mx.uni-saarland.de

Katarina Tyran, Eisenstadt / Wien

Der Weg zur Standardisierung der burgenländischkroatischen Sprache in der 2. Hälfte des XX. Jahrhunderts

1. Einleitung

Die Volksgruppe der Burgenländischen Kroaten, die sich im Laufe des XVI. Jahrhunderts auf dem Gebiet des heutigen Österreichs, Ungarns, der Slowakei und Tschechiens ansiedelte, umfasst heute noch 55 Dörfer im östlichsten Bundesland Österreichs, dem Burgenland, 19 Dörfer in Westungarn und 4 Dörfer in der Slowakei. Weiters gibt es auch noch einige wenige Nachfahren der Kroaten in Südmähren/ Tschechien (vgl. KINDA-BERLAKOVICH, 2003, 111–122). Heute geht man positiven Schätzungen nach von insgesamt 65.000 Burgenländischen Kroaten aus (35.000 – Burgenland, 15.000 – Wien, 12.000 – Ungarn, 3.000 – Slowakei). Das erste Sprachdenkmal der Burgenländischen Kroaten ist das *Klingenbacher Missale*, eine Handschrift aus dem Jahr 1564, das erste gedruckte Buch stammt aus dem Jahre 1609, *Dusevne peszne* von Grgur Pythiraeus Mekinić, das gemeinsam mit dem zweiten, 1611 erschienenen Buch eine Sammlung von 301 geistlichen Liedern darstellt.

In dieser Arbeit sollen nun die verschiedenen Faktoren, die bei der Standardisierung der Sprache der Burgenländischen Kroaten in der zweiten Hälfte des 20. Jahrhunderts wichtig waren, wie die politischen Gegebenheiten, die Situation an den Schulen, die Haltung der einzelnen Vereine und Ähnliches dargestellt werden. Den Beginn der zeitlichen Begrenzung stellt der Zweite Weltkrieg dar, da nach dessen Ende ein Neubeginn möglich war und die sprachpolitischen Diskussionen vor allem in den drei Dezennien nach dem Zweiten Weltkrieg präsent waren und sich auch auf verschiedene andere Gebiete auswirkte.

Zwei mögliche Wege der Standardisierung standen einander am Beginn der 50-er Jahre gegenüber: einerseits die Übernahme der kroatischen Standardsprache, andererseits die Standardisierung der čakavisch-ikavisch-ekavischen Sprache der Burgenländischen Kroaten. Letztere hatte eine lange schriftliche Tradition, vor allem im kirchlichen Bereich. Gerade deshalb war es nur dieses Idiom unter den verschiedenen burgenländischkroatischen Dialekttypen, welches zu standardisieren und als einheitliche Schriftsprache festzulegen für die Volksgruppe der Burgenländischen Kroaten überhaupt Sinn machte.

2. Die Situation nach dem Zweiten Weltkrieg

Nach den verheerenden Jahren des Krieges wollte man so schnell wie möglich wieder die kulturelle Arbeit aufnehmen und bereits vorhanden gewesene Vereinsstrukturen neu aufbauen, sowie gewisse Bereiche, wie zum Beispiel die Medien, organisieren. So wurde im Frühjahr 1947 ein Verlagsverein gegründet, *Hrvatsko nakladno društvo*. Bereits ein Jahr später, 1948, formierte sich auch die Jugend, der Akademikerklub, *Hrvatski akademski klub*, wurde ins Leben gerufen. Der *HKD* (Hrvatsko Kulturno Društvo – Kroatischer Kulturverein), der schon vor dem Zweiten Weltkrieg existiert hatte und eigentlich nicht verboten gewesen war, nahm seine Arbeit gleich nach Kriegsende wieder auf.

Durch die Gründung des Verlagsvereines kam es bei den Burgenländischen Kroaten zu einem regen Printmedienwesen. Dieser Verein gab die kroatische Wochenzeitung *Naš tajednik* heraus (ab 1960 wird diese Wochenzeitung unter dem Namen *Hrvatske novine* geführt), welche ab Mai 1947 erschien, weiters ab 1946 auch jährlich den Kalender *Gradišće*. Eine weitere Wochenzeitung war von 1947 bis 1950 *Naše selo*. Bereits ab 1946 erschien die kroatische Kirchenzeitung *Crikveni glasnik Gradišća* (vgl. KINDA-BERLAKOVICH 2003, 111–122).

Mit Ende des Zweiten Weltkrieges wurde das Schulgesetz von 1937 wieder eingeführt, was bedeutete, dass jede Volksschule in zweisprachigen Orten, in denen der Anteil der kroatischen Bevölkerung bei über 30 % lag, auch zweisprachig hätte geführt werden müssen. Allerdings war es oft so, dass Kroatisch als eigener Gegenstand, aber nur im Ausmaß von drei Wochenstunden, geführt wurde. Aus sprachpolitischer Sicht war das Schulwesen aber sehr wichtig, da der zuständige Schulinspektor Rudolf Klaudus als Unterrichtssprache die kroatische Standardsprache einführen

wollte, da er, aber auch viele andere zu dieser Zeit, der Meinung war, dass das Burgenländischkroatische nur ein Dialekt sei und daher nicht geeignet sei, an Schulen unterrichtet zu werden. So wurde von ihm die kroatische Standardsprache für den Unterricht festgelegt, doch der Widerstand der Bevölkerung war groß. Auch die Lehrkörper waren für diese Idee nicht sonderlich zu begeistern, waren sie doch noch von der Politik des Nationalsozialismus verschreckt (vgl. KINDA-BERLAKOVICH 2002, 133 ff.).

Wie schon bei der Frage der Unterrichtssprache deutlich wird, setzte man sich von einigen Seiten vehement für die Übernahme der kroatischen Standardsprache ein. Neben Rudolf Klaudus waren es vor allem der HKD und die Wochenzeitung *Naš tajednik*. Man erkannte aber schon zu Beginn, dass ein radikaler Sprachwechsel nicht möglich war und vom Volk nicht akzeptiert werden würde. So wollte man versuchen, die Übernahme schrittweise zu gestalten. Man versuchte zum Beispiel in den Printmedien immer wieder kleine sprachliche Veränderungen durchzuführen, um das Volk langsam an eine neue Sprachsituation zu gewöhnen, eine grundlegende Sprachreform erfolgte aber erst um 1950.

Die Zeitungsredakteure und andere Schriftsteller, zum Beispiel Verfasser von Texten für den Kalender, sahen sich noch vor der großen Sprachreform mit dem Vorwurf kritisiert, sie schrieben "Slowakisch oder Serbisch".

3. Die 50-er Jahre – Erste Schritte zur Standardisierung

Um 1950 erfolgte eine erste Sprachreform, die eigentlich bis heute nicht an Gültigkeit verloren hat und die heutige burgenländischkroatische Standardsprache im Wesentlichen geformt hat. Diese Reform wurde von den wichtigsten Printmedien, wie dem Kalender "*Gradišće*" und von der Wochenzeitung *Naš tajednik*, aufgenommen und verwirklicht, aber auch der *Crikveni glasnik Gradišća* folgte diesen neuen Richtlinien. Ausschlaggebend war eine kurze Rechtschreibregelung, *Kratak pravopis*, von Ignac Horvat. Als Vorlage diente die Rechtschreibung von D. Boranić. Auch wenn man davon ausgehen kann, dass diese Rechtschreibung schon 1939 ausgearbeitet war, gewann sie doch erst nach dem Zweiten Weltkrieg an Bedeutung, genauer gesagt erst ab 1950 (vgl. WEILGUNI 1984, 58 ff.). Diese Sprachreform sollte der erste Schritt zu einer Übernahme der kroatischen Standardsprache sein.

Der *Kratak pravopis* umfasst 14 maschingeschriebene Seiten und ist in 10 Unterpunkte geteilt:

1. Die Schreibung des alten Vokales *ě* (jat'). Nach Ignac Horvat ist das Burgenländischkroatische hauptsächlich ikavisch, hat aber auch ekavische und ijekavische Einflüsse. Erklärt wird auch, wann man *-je-*, wann *-ije-* zu schreiben hat.
2. Der zweite Punkt befasst sich mit den Konsonanten und geht besonders auf *d*, *h*, *j* und *l* ein. Unter diesem Punkt wird festgelegt, dass das auslautende *-l* in ein *-o* überzugehen hat, also *dao* statt *dal*, *posao* statt *posal*.
3. Hier wird die phonetische Assimilation von Konsonanten behandelt, die regressive Assimilation wird vorgeschrieben, zum Beispiel *Filež* aber *fileški*, *opširno* statt *obširno*, weiters auch das epentetische *l* (*divljak* statt *divjak*), die Assimilation von *n* zu *m* vor *b*, *p* (*himba* statt *hinba*), sowie durch bestimmte Umstände ausfallende Konsonanten.
4. Fremdwörter und Lehnwörter, sowie ihre Handhabung und Schreibweise
5. Zusammengesetzte Wörter, wann diese zusammen geschrieben werden, mit einem Bindestrich verbunden oder getrennt geschrieben werden
6. Groß- und Kleinschreibung
7. Handhabung des Beistriches
8. Abtrennung von Wörtern
9. Setzen von Punkten bei Abkürzungen, Apostrophen und Präpositionen *s*, *sa*, *k*, *ka*
10. Der zehnte und letzte Punkt erklärt einige allgemeine Regeln, die unter keinen der anderen Punkte passen: – *-ova*, *-ovo*, u. ä. statt *-va*, *-vo*
    - Unterscheidung von *nešto* und *ništo*
    - Die Endung der Verben in der 3. P. Pl. auf *-u*/*-ju*, mit den Ausnahmen *imadu*, *znadu*, *dadu*
    - Die Verwendung des langen Infinitives und nicht des Supins, mit Ausnahme vor *će*
    - Eine Empfehlung, das Partizip Präsens nicht zu flektieren, sondern mit einem Nebensatz auszudrücken

- Der Gen. Pl. bei Feminina und Neutra auf Nullendung, bei Masculina auf *-ov*
- Die Verwendung von *svoj*
- Eine Aufzählung von zu vermeidenden Germanismen

Die 50-er Jahre waren auch in politischer Hinsicht sehr bedeutend, liegt doch hier der Kern und Beginn der Aufsplitterung der Kroaten auf die beiden großen Parteien, Österreichische Volkspartei (ÖVP) und Sozialdemokratische Partei Österreichs (SPÖ), und der lang andauernde Kampf und die Verfeindung zwischen dem Kroatischen Kulturverein als eher christlichsoziale Vereinigung und der Sozialistischen Konferenz der Bürgermeister der kroatischen und gemischtsprachigen Gemeinden (vgl. EMRICH, GEOSITS 1986, 293). Für das Gefühl der Zugehörigkeit zu einer der Parteien war vor allem der soziale Status entscheidend, Bauern waren seit jeher eher den Christlichsozialen zugetan, wogegen die jetzt immer stärker werdende Gruppe der Arbeiter und Pendler eher an den Sozialdemokraten orientiert war. Auch in der Sprachenfrage wurde diese politische Aufsplitterung entscheidend. Während der HKD mit Hilfe der Wochenzeitung *Naš tajednik*, die beide der ÖVP näher standen, die Übernahme der kroatischen Standardsprache propagierte und durchzusetzen versuchte, sprach die sozialistische Seite, an der Spitze mit Fritz Robak, von Assimilation und Verzicht auf die kroatische Sprache. Diese von Robak propagierte Denkweise sollte über die Schule durchgesetzt werden, so war ein weiterer Hauptstreitpunkt zwischen diesen beiden Organisationen die Frage des zweisprachigen Unterrichts. Wichtigstes Argument der SPÖ war hierbei die Frage nach dem sozialen Aufstieg, der in ihren Augen nur über die deutsche Sprache stattfinden konnte, wobei ihrer Meinung nach zweisprachiger Unterricht ein ordentliches Erlernen der deutschen Sprache hemme (vgl. WEILGUNI 1984, 91 f.). So meinte Robak, dass die Kinder, die ja in jedem Ort einen anderen Dialekt sprechen, nun Serbokroatisch in der Schule als Fremdsprache lernen müssten, und nicht das ihnen vertraute Idiom, ihre Muttersprache. Wenn schon eine zweite Sprache gewünscht wird, so sollte es eine Weltsprache mit Ansehen sein, wie zum Beispiel Englisch oder Französisch (ROBAK 1985, 216, 234).

Ab 1957 gab der Akademikerklub die Zeitschrift *Glas* heraus, und konnte so auch seine Sprachpolitik verbreiten. Das Ziel war eindeutig: Auch er trat dafür ein, dass die kroatische Standardsprache auch die Standardsprache und Unterrichtssprache der Burgenländischen Kroaten werden sollte;

dies seien die Voraussetzungen für den Fortbestand der Minderheit. In den Augen der Aktivisten des HAK war die Sprache der Burgenländischen Kroaten nur ein Dialekt, der nur als Übergangsstadium dienen sollte. Durch die Übernahme des Standardkroatischen hätte man mit einem Schlag Grammatiken, Wörterbücher und Schulbücher und erspare sich so Vieles. *Naš tajednik* unterstützte diese Ansichten. Viele vertraten die Meinung, dass egal zu welcher Standardsprache es kommen sollte, jede vom Volk erst neu erlernt werden müsse. Daher könne man ja gleich die kroatische Standardsprache, eine "fertige" Sprache nehmen (vgl. WEILGUNI 1984, 70 ff.).

Die sprachpolitischen Vorstellungen des HAK wurden besonders von Stjepan Šulek verbreitet und gefördert. Šulek, der aus Zagreb stammte, war politischer Emigrant, der unter den Burgenländischen Kroaten aufgenommen wurde. Er war der Motor dieser sprachpolitischen Bewegung zur Übernahme der kroatischen Standardsprache.

In der Zeitschrift *Glas* sollte nun auch diese sprachpolitische Haltung des HAK umgesetzt werden. Allerdings war das nicht so einfach, wie man erwartet hatte, denn viele der Redakteure beherrschten die kroatische Sprache nicht so gut, um Artikel in ihr zu verfassen, es gab aufwendige Korrekturarbeiten, wobei auch die Verantwortlichen die Sprache nicht zur Genüge beherrschten (WEILGUNI 1984, S. 74).

Kurz zum Schulwesen: Die Zweisprachigkeit an vielen Schulen, vor allem im nördlichen Burgenland, beschränkte sich auf drei Stunden wöchentlichen Unterrichts in kroatischer Sprache, der Rest des Unterrichts war in deutscher Sprache. Auch hatte sich die Anzahl der Schüler verringert. Die Lehrbücher dieser Zeit waren, obwohl der Schulinspektor Rudolf Klaudus die kroatische Standardsprache als Unterrichtssprache einführen wollte, in einer burgenländischkroatischen Sprache verfasst, die zu der Zeit noch nicht normiert war. Auch waren die Lehrer meist nicht fähig, diese kroatische Standardsprache zu unterrichten (vgl. KINDA-BERLAKOVICH 2002, 133 ff.).

4. Die 60-er Jahre – Politische Diskussionen dirigieren die Sprachenfrage

1960 veröffentlichte Konrad Mersich sein Lehrbuch *Naš jezik*, welches auf die Bedürfnisse einer achtjährigen Volksschule konzipiert wurde, die aber nur zwei Jahre später durch das neue Schulgesetz abgeschafft wurde.

Diese Grammatik für den Unterricht an burgenländischkroatischen Schulen ist in štokavischer-ijekavischer Sprache, in kroatischer Standardsprache geschrieben. Der Titel sollte dazu dienen, den Schülern, aber auch Lehrern, das Bewusstsein zu vermitteln, dass jene Sprache auch ihre Schriftsprache sei. Bereits auf der ersten Seite des Grammatikteils (im Buch Seite 125) nimmt Mersich Stellung zur Denkweise über die notwendige Standardsprache der Burgenländischen Kroaten:

> "(...) Narodni jezik govori narod na selu. Na književnom jeziku su pisani svi naši kulturni spomenici i naša književnost (...) Hrvatski jezik ima tri narječja, koja se zovu štokavsko, čakavsko i kajkavsko narječje. Velik dio Hrvata govori štokavskim narječjem. To su narječje prihvatili Hrvati za književni jezik. (...) U hrvatskoj književnosti danas se piše samo ijekavskim govorom".

Darauf folgt eine Morphologie der kroatischen Standardsprache. Nach den Übungen und der findet sich auch noch ein kleines Wörterbuch, Kroatisch-Deutsch.

Doch wie bereits erwähnt trat im Juli 1962 ein neues Schulgesetz in Kraft, welches sich für die Burgenländischen Kroaten nicht unbedingt positiv auswirkte. Wichtiger Punkt ist hier sicher die Abschaffung der 8-jährigen Volksschule und die Reduzierung auf vier Klassen. War für die Burgenländischen Kroaten bis zu diesem Zeitpunkt acht Jahre kroatischer Unterricht möglich, da es ja für die Volksschulen durch das Landesschulgesetz gesichert war, wurde diese Möglichkeit jetzt auf vier Jahre reduziert (ibid., S. 159 ff.).

Wie sah also die Situation in den 60-er Jahren aus? Gerade in diesem Dezenium mussten die Aktivisten des HAK einsehen, dass die Einführung der kroatischen Standardsprache als Schriftsprache der Burgenländischen Kroaten nicht so einfach war, wie man gedacht hatte. Die Sprachreformen von Ignac Horvat aus dem Jahre 1950 waren zwar allgemein gültig und akzeptiert, die geplante Weiterentwicklung blieb aber aus, es kam zu einer Stagnation. Die literarische Szene versuchte, Prosa und Lyrik auch in kroatischer Standardsprache zu schreiben. Doch die Gegentendenzen waren stark. Auch Fritz Robak und die Sozialdemokratische Partei mischten sich wieder in Frage der Standardsprache ein und argumentierte weiter, dass gar keine Zweisprachigkeit im Burgenland vorhanden wäre, da das Burgenländischkroatische ja keine Sprache, sondern nur ein Dialekt sei und es keine Norm oder normierte Sprache gäbe. Genauso schürte er

auch weiterhin die Angst der Eltern, ihre Kinder würden eine "kommunistische" Sprache, Serbokroatisch, in der Schule lernen. Aber mit der Kritik der Normierung der kroatischen Sprache hatte Robak einen wunden Punkt getroffen. Er argumentierte, dass die eigentliche Standardsprache der Burgenländischen Kroaten nur Deutsch sein konnte (vgl. WEILGUNI 1984, 98 ff.).

Als 1963 die Zeitschrift des HAK *Glas* eingestellt wurde, hatten dieser auch sein wichtigstes Sprachrohr für seine Sprachpolitik verloren. Es folgte eine Pause von sechs Jahren, erst 1969 erschien die Zeitschrift wieder unter dem Namen *Novi glas*. Auch wenn man im *Novi glas* weiterhin versuchte, die sprachliche Linie des *Glas* weiterzuführen, so kam es mit der Zeit doch zu einem Überwiegen der Artikel in burgenländischkroatischer Sprache.

Auch die Kirche und ihre Haltung zur Sprachenfrage war sehr wichtig. So vertraten auch sie, die Kirche als Institution, die Meinung, die burgenländischkroatische Sprache sollte forciert werden, obwohl die Hauptakteure und wichtigsten Vertreter der Übernahmebestrebungen der kroatischen Standardsprache, wie Ignac Horvat und Karlo Preč, Geistliche waren. Die Kirche als Institution hatte aber auch Angst, dass über die kroatische Standardsprache die Ideen des Kommunismus verbreitet werden würden. So wurde vielen Priestern und Pfarrern verboten, an den Sprachkursen im damaligen Jugoslawien teilzunehmen.

Schon Ende der 60-er Jahre kam es teilweise zu einem Umdenken bezüglich der Übernahme der kroatischen Standardsprache. Die vernichtende Arbeit der Assimilanten hatte es nötig gemacht, wenigstens das Nötigste zu retten zu versuchen. Einige engagierte Funktionäre, zu allererst die des HKD, wollten nun versuchen, das burgenländischkroatische Idiom zu standardisieren, um sich später nicht den Vorwurf gefallen lassen zu müssen, nicht versucht zu haben, die kroatische Sprache im Burgenland zu retten.

Wie Werner Weilguni in seiner Dissertation anführt, kam es nun zu drei Wegen und Ideen für eine Standardsprache der Burgenländischen Kroaten (vgl. S. 101):

- Die Gruppe um Robak wollte Deutsch als einzige Standardsprache für die Burgenländischen Kroaten.

- Laut HAK sollten es die kroatische Standardsprache und die deutsche Sprache sein.
- In Ansätzten gab es die neue Linie des HKD, der sich für eine Normierung der čakavischen burgenländischkroatischen Sprache einsetzte, die neben dem Deutschen die Standardsprache der Kroaten des Burgenlandes sein sollte.

5. Die 70-er Jahre – neue Wege in der Sprachpolitik

Seit Beginn der 70-er Jahre kam es bei vielen, die sich vorher für die Übernahme der kroatischen Standardsprache eingesetzt hatten, zu einer anderen Haltung. Jetzt wurde eher die Linie verfolgt, die burgenländischkroatische Sprache zu normieren. Während am Anfang dieses Jahrzehnts auch noch Linguisten und Slawisten aus Kroatien die "alte" Linie propagierten, befürworteten auch viele von ihnen nur einige Jahre später eine eigenständige, normierte burgenländischkroatische Schriftsprache. Viele der Kulturpolitiker mussten erkennen, dass ihr Versuch der Einführung der kroatischen Standardsprache als Schriftsprache der Burgenländischen Kroaten nicht erfolgreich gewesen war, und wie einige von ihnen auch meinten, Schaden für die Minderheit gebracht hatte.

Die Kirche war es, die den ersten Schritt zur Standardisierung der burgenländischkroatischen Sprache machte. In den Jahren 1971/72 (leider ist das Dokument nicht genau datiert), verfassten Konrad Mersich, Stefan Zvonarich und Ignac Horvat die *Jezični predlogi i uputi za urednike i pisce*. Mitbeteiligt an diesem Schriftstück war auch der damalige burgenländische Bischof Stefan László. Wie schon der Titel zeigt, stellen diese Unterlagen eine Empfehlung für Schriftsteller und vor allem auch Journalisten dar, wie man richtig schreibt, damit es die Leser auch verstehen und problemlos lesen können. So meinen die Verfasser in der Einleitung:

> "Književno djelo ili štivo samo onda postigne svoj cilj, ako čitača (čitalac, štitelj) ne nek razumi ča čita, nego da i lagano, bez većega napora i zato s uživanjem čita (štije)".

Die Empfehlungen sind auf drei maschingeschriebenen Seiten angeführt. Allgemein kann man sagen, dass Formen der kroatischen Standardsprache burgenländischkroatischen Formen gegenübergestellt werden, wobei letztere zu verwenden sind und erstere als falsch gelten. So soll man zum Beispiel *gdo*, *negdo* statt *tko*, *netko*, *uredničtvo* statt *uredništvo*, *dvorišće*

statt *dvorište*, *ki*, *ka*, *komu* statt *koji*, *koja*, *kojemu* verwenden. Weiters werden die schon bekannten Formen des Genetiv Plural bestätigt (fem., neutr. – Nullendung, masc. – *-ov/-ev*), die Präposition *o* an den Lokativ gebunden und der Instrumental für Feminina auf Konsonant mit *-ju* fiksiert (*kripost – kripošću*). Auch die ikavische und ijekavische Schreibung wird behandelt, so soll man so schreiben, wie im mittleren Burgenland gesprochen wird (*mliko*, *vjetar*, *cvijeće*). Im zweiten Teil werden Formen der kroatischen Schriftsprache, die in den Schulbüchern verbreitet waren und burgenländischkroatische Formen gegenüber gestellt (*gdje* gegen *kade*, *sav* gegen *vas*, *bez* gegen *prez*). Auch wird festgelegt, dass der Vokativ nicht *majko* sondern *majka*, nicht *ribaru* sondern *ribare* lauten soll, und nach den Zahlwörtern *dva*, *tri*, *četire* nicht wie in der kroatischen Schriftsprache der Genetiv Singular, sondern der Nominativ Plural stehen soll (*dva junaki* statt *dva junaka*), der Genetiv Plural nach fünf und aufwärts aber erhalten bleiben soll (*pet junakov*). Zuletzt werden gewisse Ausdrücke normiert und die Formen der kroatischen Schriftsprache als nicht geeignet erklärt: *pravoda* und nicht *doduše*, *prik* und nicht *preko*, *mora pojti* und nicht *mora da ide*. In dieser Aufzählung hat sich aber ein Fehler eingeschlichen, an achter Stelle wird *jedva* als richtig und *kumaj* als falsch angeführt, dies sollte aber umgekehrt sein.

Diese Regeln gelten genauso wie das Schriftstück von Ignac Horvat noch heute und zeigen gleichzeitig einige der markantesten Unterschiede der burgenlänischkroatischen Schriftsprache zur kroatischen Standardsprache.

Auch unter den Funktionären und Mitgliedern des HAK kam es zu einem Umdenken. Die neue Generation dieser Zeit war eher an minderheitenpolitischen als an sprachpolitischen Themen interessiert. Auch gab es in der zweiten Hälfte der 70-er Jahre ein Referat von Josip Hamm zu diesem Thema. Dieses Referat war der entscheidende Punkt des Umdenkens. Schon 1973 wurde die Idee eines Wörterbuches für die burgenländischkroatische Sprache geboren, dies wurde aber erst in den 80-er Jahren verwirklicht.

Eine wichtige Veränderung gab es bei der Frage der Unterrichtssprache, da Konrad Mersich 1972 von einem neuen Schulinspektor abgelöst wurde, von Josef Ibesich. Dieser lehnte die kroatische Standardsprache vehement ab und setzte sich daher für den burgenländischkroatischen Dialekt als Unterrichtssprache ein. Die unter ihm erstellten Lehr- und Unterricht-

sbücher stellten eine sprachliche Nivellierung nach unten dar, vor allem die Lehrer des mittleren Burgenlandes kritisierten diese neuen Lehr- und Schulbücher. Grund für dieses schlechte sprachliche Niveau war sicher auch die Tatsache, dass der Schulinspektor selbst zu wenig Kompetenzen auf diesem Gebiet hatte, aber auch, dass man sich verstärkt an der Sprache und an den Bedürfnissen des nördlichen Burgenlandes orientierte, wo die Assimilationspolitik besonders effizient gewesen war (vgl. KINDA-BERLAKOVICH, Zorka 2002, 175 ff.).

6. Von den 80-er Jahren bis heute – Normierung des Burgenländischkroatischen

Nach dem Umdenken in den 70-er Jahren und der Idee eines Wörterbuches der burgenländischkroatischen Sprache wurde diese 1982 mit dem Erscheinen des ersten Teiles *Deutsch-Burgenländischkroatisch-Kroatisches Wörterbuch* (*Nimško-gradišćanskohrvatsko-hrvatski rječnik*) auch verwirklicht. Kein geringerer als Josip Hamm, der ja zum Umdenken in der Sprachenfrage wesentlich beitrug, hatte die Redaktionsleitung des Wörterbuches übernommen. Damit war 1982 der erste Schritt zur Standardisierung der burgenländischkroatischen Sprache getan. Der zweite Teil des Wörterbuches, *Gradišćanskohrvatsko-hrvatsko-nimški rječnik* (*Burgenländischkroatisch-Kroatisch-Deutsches Wörterbuch*) erschien erst neun Jahre später, 1991. Dieses Mal waren es Božidar Finka und Radoslav Katičić, die die Leitung der Redaktion innehatten. Doch diese beiden Wörterbücher alleine können uns nicht von einer standardisierten Sprache sprechen lassen. Erst durch die Grammatik *Gramatika gradišćanskohrvatskoga jezika*, die 2003 erschien und von Ivo Sučić redigiert wurde, hat man dieses Ziel erreicht. Auch wenn eine neuere und überarbeitete Rechtschreibung noch wünschenswert wäre, so ist die čakavisch-ikavisch-ijekavische[1] Sprache jetzt dennoch als standardisiert und als burgenländischkroatische Schriftsprache zu sehen. Diese Grammatik umfasst nun erstmals neben der Morphologie auch die Morphonologie, Phonetik und Phonologie, Wortbildung, Syntax, Wortstellung und auch einen historischen Überblick über die Entwicklung der Sprache.

---

[1] Man hat sich nach der Reform 1950 auf eine ijekavische statt ekavische Schreibung geeinigt.

Auf Bildungsebene im universitären Bereich gab es im Studienjahr 1982/83 einen Durchbruch, da in diesem erstmals an der Universität Wien am Institut für Slawistik eine Übung zum Burgenlandkroatischen angeboten wurde.

7. Die Schriftsprache der Burgenländischen Kroaten heute

Zusammenfassend kann man sagen, dass es in erster Linie auch partei- und minderheitenpolitische Faktoren waren, die für die Entstehung der heutigen burgenländischkroatischen Schriftsprache von Bedeutung waren. Die anfangs noch entschlossene Linie, die kroatische Standardsprache auch für die Burgenländischen Kroaten zur Schriftsprache zu machen, konnte sich nicht lange halten. Vor allem das einfache Volk sträubte sich gegen diese in ihren Augen "jugoslawische" und "kommunistische" Sprache. Hauptsächlich die offene Assimilierungspolitik führte dazu, dass diese Idee aufgegeben werden musste. Um nicht die Sprache und Minderheit an sich zu verlieren, schlug man einen "mittleren" Weg ein und begann, die vor allem durch die Arbeit der Raaber Diözese am besten entwickelte und am weitesten verbreitete čakvisch-ikavisch-ekavische Sprache der Burgenländischen Kroaten, wie sie im nördlichen und mittleren Burgenland gesprochen wird, zu normieren. Dieser Weg soll den Fortbestand der Burgenländischen Kroaten sichern und ihnen ihre eigene sprachliche Identität geben, wodurch man sich auch erwartet, das Selbstbewusstsein der Angehörigen dieser Volksgruppe zu stärken.

Viele jener Kulturfunktionäre und -aktivisten, die zu Beginn an den Übernahmebestrebungen beteiligt waren, gehörten später zu den Umdenkern und wichtigen Mitarbeitern an den Wörterbüchern und der Grammatik. Doch viele von ihnen sind noch immer der Meinung, dass es besser gewesen wäre, hätte man es damals geschafft, die Sprache auf die andere Linie zu lenken. Der eingeschlagene Weg stellt für einige einen Rückschritt dar. Auch ist es wichtig, sich zu fragen, ob man seit der Normierung durch Wörterbücher und Grammatik von einer einheitlichen Sprache der Burgenländischen Kroaten in den Medien, der Literatur, u. ä. Sprechen kann.

Auch die neuen politischen und wirtschaftlichen Entwicklungen haben zu einer Trendwende geführt. Kroatien und die kroatische Sprache, allgemein die slawischen Sprachen, haben eine starke Aufwertung erlebt. Längst ist es nicht mehr interessant nur Englisch und Französisch zu ler-

nen. Viele, besonders junge Menschen haben erkannt, dass gerade in den slawischen Sprachen großes Potenzial liegt.

Die Schriftsprache der Burgenländischen Kroaten ist also heute auf čakvisch-ikavisch-ijekavischer Basis, die Linien des *Kratak pravopis* und *Jezični predlogi* verfolgend, und stellt in gewisser Weise einen archaischen kroatischen Sprachtyp dar, welcher sich aber nicht zuletzt unter dem Einfluss der ungarischen und deutschen Sprache weiterentwickelt hat.

In der Orthographie unterscheidet sich die Sprache der Burgenländischen Kroaten nicht von der kroatischen Standardsprache, einziger Unterschied ist das Fehlen des Buchstaben *đ*, der als *dj* geschrieben und gesprochen wird. Der Buchstabe *ć* wird anders als in der kroatischen Standardsprache als plosives *t'* gesprochen.

Auch im Akzent unterscheidet sich das Burgenländischkroatische vom Neuštokavischen (z. B. keine Intonationsoppositionen auf kurzen Vokalen, Diphtongierung der Vokale *o*, *e*). Ein weiteres phonetisches Merkmal ist eine im Gegensatz zum Neuštokavischen eine häufigere Realisierung der Halbvokale, meist durch den Vokal *a* (z. B. *malin – mlin*, *tajedan – tjedan*).

Große Unterschiede gibt es auch in der Morphologie, wo ein arhaischer Zustand bewahrt wurde. Es gibt keine 2. Palatalisierung/Sibilarisierung (*ruka – ruki*, *ruka – ruci*), keine Kasushomonymie bei Dativ, Lokativ, Instrumental Plural, der alte Genetiv Plural auf *-ov*/-Nullendung im Gegensatz zu *-a* im Neuštokavischen wurde bewahrt. Aorist und Imperfekt sind bis auf einige Verwendungen des ersten in religiösen Texten nicht bekannt.

Ein wichtiger Unterschied liegt sicher auch in der Lexik: So gibt es viele Übereinstimmungen mit dem Kajkavischen und Slowenischen. Starken Einfluss übten die ungarische und deutsche Sprache aus, wobei sich dieser nicht nur auf die Lexik bezieht, sondern es auch eine Vielzahl von semantischen Entlehnungen, Lehnübersetzungen und Lehnprägungen gibt. Einige Beispiele: Entlehnungen *larma* (*buka*), *farba* (*boja*), *frtalj* (*četvrt*), aus dem Deutschen; *betežan* (*bolestan*), *hasan* (*korist*) aus dem Ungarischen. Weitere Beispiele für die Einflüsse aus den beiden Sprachen: *nazad dojti* (*vratiti se*) von deutsch *zurückkommen*, *van izgledati* (*izgledati*) von deutsch *aussehen*, *pretkip* (*primjer*, *uzor*) von deutsch *Vorbild* (vgl. dazu auch: NEWEKLOWSKY 1992).

Literaturverzeichnis

Burgenländische Kroaten, Wien, 1993, Bd. 5 [Österreichische Volksgruppenhandbücher]

EMRICH, Stephan, Stefan GEOSITS 1986: Nach dem Zweiten Weltkrieg. In: *Die Burgenländischen Kroaten im Wandel der Zeit*. Hrsg. S. Geosits.Wien

FRÖHLICH, Margit 1995: *Društva Gradišćanskih Hrvatov / Die Vereine der burgenländischen Kroaten*. Eisenstadt

GEOSITS, S. (Hrsg.) 1986: *Die burgenländischen Kroaten*, Wien

Hrvatske novine, Željezno / Eisenstadt, god. 73, br. 41, 15. oktobra 1982

KINDA-BERLAKOVICH, Andrea Zorka 2002: *Die kroatische Unterrichtssprache und das zweisprachige Pflichtschulwesen der burgenländischen KroatInnen. Eine sprachpolitisch-historische Untersuchung des zweisprachigen Schulwesens sowie eine soziolinguistische Untersuchung zum Stellenwert der kroatischen Unterrichtssprache von 1921 bis 2001*. Wien

KINDA-BERLAKOVICH, Andrea Zorka 2003: Burgenländisch-Kroatisch in Relation zum Standardkroatischen. In: *Aktuelle Fragen der Sprache der Bosniaken, Kroaten, Serben und Montenegriner. Internationale Tagung*. Wien, S. 111–122

Kratak pravopis. Verfasst von i. h. (Ignac Horvat) [ohne Ort, ohne Jahr]

MERSICH, Konrad 1960: *Naš jezik*. Wien

MERSICH, Konrad, Stefan ZVONARICH, Ignac HORVAT: *Jezični predlogi*. Unterzeichnet von Konrad Mersich... [ohne Ort, ohne Jahr]

NAGY, Sabine 1989: *Soziale Integration und Assimilation der Kroaten im Burgenland von der Zeit ihrer Einwanderung bis zur Gegenwart*. Wien

Naš tajednik, Wien, god. 1, br. 2, 7. juna 1947; br. 3, 14. juna; br. 4, 21. juna; br. 12, 16. augusta; br. 13, 23. augusta; br. 29, 13. decembra; br. 35, 27. augusta 1948

NEWEKLOWSKY, Gerhard 1992: 500 Jahre kroatische Schriftsprache im Burgenland. In: *Hrvatski akademski klub / Kroatischer Akademikerklub*. Wien

ROBAK, Fritz 1985: *Kroaten im Burgenland*. Wien

SUČIĆ, Ivo u. a. 2003: *Gramatika gradišćanskohrvatskoga jezika*. Eisenstadt

VLASITS, Josef 1986: Die Sprache der Burgenländischen Kroaten. In: *Die Burgenländischen Kroaten im Wandel der Zeit*. Hrsg. S. Geosits. Wien

WEILGUNI, Werner 1984: *Die Diskussion um die Standardsprache bei den burgenländischen Kroaten. Sprachpolitische und kulturpolitische Tendenzen seit der Mitte des 19. Jahrhunderts*. Wien

The process of standardising Burgenland Croatian in the second half of the 20th century

Katarina Tyran

After the Second World War two means of creating a standard language for the Burgenland Croats were considered: one was the adoption of the Croatian standard language, while the other was the standardization of the čakavian-ikavian-ekavian speech of the Burgenland Croats. The majority of cultural officials and authors favoured the first alternative, arguing for a step-by-step approach. The first of those steps was a reform of the language around 1950 by means of the text "*Kratak pravopis*" by Ignac Horvat, which had presumably been written a few years earlier. This reform, moving in the direction of establishing the standard Croatian language, was accepted by the most important print media und continues to retain its importance.

In the 1950's the Croats in Burgenland became split between the two main political parties: the social-democratic SPÖ and the catholic-conservative ÖVP. This split had a huge impact on policies concerning language, since the policy of the SPÖ was a rapid and comprehensive assimilation to German language and culture, whereas the ÖVP and the Croatian associations that were closely associated them continued to pursue the policy of adopting the standard Croatian language. 1960 saw the publication of the school textbook "*Naš jezik*" by Konrad Mersich was published, which was intended to further this policy, as it was written in štokavian-ijekavian, but in 1962 the eight-year elementary school was abolished, and so the book was not able to reach the expected level of importance.

It then became obvious that the goal of adopting the Croatian standard language was unattainable, and so the focus shifted from adopted the existing standard language to standardizing the čakavian variety of the Burgenland Croats. In 1972 the paper "*Jezični predlogi i uputi za urednike i pisce*" by

Konrad Mersich, Stefan Zvonarich and Ignac Horvat, was released; this was the first to place emphasis on the standardization. It was followed in 1982 by the first part of a trilingual (German – Burgenland-Croatian – Croatian) dictionary (*Nimško-gradišćanskohrvatsko-hrvatski rječnik*) and in 1991 the second part (Burgenland-Croatian – Croatian – German) of the same dictionary. When in 2003 a comprehensive Burgenland Croatian grammar was published, it was finally possible to talk about the standardization of the language of the Burgenland Croats, even though it would be desirable to have a revised and updated orthography.

katharinatyran@hotmail.com

Ромаш Эрленд Романчик (*Тарту*)

Польско-кашубские дилеммы в лексикографическом аспекте (или лексикографические методы языковой сепарации)

1.

Способы взаимодействия языков многообразны. Традиционно наибольшее внимание привлекает межъязыковая интерференция или, шире, конвергенция. Реже пишут о противоположном явлении – изменении одного языка под влиянием другого, но в сторону отчуждения. Между тем это явление не столь уж редкое. Проявляться языковая дивергенция может в разных сферах языка, но наиболее широко и отчетливо она заявляет о себе при сознательном подходе к выбору языковых средств. Выбор же языковых средств наиболее масштабно проявляется при создании или "реформах" литературных языков.

Вероятно, наиболее колоритно дивергенция проявляется в случаях "раздела общего имущества", ярким примером чего может служить возникновение ряда самостоятельных языков на базе сербскохорватского (см., напр., Дуличенко 1996, 155–163). Очевидно, что в отличие от конвергенции – явления чаще всего спонтанного, рассматривамое явление имеет плановый, санкционированный характер и проявляется в непосредственной зависимости от социокультурных условий в конкретный исторический период. Во многом и оценки соответствующих процессов обусловлены этими условиями и предпочтениями исследователя.

В настоящей статье речь пойдет об одном случае проявления *языкового отталкивания*, значительно отразившемся на формировании кашубского литературного языка (КЛЯа) в XX в.

История создания литературной формы кашубского языка (КЯа) начинается в первой половине XIX в., история вопроса о сущеество-

вании кашубского языка – в конце XIX в. На протяжении всего XX в. активисты кашубского движения пытались отстоять и статус самостоятельности языка, и создать язык литературный. В некоторые периоды этот процесс проходил более интенсивно, в другие – менее, возникали и практически забывались программы – история эта неплохо описана, и здесь нет необходимости останавливаться на ней. Достаточно указать на то, что разворачивалась она преимущественно в трех направлениях:

1) достаточно вялые ученые споры (с 1920-х до 1980-х гг.);
2) творческая практика отдельных писателей;
3) плановая деятельность по нормализации КЛЯа некоторыми кашубскими культурно-языковыми течениями.

Так сложилось, что последняя сводилась преимущественно к спорам о графике и орфографии, сопровождаясь публицистической полемикой о статусе КЯа.

В стремлении упрочить статус КЯа писатель и лексикограф Ян Трепчик (22.10.1907 – 03.09.1989) решил пойти в ином направлении – лексикографическом, т. е. создать польско-кашубский словарь, к работе над которым он приступил в 1963 г. Результатом многолетнего труда стал двухтомный польско-кашубский словарь (TREPCZYK 1994).

Каким образом словарь может способствовать утверждению статуса полноценного самостоятельного языка? Ответ на такой вопрос, кажется, очевиден: во-первых, само существование словаря – это заявка на существование языка; во-вторых, словарь убедительно показывает, что лексический состав языка достаточен для обслуживания всех сфер жизни; в-третьих, он демонстрирует богатство языка; в-четвертых, словарь – это одна из основных форм кодификации литературной нормы.

В числе своих важнейших задач Трепчик указывает на то, что

> "Словарь должен продемонстрировать сходства и различия КЯа со всеми языками славянского мира. Прежде всего с польским, с которым <...> находится в ближайшем родстве..." (TREDER 1994, 457).

Несомненно, в демонстрации сходств между двумя языками Трепчик был заинтересован менее всего; значительно важнее для него было показать в первую очередь различия. Такая установка во мно-

гом и предопределила окончательный вид словаря. Едва ли можно допустить мысль о беспристрастности лексикографа – это противоречило бы программе четвертого поколения создателей КЛЯа, в 1930-е гг. объединившихся в кружок вокруг печатного органа кашубских народников – журнала "*Zrzesz Kaszëbskô – Pismo dla ludu kaszubskiego*" (Лябуда, Трепчик, С. Бешк, Ф. Груча, Ф. Маршалковский, И. Шутенберг, Б. Собчак, Я. Колка, Р. Комковский, Л. Торлинский, Э. Йонас). А верность этой программе Трепчик сохранил до конца своих дней.

Как словарь может продемонстрировать различие между языками? Представляется, на этот вопрос ответить также нетрудно – всего лишь посмотреть: по-польски так, а по-кашубски вот так. Но если бы все было так просто и очевидно, никакого польско-кашубского вопроса никогда и не было. Речь идет о языках близкородственных, более того – продолжительное время сосуществовавших в одном ареале, причем на кашубской территории с разной социальной стратификацией. Последнее обстоятельство предопределило практическую невозможность естественного развития КЯа в экстрабытовых и нерелигиозных сферах. Соответственно, при коммуникации вне этих сфер было необходимо переходить на другой язык (польский или немецкий – в зависимости от исторической ситуации). Таким образом, сама история КЯа предопределяет, что

– в кашубском языке много корней, общих с польскими (как в двух западнославянских языках),
– в них много общих словообразовательных аффиксов и моделей (как в славянских по происхождению языках),
– лакуны в определенных лексико-семантических группах нивелируются за счет польских заимствований.

Как видим, оснований для сходства достаточно. В свете этого ответ на вопрос о том, как словарь может продемонстрировать различие между языками, перестает быть столь очевидным. Словарь может показать, что, н е с м о т р я на все изложенные обстоятельства, это все равно другой язык.

Проще всего решается проблема лакун: если каких-то слов раньше не было, поскольку в них не было необходимости, это не значит, что их не может быть и что система языка не способна их порождать, предоставляя единственный путь – заимствование. Впрочем,

даже тогда, когда заимствования избежать трудно или вовсе нельзя, как в случае интернационализмов, экзотизмов и других слов иностранного происхождения, которые в силу такого своего генезиса совпадают или близки по звучанию с польскими словами, есть довольно большие возможности для придания им "кашубского вида", начиная от фонетической до сложной словообразовательной адаптации (*bajroni**z**na* 'байронизм', *erotë**z**na* 'эротика'). Что касается других способов уменьшения сходств КЛЯа с польским, то, как уже упоминалось, у зжешеньце[1] была выработана целая программа. Реализация этой программы привела к появлению феномена, получившего в кашубологии название "язык зжешеньцев", – языка, не всегда понятного недостаточно образованным носителям: стремясь всячески подчеркнуть самостоятельность КЯа и используя сознательно подобранный комплекс языковых черт, они создавали "квинтэссенцию кашубскости". При этом литературный язык "зжешеньцев" отдалялся не только от польского, но и от разговорного кашубского (подробнее об этом см.: BREZA 1977, 41–52; POPOWSKA-TABORSKA 1986, 133–140; TREDER 1992, 65–79; 1994). Словарь Трепчика стал не только итогом всей творческой и общественной деятельности автор[2], но и лексикографическим воплощением программы "зжешеньцев".

В более чем полуторавековой истории формирования КЛЯа проект Трепчика занимает особое место, поскольку это самый объемный (60 тысяч статей) словарь подобного рода (точнее даже – единственный, если не принимать во внимание небольшие по объему словники), оказавшийся к тому же практически "маргинальным". В вину Трепчику вменялась прежде всего "искусственность" его слов, каковую – кстати заметить – он и не пытался скрывать. В пояснительной записке к первой версии словаря Трепчик пишет редактору Е. Тредеру:

> "Словарь стремится показать аутентичный КЯ, избегая по возможности иноязычного 'налета'. При этом редактор не должен мучиться вопросом, естественно ли дан-

---

[1] Транслитерация польского *zrzeszeńcy* по названию журнала "Zrzesz" (букв. 'Союз'). К сожалению, мы вынуждены прибегать к транслитерации, поскольку результат калькирования в виде "союзники" чреват опасной омонимией.

[2] Здесь можно упомянуть и о широкой популярности среди кашубов песен Я. Трепчика.

> ное слово или создано, поскольку без словотворчества нет ни одного языка, к тому же это не этимологический словарь" (TREDER 1994, 457).

Между тем данный словарь – воплощение одной из самых ярких кашубских лингвистических программ XX в., потому заслуживает большего, чем до сих пор, внимания исследователей. Думается, что для создания полной картины путей формирования литературных языков необходимо изучение всех использованных техник. В силу этого общих указаний на языковое отталкивание (сопровождающихся отдельными примерами) и стремления автора к языковой сепарации применительно к словарю недостаточно. Впрочем, нельзя не отметить, что основные способы обогащения лексикографом кашубского словаря в литературе уже описывались. Исследователями отмечаются и отдельные лексикографические приемы, к которым он прибегает в стремлении подчеркнуть различия между языками.

Любопытные замечания по поводу организации словарных статей Тредер делает в сопроводительной статье, вошедшей во второй том словаря:

1. Относительно **численности кашубских соответствий** польским словам:

> "С кашубской стороны число соответствий может доходить до ...-надцати, особенно в случаях, когда обозначаемое понятие актуально для кашубов; меньше слов для понятий, чуждых кашубской культуре либо привлекаемых пассивно, – тут часто только один эквивалент, нередко совпадающий с общепольским, особенно в сфере интернационализмов (разрядка наша – Р. Э. Р.)" (TREDER 1994, II, 457).

Сравнивая первый (черновой) вариант словаря с окончательной редакцией той его части, правку которой Трепчик делал лично, Тредер среди прочих изменений отмечает "четкое ограничение с кашубской стороны числа лексических синонимов, фонетических и словообразовательных вариантов..." (TREDER 1994, II, 456).

2. Относительно **порядка следования кашубских эквивалентов в статье:**

> "Упорядочение расположения кашубских соответствий в рамках статьи выглядит таким образом, что эквивалент, ближайший к польскому слову по звуковой оболочке, оказывается, как правило, замыкающим целый ряд соответствий (разрядка наша – Р. Э. Р.). Однако у пользователя может сложиться впечатление, что упорядочивал он их с точки зрения какого-то нормативного правила" (TREDER 1994, II, 456).

Ту же мысль повторяет Х. Поповская-Таборская, характеризуя словарь Трепчика:

> "из набора вариантов выбирается, как правило, 'самый непольский'" (POPOWSKA-TABORSKA 1996, 50–53)

Итак, из приведенных тезисов следует, что

- численность кашубских эквивалентов объясняется корреляцией между значимостью предмета/ явления и семантической плотностью. Объяснение логичное, потому принимается оно с легкостью;
- численность эквивалентов в наиболее обработанной части словаря урегулирована (вероятно, в соответствии с этим принципом);
- порядок слов в статье определяется степенью схожести с переводимым польским словом. Это объяснение также легко принять (с учетом программы, на которую ориентировался Трепчик).

Действительно, при работе со словарем создается впечатление, что слова расположены по степени соответствия, точнее – несоответствия польским. Словом, утверждения Тредера и Поповской-Таборской вполне соответствуют впечатлению, которое складывается, когда просматриваешь словарь. Однако в ходе нашей работы с материалом словаря результаты анализа нередко существенно расходились с предполагаемыми. Приходилось неоднократно перепроверять факты – ошибки не обнаруживалось, но ощущение, что "что-то не так" не исчезало. Таким образом возник вопрос: на чем, собственно, основано вышеприведенное "предположение"? – На принятии процитированных тезисов. Так принципы построения словарной статьи в словаре Трепчика оказались предметом нашего внимания. Резуль-

таты анализа представлены в цикле из трех статей, первую из которых и представляет настоящая, две другие готовятся к печати.

Поповская-Таборская говорит о выборе *самого непольского слова*. Что значит *самое непольское*? Это прежде всего совсем другое, непохожее слово. Однако в условиях значительного сходства исходного языкового инвентаря, на объективные причины которого уже было указано, избежать подобия невозможно. Соответственно, речь может идти об уменьшении числа общих признаков. Фонетические расхождения, которым уделяется особо пристальное внимание, на практике оказываются наименее значимыми – они очень легко "корректируются" при восприятии. Бóльшие возможности лежат в области словообразования: слово с генетически тем же корнем будет выглядеть иначе, если образовано оно по иной модели или с использованием других аффиксов. На активное использование этого приема Трепчиком неоднократно указывал Тредер. Следовательно, анализировать степень подобия кашубского слова польскому можно как степень подобия его элементов.

Принимая во внимание это обстоятельство, для анализа нами была выбрана группа польских существительных, производность которых четко осознается, с тем чтобы проследить, как Трепчик комплектует статью, комбинируя словообразовательные элементы. Основу материала составили словарные статьи, в заглавии которых – польские существительные с формантом *-ość*. Дело в том, что польский формант *-ość* является очень продуктивным, а для некоторых классов основ прилагательных даже категориальным. Кашубскому фонетическому аналогу этого форманта *-osc* Тредер также уделяет особое внимание: как одно из различий между черновым и исправленным вариантом словаря он указывает на произведенную по его же рекомендации частичную замену кашубского форманта *-ota* на *-osc*. Т. е. существительные этой категории подвергались специальной рефлексии Трепчика.

В основу нашего анализа лег материал словаря букв *A–D*, поскольку именно такова граница той части словаря, которая наиболее полно передает замысел Трепчика, т. е. вероятность случайностей при составлении словарной статьи минимальна[3]. Анализируемый

---

[3] Ко времени переработки словаря после редакторской правки Трепчик был уже немолод и справиться с переработкой всего словаря только собственными

корпус (сплошная выборка из указанной части словаря) представлен 164 статьями.

В соответствии с предложенными выше критериями подобия нам следует прежде всего выявить соотношения

а) корней и основ
- польского слова и его кашубских соответствий;
- кашубских соответствий;

б) формантов
- польского слова и его кашубских соответствий;
- кашубских соответствий.

Во избежание постоянных повторов громоздких формулировок введем условные обозначения для элементов словообразовательной структуры кашубских эквивалентов:

корень -A- – корень, формально совпадающий в польском и кашубском языках (регулярные фонетические польско-кашубские соответствия или представленные Трепчиком фонетические варианты одного корня при этом не рассматриваются как различия), напр.: пол. ***chłod****ność* – каш. ***chołod*** (sic!), ***chłod****zëzna*;

основа A- – основа, формально совпадающая в польском и кашубском языках, напр.: пол. ***bur****ość* – каш. ***bur****ota*, пол. ***chorowit****ość* – каш. ***chorowit****osc*

An – основа кашубского слова, отличная от польской, но с тем же корнем, напр.: пол. *bez****rozum****ność* – каш. *nie****rozëm****nota*; пол. ***chrap****liwość* – каш. *za****chrap****ialosc*.

Дифференциальный признак может быть более или менее значительным – напр., использование синонимичных префиксов: пол. *bez****rozum****ność* – каш. *nie****rozëm****nota* (также *bez****rozëm****nota*); или речь может идти об образовании по другой модели: ***chrap****liwość* – *za****chrap****iałosc*.

Индексы после буквы не отражают степени сложности основы или еще каких-нибудь дополнительных признаков – они лишь си-

---

силами он не мог. Потому материал был разделен на три части, над первой из которых (*A–Ć*) работал сам Трепчик. Таким образом, фрагмент до буквы *D* можно рассматривать как в наибольшей степени приближающийся к идеалу автора-составителя.

гнализируют дифференциацию основ и присваиваются в порядке появления основы в статье (при этом *A- без индекса* всегда = основа заглавного, т. е. польского слова). Следовательно, формулы совершенно индифферентны к способу словообразования того или иного эквивалента.

B- (C-, D-…) – основа с иным по отношению к *A* корнем. Буквы присваиваются основе по мере появления нового корня в статье. Никакой корреляции между местом буквы в алфавите и какими-либо характеристиками кодируемых основ нет. Иначе: значение буквы в формуле можно определить как ‘основа с другим по отношению ко всем остальным корнем’, напр.: пол. *buchastość* – каш. *wëpęczniałosc* (B), *wëdętosc* (C), *wësadzonosc* (D).

-b – любой формант, кроме ***-osc*** – непосредственного кашубского соответствия польскому ***-ość***.

Так, например, статьи

(1) ***aktywność*** – *rësznota, aktiwnota*
(2) ***akuratność*** – *dokładnosc, akurôtnosc*
(3) ***archaiczność*** – *stôrodôwnota, archaicznosc*
(4) ***chorowitość*** – *chorowitosc, chwiérnosc*

в результате перекодировки будут выглядеть как

(1) Aość – Bb, Ab
(2) Aość – Bosc, Aosc
(3) Aość – Bb, Aosc
(4) Aość – Aosc, Bosc

Представляется, что анализ на основе материала, формализованного таким образом, позволяет ответить на поставленные вопросы более четко и определенно в силу того, что существенно снижается эмоциональность восприятия, отражающаяся на общем впечатлении, которое, как было замечено выше, может быть ошибочным. Кроме того, из всего множества лексических пар мы получаем небольшой набор алгоритмов с конечным числом их возможных комбинаций в пределах статьи[4]. Теперь, возвращаясь к вопросу о степени подобия

[4] Подобный метод анализа уже применялся нами, см., в частности: Романчик 2006, 61–81.

кашубского слова польскому, можно представить рейтинг степени подобия по сочетанию элементов (начиная с наибольшей):

Aosc || Ab || A1osc || A1b || Bosc || Bb

Число кашубских эквивалентов в словарной статье

При просмотре практически любого двуязычного словаря мы обнаруживаем, что для разных слов предлагается различное число иноязычных соответствий. Не составляет исключения и рассматриваемый корпус из словаря Трепчика:

Число пар определенной степени сложности[5]

число эквивалентов в статье	число таких статей в анализируемом корпусе	процентное содержание таких статей в корпусе
1	24	15%
2	51	31%
3	56	34%
4	18	11%
5	10	6%
6	3	1,8%
7	2	1,2%

Таблица № 1

Как видно из приведенных данных, число кашубских эквивалентов колеблется от 1 до 7, а частотность статей разной степени сложности очень неровная.

Наиболее частотными (причем с большим численным преимуществом) оказываются дву- и трехэквивалентные статьи; одно- и четырехэквивалентные занимают по частотности третье и четвертое место; большее число эквивалентов встречается редко.

В соответствии с тезисом Тредера о выравнивании числа эквивалентов в статье следует предположить, что степень сложности статей отражает степень значимости для носителей КЯа соответствующих понятий.

---

[5] Степенью сложности статьи мы будем называть число лексических единиц в правой (кашубской) части словаря. Таким образом, односложная статья – это статья, в которой польскому слову соответствует только один кашубский эквивалент, двусложная – два, трехсложная – три и т. д.

Однако, на наш взгляд, трудно сколь-нибудь определенно говорить о явной семантической дифференциации рассматриваемого материала. Не прослеживается и закономерности, связанной с интернационализмами[6]:

заглавные слова одноэквивалентных статей: *aktualność, bezbronność, bezdzietność, bezgrzeszność, bezpłciowość, bezprzykładność, bezprzytomność, bezradność, bezwłasnowolność, bezwyznaniowość, białawość, bierność, boskość, burość, cenność, ceremonialność, chorobotwyrczość, chrapliwość, cichość, ciepłość, ckliwość, czarność, czułostkowość*;

заглавные слова двуэквивалентных статей: *aktywność, akuratność, archaiczność, bajeczność, bezbożność, bezczelność, bezdomność, bezduszność, bezecność, bezforemność, bezkarność, bezkrwistość, bezludność, bezmowność, beznadziejność, bezowocność, bezpodstawność, bezpośredniość, bezprawność, bezpretensjonalność, bezrozumność, bezstronność, beztaktowność, bezwarunkowość, białość, bogobojność, braterskość, brunatność, brutalność, brzuchatość, bydlęcość, bytność, celność, celowość, chorobliwość, chorowitość, chrząstkowatość, chwalebność, cielesność, cienistość, cienkość, cudowność, czerstwość, czerwoność, częstość, częstotliwość, czołobitność, czujność, czystość, czytelność*;

заглавные слова трехэквивалентных статей: *anielskość, arbitralność, baczność, barczystość, bezbarwność, bezceremonialność, bezcielesność, bezczynność, bezdenność, bezdzwięczność, bezgraniczność, bezimienność, bezinteresowność, bezkrytyczność, bezkształtność, bezmyślność, beznamiętność, bezodporność, bezplanowość, bezpłatność, bezpłodność, bezpożyteczność, bezsenność, bezsensowność, bezsporność, bezsprzeczność, bezświadomość, bezustanność, bezwonność, bezwzględość, biurowość, błahość, błogość, bombastyczność, brzemienność, buchastość, burzliwość, butność, bystrość, calkowitość, całość, charakterystyczność, chropowatość, chudawość, chuderlawość, ciasność, ciągłość, ciekawość, ciekłość, ciemnawość, cierpkość, cierpliwość, cnotliwość, czcigodność, czelność*;

заглавные слова четырехэквивалентных статей: *anormalność, autentyczność, awanturniczność, bezskuteczność, bezużyteczność, bezzasadność,*

---

[6] Интернационализмы не встречаются только в статьях с шестью и семью кашубскими эквивалентами, во всех других они представлены более или менее в равной степени – так, в статьях с одним соответствием две лексемы можно рассматривать как интернационализмы (словообразовательно адаптированные), в статьях с двумя, тремя и четырьмя – по три, с пятью соответствиями – одну. При этом мы не учитывали интернациональных корней в словах с префиксом *bez-*.

biegłość, bladość, błyskotliwość, bohaterskość, bojazliwość, chłodność, chromość, chudość, chwiejność, czczość, czupurność, czynność;

заглавные слова пятиэквивалентных статей: *banalność, bezwartościowość, bezsilność, bitność, bliskość, bujność, chełpliwość, chybkość, chyżość, ciemność*;

заглавные слова шестиэквивалентных статей: *bezwładność, ciętość, czułość*;

заглавные слова семиэквивалентных статей: *chytrość, chciwość*.

Т. е., значимостью понятия объяснить степень сложности статьи затруднительно. Впрочем, общая логика рассуждений Тредера позволяет предположить, что другой фактор, который может повлиять на число эквивалентов, – это степень их подобия польскому слову. Напомним еще раз, что Тредер указывает на "упорядочение расположения кашубских соответствий в рамках статьи таким образом, что эквивалент, ближайший по звуковой оболочке к польскому слову, оказывается, как правило, замыкающим целый ряд соответствий". К вопросу об упорядочивании эквивалентов мы обратимся в отдельной статье, пока же на основании высказывания о "целом ряде эквивалентов" правомерно допустить, что число кашубских слов в статье может увеличиваться из-за стремления Трепчика скрыть "полонизм" (если он не относится к числу интернационализмов). Мы уже отмечали, что такое предположение представляется правдоподобным в свете лингвосепаратистских установок лексикографа. Но действительно ли это так?

Попытаемся проследить, существует ли зависимость между числом эквивалентов в статье и степенью их подобия польскому слову.

В первую очередь следует обратить внимание на соотношение числа статей, среди эквивалентов которых есть корень -А- ("равный" польскому), и статей, где его нет.

Число статей определенной сложности, включающих эквивалент с корнем -А-

число эквивалентов в статье	число статей, включающих эквивалент с корнем -А-	% от общего числа статей такой сложности в корпусе
I	14	58 %

II	35	69 %
III	30	54 %
IV	6	33 %
V	5	50 %
VI	2	80 %
VII	2	100 %
всего	94	57 %

Таблица № 2

В результате анализа обнаруживается, что, действительно, больше, чем половина словарных статей нашего корпуса (57%), содержит "однокорневой" польскому кашубский эквивалент. Приводимые в таблице № 2 данные позволяют также констатировать, что, как и предполагалось, доля представленности эквивалентов такого типа различна в статьях с разным числом соответствий и колеблется от 33% до 100%. Попытаемся проследить динамику изменения частотности и выделить общие закономерности. Оказывается, что,

- если на польское слово приводится только *один эквивалент*, то почти в 60% случаев этим эквивалентом окажется слово с тем же корнем, что и в польском языке;
- еще выше вероятность того, что среди соответствий будет слово с тем же корнем, если *эквивалентов* в статье *два* – почти 70% всех двухэквивалентных статей такой корень содержат;
- в случае *трехэквивалентных статей* число статей с корнем -А- вновь падает (до 54%). Это особо примечательно, так как, казалось бы, трехчастный ряд соответствий предоставляет больше возможностей для того, чтобы "польский" корень "спрятать" среди других эквивалентов;
- еще более резко доля статей с общим корнем сокращается в статьях *с четырьмя эквивалентами* (33%). Именно в статьях такой степени сложности (и только в них!) появление польско-кашубской однокорневой пары менее вероятно, чем ее отсутствие;
- на четырехсложные статьи приходится минимальная частотность представленности в кашубской части корня -А-, затем она вновь начинает расти. Впрочем, с уверенностью говорить о тенденциях в статьях *с шестью и семью* эквивалентами

трудно из-за небольшой численности таких статей в нашем корпусе, но в целом доминирование статей, включающих эквивалент с корням -А-, сохраняется.

Корреляция между степенью сложности словарной статьи и представленностью в ней однокорневого польскому кашубского слова

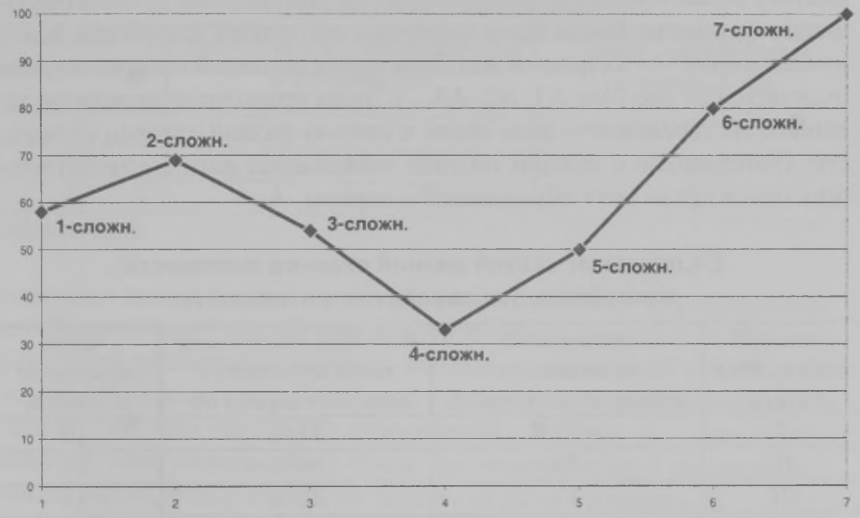

Рисунок № 1
Примечание: вертикальная ось – шкала процентов (0–100); на горизонтальной оси отмечены степени сложности статьи.

Таким образом, уже на этом этапе анализа можно утверждать, что зависимость между числом кашубских эквивалентов и общностью корня имеет место. Однако характер этой зависимости иной, нежели предполагалось. Особо следует обратить внимание на характеристики по этому критерию для дву- и трехсложных статей. Напомним, что в рассматриваемом материале именно эти статьи оказались наиболее регулярными[7], и – более того – представленными относитель-

[7] Соответственно, нет оснований предполагать случайность их компонентного состава.

но в равной мере (31% и 34% процента соответственно). При этом разница в содержании корня -А- между статьями этого типа составляет 15%, причем в направлении, противоположном ожидаемому. На то, что 67% четырехсложных статей вовсе не содержит корня -А-, уже было указано.

Продолжая исследование степени подобия польского и кашубского слова в словарной статье, следует перейти от анализа корней к анализу словообразовательных основ, т. е. части слова до категоризующего форманта. Выше были выделены алгоритмы кашубских основ на базе корня -А-: основа может быть равна польской (основа А-) или отличаться от нее (Аn: А1, А2, А3…). Здесь приводятся данные по засвидетельствованности этих основ в статьях разной степени сложности. Параллельно в каждой таблице указывается доля соответствующих основ среди всех образований с корнем -А-.

Содержание статей разной степени сложности кашубских эквивалентов с основой А-

число эквивалентов в статье	число статей, включающих эквивалент с основой А-	% от общ. числа статей такой сложности в корпусе с корнем -А-	число эквивалентов с основой А-
I	10	71 %	10
II	23	66 %	27
III	13	43 %	15
IV	3	50 %	5
V	3	60 %	6
VI/VII	4	100 %	4
всего	56	60 %	69

Таблица № 3

Содержание статей разной степени сложности кашубских эквивалентов с основой А1-

число эквивалентов в статье	число статей, включающих эквивалент с основой А1-	% от общ. числа статей такой сложности с корнем -А-	число эквивалентов с основой А1-	число статей только с такой основой
I	4	29 %	4	4
II	19	54 %	21	2

III	21	70 %	26	1
IV	3	50 %	4	0
V	3	60 %	5	0
всего	50	53 %	60	7

Таблица № 4

Число статей определенной сложности с эквивалентом с основой А2-

число эквивалентов в статье	число статей с эквивалентом с основой А2-	число эквивалентов с основой А2-
II	3	3
III	6	6
IV	1	1

Таблица № 5

Подсчеты показывают, что наиболее частотным "однокорневым" (польскому слову) кашубским эквивалентом среди одно- и двусложных статей оказывается вариант, образованный на базе той же мотивирующей основы (А-). Ситуация резко изменяется в трехсложных статьях: большая часть всех образований с корнем -А- – это образования от иной основы (An), число же эквивалентов с основой, равной польской, резко падает, не составляя даже половины. В статьях с четырех- и пятисложными соответствиями оба типа представлены в равной степени. В статьях с большим числом соответствий обнаруживаются исключительно основы типа А-.

В целом можно отметить тенденцию к уменьшению доли "равных" польской основ по мере роста числа в статье кашубских эквивалентов до трех – умеренное на отрезке от одного до двух (5%) и значительное на отрезке от двух до трех (13%). Расхождение между долей основ типа А- в корпусе однокоренных эквивалентов в односложных и трехсложных статьях, таким образом, составляет 18%. Далее можно говорить о противоположной тенденции, т. е. о росте вероятности повторения в правой части словарной статьи основы, представленной в левой, росте, довольно ровном в интервале от трех до пяти эквивалентов (7% и 10%), и резком скачке в интервале от пяти до шести/семи соответствий (разница в 40 %). Впрочем, не следует забывать, что результаты анализа для статей большой степени

сложности не вполне надежны из-за невозможности проследить устойчивость тенденции на достаточном числе примеров.

Для альтернативных основ, т. е. основ на базе того же корня, что в польском слове, но оформленных иначе, закономерности другие. Их можно описать, как противоположно направленные только что рассмотренным, что вполне естественно: ведь они "делят" между собой весь корпус статей, содержащих корень -A-. Однако необходимо обратить внимание на иную динамику изменений. Так, наблюдается резкое увеличение числа альтернативных основ в двусложных статьях (по сравнению с односложными – на 25%), интенсивность роста их доли уменьшается в трехсложных (разница 16%), общий же рост содержания в статьях альтернативной основы составляет 41%. Затем наблюдается регрессия в 20% в статьях с четырьмя кашубскими соответствиями и десятипроцентный рост в статьях с пятью.

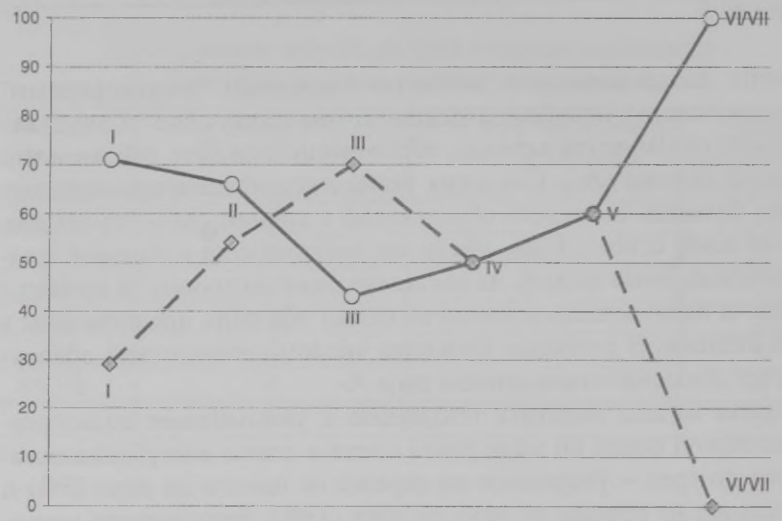

Рисунок № 2

Примечание: сплошной линией представлена кривая для основы A-, пунктирной – для основы A1-; римскими цифрами обозначены степени сложности статьи; вертикальная шкала – шкала процентов (за 100% принято число статей соответствующей степени сложности с корнем -A-).

Динамика этих изменений важна сама по себе, поскольку вскрывает известную самостоятельность закономерностей появления в статьях основ типа A- и An-. Еще раз следует обратить внимание на то, что прежде всего происходит учет статей, содержащих определенный элемент, а не самих этих элементов. Потому жесткая взаимозависимость между содержанием основы A- и An- действует только в односложных статьях: действительно, если единственным кашубским соответствием оказывается слово с равной основой (A-), то в этой статье уже не может оказаться слово с основой An-, и наоборот. Таким образом, все односложные статьи с корнем -A- делятся строго на две взаимоисключающие группы (A- – 71% и A1- – 29%)[8]. В этом отношении односложным противостоят все остальные статьи, которые гипотетически могут быть полностью укомплектованы однокорневыми словами, потому появление в статье одной основы не исключает присутствия другой. Соответственно, увеличение числа, например, трехсложных статей, содержащих основу A1-, само по себе не предполагает уменьшения числа статей, в состав которых входит слово с основой A-, – гипотетически оно также может возрасти даже до 100%: ведь трехсложность статьи предполагает три позиции, которые могут быть заполнены однокорневыми словами. В свете сказанного примечательны данные таблицы № 5, репрезентирующей содержание в статьях основы A2-, т. е. основы, которая может появиться в статье, только если в ней уже есть основа A1-. Но к вопросу о повторяемости корней в словарной статье мы вернемся чуть ниже, с тем чтобы остановиться на нем несколько подробнее; пока же можно сделать общие выводы относительно связи между числом кашубских соответствий и статьей и степенью подобия их основ польской.

Можно лишь удивляться тому, что результаты вновь оказались противоречащими ожидаемым: именно в той части корпуса, в которой "польский" корень обнаруживается чаще всего (одно-, дву-, трехсложные статьи), наблюдается закономерность, согласно которой, *чем меньше эквивалентов в статье, тем вероятнее совпадение основы хотя бы одного кашубского соответствия с основой польского слова.*

---

[8] Тем же объясняется и невозможность появления в односложных статьях основы A2-.

И, наконец, обратимся к анализу представленности в статьях разной степени сложности кашубских слов, "ближайших по звуковой оболочке к польским". Таковыми, в соответствии с принятой нами иерархии подобия, являются те словарные эквиваленты, которые укладываются в алгоритм A*osc*. Иначе говоря, это те кашубские соответствия, у которых с польским словом совпадает как основа (основа А-, соответственно), так и словообразовательный формант (кашуб. *-osc* / пол. *-ość*). Такие лексемы можно рассматривать как полные формальные соответствия.

Содержание кашубских эквивалентов типа Aosc в статьях разной степени сложности

число эквивалентов в статье	% от общего числа эквивалентов с основой *А-*
I	40%
II	52%
III	54%
IV	100%
V	33%
VI/VII	50%

Таблица № 6

Очевидно, что по мере увеличения числа эквивалентов в статье до четырех, возрастает и частотность образований на базе основы А- при помощи форманта *-osc*, при этом в дву- и трехсложных статьях она сохраняется приблизительно на одном уровне (очень незначительный рост). Кривая роста достигает своего апогея на четырехсложных статьях, в которых не отмечено ни одного случая присоединения к основе типа А- какого-либо иного форманта, кроме *-osc*. В статьях с большим числом эквивалентов содержание соответствий типа A*osc* вновь становится значительно ниже, но в данном случае делать выводы трудно по причине малочисленности образований с основой А- в таких статьях вообще. Однако, безусловно, можно отметить нарушение прежней тенденции. Таким образом, можно констатировать, что *чем больше в статье эквивалентов* (*от одного до четырех*), *тем чаще к основе А- присоединяется формант -osc*. Или

иначе: *чем больше в статье эквивалентов* (*от одного до четырех*), *тем меньше образований от основы, совпадающей с польской, при помощи альтернативных формантов, т. е. соответствий типа Ab.*

Сделанное заключение – первый из выводов, соответствующих представлениям о стремлении Трепчика "затерять" слово, совпадающее с польским, среди прочих эквивалентов: действительно, чем больше в статье позиций, тем менее заметен "полонизм". Тем не менее нельзя не отметить того, что так или иначе процент содержания соответствий типа *Aosc* в статьях любой сложности (до четырехсложных) стабильно высок, во всех случаях, кроме односложных статей, составляя больше половины.

Итак, анализ обнаруживает, что статьи с разной продолжительностью кашубского ряда тяготеют к содержанию кашубских эквивалентов разной степени подобия заглавному польскому слову. Прослеживаются достаточно четкие закономерности в корреляции между этими показателями, причем для статей каждой степени сложности эти закономерности свои. Пока преждевременно делать выводы о направлении зависимости и выделять детерминант: предопределяет ли число потенциальных соответствий их окончательное оформление или же характер соответствия влечет распространение или сужение ряда соответствий, или оба эти показателя подчиняются воздействию какого-то третьего, пока не учтенного нами, фактора. Несомненно само существование этой зависимости и обнаруженные "предпочтения".

Выводы о вероятности появления в статьях разной степени сложности генетически однокоренной польско-кашубской пары были сделаны выше, потому здесь подытожим результаты анализа статей, которые такую пару содержат. Можно констатировать, что доминирующим типом для каждого типа статей являются кашубские соответствия, расписываемые следующими алгоритмами:

односложные статьи – Ab (основа, равная польской, + "свой" формант)

двусложные статьи – A*osc* (полные формальные соответствия)

трехсложные статьи – An (образования от иной основы, но с тем же корнем, что в польском слове)

четырехсложные статьи – An/A*osc* (приблизительно в равной мере)

пятисложные статьи – An/Ab (приблизительно в равной мере)

шестисложные статьи – Ab/A*osc* (приблизительно в равной мере).

Общая картина рассматриваемого словарного корпуса представлена на рисунке № 3:

Соотношение статей с разным числом кашубских соответствий и доля статей, содержащих кашубский эквивалент определенной степени подобия заглавному (польскому) слову

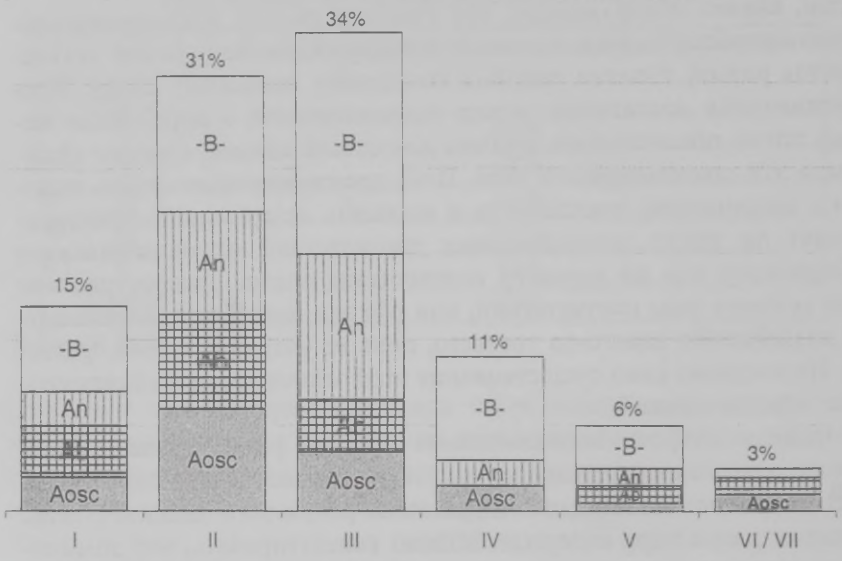

Рисунок № 3

Примечание: столбцы на рисунке представляют статьи разной степени сложности, на которую указывают римские цифры в их основании. Мы несколько упростили картину, объединив шести- и семисложные статьи. Высота столбиков отражает процентное содержание статей соответствующего типа в корпусе (указано над столбиком). Разного типа штриховка отмечает содержание в кашубском корпусе образований определенного типа.

В завершение хотелось бы вернуться к вопросу, о котором мы уже упоминали, и еще раз обратить внимание на то, что все подсчеты касаются статей, а не собственно кашубских лексических единиц определенной структуры. Однако, как было замечено выше и о чем красноречиво свидетельствуют приведенные статистические данные, в ряду кашубских соответствий может встречаться несколько образований на базе одного корня. Само по себе это отнюдь не является особенностью словаря Трепчика, а вполне закономерный факт практически любого двуязычного словаря при переводе слова абстрактного содержания, тем более если эти языки близкородственные, ср., напр., пол. *złość* – рус. *злость*, *злоба* (WSPR), рус. *совместность* – пол. *współność*, *współnota* (WSRP)[9]. В то же время это обстоятельство не исключает необходимости прояснения того, в каких случаях подобные повторы корней проявляются наиболее регулярно.

Прежде всего любопытно указать на значительное различие в частотности появления одного корня в статьях, содержащих корень, равный польскому, – с одной стороны, и такового не содержащих – с другой.

Повторы корней кашубских соответствий в пределах статьи

	статьи с корнем -А-				статьи без корня -А-	
повторяющиеся корни и кратность повторов	2-А-	3-А-	5-А-	2-В-	2-В-	3-В-
число случаев	32	5	1	8	12	1
сумма	46				13	

Таблица № 7

Очевидно, что в статьях, содержащих кашубское слово с корнем -А-, корни повторяются значительно чаще, чем в пределах статьи, где генетической связи между польским словом и кашубскими соотвеетствиями нет. Следует обратить внимание и на то обстоятельство, что и в статьях, где эквивалент с корнем -А- представлен, повторяться может не только этот, но и любой другой (-В- – ок. 1/5 всех случаев). Как свидетельствуют данные таблицы, в одной словарной статье ко-

[9] В принятой системе кодировки эти примеры выглядели бы как Aość – Aость, Ab и Aость – Bość, Bb, соответственно.

рень может повторяться от двух до пяти раз[10] (заметим, что при этом не обнаружено ни одного случая четырехкратного повтора). Можно было бы указать на то, что, как в статьях, заключающих корень -A-, так и в статьях, его не содержащих, как в случае повторения корня -A-, так и при повторении корня -B-, чаще всего имеет место двукратное воспроизведение одного корня. В то же время для подобного заключения этих данных недостаточно: ведь возможности проявиться у двукратных повторов значительно шире, чем у любых других: так, например, пятикратное повторение корня возможно только в статьях, кашубский ряд в которых представлен не меньше, чем пятью единицами; для двукратного повтора их должно быть больше одного. В свете сказанного любопытно проследить, для статей какой степени сложности повторения характерны в большей степени и каков характер этих повторов. Поскольку в основном наше внимание посвящено статьям, содержащим корень, формально равный польскому, рассмотрим повторы именно в этой части корпуса.

Комбинации повторов корней и основ в статьях разной степени сложности

	II	III			IV			V		
2A-	6	2			2			0		
A- – A1-	7	2			0			0		
A1- – A1-	2	2			1			0		
A1- – A2-	3	5			0			0		
2B-		5			2			1		
3-A-		3			1			1		
5-A-								1		
всего	2A 18	2A 11	3A 3	2B 5	2A 3	3A 1	2B 2	3A 1	5A 1	2B 1
	18	19			6			3		

Таблица № 8

Примечание: темные ячейки указывают на принципиальную невозможность соответствующей комбинации, в отличие от знака "0", сигнализи-

[10] *ciemność* 'темнота' – ***cemnota***, ***cemnosc***, ***cemnica***, ***cemżô***, ***cemno*** (A-, A-, A-, A1-, A-).

рующем о том, что гипотетически повтор подобного типа может существовать, но в соответствующих статьях он не зафиксирован ни разу.

Действительно, подтвердилось, что двукратный повтор наиболее типичен для всех статей, кроме пятисложных, в которых по разу встречаются повторы двух, трех и пяти корней. Примечательно, что в более сложных статьях корни не повторяются ни разу. По приведенным в таблице абсолютным показателям можно заключить, что наиболее типичны повторы корней для дву- и трехсложных статей, однако с учетом числа статей определенной степени сложности в корпусе оказывается, что относительные показатели для статей любой продолжительности различаются незначительно. Так, статьи, в которых корни повторяются, составляют: 35% всех двусложных, 34% всех трехсложных, 33% всех четырехсложных, 30% всех пятисложных.

Это подводит нас к выводу о том, что частота повторов от сложности статьи не зависит, т. е. *статьи с повторяющимися корнями составляют около трети всех дву-, трех- и четырехсложных статей, соответственно 2/3 статей такой степени сложности укомплектованы разнокоренными лексемами.* Но если от степени сложности статьи не зависит частота повторов, то, как следует из таблицы, зависит их характер. Так, наиболее характерными комбинациями повтора корня являются

– в двусложных статьях:
  - сочетание основы, равной польской, с иначе оформленной однокорневой основой (А-/А1-), напр.: ***cudown**ość* ‘волшебность, чудесность’ – ***cëdown**ota, **cëdow**iszcze*;
  - сочетание двух слов, образованных от одной основы при помощи разных формантов, причем эта основа, совпадает с основой польского существительного (2А-): ***bogobojn**ość* ‘богобоязнь’ – ***bogobójn**osc, **bogobójn**ota*;

– в трехсложных статьях:
  - сочетание двух однокоренных, но разных основ, причем ни одна из них не совпадает полностью с польской (А1-/А2-): ***bezpożyteczn**ość* ‘бесполезность’ – ***bezpożëtk**, **bezużëtk**, bezzwëskownota*;

- сочетание двух однокоренных слов, корень которых иной, нежели в заглавном польском слове (2B): *ciekłość* 'текучесть' – *ceklëna, **rzôdczëzna**, **rzôdk**osc*;

– в четырехсложных статьях:

- сочетание двух слов, образованных от одной основы при помощи разных формантов, причем эта основа совпадает с основой польского существительного (2A): ***chrom**ość* 'хромота' – *kulawosc, kulawizna, **chrom**izna, **chrom**osc*;
- сочетание двух однокорневых слов, корень которых иной, нежели в заглавном польском слове (2B): *bladość* 'бледность', 'тусклость' – *bladosc, bladzëna, **wëmoklëzna**, **wëmokł**osc* (см. также предыдущий пример);
- достоин внимания факт, когда в четырехсложных статьях невозможно сочетание разных однокоренных основ (A-/A1-; A1-/A2-).

Четкость указанных тенденций не позволяет предполагать их случайного характера, соответственно -перед нами очередная закономерность. Однако и ее, и закономерности, выявленные ранее, невозможно объяснить без учета второго компонента наших двусоставных алгоритмов – формантов. Пока мы коснулись лишь тех случаев, когда формант *-osc* присоединяется к основе типа A-; все другие форманты, засвидетельствованные в нашем корпусе, так же как и возможность присоединения *-osc* к основам иных типов, пока не рассматривались. Между тем вопрос о формантах заслуживает отдельного разговора, потому он будет рассмотрен нами в отдельной статье, которая составит вторую часть цикла, посвященного лексикографическим подходам Я. Трепчика. Лишь после этого, как нам представляется, можно будет перейти к вопросу о порядке следования кашубских эквивалентов в статье и выявить общую стратегию формирования статей с заглавным существительным на *-ość* в анализируемом словаре.

Сейчас можно с уверенностью констатировать применение самостоятельных лексикографических тактик при комплектовании статей с разным числом эквивалентов, что проявляется

– в различном формальном соотношении с польским словом кашубских соответствий, входящих в статью с разным числом лексических позиций;

– в различных соотношениях однокорневых кашубских слов в пределах статей разной степени сложности.

Соответственно, приемы, используемые Трепчиком, значительно сложнее и тоньше, чем предполагалось ранее. Выше указывалось, что часть результатов проведенного анализа не согласуется с общепринятыми тезисами; часть выявленных фактов этим тезисам не противоречит. Тем не менее и такие факты нуждаются в установлении системных связей со вновь выявленными, иными словами, требуют переосмысления.

Разумеется, все наши выводы сделаны на материале корпуса словарных статей, заглавным словом которых являются польские существительные с формантом *-ość*. Они справедливы только для этого словарного пласта и не могут быть произвольно экстраполированы на более широкий корпус (абстрактные имена существительные, существительные или словарь в целом). Актуальность этих выводов для более широкого пласта требует специальной проверки. Но даже в том случае, если обнаружившиеся закономерности не прослеживаются на ином материале, то специфика этого корпуса является важным указанием на то, что при комплектации кашубских соответствий польским словам разных лексико-грамматических и/или лексико-семантических разрядов Трепчик использовал различные подходы, которые нуждаются в выявлении. Прежде, чем такие подходы будут выявлены, говорить о комплектации статей "на глазок" нет оснований.

Литература

Breza, E. 1977: Neologizmy w twórczości pisarzy kaszubskich. In: *Studia z filologii polskiej i słowiańskiej*. Warszawa, s. 41–52

Breza, E., J. Treder 1981: *Gramatyka kaszubska. Zarys popularny*. Gdańsk.

Дуличенко, А. Д. 1981: *Славянские литературные микроязыки*. (*Вопросы формирования и развития*). Таллин

Дуличенко, А. Д. 1996: Сербский, хорватский, боснийский, черногорский: распад "договорного" языка? In: *Ema keel ja teised keeled II. 18–20. oktoober 1996. Ettekanded*. Tartu, lk. 155–163

Дуличенко, А. Д. 1997: Славянские литературные микроязыки и проблема литературной кашубщины. In: *Obraz językowy słowiańskiego Pomorza i Łużyc. Pogranicza i kontakty językowe*. Warszawa, s. 227–246 [Język na pograniczach, 19]

Дуличенко, А. Д. 2005: Кашубский язык. In: *Языки мира. Славянские языки*. Москва, с. 383–403

Popowska-Taborska, H. 1986: Neologizmy i neosemantyzmy w słownikach kaszubskich Bernarda Sychty i Aleksandra Labudy. In: *Prace filologiczne*, Warszawa, т. XXXIII, s. 133–140

Popowska-Taborska, H. 1996: Dzieje kaszubskiej leksykografii. In: H. Popowska-Taborska, W. Boryś. *Leksyka kaszubska na tle słowiańskim*. Warszawa, s.11–66 [Język na pograniczach, 15]

Романчик, Р. Э. 2001: Кашубские образования на *-osc*, *-ota* как соответствия польским существительным на *-ość*, *-stwo* в "Польско-кашубском словаре" Я. Трепчика: введение в проблематику. In: *Русская филология* 12. Тарту, с. 229–235

Романчик, Р. Э. 2006: Из истории лексико-словообразовательной кодификации кашубского литературного языка. In: *Микроязыки. Языки. Интеръязыки. Сборник в честь ординарного профессора Александра Дмитриевича Дуличенко. Под редакцией А. Кюннапа, В. Лефельдта, С. Н. Кузнецова*. Tartu, с. 61–81

Trepczyk, J. 1994: *Słownik polsko-kaszubski*. T. 1–2. Gdańsk

Treder, J. 1992: Niektóre cechy kaszubszczyzny utworów tzw. Zrzeszeńców. In: *Problem statusu językowego kaszubszczyzny*. Gdańsk, s. 65–79.

Treder, J. 1994: Język i leksykon Jana Trepczyka – Aneks do: J. Trepczyk. *Słownik polsko-kaszubski*. T. 2. Gdańsk, s. 453–495

WSPR – *Wielki słownik polsko-rosyjski*. Wyd. V. T. 1–2. Warszawa, 2001

WSRP – *Wielki słownik rosyjsko-polski*. Wyd. VII. T. 1–2. Warszawa, 2001

Polish-Kashubian dilemmas from a lexicographical point of view (or Lexicographical methods of language separation)

Romasz Erlend Romanchik

Anyone who sets out to study the processes involved in the creation of literary microlanguages will find themselves obliged to examine as many as possible of the different strategies employed by those who promote these processes. In those cases where the status of a language (whether it is language or a dialect) is still an issue one device that can be used by those who are engaged in language projects as a means of demonstrating the autonomy of their language is a deliberate attempt to maximise differences between the microlanguage and that more widely-used literary language which is closest to it. It is maintained here that this phenomenon can be considered a special form of language influence, since this is the term that is appropriate to describe any situation where the forms in one language are determined in whatever way by those of another. Consequently instances of divergence require to be examined just as closely as cases of convergence. At the same time the notion of seeking to emphasise differences between languages is one that can be subject to very wide interpretations.

This article is the first in a cycle that analyses the mechanisms of lexical differentiation adopted in Jan Trepczyk's *Słownik polsko-kaszubski*, published in two volumes in Gdańsk in 1994. A study has been carried out of the relationship between the number of Kashubian equivalents given and the degree to which they resemble the Polish head-word. In order to determine the way in which Trepczyk compiled his entries from the point of view of similarity between the Kashubian and Polish elements, a particular analysis has been made of Polish entries consisting of nouns with the suffix *-ość*, all of which have the unambiguous status of secondary derivations.

yorikr@mail.ru

Roberto Dapit, Udine

The Resian dialect and its evolution as a literary language

The Resian dialect belongs to the group of Slovene dialects of Primorska (Littoral), spoken in Italy. They form the westernmost part of the Slovene linguistic area and, together with the Torre dialect, the westernmost point of the South Slavic linguistic *continuum*. The Resian valley is separated from the Republic of Slovenia by the Canin Mountain, and it is under its shadow that the Resian community resides. The community consists of about 1300 people, many of whom now live in other towns of the region, either in northern Italy, or in other European countries.

Like Triglav for the Slovenes, Canin Mountain – *göra ta Ćanïnawa* – is for the Resians their main symbol, in particular of unity, and it appears especially in oral tradition as a mythical presence. One of the most beautiful traditional songs contains the words:

Da göra ta Ćaninawa	Canin mountain
nu göra ta Banörina	And Banera mountain
pojütrëh ko to ustaalo	On waking in the morning
lëpo sa soludawalo	Greet each other
fes tekoj ä nu lipa ma	Just like me and my love

The linguistic and cultural development of this region is determined less by its physical borders than by its historical, social and political past – more or less the same as shaped the historical destiny of the Friuli region in north-east Italy. Contacts with the Roman world inevitably were very intensive from the time of the first Resian settlement. The influence of the Romance Friulian cultural and linguistic world was decidedly strong at all levels, while more recently the Italian language has provided a large num-

ber of lexical items because of new communication needs[1]. It is very interesting to observe the degree to which German lexical interference is important, ranging from old loans, such as *kraj / krej* 'kralj' (Eng.= King), which are common to most Slavic languages, to more recent forms such as *ostuh*, Germ. 'Halstuch' (Eng.= necktie)[2]. Many of these German loans are attested also in older Slovene texts (e. g. in Trubar) or are still used in contemporary colloquial Slovene and in other Slovene dialects. So, for instance, *hakli*, Germ. *heikel*, 'delicate', is still used today in the Resian dialect and in colloquial Slovene, even in Ljubljana (DAPIT 2006, 131–139). This process of the linguistic interference of German in Resian has practically ended, but it would constitute a fascinating subject for research on the relationship between Resian and other Slovene varieties in the past. In general the influence of Italian cultural models is extremely strong, and we find in Resian all kinds of interferences and suchlike phenomena.

I propose to observe one segment of problematic linguistic interaction from a particular point of view, namely *via* a corpus of toponyms that I have been gathering since 1992 throughout the Resian territory. Toponyms confirm what linguists and scholars from other disciplines have supposed and affirmed since the time of Fran Ramovš, namely that Resian is substantially based on the Slovene tradition, at least at the linguistic level, something which is also supported by an analysis of these data. The Romance influence is quite significant, whereas the percentage of etymologically German toponyms is low to the point of insignificance (DAPIT 2003a, 165).

At this point I would like to return the discussion to the social aspects of contemporary Resian[3], which as a local language is experiencing an evolution which could be defined as absolutely unique in the Slovene linguistic area. Several years ago my colleague Alexander Duličenko quite

---

[1] For more on the Romance influence on western Slovene dialects see SKUBIC 2000.

[2] MATIČETOV 1975 has discussed and analysed about 190 German items. A basic study on German loans in Slovene is STRIEDTER-TEMPS 1963; see also STRIEDTER-TEMPS 1958.

[3] As regards the linguistic competence of the native speakers, the situation varies from the total active competence of older people to the total loss of active and passive competence in the most recent generations. The younger the people, the less their linguistic competence tends to be.

properly included Resian among the Slavic microlanguages – 'mikrojazyki'[4]. The history of the Slovene language contains other attempts at developing literary languages that had the potential to survive alongside the central Slovene variety. In fact, Slovene is based mainly on the central dialect varieties of Dolenjska and Gorenjska. The current tendency to codify local languages is noticeable also in other linguistic communities in Friuli (Friulian, in a broad part of the region, and German in Sauris Zahre, Timau Tischlbong)[5]. The Resian case is perhaps the most interesting because the attempt at language codification has been quite successful. In the provinces of Gorizia and Trieste, which inherited from the Habsburg Empire a school system in standard Slovene, such attempts do not, of course, exist, but in the province of Udine the study of Standard Slovene in schools is only a recent and limited phenomenon.

Tendencies to use the local dialect are also quite apparent in the Natisone valley, where a written tradition has been relatively widespread since the 19th Century; this tradition is stronger than in Resia. In the Natisone valley (*Nadiška dolina* in Slovene) the dialect is much closer to central Slovene than is Resian, and the use of the local language is not as problematic in relation to standard Slovene as it is in Resia. In addition, the diffusion of Slovene culture by means of central Slovene is a perfectly normal process in the Natisone valley, whereas in Resia traces of interaction with central Slovene are absent from written Resian.

To address the main problem of this discussion, identity and self-awareness are, as one can easily imagine, the most important factors in this process of language standardisation, especially when the process takes place in the shadow of opposing political orientations among the members of the community. And it is in this context that I would like to sum up the recent history of Resian linguistic policy and literary evolution.

The need to develop a suitable instrument for using written Resian was pointed out by Resians as early as the end of the 1970s: this is evidence of a high degree of self-awareness. So, in collaboration with scholars, the Resian community organised conferences – in 1979, 1980 and 1991 – in order to conceive and elaborate a possible codification of Resian. In the 1970s the Resian Municipality assigned to Han Steenwijk the

---

[4] Among other publications of this scholar on Resian topics, see DULIČENKO 1981, and especially *Резьянский литературный язык* in DULIČENKO 2003, 178–206.

[5] For more on this tendency in Resia and Benečija see DAPIT 2003b.

task of preparing a practical Resian grammar. On the basis of his scientific research, Steenwijk published the first volume of his grammar in 1994, the second in 1999, and a small dictionary in 2005[6]. Several spontaneous written traditions did, of course, already exist at that time.

The new orthography began to be used at once in written Resian – in local communications, placards, notices of various kinds, publications and the press; but for a community with a mostly oral language tradition – in Resian, not in Italian of course – to obtain competence in a completely new spelling system requires a certain educational process. In elementary school, for instance, attempts are being made to introduce the children to written Resian, albeit in a marginal context, as all subjects are taught through Italian. Some teaching materials were also written and published. Today, however, more than ten years after the publication of the orthography, only an extremely small number of Resians are able to write in the language, and the number of Resians who can write in the new orthography is even smaller.

We can observe different kinds of reaction to the proposal of a new orthography. The first difficulty to arise was that of choosing which variety to use for written Resian. In fact, the varieties and the fragmentation of the Resian dialect are quite complex, and linguistic differences are still a pertinent question for Resian native speakers. Resian is composed of four main dialects with several sub-varieties. The new orthography permits the use of the graphic systems of standard Resian as well as the four different varieties. The first years of experimentation showed that Resian writers, who really are few in number, are unwilling to use a common Resian language, preferring to use their own variety. Standard written Resian is used only for general communications to the entire community. Standard spoken Resian does not exist at all.

However, the first positive reaction was an increase in publications or, at least, published texts, which still used different orthographies. In recent years initiatives in which different orthographies have been chosen have become more frequent and more important, partly because they can be understood as alternatives to the new proposal[7]. In my fieldwork I was able to collect a large number of statements on this question. Some of

[6] See the bibliography at the end of this paper.

[7] In fact, a *Rośajanskë-laškë bysidnjäk*, for example, was published in 2003 (CHINESE 2003).

them reflect the position of certain Resians whose attitude is to detach Resian from the Slovene cultural, linguistic and national context and leave it simply in a non-defined and non-definable Slavic frame. Many of these statements have also been published in local and regional newspapers. This Slavic frame is called "paleoslavo" 'paleoslavic' and it is extremely interesting to notice that in the Slovene linguistic area, outside the state borders, we find very similar conditions and reactions as regards identity or identification with the Slovene nation: in Austria we notice the so-called *Windischentheorie* (vindišarska teorija)[8], while in Porabje in Hungary there exists the *Wendentheorie* (vendska teorija) whose processes are similar to the Resian Paleoslavic "theory".

The difficulty of accepting Slovene identity – and of choosing a kind of mythical one – is explored in a series of documents dating from the beginning of the 19th century, documents which attest the Resians' desire to look for their own origin far beyond the Slovene area. The most popular assumption, which is also widespread outside the Resian community, in the Friuli Region, is that Resians have Russian roots. If we enquire into this type of sociolinguistic situation in similar communities where the linguistic difference is clearly marked we realise that politics is one of the most influential factors.

If we investigate the reasons for such a problematic relationship, it soon becomes clear that the lack of school education, as far as Slovene language and culture in general are concerned, does not allow the members of these communities to find common cultural and linguistic ground with central Slovene. But this is only one of several factors which play a role in the construction of awareness. Nevertheless, scholars from several countries, and not only Slovenia, have published many learned works which unfortunately do not help Resians – or other Slovene speakers in the province of Udine – in their attempt to define the origins of their own community. Even if we observe that the phenomena connected with the relationship with the "other", the neighbour, have produced similar effects during the last two centuries, the passing of two laws, 482/99 and 38/2001, must be considered as a decidedly important event. These laws include the Resian community, which now officially appears as part of the larger Slovene community in Italy. As expected, these laws have

[8] For more on the origins and development of this theory in Carinthia from a sociolinguistic viewpoint see the interesting article written by PRIESTLY 1997.

again provided a good excuse for the diffusion of conflicting interpretations concerning the Resian linguistic and cultural status (DAPIT 2005, 440–441).

Resian identity is a complex construction, since there are several factors that play an important role besides language. In a perspective of idiosyncrasy, Resians conceive of their own culture and language as something absolutely special and unique, not to be compared with any other culture and language. We can truthfully speak about the conception of uniqueness that the Resians have developed. The collective self-definition is simply 'Resian', while the collective definition for the others is very clearly expressed from the point of view of otherness: *Buški* are 'Slovenes', *Laški* 'Italians or Friulians', *Furlanavi* 'Friulians', *Niški* 'Germans'[9]. Besides that, the construction of Resian self-awareness is founded on another extremely important factor in the process of defining identity, namely music and dance (STRAJNAR 2001, 101–102), which are in fact a special and almost unique form of expression throughout that broader European area[10].

In any case, the only oral or written language that seems to have a chance of being used, besides Italian, is Resian and not standard Slovene. The Resian language from the beginning of its written tradition reveals no important influence from the Slovene cultural tradition. Older religious texts from the end of the 18th or from the 19th century, for example, show a significant process of interference from Romance[11].

Standard Slovene is spoken in Resia by only a few speakers and by the Resians is not written at all. This may possibly be the product of translation from Italian or Resian. Nevertheless an interesting evolution in the Resian written language may be observed in literature. The Resian oral tradition remained exceptionally rich until around the 1970s and is still partly alive even today. In fact, in the last 10 years I have accumula-

---

[9] For more informations about the collective self-definition and the collective definition for the others among Resians, Friulians and Slovenes (inside Slovenia) see DAPIT 2001, 308–310.

[10] I must point out that music and dance cannot compromise the identity because they cannot be easily compared with similar expressions of Slovene or other cultures.

[11] It is possible to observe a strong Romance influence even in the ancient Resian religious texts: *Libri od, lvzi nebesche* (BAUDOUIN DE COURTENAY 1875) and *Christjanske Uzhilo* (BAUDOUIN DE COURTENAY 1913).

ted about 2000 audio- and video-recordings. In this transition period new ways of culture transmission have arisen, one of which is contemporary literature, born of the creative talent of a few authors, who are none the less very important for the Resian cultural scene. Some authors have made attempts to transform the oral tradition into new forms of the written tradition; others, such as Renato Quaglia and Silvana Paletti, are able to use elements of Resian traditional culture which now provide only the conceptual framework for a scenario of contemporary style, content, and means of communication[12].

This quality raises the poetry of these two authors to a universal level. Even though their literature is written in a language that is spoken only by a thousand or so people, it still transmits a high degree of symbolism, to a large extent by means of beautiful metaphors, a characteristic feature of archaic languages and cultures. The lyric production of these authors is quite large compared with the general prose production. Writing poetical texts is, of course, easier when the writer comes from an oral tradition.

A further difficulty is the choice of the language itself, when it is spoken by so small a number of native speakers, for many of whom, moreover, reading written Resian is not an everyday habit. Therefore this literature is often translated or rewritten by the same authors in Italian, Slovene and sometimes in Friulian and even in English[13]. These authors live in a multilingual region, and their literary work reflects the world and the way in which they are used to communicating. Silvana Paletti and Renato Quaglia are splendid examples of multilingual authors, capable of composing their literature in other languages and not necessarily in Resian first. Literature in the local language should be compared today with literature in the standard language, and this is what literary studies are somehow trying to do.

---

[12] The same phenomenon is present in the Natisone Valley, as shown in Obit (ed.) 2004 , an anthology of dialect literary production from Torre and Natisone Valleys. See also *Književnost Beneške Slovenije / Literature from Beneška Slovenia*, Vilenica. 20. Mednarodni literarni festival / 20th International Literary Festival, Ljubljana, Društvo slovenskih pisateljev / Slovene Writer's Association, 2005, s. 369–417.

[13] See PALETTI 2000 (texts translated into standard Slovene and English) and PALETTI 2003 (texts translated into standard Slovene, Italian and Friulian). QUAGLIA 1985 is translated in Slovene.

Works

BAUDOUIN DE COURTENAY 1975 – И. А. БОДУЭНЪ ДЕ КУРТЕНЭ: *Резьянскій катихизисъ, какъ приложеніе къ "Опыту фонетики резьянскихъ говоровъ"*. Варшава / Петербургъ

BAUDOUIN DE COURTENAY, I. A. 1913: *Materialen zur südslavischen Dialektologie und Ethnographie. III. Resianisches Sprachdenkmal "Christjanske uzhilo"*. St. Petersburg

CHINESE HUG'ÖU, S. 2003: *Rośajanskë-laškë bysidnjäk / Repertorio lessicale italiano-resiano*. Udine

DAPIT, R. 2001: Identità resiana fra "mito" e ideologia: gli effetti sulla lingua. In: *Slavica Tergestina*, IX, Trieste, 2001, p. 301–319

DAPIT, R. 2003: *Krajevna imena vzhodne Rezije v luči materialnega in duhovnega izročila. Doktorska disertacija*. Ljubljana, Filozofska fakulteta

DAPIT, R. 2003b: Nastajanje krajevnih knjižnih jezikov med Slovenci v Furlaniji. In: *Slovenski knjižni jezik – aktualna vprašanja in zgodovinske izkušnje*, Ljubljana, s. 301–312 [= Obdobja 20]

DAPIT, R. 2005: Il resiano di fronte allo sloveno standard. In: *Studi italiani di linguistica teorica e applicata*, Pisa, 24/3, p. 431–447

DAPIT, R. 2006: Slovenska narečja v Furlaniji: odnos do matičnega in sosednjega sveta. In: *Sinhronija in diahronija v dialektoloških raziskavah* (Ed. M. Koletnik in V. Smole). Maribor, s. 131–139 [= Zora 41, 2006]

DULIČENKO 1981 – А. Д. Дуличенко: *Славянские литературные микроязыки. Вопросы формирования и развития*. Таллин

DULIČENKO 2003 – А. Д. Дуличенко: *Славянские литературные микроязыки. Образцы текстов*. I. Тарту, с. 178–206

MATIČETOV, M. 1975: Per la conoscenza degli elementi tedeschi nel dialetto sloveno di Resia. *Grazer Linguistische Studien. 2*. Graz, p. 116–137

OBIT, M. (ed.) 2004: *Besiede tele zemlje. Proze in poezije v Beneškem narečju*. Trst: ZTT-EST

PALETTI, S.: 2000: *Vilenica 2000. Mednarodno pisateljsko srečanje / International Writers' Gathering / Rencontre internationale des écrivains* (Ed. I. Osojnik). Ljubljana: Društvo slovenskih pisateljev, s. 251–261

PALETTI, S. 2003: *Rozajanski serčni romonenj / La lingua resiana del cuore / Rezijanska srčna govorica.* Ljubljana

PRIESTLY, T. 1997: On the development of the *Windischentheorie.* In: *International Journal of the Sociology of Language* 124, p. 75–98

QUAGLIA, R. 1985: *Baside.* Trst: ZTT

SKUBIC, M. 2000: *Elementi linguistici romanzi nello sloveno occidentale.* Roma: Il Calamo [= Lingue, culture e testi 1]

STEENWIJK, H. 1994: *Ortografia Resiana / Tö jošt rozajanskë pïsanjë.* Padova: Cleup

STEENWIJK, H. 1999: *Grammatica pratica resiana. Il sostantivo.* Padova: Cleup

STEENWIJK, H. 2005: *Piccolo dizionario ortografico resiano / Mali bisidnik za tö jošt rozajanskë pïsanjë.* Padova: Cleup

STAJNAR, J. 2001: "Samopodoba Slovencev v ljudski glasbi". In: *Samopodoba Slovencev.* (Ed. A. Blatnik, V. Taufer, P. Vodopivec). Ljubljana: Slovenski PEN, s. 98–106

STRIEDTER-TEMPS, H. 1958: *Deutsche Lehnwörter im Serbokroatischen.* Berlin

STRIEDTER-TEMPS, H. 1963: *Deutsche Lehnwörter im Slovenischen.* Berlin

The Resian dialect and its evolution as a literary language

Roberto Dapit

The main purpose of this article is to point out some topics related to the present phase of the evolution of the contemporary Resian dialect as a literary language, something which could be defined as absolutely unique in the Slovene linguistic area.

Language interference involves important phenomena in the Resian language system. The influence of the Romance Friulian cultural and linguistic world was extremely strong at all levels, while more recently the Italian language has provided a large number of lexical items because of new communication needs. Resian also contains many German loans which are also attested in older Slovene texts or which are still used in contemporary colloquial

Slovene and in other Slovene dialects. The process of linguistic interference of German in Resian has practically ended.

Particularly relevant in the contemporary linguistic policy in Resia are questions which concern identity and the relationship with the "other", the neighbour. Resian identity is a complex construction, since several factors play an important role besides language.

In this regard, for a large segment of Resian population the main difficulty is accepting Slovene identity. They prefer to choose a kind of mythical identity, and a series of documents is available which attest to the Resians' desire to look for their own origin far beyond the Slovene area. We notice similar attitudes among the Slovenes communities in Austria (Carinthia) and Hungary (Porabje).

Consequently, the only oral or written language that seems to have a chance of being used, besides Italian, is Resian and not standard Slovene. Standard Slovene is spoken in Resia by only a few speakers and by the Resians is not written at all. This may possibly be the product of translation from Italian or Resian.

Nevertheless in the last three decades an interesting evolution in the Resian written language may be observed in literature, for instance in the work of authors such as Renato Quaglia and Silvana Paletti. These two poets are splendid examples of multilingual authors capable of also composing their literature in other languages and not necessarily in Resian first. They are able to use elements of Resian traditional culture which now provide only the conceptual framework for a scenario of contemporary style, content, and means of communication.

robertodapit@libero.it

Darja Markoja, Ljubljana

Рукописная грамматика прекмурского литературного языка (начало XX века)

Реформация, точнее реформаторское движение пиетистов, диктовавшее своим приверженцам переводить и публиковать переводы основного книжного (религиозного) фонда на родных языках, в значительной мере способствовало тому, что в 1715 г. вышла в свет первая книга и на прекмурском (resp. прекмурско-словенском) литературном языке (ПЛЯ). Хотя уже, начиная с XVI в., большая часть этнически словенских территорий приняла центрально-словенский литературный язык, задача которого заключалась в объединении всех словенцев, в том числе и проживающих за границами Австрийской империи, – в Прекмурье и Порабье, краньским реформаторам не удалось реализовать эту цель по причине особых исторически сложившихся обстоятельств и связанных с ними языковых препятствий.

Политическая отнесенность к Венгрии с XI в. во многом наложила отпечаток на жизнь и культуру "венгерских" словенцев и, по крайней мере, в двух аспектах повлияла на их язык. Так как оба языка – прекмурский и венгерский – в течение приблизительно тысячи лет сосуществовали в тесном контакте, их языковые системы (особенно на лексическом уровне) перенимали друг у друга отдельные элементы. Естественно, влияние одного языка на другой не было двусторонним постоянно: иноязычные заимствования проникали в венгерский язык, главным образом, во время заселения Паннонии[1],

[1] Напр., заимствование названий дней недели (*szerda*, *csütörtök*, *péntek*, *szobat*) и некоторых религиозных терминов (*kereszt* 'križ' – 'крест', *szent* 'svet' – 'святой' и т. п.; см. OROŽEN 1996a, 85).

позднее, учитывая статус прекмурского (употребление которого было большую часть времени ограничено бытовым общением) и венгерского (официальный, позднее государственный язык) языков, процесс был, скорее всего, обратным: прекмурский перенимал наименования новых общественных явлений (лексика из области администрации, экономики, политики и т. д.) из языка большинства[2].

Политическая принадлежность к Венгрии оказывала влияние на язык прекмурцев и порабцев и еще в одном аспекте: по причине практически полной языковой, территориальной и политической оторванности от остального словенства прекмурский язык, по сравнению с центральными словенскими диалектами, развивался медленнее и сохранял большее число архаических черт, а некоторые специфические закономерности языкового развития сделали прекмурский язык еще более непонятным для носителей центральнословенских диалектов и наоборот. Непонятность языка Трубара и Далматина стала, по мнению Йожефа Торкоша – автора вступительного слова к переводу Нового завета (*Nouvi Zákon*)[3] Кюзмича, – главной причиной, побудившей Штефана Кюзмича по примеру его предшественников Ференца Темлина и Михаэла Севера перевести Новый завет на "старый словенский язык".

Роль этого языка была не только народно-репрезентативной, но и (религиозной) отличительной: известно, что Загребская епархия с момента своего образования в 1094 г. вследствие языковой близости между кайкавским и прекмурским языками посылала своих священников в дьёрскую (г. Дьёр / Győr), а позднее также сомбатейскую (г. Сомбатей / Sombathely) епархии[4]. Таким образом, на большей ча-

---

[2] Ср. также Novak 1974/75, 104–105.

[3] В написании введения, по мнению Вилко Новака, "в отрывках, посвященных словенцам и славянским переводам Священного Писания /.../, должен был участвовать Кюзмич", см. Novak 1976, 50.

[4] Прекмурье с 1049 до 1176 гг. находилось под юрисдикцией Загребской епархии, в 1176 г. венгерский король по причине постоянных споров (о сборе десятины) между Загребом и Дьёром решил, что епархиальная граница соответствует границе между приходами. Это значило, что южная часть Прекмурья (Залайский приход) остается под Загребом, а управление северной частью (Железный приход) переходит к дьёрской епархии. На этом споры о границах между епархиями, однако, не закончились, поэтому в 1777 г. была образована

сти Прекмурья в качестве литургического языка, помимо латыни, использовался также кайкавский. Начиная с XVI в. кайкавский функционирует как литературный язык, на нем издают часословы, пишут и переписывают церковные песенники, использовавшиеся и в Прекмурье. Однако кайкавский был языком церкви, в то время как прекмурский литературный язык, благодаря переводам Темлина (Малый катехизис) и особенно Кюзмича (Новый завет, 1771), стал идентификационным средством прекмурских протестантов.

***

Венгерское государство до начала венгерского народно-освободительного движения (1790–1848) предоставляло словенскому языку в Прекмурье и Порабье неформальный статус конфессионального и образовательного языка в рамках протестантской и католической церкви, однако использовать этот язык во всех остальных ситуациях официальной коммуникации было невозможно, а позднее даже запрещено законом [5].

Ситуация со словенским языком в Венгрии в первой половине XIX в. была подобна ситуации на остальных словенских территориях в Австрийской монархии: до 1848 г. во всех случаях официального общения предписывалось использование языка, имевшего в стране более высокий статус (латинского, венгерского или немецкого), словенский же употреблялся главным образом в ситуациях неформальной коммуникации. Период после 1867 г., когда Венгрия в рамках двойной монархии приобрела собственный парламент и внутриполитическую автономию, стал для невенгерских народностей на венгерской территории временем наихудших денационализирующих притеснений. С ростом венгерского национального самосознания крепло неприятие подобных устремлений со стороны остальных народностей Венгрии, в том числе и словенцев. Настойчивое прирав-

---

епархия в Сомбатее, под юрисдикцию которой перешли оба вышеупомянутых прихода, в то время как Междумурье осталось в составе Загребской епархии.

[5] Статус, подобный статусу словенского языка, был также и у остальных языков невенгерских народностей. По данным статистики за 1870 г., таковых было, как минимум, шесть (немцы, румыны, словаки, украинцы, сербы, хорваты и др.), вместе они составляли более половины всего населения Венгрии (Horvat, Kokolj 1977, 147).

нивание прекмурцев и порабцев к потомкам бывших вандалов, отрицание их славянского происхождения было частью национальной политики Венгерского государства, которое, защищая таким образом свои интересы, пыталось в корне подавить возможные сепаратистские устремления, разжигаемые примером соседних штирийских словенцев[6].

В XIX в. языковую традицию протестантов переняла католическая церковь, которая с кайкавского перешла на прекмурский литературный язык и со второй половины этого же века вплоть до объединения словенских земель в 1919 г. играла ведущую роль в защите словенства и словенцев в Венгерской монархии, а также их национальных и языковых прав. Следуя примеру предшественников, католическая церковь первоначально печатала на ПЛЯ тексты религиозного содержания, а потом распространила использование прекмурского языка также и на тексты светского характера и публицистические издания[7]. По популярности, актуальности обсуждаемых тем среди таких изданий существенно выделялся еженедельник "Новости для венгерских словенцев" ("Novine za Vogrske Slovence"), выходивший с 1913 г. Редактором еженедельника с небольшими перерывами – также как и изданий "Мариин листок" ("Marijin list") и "Календарь" ("Kalendar") – был священник-пенсионер, выходец из местечка Чреншовци Йожеф Клекл ст. Еженедельник издавался до 1941 г. После первой прекмурской газеты "Приятель" ("Prijatelj")[8]

---

[6] В 1918 г. венгерский представитель Сандор Микола, используя теорию о неславянском происхождении прекмурцев и порабцев, на мирной конференции в Париже доказывал оправданность территориальной отнесенности Прекмурья к Венгрии.

[7] С конца XIX в. на ПЛЯ выходили также: "Приятель" ("Prijatelj", 1875–1879) – первая (светская) прекмурская газета, два религиозных издания "Большой календарь для народа" ("Veliki kalendar za Lüdsztvo", 1903–1944) и "Мариин листок" ("Marijin List", 1904–1941), а также важнейший еженедельник "Новости для венгерских словенцев" ("Novine za Vogrske Slovence", 1913–1941).

[8] Первая прекмурская газета выходила с 1875 по 1879 гг. в Будапеште, последние два года печаталась гаицей. Редактором был прекмурец Имре Аугустич, долгое время живший в Будапеште. В газете публиковались новости о внутренней венгерской и мировой политике, практические по содержанию статьи

это было первое издание, уделявшее внимание также и светским новостям. В национальной и языковой политике прекмурцев вплоть до присоединения к остальным словенским территориям оно имело наибольший авторитет. Начиная с первого номера, газета печаталась гаицей (в том же году на гаице стал печататься и "Мариин листок", а год спустя еще и "Календарь") и в языковом плане была наиболее последовательной среди всех прекмурских периодических изданий, так как редактор с самого начала

> "решил следовать принципам узнаваемого прекмурского публицистического языка, основанного на нормах и предписаниях прекмурского литературного языка" (JESENŠEK 2000, 171).

Тот факт, что ПЛЯ за свое более чем 200-летнее существование не был кодифицирован, стал причиной варьирования норм на отдельных уровнях, однако, несмотря на это, основные закономерности литературного языка, установленные обоими Кюзмичами, сохранялись благодаря так называемой "скрытой" или "текстовой кодификации" (ДУЛИЧЕНКО 1981, 131).

Йожеф Клекл ст. – духовник, публицист, позднее народный депутат – играл видную роль во всех важных политических событиях, которые в 1919 г. привели к воссоединению Прекмурья к остальным словенским территориям. По его заслуге словенский (прекмурский) язык сохранил роль школьного языка в Прекмурье. После воссоединения при сотрудничестве с центрально-словенскими интеллектуалами и новой (югославской) властью он – как опытный знаток языковой, экономической и политической ситуации в Прекмурье – способствовал формированию разумной языковой политики, позволившей провести равноценную замену – ПЛЯ на центрально-словенский литературный язык. Новые общественно-политические рамки позволили совершить этот переход без бурного всплеска негативных реакций, вызываемых обычно попытками замены литературного языка. Специфика данного перехода определяет и исторический статус ПЛЯ по отношению к словенскому литературному языку (СЛЯ): в сознании как самих прекмурцев, так и исследователей, существование ПЛЯ получило позитивную оценку и было определено как на-

---

из отдельных профессиональных сфер, народная и профессиональная поэзия и проза.

циональнообразующий языковой факт, а не как проявление языкового локализма или сепаратизма.

Как человек, пользующийся большим авторитетом и уважением, поддерживающий оживленные контакты с центрально-словенскими лингвистами (например, со священником и языковедом Станиславом Шкрабцем), Клекл ст., без сомнения, приветствовал опыты исследования прекмурского языка и культуры, к числу которых относится первая попытка целостного описания структуры прекмурского языка начала XX в.

Автором рукописной "Грамматики венгерско-словенского наречия" ("Slovnica vogersko-slovenskoga narečja") стал прекмурский студент богословия Штефан Кюхар (1882–1915), активно контактировавший с языковедами из центральной Словении, в том числе с Карлом Штреклем. Именно Штрекель вдохновил Кюхара на сбор прекмурских народных песен, рассказов и сказок, которые Штрекель публиковал в "Газете по истории и этнографии" под общим названием "Народное богатство венгерских словенцев" ("Narodno blago vogrskij Slovencov"). Свои заметки, с течением времени становившиеся фонологически все более точными, Кюхар печатал также и в прекмурских "Новостях" ("Novine"). Вероятно, именно отсутствие эксплицитных норм ПЛЯ, что по причине его обостренного языкового чутья Кюхару очень усложняло работу, а также забота о языковой культуре побудили Кюхара начать писать грамматику прекмурского языка по примеру грамматик словенского литературного языка Антона Янежича и Якоба Скета, пользовавшихся огромной популярностью в центральной Словении и выдержавших несколько переизданий.

Грамматика Кюхара содержит 132 пронумерованных страницы, в конце прилагаются еще две (тоже рукописные) части: "Примечания" на 12 страницах и "Ответ на Примечания" на 9 страницах. Хотя ни в самой грамматике, ни в примечаниях не указано имя автора, тем не менее авторство, по крайней мере, самой рукописной грамматики, несомненно, принадлежит Кюхару: на это указывают заметки о месте создания рукописи и о месте проживания автора (Братонци – родина Кюхара), а также утверждения авторитетного прекмурского слависта и этнолога проф. др. Вилко Новака. В своей книге "Избранное из прекмурской литературы" ("Izbor prekmurskega slovstva") он

приводит краткий очерк жизни и творчества Штефана Кюхара, где записывает:

> "Kako si je prizadeval, da bi pisali urejen jezik v svojem tisku, priča rokopis prekmurske slovnice, prirejene po Janežičevi in Sketovi slovnici". 'О том, насколько он (Кюхар. – Д. М.) заботился, чтобы местные издания выходили на упорядоченном языке, свидетельствует рукопись прекмурской грамматики, созданной по образцу грамматик Янежича и Скета' (NOVAK 1976, 95).

Так как заметка В. Новака – единственный источник, свидетельствующий о том, что грамматика существовала, ее считали утерянной, пока состарившийся профессор незадолго до своей смерти не нашел ее в своей библиотеке и не передал ее Институту словенского языка Франа Рамовша Словенской Академии науки и искусства.

В своих заметках Новак ничего не говорит об авторе "Примечаний", представляющих собой редакторскую часть грамматики. Многие факты заставляют предполагать, что их автором, почти наверняка, был Йожеф Клекл ст. К их числу относится, например, указание В. Новака о том, что рукопись попала к нему из наследия Клекла. Кроме этого, о том же свидетельствует стиль "Примечаний", очень похожий на стиль Клекла в "Новостях" ("Novine"). В большей степени, однако, на такое заключение наталкивает само содержание примечаний [9].

Штефан Кюхар проявил себя как замечательный лингвист: его труд отличает научная и методологическая точность и последовательность, точность приведения фактов и желание достичь целостного представления языковой системы. Коротко представлю содержание грамматики: она состоит из трех частей – фонологии, морфологии и словообразования. Продолжить работу слабому здоровьем студенту, вероятно, помешала болезнь. Уже в первой части читателю пред-

---

[9] Автор "Примечаний" неоднократно обращает внимание на языковые особенности говора двух прекмурских регионов: местечка Чреншовцы, где с 1903 г. жил и проповедовал Клекл, и Крайны, деревни в Равенской части Прекмурья, где Клекл родился. На то, что автором "Примечаний" был Клекл, указывают также два примечания, свидетельствующие, что их автор был лично знаком со Шкрабцем и переписывался с ним, и еще одно, из которого мы узнаем, что автор владел СЛЯ и иностранными языками (венгерским, немецким) и др.

ставляются не только фонетическая система прекмурского языка, но и прекмурская терминология из области языкознания. Автор подробно описывает словенскую графику, звуки (которые он разделяет на гласные и согласные), в рамках системы гласных характеризует систему ударений. Все это иллюстрируется примерами. Большое внимание уделяется чередованиям по глухости-звонкости, аллофонам отдельных фонем, объяснению этимологического написания слов и правописанию. Хотя автор указывает, что при описании фонетической системы он опирался на собственный диалект, тем не менее грамматические правила несомненно свидетельствуют о том, что речь идет о наддиалектном (литературном) языке, основы которого заложил еще Штеван Кюзмич (например, написание конечного *-m*, который в прекмурском диалекте последовательно переходит в *-n*: *knigam* : *knigan*, неучитывание диалектного перехода долгого *i* в *e* в позиции перед *r*: *mir* : *mer* или перехода *v* перед глухими и в конце слов в *f*: *v cerkev* : *f cerkef* и т. п.).

Главу о морфологии составляют разделы, посвященные частям речи и морфологическим характеристикам изменяемых частей речи. В рамках системы имени существительного отражены все три грамматических рода и система склонений. Для каждого склонения приводятся особенности и исключения, например: особенности при склонении существительных *gospa*, *mati* и *hči*, появление беглого гласного в родительном падеже двойственного и множественного числа у некоторых существительных жен. р. (*ženska – žensek*), выпадение беглого гласного у существительных муж. р. в косвенных падежах (*pevec– pevca*), варианты падежных окончаний у существительных муж. р. (*sin – sina/sinu*, *gospod – gospodje* вместо *gospodi*) и т. п. В особый раздел выделены правила склонения личных имен и географических названий.

Подробно описаны морфологические характеристики прилагательных, сформулированы правила употребления, например, определенных и неопределенных форм прилагательных мужского рода, а также правила образования форм сравнения.

За главой об имени прилагательном следуют главы, подробно описывающие числительные и местоимения (местоименные существительные и прилагательные).

Из неизменяемых частей речи сначала представлены наречия, которые автор по примеру центрально-словенских грамматик делит на

наречия места, времени, способа действия и причины. Он представляет способы образования степеней сравнения наречий (образование сравнительной и превосходной степеней иллюстрируется многочисленными примерами). К наречиям он относит также многие частицы.

Предлоги сгруппированы в зависимости от управления падежными формами. Автор дает очень точные характеристики каждого предлога, свои утверждения он иллюстрирует примерами.

В разделе о союзах дается определение понятия союза, за которым следует описание сочинительных и подчинительных союзов. Способ представления этой части речи был позаимствован из центрально-словенских грамматик, но это касается только способа представления, а не самого содержания – автор строго разделяет центрально-словенскую и прекмурскую системы литературного языка, поэтому записанные им грамматические правила абсолютно верны.

Междометия автор разделил на две группы:

1) междометия, выражающие душевные состояния (9 подгрупп) и
2) междометия-звукоподражания.

Эта глава завершает первую часть грамматики. Именно к ней и относятся примечания рецензента, в которых он обращает внимание на отступления, особенности, встречающиеся в разных прекмурских регионах, предлагает более подходящие примеры и побуждает автора к как можно более широкому, наддиалектному представлению языковой системы. Несколько замечаний касаются терминологии и сопоставления языковых фактов центрально-словенского и прекмурского языков, а также поясняют различия между двумя языковыми системами.

На примечания рецензента автор грамматики отозвался в "Ответе на примечания", где дополнительно пояснил причины такого формулирования грамматических правил, аргументировал их существующей речевой практикой и частотностью употребления отдельных языковых форм.

Вторая (бета) часть грамматики начинается обширным представлением глагольной системы. Вначале автор приводит определение глагола, в соответствии с центрально-словенскими грамматиками, потом поясняет, что такое переходные, неличные, возвратные глаголы, глагольный вид, наклонение, лицо и число. Далее следует представ-

ление системы трех временных форм, пассивного и активного залога и прекмурских неличных глагольных форм, при этом автор снова доказывает, что он не следует слепо образцу. Так, например, он правильно (и иначе, чем в СЛЯ) приводит категории прекмурского глагола без центрально-словенских интерференций. Учитывая инфинитивные основы, он разделяет глаголы на шесть групп:

I. группа: беспристaвочные глаголы (*nes-ti*, *pi-ti*),
II. группа: глаголы с суффиксом инфинитива *-no-* (*zdig-no-ti*),
III. группа: глаголы с суффиксом *-e-* (*gor-e-ti*)
IV. группа: глаголы с суффиксом *-i-* (*hval-i-ti*),
V. группа: глаголы с суффиксом *-a-* (*del-a-ti*) и
VI. группа: глаголы с суффиксом инфинитива *-üva-* (*küp-üva-ti*).

Далее следует деление по классам и обширные пояснения для отдельных глагольных групп. Кроме спряжения в настоящем времени, автор приводит также правила образования форм повелительного наклонения и неличных глагольных форм.

Последняя часть грамматики – словообразование – не закончена, поэтому здесь представлены только аффиксальные способы словообразования, но представлены очень точно и подробно. Автор уделяет большое внимание образованию существительных всех трех родов и прилагательных, приводит правила аффиксации и широкий спектр аффиксальных морфем с объяснением их значения.

Помимо неоценимого культурного значения, которое имела и имеет сегодня грамматика для прекмурцев и всех словенцев, этот труд уникален также по причине того, что является первой попыткой нормирования прекмурской терминологии из области языкознания. И хотя большая часть терминов была позаимствована из центрально-словенских грамматик, тем не менее все они были адаптированы автором в соответствии с правилами прекмурской языковой системы.

До настоящего времени пока не было найдено фактов, которые свидетельствовали бы о том, что начатое Кюхаром дело было кем-то продолжено после его смерти. Тем не менее прекмурская грамматика (пусть и незаконченная) является еще одним важным свидетельством развитости прекмурской культуры и результатом заботливо проводимой языковой и национальной политики, основы которой заложила горстка прекмурских католических священников. Наивыс-

шим достижением их усилий стало решение Парижской мирной конференции о присоединении Прекмурья к центральным словенским территориям.

Литература

ДУЛИЧЕНКО, А. Д. 1981: *Славянские литературные микроязыки. (Вопросы формирования и развития)*. Таллин

JESENŠEK, M. 2000: Oblikovanje publicističnega jezika v slovenskem panonskem jezikovnem prostoru. In: *Slovensko jezikoslovje danes in jutri*. Ljubljana, s. 167–175

KOKOLJ, M., B. HORVAT 1977: *Prekmursko šolstvo od začetka reformacije do zloma nacizma*. Murska Sobota

NOVAK, V. 1974/75: Madžarske izposojenke v prekmurščini. In: *Jezik in slovstvo* 20 (1974/75), 4, Ljubljana, s. 104–105

NOVAK, V. 1976: *Izbor prekmurskega slovstva*. Ljubljana

OROŽEN, M. 1996a: *Poglavja iz zgodovine slovenskega knjižnega jezika (od Brižinskih spomenikov do Kopitarja)*. Ljubljana

A manuscript grammar of the Prekmurje standard language dating from the beginning of the 20th century

Darja Markoja

This paper offers a basic overview of a manuscript grammar of the Prekmurje standard language (PSL). PSL is one of the standard Slovene languages, which was used as a standard language by Slovene population in the Kingdom of Hungary from the beginning of the 18th century up to 1919, when the region of Prekmurje was united with the majority of the Slovene territory (the language retained some of its functions in this region up to the 1940's)

Like the standard Slovene language PSL began developing in response to the Protestant ideas of an easily understandable liturgy, but later, within the limitations of the political and sociolinguistic conditions, its functions were extended to other spheres of social life. In its 200 years of existence PSL was

used as a liturgical language in the Protestant as well as in the Catholic church; for most of that period – except for the few periods of severe Hungarian nationalist political oppression – it was used as a language of instruction in primary schools in the Prekmurje and Porabje regions, and educational, religious and practical books were printed in PSL. At the end of the 19th and at the beginning of the 20th century its use spread to periodical publications.

The manuscript grammar of Prekmurje standard language discussed here is one of the first of a small number of attempts at the codification of this language. It was written by Števan Kühar at the turn of the 19th and 20th centuries, and its concept was based on a grammar of standard Slovene by Janežič and Sket. The manuscript was recently rediscovered in the archives of the ethnologist and Slavist Vilko Novak, and an analysis of it shows that its author – at the time a student of theology – had a real linguistic talent: the grammar offers a complete overview of the language system (phonology, morphology and derivational morphology) and demonstrates scientific and methodological precision.

darja.markoja@uni-lj.si

Mijo Lončarić, Stipe Kekez; Zagreb

Čakavština i kajkavština kao književni jezici i danas u književnosti

Daje se pregled razvoja čakavskoga i kajkavskoga književnog jezika i njihova isprepletanja s trećim hrvatskim književnim jezikom, štokavskim. Trodijalektnost je vrlo rano obilježje hrvatskih književnih jezika. Govori se i o statusu koji danas imaju čakavština i kajkavština u književnosti. Nešto više prostora dano je kajkavštini jer je u slavistici manje poznata.

Hrvatski narodni jezik (ruski *диалектный язык*) obično se dijeli u tri dijela, tri jedinice – narječja. Pod pojmom "narječje" misli se u hrvatskoj dijalektologiji na dijalektni sustav, dijasistem, koji bi u drugom jeziku, npr. u njemačkome, odgovarao terminu skup dijalekata (njemački *Dialektengruppe*). To pretpostavlja da se svako od triju narječja dijeli, odnosno da se sastoji od nekoliko dijalekata. Dijalekt je također složen sustav – dijasistem od većeg ili manjeg broja konkretnih mjesnih idioma, mjesnih govora, a između dijalekta i mjesnih govora postoje skupine i podskupine mjesnih govora (BROZOVIĆ 1960).

Tri su hrvatska narječja – tri skupa dijalekata – prozvana po upitnim zamjenicama za neživo – štokavsko (*što*), čakavsko (*ča*) i kajkavsko (*kaj*). Čakavština i kajkavština samo su hrvatska narječja, a štokavština, neki njezini dijalekti, pripadaju također Srbima, Crnogorcima i Bošnjacima. Obično se kaže da većina štokavaca nisu Hrvati, ali većina Hrvata jesu štokavci (BROZOVIĆ 1970).

Geografski, može se reći da su kajkavština i čakavština periferni dijasistemi: oba se naslanjaju na slovensko jezično područje, i to kajkavština zauzima sjeverozapadno hrvatsko područje, a čakavština uzak pojas na obali i jugozapadno hrvatsko područje. Središte i istok zauzima štokavština.

Početci hrvatske pismenosti – crkvenoslavenski jezik i čakavska obilježja

Početci hrvatske pismenosti, pa tako i kulture i književnosti, koji, naravno, slijede središta hrvatske državnosti, vezani su uz hrvatski jug odnosno uz jadransku obalu. Kako su najkasnije do XII. st., dakle razdoblja prvog hrvatskog jezičnog, kulturnog i književnog spomenika, *Bašćanske ploče*, već bila raslojena hrvatska narječja, jasno je da su ti početci bili pisani čakavskim narječjem, koje se smjestilo duž skoro cijele jadranske obale, ali ne samo ondje. Tako je i taj prvi, po svojoj važnosti, hrvatski spomenik također pisan čakavštinom.

Prvi je hrvatski književni jezik bio crkvenoslavenski hrvatske redakcije, u koji prvo polako pa onda sve znatnije ulaze čakavska obilježja i koji se razvija od IX. – X. st. On se zasnivao na dijalektu kraja u kojem je djelo nastalo, ali ga obilježavaju književnojezična i standardizacijska nastojanja. D. Brozović, dijeleći povijest hrvatskoga standardnog jezika na šest razdoblja, prva tri, dakle do sredine, u kojima su nazočni čakavski i kajkavski književni jezik, i koja vremenski traju do sredine XVIII. st., naziva predstandardnim razdobljima (BROZOVIĆ 1978, 21). Tri su hrvatska književna jezika (čakavski, kajkavski i štokavski) u tim trima razdobljima ravnopravna[1].

Najstariji sačuvani odlomci tekstova na prvom hrvatskom književnom jeziku datiraju s kraja X. i početka XI. st., dok spomenici na narodnom jeziku također nisu stariji od XI. st. U to doba, do polovine XII. st., razvija se amalgam hrvatskocrkvenoslavenskog jezika i čakavštine (BROZOVIĆ 1978, 25).

Početak pismenosti u Hrvata, na čakavskoj osnovici, veže se uz slavensko bogoslužje. Put ulasku narodnih elemenata u liturgijski jezik otvorila je pripadnost sadašnjih hrvatskih područja akvilejskoj crkvi (hrvatska država) odnosno carigradskoj (gradovi i otoci bizantske provincije Dalmacije) jer je prva dopuštala upotrebu tzv. vulgarnih, odnosno narodnih jezika u praktičnoj misionarskoj vjerskoj djelatnosti radi širenja kršćanstva, a druga se ni načelno nije protivila punoj primjeni narodnih jezika u crkvi (MALIĆ 1997, 11).

---

[1] Kada kažemo *čakavski / štokavski / kajkavski književni jezik*, kako se to uobičajilo u kroatistici, treba imati na umu da je to skraćeno od *književni jezik s čakavskom / štokavskom / kajkavskom osnovom*.

Uz slavensko bogoslužje i hrvatskocrkvenoslavenski jezik pa zatim čakavsko-hrvatskocrkvenoslavenski amalgam javlja se glagoljica kao pismo, kojom se jedino bilježi taj, tada jedini hrvatski pisani, jezik jer se latinicom piše samo latinski. Glagoljica je svoj sveslavenski karakter suzila, jer je u zemljama istočne crkve prevladala ćirilica, a u Češkoj latinica, pa je ona postala prvo izrazito hrvatsko obilježje, a zatim, može se reći, čakavsko obilježje, barem u tom razdoblju.

U XII. st. uz glagoljicu pojavljuje se kao pismo na čakavskom području i drugim hrvatskim krajevima zapadna ćirilica ili tzv. *bosančica*, točnije u srednjoj i južnoj Dalmaciji. U tim krajevima, kada je o jeziku riječ, južna čakavština upotrebljava se uz štokavštinu. Na čakavskom sjeveru piše se samo glagoljicom.

Čakavski – prvi hrvatski narodni književni jezik

Od XII. st. čakavska narodna riječ postaje, uz nešto crkvenoslavenskih elemenata kao odraza učenosti i višega stila, jezik pismenog izražavanja i pravnih dokumenata te zauzima ona područja pisane riječi u dotadašnjem hrvatskom javnom, kulturnom i vjerskom životu gdje su službeni jezici bili latinski, mletački i hrvatskocrkvenoslavenski (MALIĆ 1997, 12).

U prvom se književnom jeziku, jer se upotrebljavao u različitim dijalektnim krajevima, vide različiti dijalektni utjecaji, osobitosti govorne sredine, posebno štokavske crte, manje kajkavske. Dakle, tronarječnost vrlo rano postaje važna karakteristika hrvatskoga književnog jezika, što se nastavlja u njegovu daljem razvoju. Taj se jezik upotrebljavao na obalnom području od Istre do Dubrovnika, na sjeveru sigurno do Kupe i Save. Međutim, u najnovije vrijeme pronađeni su glagoljski natpisi i sjeverno od Save, u Slavoniji. Moguće je da glose iz XII. st. u tzv. Radonovoj *Bibliji* (Jagićeve glose), s hrvatskim – i češkim elementima – potječu iz slavonskog međurječja, tj. Zagrebačke biskupije[2].

Do kraja XIV. st. formiran je do kraja hrvatski tip uglate glagoljice, a do tad čakavština ulazi u sva područja javne i književne djelatnosti. U tom razdoblju hrvatska pismenost počinje razlikovati stilove prema namjeni teksta. Poseban uzus pisanja imaju pravni dokumenti, općinski i gradski statuti te redovnički pravilnici, a u književnosti se oblikuje pjesnički i prozni stil.

---

[2] Radoslav Katičić utvrdio je da opat Radon nije zapravo postojao, a da nema ni sigurna dokaza da je ta Biblija bila u posjedu Zagrebačke biskupije (KATIČIĆ 1998a).

U XIV. st. pojavljuje se latinica kao pismo, pojavljuju se prvi latinički spomenici a ubrzo i prva književna djela na čakavskom jeziku pisana latinicom – *Red i zakon* zadarskih dominikanki (1345), *Šibenska molitva*, *Cantilena pro sabatho* i *Odlomak Korčulanskog lekcionara* posljednjih desetljeća XIV. st., knjiga prijevodne proze *Žića svetih otaca* iz XIV., a prepisana potkraj XV. st.

Čakavski utjecaj s glagoljaškog područja na sjeveru (ne samo jezični nego i književni, npr. forme stiha) vidljiv je i u drugim nečakavskim krajevima pa neki krajevi nisu bili samo primaoci nego i posrednici, npr. Takav utjecaj morao je stizati do štokavskog Dubrovnika preko južnočakavskog područja, a oba ta terena mogla su ga prenositi dalje u Bosnu (BROZOVIĆ 1978, 28). Osobito je jak takav utjecaj bio u štokavskoj dubrovačkoj književnosti, što su uvjetovali predlošci vjerskih tekstova pisanih na čakavštini, a poslije, za renesanse, i osobne veze između dubrovačkih i dalmatinskih čakavskih pisaca, i ti su čakavski elementi ostali sastavni dio dubrovačkoga književnog jezika do u XVII. st. (MALIĆ 1997, 14). To je

> "zbunjivalo filologe i prisiljavalo ih da pretpostavljaju kako je nekad čakavsko narječje imalo veći teren nego što je to bilo u stvarnosti (tražio se čakavski supstrat u Dubrovniku, u Bosni, čak i istočnoj)" (BROZOVIĆ 1978, 28).

Do kraja XIV. st. razdoblje je najsnažnije dominacije čakavskoga književnog jezika nad drugim hrvatskim književnim jezicima. Do tada su skoro sva hrvatska književna i ina djela pisana čakavštinom. U XV. i XVI. st. uslijedit će njezin "književni" vrhunac, ali tada se već pojavljuju i književnosti pisane kajkavskim i štokavskim, posebice u Dubrovniku, književnim jezikom.

U srednjem vijeku djela su se mnogo prepisivala pa je tako svaki prepisivač unosio u tekst elemente iz kraja odakle je pa je takav tekst postajao izvor novih prijepisa. To je otvorilo put međudijalektnom prožimanju u jeziku koji se razvijao u jezik književnosti i javne upotrebe. Takva tendencija bit će nazočna, više ili manje, u svim fazama standardizacije hrvatskog jezika.

Čakavski književni jezik – dominantni jezik književnosti XV. i XVI. stoljeća

U XVI. st. važan je pluralitet pokrajinskih pismenih jezika, odnosno svatko piše na domaćem. U Dalmaciji cvate renesansna književnost i petrarki-

stička lirika, pisane ponajprije čakavskim književnim jezikom, stvorivši homogenu stilsku cjelinu od Zadra do Dubrovnika, gdje, već spomenuti, čakavski elementi govore o jeziku na koji se oni ugledaju, u razdoblju kada se hrvatska književnost priključuje europskoj.

U sklopu tog procvata "čakavske riči" neizostavno je spomenuti Marka Marulića, oca hrvatske književnosti, koji je taj naslov ponio ne samo zbog svog onodobnog literarnog i inog značaja nego i zbog činjenice da je njegova *Judita* prvo hrvatsko tiskano djelo (1521, a napisano 1501 g.) svjetovnog sadržaja na narodnom jeziku. U tom djelu, koje po estetskim mjerilima spada u vrh hrvatske renesansne književnosti, u posveti se Marulić poziva na "začinjavce" misleći pritom, najvjerojatnije, na nepoznate najstarije hrvatske pjesnike koje sljeduje. Marulić kao da je tim djelom natuknuo i uzrok početka slabljenja čakavštine kao književnog jezika nakon njegova izražajnog vrhunca. Naime, prodor Turaka, osim što je onemogućio razvitak hrvatske državnosti, gospodarstva, kulture, pa tako i književnosti, utjecao je i na čakavštinu kao narječje i književni jezik. Slika čakavskog narječja, i općenito hrvatska dijalektološka slika, mnogo se promijenila nakon prodora Turaka, i to na štetu čakavštine, kao i kajkavštine. Slično je bilo i s čakavskim kao književnim jezikom jer, uz smanjeno područje djelovanja, pred stalnim ratnim opasnostima niti se ima vremena za književnu djelatnost niti se za nju ima novca. Nakon toga primat književnog djelovanja uzet će slobodni štokavski Dubrovnik.

Za renesanse u Dalmaciji treba reći da je u Zadru 1536. g. na čakavskom narječju napisan prvi hrvatski roman, ali u stihovima, *Planine* Petra Zoranića, koji pokazuje i specifična štokavska dijalektna obilježja. Uz Zoranića u zadarskom krugu treba spomenuti i Barnu Karnarutića, u čijem *Vazetju Sigeta grada* ima i štokavskih i kajkavskih obilježja, i Jurja Barakovića. Na Hvaru se stvaraju najbolja ostvarenja pojedinih žanrova. Mikša Pelegrinović piše pokladnu maskeratu *Jeđupku* u osmercima s ponešto štokavskih utjecaja, Hanibal Lucić autor je jedne od najljepših hrvatskih renesansnih pjesama *Jur nijedna na svit vila* i drame *Robinja*. Petar Hektorović piše didaktično-poučno djelo *Ribanje i ribarsko prigovaranje* s umenoknjiževnom podlogom, zagonetkama, poslovicama i bugaršćicama.

U tom razdoblju, i zbog teških političkih prilika, i dalje je vidljivo jedinstvo hrvatskoga područja i kulturno-književnog djelovanja. Jurju Zrinskom Zadranin Barne Karnarutić posvećuje svoje *Vazetje*, Dubrovčanin Dominko Zlatarić svoju *Elektru* kao i Varaždinac Ivan Pergošić (?–1592)

svoj prijevod *Decretum Tripartitum* (1574) Stjepana Verböczija, prvu tiskanu knjigu na kajkavskome književnom jeziku (uz nekajkavsku verziju).

S težnjom prevladavanja ograničenja književnog jezika u renesansi:

a) društveno – jer se obraćao izobraženoj eliti primorskih gradova,

b) po opsegu primjene – samo u beletristici,

c) po rasprostranjenosti – jer su turska osvajanja u XV. i XVI. st. Razorila i otkinula pozadinu na koju bi taj književni jezik mogao djelovati i u njoj se razvijati, javljaju se u XVI. st. protestantski pisci koji se nastavljaju na tradiciju glagoljaškoga čakavskog književnog jezika i otvaraju ga štokavskoj stilizaciji (KATIČIĆ 1998b, 45).

U XVI. st. glagoljica se polako povlači iz javne uporabe, a čakavski i štokavski književni jezici ravnopravni su, što je vidljivo i iz štokavskih elemenata u djelima čakavskih pisaca, uz već spomenute obratne. Javlja se i kajkavština, koja je u to doba "prožeta mnogostrukim južnim utjecajima da je to zapravo njezina najbitnija crta" (BROZOVIĆ 1978, 33–34). U tom razdoblju stvaraju se dva kompleksa, jedan manji i nehomogeniji, sjeverozapadni ili kajkavsko-sjevernočakavski i, jedan veći i nešto homogeniji, jugoistočni ili štokavsko-južnočakavski (Zadar je granica s time da on ulazi u oba) (BROZOVIĆ 1978, 30).

Na sjeverozapadu je u primorju književnom jeziku osnova čakavska, a na sjeveru kajkavska, ali se i ondje već tada misli i na štokavštinu. Kajkavsko se područje tada snažnije uključuje u kulturni i javni život, čemu pridonosi i pomicanje hrvatskoga političkog središta na sjeverozapad zbog prodora Turaka i ratova s njima. Tekstovi na kajkavskom narječju, i tiskani i u rukopisu, pojavljuju se, dakle, relativno kasno, u XVI st.

Uključivanje kajkavštine u kulturni i književni život Hrvatske

Kajkavsko narječje i kajkavski književni jezik imali su privilegij, kako kaže A. Šojat, da su društveni jezik velikaša, plemstva, visokog svećenstva, inteligencije, jer je Zagreb u vrijeme nastajanja kajkavskoga književnog jezika bio političko, kulturno, crkveno i gospodarsko središte sjeverozapadne Hrvatske. Zato je "normalna i nužna pretpostavka da je zagrebački komunikativni govor bio govorna osnovica književnog jezika" (ŠOJAT 1993, 31). Rano u Zagrebu, posebno zbog migracija izazvanih ratovima s Turcima, dolazi do interferencija hrvatskih narječja i njihovih dijalekata i stvara se koine razliličit od bilo kojega mjesnoga kajkavskoga govora. Tako je moralo biti već u vrijeme osnutka Zagrebačke biskupije

(kraj XI. st.), iako se ne spominje nikakvo veće naselje, jer nije vjerojatno da bi se središte biskupije stavljalo u prostor gdje nema nikakvih gradskih društvenih odnosa.

Imanja pojedinih hrvatskih velikaša nalazila su se na područjima svih triju hrvatskih narječja. Krajem XVI. st. zbog migracija u Zagrebu jača nekajkavska govorna komponenta.

Prvo tiskano djelo na kajkavskom sjeveru, Pergošićev *Tripartitum* iz 1574. g.[3], napisano je u dvije verzije: kajkavskoj i štokavsko-čakavskoj, koje su, barem u sačuvanim primjercima djela, različito izmiješane u jednim koricama. Slično se sa štokavštinom, s različitim intenzitetom, postupa kroz cijelo vrijeme trajanja kajkavske književnosti i književnoga jezika s kajkavskom osnovom.

Pretpostavlja se logično da je na kajkavštini bilo pisano i ranije, jer pravno djelo kao i izgrađene, sačuvane u rukopisu, (pobožne) pjesme sigurno su imali prethodnike. Prvi su zapisi kajkavske riječi iz XIII. st., i to uglavnom imena u Felicijanovoj ispravi (1242) o osnivanju Zagrebačke nadbiskupije.

Prvi pisani tekst u kojem se nalaze tipični kajkavski elementi, dakle onakvi kakve ne nalazimo u čakavštini i štokavštini, prijevod je srednjovjekovne priče o trojanskom ratu – *Rumanac trojski*[4], s početka XIV. st. Međutim, zamjenica *kaj* te leksički i gramatički kajkavizmi vjerojatno su uneseni kasnije, nalaze se u prijepisima iz XV. st. Kajkavizama je bilo u zbornicima pisanima glagoljicom (npr. *Vinodolski zbornik*, s početka XV. st., *Petrisov zbornik*, 1468, *Koluničev zbornik*, 1487). Kajkavizama nalazimo i u prvotisku *Misala* 1483. Šojat kaže:

> "Prvi kajkavski autori imaju i dosta štokavskih elemenata, tj. takvih koje ne nalazimo u čakavštini i kajkavštini" (ŠOJAT 1993, 31).

Četiri godine nakon prve, tiskana je druga knjiga na kajkavskom – *Kronika kratka slovenskim jezikom spravljena*[5] (1578) učenoga kanonika Antu-

---

[3] Grof Juraj Zrinski osnovao je za potrebe protureformacije 1572. g. tiskaru u Nedelišću (u Međimurju, kod Čakovca), ali je od kajkavskih knjiga sačuvan samo Pergošićev *Decretum*.

[4] *rumanac* = 'roman, priča, legenda'.

[5] Do XVIII st. Hrvati kajkavci nazivaju se *Slovenci*, svoj jezik *slovenski*, a "ostatci ostataka Hrvatske", banska Hrvatska, naziva se *slovenski orsag*. Dakle taj etnonim, koji se danas čuva kod Slovenaca (koji su ranije imali samo regionalne nazive – *Štajerci*, *Kranjci* i dr.) i kod Slovaka (*Slovensko*, *slovenski*), bio je ranije proširen na

na Vramca (1538–1587), koja je postala popularna. Treća je knjiga njegova *Postila* (1586). Ostala pismenost vezana je u početku, kao i na jugu, za stare glagoljske pobožne tekstove i pripovijetke. Najstarije su zapisane pjesme u rukopisnoj *Prekomurskoj pjesmarici* (1593), koja osim pobožnih pjesama sadrži i didaktične, ljubavne te spjev o padu Sigeta.

Protestanti su također objavljivali svoje tekstove na kajkavštini, ali poznato je samo nekoliko stranica jedne knjige. Katolička pak obnova nakon pojave protestantizma donosi zamah i sjeverozapadnoj Hrvatskoj: pišu se liturgijske, nabožnopoučne knjige, otvaraju se škole i seminari. U Zagrebu isusovci 1607. osnivaju gimnaziju, u kojoj se u jednoj godini školuje preko 300 učenika.

Ozaljski krug

Između čakavskoga i kajkavskoga područja, u Pokuplju, s Ozljem kao središtem, u XVI. st. razvio se četvrti tip književnoga jezika s osobinama svih triju hrvatskih narječja, u prvom redu čakavskim i štokavskim. To je logična posljedica dijalektnoga stanja na terenu. Naime, u Gorskom kotaru, Pounju i Pokuplju organsko je dijalektno prijelazno čakavsko-kajkavsko-štokavsko područje. Štokavski element jača nakon prodora Turaka i migracije štokavaca na zapad. Kako je to područje velikoga hrvatskog vlastelinstva, razvija se jako kulturno-jezično djelovanje, nazvano ozaljski kulturno-jezični krug. Kako stanje na terenu i taj jezik odgovaraju težnjama da se barem u jeziku zbliže sve hrvatske zemlje, kasnije se i svjesno nastoji na takvu tipu jezika. Taj se jezik nazivao miješanim i, bolje, hibridnim književnim jezikom, a možda bi bilo najbolje nazvati ga ozaljskim jezikom.

Čakavska leksikografija

U prvom pravom hrvatskom rječniku *Dictionarium quinque nobilissimarum Europae linguarum, Latinae, Italicae, Germanicae, Dalmaticae et Ungaricae* Fausta Vrančića, tiskanom u Veneciji 1595. g., specifičan dijalektni leksik uglavnom je čakavski uz nešto nečakavskih, specifičnih štokavskih i kajkavskih leksema. Čakavska građa zabilježena je i u rječniku *Liber de simplicibus*, čiji je autor Talijan Nicolò Rocabonella, i u drugi-

---

zapadnu Panoniju, današnju Sloveniju i Slovačku, koje su prije dolaska Mađara činili jedno područje.

ma, Ivana Tanclingera Zanottija, Josipa Jurina. I prvoj hrvatskoj gramatici *Institutionum linguae illyricae libri duo*, objelodanjenoj u Rimu 1604. g., autora Bartola Kašića osnova je čakavska, i to ikavsko-ekavskog tipa njegova rodnog Paga, ali u njoj ima i specifičnih štokavskih crta. Tek kasnije, nakon svojeg misionarskog rada u Bosni, Kašić kao uzor za književni jezik uzima štokavsko narječje jer je uvidio da je najraširenije i najujednačenije. Vidljiva je, dakle, još uloga čakavštine u odabiru osnovice za književni jezik.

U tzv. "ostacima ostataka Hrvatske" (reliquiae reliquiarum) prevladava književni jezik s kajkavskom osnovom. U okviru male hrvatske države taj jezik postaje polivalentan, upotrebom se normira.

XVII. i XVIII. stoljeće

Već prva djela na kajkavskom književnom jeziku u XVII. st. pokazuju da je to izgrađen, ustaljen književni jezik. U njemu se javljaju elementi koji su karakteristični za čakavštinu i štokavštinu, i to zbog nastojanja da djelo bude razumljivo na što širem području. Interferencija je posljedica i osobnoga dodira kajkavskih pisaca s piscima drugih hrvatskih književnih jezika i govornicima drugih hrvatskih narječja. Kao što je već navedeno, i kod čakavaca i kod štokavaca i kod kajkavaca postojala je svijest o jedinstvu "trojedne kraljevine".

U tom stoljeću ulaze kajkavske riječi u poliglotski rječnik njemačkoga leksikografa Megisera (1603). Tada nastaju prva kajkavska leksikografska djela, koja s razlogom ubrajamo u najznačajnija slavenska leksikografska djela uopće. Ona su, kao i prvi kajkavski tekstovi iz prethodnog stoljeća, i kao slična djela u drugim jezicima, dvojake naravi: to su djela koja uvelike pridonose stvaranju književnog jezika, jezičnog standarda i koja sadržavaju bogatu dijalektnu građu. Ti su rječnici također svojevrsni dijalektološki priručnici, iako su bez podataka kakve zahtijeva prava dijalektološka leksikografija.

Ni u XVII. st. na kajkavštini nije stvoreno značajnije književno djelo. Juraj Habdelić (1609–1678) najpoznatiji je pisac, prozaik (*Zercalo Mariansko*, *Pervi otca našega greh*). Dijelovi njegovih propovijedi živi su i plastični tekstovi izgrađenoga jezika i stila. Takvi su i tekstovi njegova suvremenika i također leksikografa Ivana Belostenca, čije su propovijedi ostale u rukopisu. Važan je i leksikografski rad – Habdelić izdaje svoj kajkavsko-latinski rječnik (1670), prvi veći kajkavski rječnik, Belostenec

radi na svojem rječniku, dijelom i Vitezović, koji svoje prvo djelo piše ozaljskim kajkavsko-čakavskim idiomom, kasnije više kajkavski pa opet sve više štokavski.

U XVII. i prvoj polovini XVIII. st. na glagoljaškom sjevernočakavskom području supostoje tri pismenosti: latinička čakavska, glagoljska čakavska i glagoljska hrvatskocrkvenoslavenska. U pismenosti na tom području, osobito latiničku, ulazi sve više štokavskih elemenata pa slabi podjela na sjeverozapadni i jugoistočni kompleks. Brozović kaže kako će

> "posljednji sjevernočakavski (i čakavski uopće) pjesnik iz predstandardnog doba, Senjanin Mateša Antun Kuhačević (1691 – 1772), pisati već napol štokavski, slično kao što će se to dogoditi na jugoistočnom kompleksu još prije s posljednjim južnočakavskim pjesnicima (ponajprije pod dubrovačkim utjecajem)" (BROZOVIĆ 1978, 38).

U jugoistočnom dijelu do sredine XVIII. st. riješeno je pitanje pisma, između latinice i zapadne ćirilice izbor je pao na latinicu, a i od tada se u tom dijelu čakavština više ne javlja kao pisani hrvatski jezik sve do XX. st., ali u drugom obliku, obliku dijalektalne poezije.

U XVIII. st. pojavljuje se i drugi čakavski književni jezik, jezik gradišćanskih Hrvata u zapadnoj Mađarskoj (danas i Slovačkoj i Austriji)[6], kojim se ovdje nećemo baviti. On je četvrti hrvatski književni jezik, a budući da je izoliran od matice i standardiziran na svojem području, iako još ne do kraja, poezija pisana njime u XX. st. ne uvrštava se u dijalektalnu književnost jer je "riječ o tzv. retardacijskoj književnosti dijaspornoga karaktera" (LISAC 2004, 9).

Osamnaesto, prosvjetiteljsko, stoljeće naziva se "zlatnim stoljećem kajkavske književnosti". Kajkavski književni jezik postaje normalan polifunkcionalan i normiran književni jezik, u svim sferama društvenoga života, osim u državnim i parlamentarnim poslovima. Stvara se i velik broj potrošača kulturnih dobara. O tome svjedoči podatak da su se neke nabožnopučke knjige tiskale, i za danas, u visokoj nakladi od 10.000 primjeraka. *Hrana duhovna* (1715–1734) Štefana Zagrebca ima pet knjiga s oko 2900 stranica, a *Svet sveteh* Hilariona Gašparotija (1751–1761) četiri knjige s oko 3500 stranica. Više je sličnih manjih djela drugih autora. Uz nabožne pisce, povjesničare i književne povjesničare i dva su prava

---

[6] Iako se o književnom jeziku u Gradišću može govoriti od XVIII. st., književnost pisana njime pojavljuje se već u XVI. st.

umjetnika. Među nabožnim piscima (Hilarion Gašparoti, Juraj i Ivan Mulih[7] i dr.) izdvaja se Juraj Maljevac (1734–1812, pseudonim Grgur Kapucin) katkad toplim i duhovitim stihovima sa svježim stilom i jezikom. U rukopisu ostala je uspjela barokna zbirka pjesama Katarine Patačić (oko 1743–1811), s prepjevima i preradama s talijanskoga, s primjerima pučke poezije i s izgrađenom individalnošću. Tituš Brezovački (1757–1805) velik je komediograf, vrhunac stare kajkavske književnosti. Pisao je latinske i hrvatske prigodnice, a *Matijaš Grabancijaš dijak*, *Diogeneš ili sluga dveh zgubleneh bratov* jesu ne samo rodoljubiva i moralistička nego djela koja svojim gipkim jezikom, duhovitim dijalogom, koloritom i atmosferom vremena žive i izvode se i danas.

U jeziku se zbjegavaju regionalne kajkavske osobine, karakteristične za manje područje. Ustaljuju se osobine koje su bliže drugim hrvatskim narječjima. S izuzetkom prvih dvaju autora tiskanih knjiga, Pergošića i Vramca, vokali se označuju s pet slova: *a*, *e*, *i*, *o*, *u* (veznik *i* od početka XVIII. st. piše se sa *y*). Većina kajkavskih govora ima danas vokalizam od šest ili sedam samoglasnika, tj. postoje u velikoj većini govora dva vokala *e*-tipa, otvoreno (od *e* = *ę*) i zatvoreno, ili dvoglas u dugom slogu (od izjednačenih poluglasa i jata). Većina govora ima i dva vokala *o*-tipa, također otvoreno i zatvoreno, ili dvoglas u dugom slogu.

Kako je to proučio A. Šojat, tek se u XVIII. st. u kajkavski književni jezik unose neke specifične crte kajkavskoga narječja, npr. generalizacija nastavka *-jo*/*-ju* u 3. l. mn. prezenta. S druge strane, u kajkavskome književnom jeziku zastupljene su neke karakteristike koje ne nalazimo u kajkavskom narječju, npr. aorist, imperfekt, prošli particip na *-(v)ši* (ŠOJAT 1969).

Najopsežnije djelo kajkavske leksikografije, *Gazofilacij* pavlina Ivana Belostenca (dovršio Jeronim Orlović) tiska se 1740. g. *Gazofilacij* se sastoji od dvaju dijelova: prvog dijela latinsko-hrvatskog i drugog, manjeg dijela, hrvatsko-latinskog. U taj rječnik uneseno je poprilično nekajkavskih leksema, čakavskoga i još više štokavskoga podrijetla. U njemu se te riječi obilježavaju kao slavonske, dalmatinske i primorske, a glasovi su na mjestu jata i poluglasa redovito posebno obilježeni.

Dvije godine nakon Belostenčeva rječnika izišao je nešto manji četverojezični latinsko-hrvatsko-njemačko-mađarski rječnik s indeksom hrvat-

[7] Juraj Mulih uz kajkavski književni jezik piše i štokavskim.

skokajkavskih riječi Franje Sušnika i Andrije Jambrešića. Rađen je neovisno o *Gazofilaciju*.

U tom razdoblju nastaju i prve gramatike na kajkavskom području. One sadrže opis kajkavskoga književnog jezika, a kao prvi takvi opisi ujedno su i prikazi dijalektnoga sustava, pri čemu su autori, posebice ako su bili kajkavci, mogli polaziti od podataka u svojim zavičajnim govorima. Takvi lokalni idiomi nalaze se također i u prvim sačuvanim kajkavskim djelima.

Prva kajkavska gramatika (a nju nije napisao kajkavac) uključena je u poredbenu gramatiku slavenskih jezika: uz češku, slovačku i latinsku, kao *grammatica croatica*. Sastavio ju je Johannes Cristophorus de Jordan. Konstruktivna je također gramatika Antuna Raispa iz 1772. g. 1783. pojavila se kajkavska gramatika koju je sastavio Ignac Szentmártony (*Einleitung zur kroatischen Sprache*). Gramatike su također pisali Franz Kornig (prvo izdanje 1790), Josip Matijević (1810) i Josip Đurkovečki (prvo izdanje 1825).

Pišu se knjige iz svih područja društvenoga života: medicinske, o uzgoju stoke i domaćega bilja, školske knjige, kalendari, nekrolozi, životopisi, proglasi, oglasi, oporuke, propisi itd.

Od sredine XVIII. st. književni jezik štokavske osnove polako se standardizira na temelju pisane književne tradicije i novoštokavske usmene književnosti. Važnu ulogu u tome imao je svećenik, franjevac iz Makarskoga primorja Andrija Kačić Miošić, čije je djelo *Razgovor ugodni naroda slovinskoga* (Mleci, 1756), pjesme i proza, postalo najpopularnije djelo ne samo na hrvatskome nego i na širem južnoslavenskom području. Njegovo djelo, zbog svojih pjesama, pisanih desetercem, koje su dugo smatrane narodnima, ostalo je popularno u narodu stoljeće i pol, a još su se generacijama s koljena na koljeno pjesme prenosile usmenim putem. Popularizaciji štokavskoga narječja pridonio je i *Satir iliti divji čovik* (Dresden, 1762) Matije Antuna Reljkovića, u kojem, stihom pisanim, i slavonskom ikavicom, u prosvjetiteljskom duhu kritizira loše navike, ostale od turskih vremena, svojih sunarodnjaka.

Tri grafijska sustava

Pojavom latinice kao pisma Hrvati se suočavaju s bilježenjem glasova svojega jezika. Kako je hrvatsko područje tada bilo pod različitim političkim i crkvenim upravama, način bilježenja glasova latinicom ovisio je o

tome. Na jugu, u Dalmaciji, pod utjecajem talijanskoga jezika i grafije hrvatski jezik pisan latinicom bilježi se po uzoru na talijansko pisanje. Na sjeveru od XVI. st. kajkavsko jezično područje za uzor ima mađarski grafijski sustav:

> "Vjekovna povezanost s Mađarima, odvojenost, politička i stvarna od dalmatinskih Hrvata i utjecaja talijanske kulture, odbojnost prema njemačkoj kulturnoj sferi, reprezentiranoj politikom carske Austrije, upućuju prve kajkavske pisce na široko otvaranje madžarskom utjecaju, pa su oni, u tom smislu, prihvatili i označivanje svojih glasova grafemima i načinom bilježenja paralelnih ili sličnih madžarskih glasova" (ŠOJAT 1970, 267).

Od XVIII. se stoljeća u Slavoniji pojavljuje treća grafija, koja je zapravo mješavina dalmatinske i kajkavske grafije. Franjevci su donosili u Slavoniju pravopisni uzus južnih krajeva a isusovci s kajkavskoga područja pravopisna rješenja tih krajeva. S vremenom su miješanjem izgradili zaseban sustav, koji preko franjevaca prodire u Bosnu i na sjever do Budima, a prihvaća ga, putem graničarskih škola, cijelo područje Vojne granice. Potkraj XVIII. st. slavonska grafija zauzima središnje mjesto, a kajkavska i dalmatinska postaju periferne.

Takvo trografijsko stanje u Hrvatskoj zadržat će se, uvjetno rečeno, do pravopisne reforme Ljudevita Gaja, javnosti izložene 1830. g. – *Kratka osnova horvatsko-slavenskoga pravopisaña.*

XIX. i XX. stoljeće – štokavski purizam

Na početku XIX. st. hrvatski književni jezik s kajkavskom osnovom dostiže vrhunac svoje standardizacije i funkcionalne polivalentnosti. Razvoj mu se još ograničava – germanizaciju je zamijenila mađarizacija.

Pred preporod i za preporoda djeluju T. Mikloušić (1767–1833), I. Lovrenčić (1787–1842) i Ignac Kristijanović (1796–1884), posljednji pisac starije kajkavske književnosti. Dosta se prevodilo: Voltaire, Shakespeare, Milton, Goldoni.

Prihvaćenjem jezika sa štokavskom osnovom za zajednički književni jezik svih Hrvata (osim dijaspore u zapadnoj Ugarskoj) 1835. g., nije odmah nestalo pisanja na kajkavskome književnom jeziku. Ignac Kristijanović izdaje svoj *Žitek sveteh mučenikov* (1. dio 1859, 2. 1871), prerađuje i objavljuje Mikloušićev *Stoletni hervatski kalendar* 1866., a 1882. objavljen je u Varaždinu *Vocabularium iliti rečnik najpotrebnešeh reči vu treh jezikih* Antuna Rožića.

Nakon standardizacije hrvatskog jezika na novoštokavskoj osnovi u XIX. st. pojavljuju se "hrvatski vukovci", koji usmjeravaju hrvatski književni jezik prema ijekavskoj novoštokavštini. Oni protjeruju neke riječi iz standarda zato što nisu štokavske, npr. odrednica "kajkavsko porijeklo" onemogućuje da riječ bude standardna. Takav odnos prema kajkavskome književnom jeziku vidljiv je i u kapitalnom jezikoslovnom djelu Jugoslavenske akademije znanosti i umjetnosti, i općenito slavenske leksikografije, *Rječniku hrvatskog ili srpskog jezika* (1880–1976), iz kojeg je izostavljen kajkavski leksik, odnosno u nj su uvrštene prvo samo riječi iz Belostenčeva i Jambrešićeva rječnika jer je Đuro Daničić, urednik prvoga sveska, smatrao kako se "zadovoljiti treba samijem rječnicima, ostavljajući literaturu provincijalnom rječniku". Naknadno je uvršten Habdelićev rječnik (ali u početku nisu uzimane sve riječi), a nakon II. svjetskoga rata uzeti su ipak i neki književni izvori (Ivan Pergošić, Antun Vramec, Juraj Mulih, Tituš Brezovački), pa je time djelomično ispravljen propust neuvrštavanja kajkavske građe u taj rječnik (FINKA 1984,7–9).

Nakon 1918. g., tj. nakon stvaranja Jugoslavije, namjernom unifikacijom, svojevoljno i prisilno – iz ideoloških i političkih razloga, ali i silom okolnosti – životom u zajedničkoj državi, dolazi u leksiku – manje na drugim razinama – do napuštanja posebnosti hrvatskoga književnog jezika, tj. osobina u kojima se on razlikuje od srpskoga književnog jezika. Za našu temu to je zanimljivo zbog toga jer se time narušava njegov stari tronarječni karakter, tj. napušta se leksik koji nije štokavskog porijekla, dakle čakavski i kajkavski. Međutim, zbog tradicionalnoga hrvatskog jezičnog purizma, koji je stvoren zbog otpora tuđim utjecajima i tuđoj vlasti, zbog germanizacije, talijanizacije i mađarizacije, nikada do kraja nisu nestale posebnosti hrvatskoga književnog jezika.

Čakavština i kajkavština u književnosti do pojave dijalektalne književnosti

U razdoblju od sredine XVIII. do XX. st. pojava čakavštine u literarnim djelima je neznatna. 1969. g. u Rijeci je izišla *Antologija čakavske poezije* kojom je obuhvaćeno i razdoblje od 1750. do 1900. g., u kojem su, pod zanimljivim naslovom poglavlja, *Osamljenici*, samo četiri autora (Mateša Antun Kuhačević, Petar Stanković, Andrija Marot Jurjenić i Matko Laginja). Osim toga u XIX. st. čakavizama ima u, na primjer, prozi Adolfa Vebera Tkalčevića, pisanoj standardnim jezikom, uglavnom u dijalogu

pri ocrtavanju likova, a cijela djela su rijetka, npr. komedija *Šilo za ognjilo* Matka Laginje.

Kajkavskim se narječjem u XIX. st. također piše samo u stilske svrhe. Još za života posljednjega pripadnika starije kajkavske književnosti I. Kristijanovića njime se služi August Šenoa i još neki pisci. Pri karakterizaciji likova: Antun Nemčić, Adolfo Veber Tkalčević, Ksaver Šandor Gjalski. Tako da je, barem simbolički, postojala veza stvaranja na tom idiomu do moderne, iako je njegova funkcija različita (književni jezik – stilsko sredstvo).

Dijalektalna književnost

Na početku XX. st., nakon nekoliko stoljeća stanke, što se tiče čakavštine, uz nekoliko pojedinačnih pokušaja, javlja se dijalektalna književnost uz književnost na standardnom jeziku. To je pojava koja se javlja kada je proces standardizacije već gotov i kada više nema mogućnosti da dijalektni jezik ugrozi standardni.

Prva objavljena pjesma na dijalektu u XX. st. bila je kajkavska, i to Matošev *Hrastovački nokturno* 1900. u sklopu pripovijetke pisane standardnim jezikom. Šest godina nakon toga na sličan način pojavila se i prva čakavska pjesma, *Galeotova pesan* Vladimira Nazora (unutar pripovijesti *Veli Jože*, pisane standardnim jezikom), koja je napisana kastavskom čakavštinom (a autorov materinji jezik je bračka čakavština). Iste godine izišla je i njegova pjesma *Ban Dragonja*. Znakovita je Ujevićeva pjesma *Oproštaj*, objavljena 1914., pisana čakavštinom Marulićeva doba i onodobnom dalmatinskom grafijom, a autor se u tom sonetu poziva i na začinjavce, u koje ubraja i Marulića, prisjećajući se slavne prošlosti, opraštajući se na taj način od njihove baštine, jezika i književne tradicije. Prva pjesnička zbirka u XX. st. na čakavskom narječju objavljena je 1927. u Šibeniku, a autor je Pere Ljubić (*Bodulske pisme* 'Otočne pjesme'). Dvije godine nakon toga javlja se Drago Gervais *Čakavskim stihovima*, a nedugo nakon njega javlja se i Mate Balota svojom zbirkom *Dragi kamen*. Oba pišu istarskom čakavštinom. Čakavskim narječjem pjesme se pišu nakon toga tijekom XX. st. do danas. Prozna djela, uglavnom splitskog idioma, pišu Miljenko Smoje, posebice ocrtavajući građansku i malograđansku sredinu, i Marko Uvodić Splićanin, a na čakavskom narječju ostvaruju se i drame.

U kajkavskoj dijalektalnoj poeziji javljaju se Fran Galović (1917), zbirkom pjesama urbane kajkavštine Dragutin Domjanić (*Kipci i popevke*, 1917), Nikola Pavić, Ivan Goran Kovačić i drugi. Jedno od najznačajnijih djela hrvatske dijalektalne književnosti i uopće jesu Krležine *Balade Petrice Kerempuha* (1935), stvorene hibridnim, umjetnim kajkavskim književnim izrazom, koji je stvorio pjesnik na temelju staroga kajkavskog književnog jezika i suvremene kajkavštine (varaždinske i zagrebačke). To je djelo međaš, kakva su još, već spomenuta, čakavska *Judita* Marka Marulića i štokavska *Smrt Smail-age Čengića* za narodnoga preporoda.

Idiomi dijalektalne književnosti jedanput su većinom materinski seoski govor pisca, drugi put gradski kolokvijalni govor, treći put hibrid stvoren na starim neštokavskim književnim jezicima.

U drugoj polovini XX. st. javlja se, kao i na čakavštini, više pjesnika (poticaj i konkursi), piše se proza (čak i romani) te drama, a posebnu afirmaciju doživljava dijalektalno stvaralaštvo na radiju i televiziji (drame i serije).

Neki vodeći hrvatski prozaici imaju kajkavske interpolacije (A. G. Matoš, M. Krleža, S. Kolar). Prozna djela napisali su A. G. Matoš, P. Budak (roman), Mladen Kerstner.

Pišu se dramska djela, scenariji, radijski i televizijski dramski tekstovi. Prevodi se drama i poezija.

Zaključak

Čakavski književni jezik kao prvi takav hrvatski idiom ostavio je dubok trag u hrvatskome standardnom jeziku i njegovoj povijesti, iako je nestao iz upotrebe od sredine XVIII. st. Kajkavski književni jezik od svojih početaka u XVI. st., a i tada već s dosta "južnih crta", razvijao se s neprestanim dodirima s druga dva, kao i obratno, da bi svoj vrhunac doživio baš pred hrvatski narodni preporod pa je, za razliku od čakavskoga književnog jezika, koji je više-manje spontano nestao iz upotrebe, nasilno prekinut njegov razvoj. Kao što je vidljivo, sva tri su hrvatska književna jezika i narječja od samih početaka u međusobnom prožimanju, i to se održalo do danas, pa iako je osnova hrvatskog standardnog jezika novoštokavska, sastavni njegov dio, za razliku od drugih štokavskih standardnih jezika, čine i druga dva narječja, čakavsko i kajkavsko.

Literatura

BROZOVIĆ, D. 1958: O modernoj hrvatskoj dijalektnoj poeziji. In: N. Pavić (ur.). *Antologija novije kajkavske lirike*. Zagreb, s. 9–22

BROZOVIĆ, D. 1960: O strukturalnim i genetskim kriterijima u klasifikaciji hrvatskosrpskih dijalekata. In: P. Ivić (ur.). *Зборник за филологију и лингвистику*, Нови Сад, св. 3, с. 68–88

BROZOVIĆ, D. 1970: *Standardni jezik*. Zagreb

BROZOVIĆ, D. 1978: Hrvatski jezik, njegovo mjesto unutar južnoslavenskih i drugih slavenskih jezika, njegove povijesne mijene kao jezika hrvatske književnosti. In: A. Flaker, K. Pranjić (ur.). *Hrvatska književnost u evropskom kontekstu*. Zagreb, s. 9–83

DULIČENKO 1981 – А. Д. ДУЛИЧЕНКО: *Славянские литературные микроязыки. (Вопросы формирования развития)*. Таллин

DULIČENKO 1982 – А. Д. ДУЛИЧЕНКО: Кайкавский литературный язык и его место среди других славянских литературных микроязыков. In: B. Finka (ur.). *Hrvatski dijalektološki zbornik*, knj. 6. Zagreb, s. 135–155

DULIČENKO 2003 – А. Д. ДУЛИЧЕНКО: *Славянские литературные микроязыки. Образцы текстов*. I. Тарту

DULIČENKO 2004 – А. Д. ДУЛИЧЕНКО: *Славянские литературные микроязыки. Образцы текстов*. II. Тарту

FINKA, B. 1984: O Rječniku hrvatskoga kajkavskoga književnog jezika. In: B. Finka (ur.). *Rječnik hrvatskoga kajkavskoga književnog jezika*, Zagreb, knj. I., sv. 1, s. 7–10

FRANGEŠ, I. 1987: *Povijest hrvatske književnosti*. Zagreb

KATIČIĆ, R. 1998a: *Litterarum studia*. Zagreb

KATIČIĆ, R. 1998b: Razvoj. In: M. Lončarić (ur.). *Hrvatski jezik*. Opole, s. 37–53

KOMBOL, M. 1945: *Poviest hrvatske književnosti do narodnoga preporoda*. Zagreb

LISAC, J. 2004: Čakavština kao narječje i u hrvatskoj književnosti. In: *Čakavska rič*, Split, br. 1, s. 5–11

LONČARIĆ, M. 1999: Hrvatska narječja i hrvatski književni jezik. In: A. Ferenčíková (ur.). *Nárečia a národný jazyk*. Bratislava, s. 291–299

MALIĆ, D. 1997: Razvoj hrvatskoga književnog jezika. In: *Hrvatska gramatika*. Zagreb, s. 9–37

MOGUŠ, M. 1995: *Povijest hrvatskoga književnog jezika*. Zagreb

PRPIĆ, T. 1936: *Književni regionalizam u Hrvata*. Zagreb

SKOK, J. 1985: *Kajkavski kontekst hrvatske književnosti*. Čakovec

SKOK, J. 1985: *Moderno hrvatsko kajkavsko pjesništvo*. Čakovec

STOJEVIĆ, M. 1987: *Čakavsko pjesništvo XX. stoljeća*. Rijeka

ŠOJAT, A. 1970: Pravopis stare kajkavske književnosti. In: M. Deanović, M. Hraste, J. Torbarina (ur.). *Filologija*, Zagreb, knj. 6, s. 265–282

ŠOJAT, A. 1969/1970/1971: Kratki navuk jezičnice horvatske. (Jezik stare kajkavske književnosti). In: *Kaj*, Zagreb, god. II, 1969, br. 3–4, 5, 7–8, 10, 12; god. III, 1970, br. 3–4, 10; IV, 1971, br. 10, 11

ŠOJAT, A. 1993: Kajkavsko narječje kao književni medij u starijem razdoblju hrvatske književnosti. In: I. Kalinski (ur.). *Jezični i umjetnički izraz na kajkavskom tlu*. Krapina, s. 30–37

ŠOJAT, A. 1998: Zagrebački gradski govor u prošlosti i sadašnjosti. In: A. Šojat (ur.). *Zagrebački kaj*. Zagreb, s. 3–87

VINCE, Z. 2002: *Putovima hrvatskoga književnog jezika*. Zagreb

VONČINA, J. 1968: Ozaljski jezično-književni krug. In: Lj. Jonke (ur.). *Zbornik radova Zavoda za slavensku filologiju*, Zagreb, sv. 10, s. 195–205

VONČINA, J. 1988: *Jezična baština*. Split

Čakavian and Kajkavian as literary languages as well as the languages of literature

Mijo Lončarić, Stipe Kekez

In the past the status of Čakavian and Kajkavian was equal to that of the štokavian literary language and all of them functioned separately, albeit with interference. Therefore, tri-dialectism became characteristic of the Croatian literary languages very early. In the 20th century so-called dialect literature started to appear when the process of standardization of the Croatian literary language ended. The language of dialect literature does not have the status of

a literary language, but the status of the language of literature written in dialects or local varities which are subordinate to Standard Croatian.

Mijo Lončarić
mloncar@ihjj.hr

Stipe Kekez
skekez@ihjj.hr

3. ПРОБЛЕМЫ РУСИНИСТИКИ / РУСИНОЛОГИИ

Paul Robert Magocsi, Toronto

Русинский язык: достижения последнего времени и предстоящие задачи

Введение

Русинский язык считается одним из новейших славянских литературных языков. Вместе с русским, украинским и белорусским он входит в восточнославянскую группу славянских языков и функционирует как национальный язык карпаторусин – народа, который не имеет государства и который проживает на территории, известной под историческим названием Карпатской Руси.

Историческая Карпатская Русь включает земли сегодняшней юго-западной Польши (Лемковщина), северо-восточной Словакии (Пряшевщина, или Пряшевская Русь), крайний запад Украины (Закарпатская область) и северо-центральная Румыния (регион Марамуреш). Существует также несколько общин, говорящих на русинском языке в северо-восточной Венгрии, северной Сербии (Воеводина) и на крайнем востоке Хорватии (регион Срем). Число говорящих на русинском языке и (или) лиц, идентифицирующих себя как русины в вышеупомянутых странах, варьирует от официальных данных (согласно переписей населения 2001–2002 гг.) в 90500 до неофициальных оценок в 890000 (MAGOCSI 2004, 3).

Современное состояние и предстоящие задачи, которые касаются русинского языка, являются частью сложного развития русин как народа, не имеющего государства, который с конца XVIII в. проживал в Австро-Венгерской монархии, а с 1918 по 1989 гг. – в Польше, Чехословакии, Венгрии, Советском Союзе и Румынии. Независимо от того, в каком государстве русины проживали в течение этого периода, они пытались создать для себя соответствующий литературный

язык. С одной стороны, проблема эта казалась простой для решения, которое могло быть следующим:

а) создание литературного языка на базе разговорного карпаторусинского диалекта;

б) принятие в качестве литературных родственных и уже кодифицированных славянских языков (русского или украинского).

Дискуссии о выборе литературного языка известны под названием "языкового вопроса", который, в свою очередь, был тесно связан с проблемой национальной идентификации. Другими словами, речь идет о том, являются ли карпаторусины отдельным народом или частью русского или украинского народа?

Исторические предпосылки

Вторичная литература о "языковом вопросе" среди карпаторусин крайне обширна, и мы не видим необходимости останавливаться на этой теме здесь[1]. Однако было бы полезно напомнить о задачах, стоявших и стоящих перед русинами в течение пяти временных периодов, охватывающих большой промежуток от 1848 г. до нынешнего дня. Я использую 1848 г. как точку отсчета, потому что именно с этого времени стало возможным легальное употребление определенной формы русинского языка в средствах массовой информации, образовании и культуре, а позднее – в государственном управлении. Дискуссии о языке велись среди лидеров культуры и до этой даты, но после 1848 г. языковый вопрос принял практическое направление. Поскольку власти одобрили точку зрения о том, что местные языки должны стать языками преподавания в школах, возникла необходимость решения вопроса о конкретной форме литературного языка до публикации учебников и начала обучения.

В течение первого периода, с 1848 по 1918 гг., когда вся Карпатская Русь находилась под властью габсбургской Австро-Венгрии, возникли две тенденции в решении этой проблемы[2]. В целом русинская интеллигенция склонялась к принятию русского языка как литературного, на практике же в публикациях и в школьном обучении

---

[1] Обширный список литературы по языковому вопросу читатель может найти в следующем издании: MAGOCSI 2004, 449–460.

[2] О введении в историю языкового вопроса см.: МАГОЧІЙ 2004, 85–112; а также: DULICHENKO and MAGOCSI 2005, p. 276–281.

употреблялся так называемый традиционный карпаторусинский язык, то есть разная степень смеси русского с церковнославянским и элементами русинских диалектов. В то же время венгерское правительство (в течение короткого периода терпимости по отношению к национальным меньшинствам) поощряло употребление местного русинского разговорного языка как базы для создания отдельного литературного языка[3].

Во второй период, который длился с 1918 по 1939 гг., основная масса карпаторусин оказалась в границах двух государств – Чехословакии и Польши. Это время было наиболее продуктивным в культурной жизни народа и особенно сложным в отношении языкового вопроса. В Чехословакии, где часть карпаторусин, жителей этой страны, имела свою автономную провинцию Подкарпатскую Русь, три языка конкурировали за принятие их в качестве литературного стандарта: русский, украинский и подкарпаторусинский. В соседней Польше, среди русин-лемков, существовали те же три языковые ориентации, но дискуссии между их сторонниками носили менее ожесточенный характер, чем в Чехословакии. Правительства этих стран, со своей стороны, на первых порах пытались сохранять нейтралитет касательно литературного языка, но к 1930-м гг. начали все более склоняться к поддержке русинской ориентации.

Третий период, с 1939 по 1944 гг., в основном совпадает с периодом Второй мировой войны. Населенная русинами Лемковщина в это время стала частью нацистской Германии, которая официально поддерживала украинскую ориентацию. В Венгрии, которая аннексировала Подкарпатскую Русь, часть Пряшевщины в Словакии, регион Марамуреш в Румынии и югославскую Воеводину, власти официально отказались от русского языка, запретили украинский и поддерживали только так называемый "угро-русский". Это фактически означало признание за русинским разговорным языком статуса лите-

---

[3] В 1880-е годы канцелярия премьер-министра Венгрии обязала молодого выпускника университета, русина по происхождению, Ласло Чопея подготовить несколько учебников для начальной школы на русинском разговорном языке. В связи с этим проектом Л. Чопей подготовил русинско-венгерский словарь на 20 тысяч слов, который был отмечен престижной премией Венгерской Академии наук и опубликован за государственный счет как *Русько-мадярский словарь* (Будапешт, 1883).

ратурного и употребление его в правительственных документах, общественной жизни и преподавании в школах[4].

Четвертый период, с 1945 по 1989 гг., совпал с доминирующим присутствием советского правления не только в Подкарпатской Руси, которая была аннексирована Советским Союзом, став частью Советской Украины, но и в соседних государствах-сателлитах СССР – Польше, Чехословакии и Румынии, которые управляли территориально меньшими частями Карпатской Руси. Советский режим провозгласил окончательное решение национального вопроса[5]. Все карпаторусины, независимо от того, как они себя называли, были объявлены украинцами. Таким образом, единственным литературным языком карпаторусин должен был стать язык их национальности – украинский. На практике же русофильская ориентация тоже сохранилась (в Чехословакии она даже процветала до 1951 г.), поскольку русский язык был доминирующим языком в Советском Союзе и был обязательным предметом в школах соседних коммунистических стран, где жили русины. Таким образом, русинская языковая и национальная ориентация были запрещены во всех странах – с единственным исключением. Этим исключением была коммунистическая Югославия, не принадлежавшая к советскому блоку. Здесь русины были признаны отдельным народом, и их воеводинскому (resp. бачско-сремскому) варианту русинского языка было разрешено развиться в

---

[4] Первоначально политика Венгрии не была ясной. Местные власти не приняли русскоязычную грамматику для начальных школ, опубликованную в 1939 г. Георгием Геровским; позднее, в 1940 г., администрация одобрила русскоязычную грамматику (с элементами местной разговорной речи), подготовленную Василием Сулинчаком и одобренную министерским советником по вопросам образования Юлием Мариной. Наконец, в 1941 г. правительство продемонстрировало полную поддержку Подкарпатскому обществу наук, которое опубликовало грамматику Ивана Гарайды на базе разговорной речи. Она установила стандарт русинского литературного языка того периода.

[5] Советские убеждения базировались на декларации пятого конгресса Коминтерна в Москве (1924), которые были подтверждены Коммунистической партией (большевиков) Украины в декабре 1925 г., согласно которым автохтонное восточнославянское население, проживавшее на тогдашней территории Польши, Румынии и Чехословакии, считалось украинцами с этнической и языковой точки зрения.

самостоятельный и социолингвистически полный литературный язык.

Пятый период начался с 1989 г. и длится по сегодняшний день. Революция 1989 г. и падение коммунистических режимов стали причиной так называемого третьего карпаторусинского культурного возрождения. Во всех странах, где живут русины, они снова получили возможность идентифицировать себя как отдельный народ. В новых условиях после 1989 г. часть карпаторусин решила вернуться к национальности своих предков, начав издавать материалы на русинском языке и употреблять этот язык в общественной жизни.

Достижения в период с 1989 г. и далее

Какими были достижения русин в сфере языка в начале политических трансформаций, толчком для которых послужила революция 1989 г.? В определенном смысле языковый вопрос десятилетней давности до сих пор не сошел с повестки дня. Говорящие на русинском языке и ныне разделены на сторонников создания отдельного литературного языка, на тех, кто склоняется в пользу украинского; к тому же все еще находятся и приверженцы русского.

Теперь рассмотрим достижения и определим задачи, стоящие перед "планировщиками" языка, которые на нынешний день создали четыре варианта русинского литературного языка и продолжают их совершенствовать.

Первая задача, поставленная перед "планировщиками" языка после 1989 г., заключалась в определении путей создания литературного стандарта. Предлагалось несколько вариантов:

(1) принятие ранее установленной нормы русинского литературного языка, например, той, что была разработана в грамматиках Ивана Гарайды (1941), Ивана Панькевича (1922) и Августина Волошина (1907; 1927) (см.: Гарайда 1941; Панькевич 1922; 3-ье перераб. изд.: Прага, 1936; Volosin 1907; 2-ое перераб. изд. 1920 г.; Волошин 1927);

(2) создание нового литературного стандарта на базе основных диалектов и говоров одного региона, где живет большинство русин, то есть Подкарпатской Руси;

(3) создание койне, единого стандарта на базе разговорной речи всех регионов, где проживают русины.

Фактически ни один из этих вариантов принят не был.

Вместо этого в ноябре 1992 г. группа журналистов, писателей и ученых из всех стран, где живут русины (за исключением Румынии) – Польши, Словакии, Украины, Венгрии и бывшей Югославии, – собрались на съезд, известный впоследствии как Первый конгресс русинского языка. Вместе с русинскими и нерусинскими учеными из других стран мира конгресс обсудил несколько теоретических возможностей и сформулировал практические методические принципы создания общего литературного стандарта. По предложению профессора Павла Роберта Магочи был принят так называемый "романшский (resp. рето-романский) принцип". Другими словами, русинских языковых "планировщиков" призвали следовать примеру ретороманцев Швейцарии, которые в течение XX в. сначала кодифицировали пять литературных стандартов, а позже сформировали койне, которое было создано в результате слияния стандартов, призванных служить отдельным регионам[6]. Аналогичным образом русины должны были сформировать три региональных варианта литературного языка – подкарпатский, или закарпатский, пряшевский, лемковский ("польско-лемковский"), к которым присоединялся уже хорошо нормированный воеводинский. Все они должны были формироваться и стать предпосылкой для будущего создания пятого варианта, то есть своеобразным койне для всех регионов. Участники Первого конгресса русинского языка приняли также решение о том, что каждый из четырех вариантов должен базироваться на разговорной речи соответствующего, то есть своего, региона[7].

Был ли предложенный теоретический подход воплощен на практике? Во-первых, следует иметь в виду, что задача, поставленная перед русинскими "планировщиками" языка, была в определенной степени облегчена существованием одного из предложенных вариантов – воеводинского (resp. бачско-сремского), который уже употребляется как стандартный литературный язык русин бывшей Юго-

---

[6] Представитель кафедры романшского языка из Фрайбургского университета в Швейцарии присутствовал на Первом конгрессе русинского языка и поделился опытом романшских "планировщиков" языка.

[7] Более подробно о Первом конгрессе русинского языка вместе с текстом резолюции см.: FISHMAN and MAGOCSI 1993, p. 119–123.

славии, а нынешней Сербии-Черногории и Хорватии[8]. В отношении остальных трех регионов "планировщики" языка (не во всех случаях это были профессиональные языковеды) решили в русле процесса стандартизации опубликовать правописания, грамматики, словари и школьные учебники.

Первым из новых вариантов русинского языка был стандартизован пряшевский в Словакии. Он был официально провозглашен в январе 1995 г.[9], после выхода в свет правописания Василя Ябура, орфографического словаря и словаря лингвистических терминов. С этого времени было опубликовано 26 учебников. На нынешний день на пряшевском варианте русинского языка существуют учебники языка и литературы для всех классов (с первого по девятый) начальной школы и с первого по четвертый средней школы. Недавно появилось переработанное издание правописания (Ябур и Панько 1994; Панько (ред.) 1994; Панько 1994).

Вторым литературным вариантом русинского языка, который был кодифицирован, стал лемковский в Польше. В 2000 г. грамматика лемковско-русинского языка была опубликована Генриком Фонтаньским и Мирославой Хомяк (Фонтаньскій и Хомяк 2000; 2-ое перераб. изд.: Warszawa, 2004). Стандарт, кодифицированный грамматикой Фонтаньского и Хомяк, послужил базой для создания нескольких учебников, а также, лемковско-польского словаря Ярослава Горощака (Horoszczak 2004)[10].

Более сложным был путь стандартизации подкарпатского варианта русинского языка в Закарпатской области Украины. В 1994 г. языковая комиссия, состоявшая из четырех представителей местного культурного Общества имени Александра Духновича, начала рабо-

---

[8] Воеводинский вариант русинского языка был кодифицирован в 1923 г. в грамматике Гавриила Костельника. После Второй мировой войны стандарт базировался на нескольких грамматиках и правописании Миколы Кочиша (Кочиш 1971) и в новейшее время на авторитетной грамматике для гимназии Юлияна Рамача (Рамач 2002).

[9] Декларация о создании пряшевского варианта русинского литературного языка официально имела место в Братиславе, и частью торжественных мероприятий была научная конференция, результаты которой были позже опубликованы в двуязычном английско-словацком издании: Magocsi (ed.) 1996.

[10] Среди других учебников следует назвать следующие: Мурянка 2003; Сномiак 2003; Сномiак, Матала 2003.

тать над грамматикой, которая должна была стать основой регионального стандарта русинского языка. Написанная в основном Игорем Керчей и Стефаном Поповичем (ни тот, ни другой не являются лингвистами по образованию) подкарпатская грамматика была опубликована в 1999 г., но не нашла признания среди значительного числа писателей и публицистов региона, в том числе и некоторых представителей комиссии, под грифом которой она была опубликована[11]. Впоследствии другие языковые публикации на Подкарпатской Руси следовали "стандарту", разработанному его конкретным автором или издателем, публиковавшим книгу[12]. В 2005 г. священник Димитрий Сидор опубликовал другую грамматику (написанную по-русински и по-английски), которая, по замыслу автора, должна была употребляться не только "русинами Украины", но также и "Центральной Европы и Северной Америки" (Сидор 1996–2005).

Задачи настоящего времени

Когда в 1995 г. кодификация русинского языка была официально провозглашена в Словакии, ее участники и сторонники отметили, что эта декларация является только началом длительного процесса. Это действительно так, поскольку литературные языки не появляются сразу – напротив, они представляют собой функционирующие организмы, которые пребывают в постоянном процессе изменения и развития.

Какие задачи стоят на повестке дня в связи с русинским языком ныне? По нашему мнению, встают два типа самостоятельных задач, связанных к тому же друг с другом: задачи регионального уровня и задачи, относящиеся к созданию всерусинского, или общерусинского, койне.

---

[11] Керча, Попович и др. 1999 г. (в г. Мукачево и в Москве). Кроме авторов, другими членами комиссии были Михайло Алмаший и Василь Мольнар.

[12] Среди этих публикаций следует назвать трехъязычный словарь на 7 тысяч слов, составленный Михаилом Алмашием, Димитрием Попом и Димитрием Сидором (Алмашій, Поп, Сидор 2002); и букварь Славко Слободана [Игоря Керчи] ([Керча] 2004); книги для чтения, составленные Игорем Керчей (Керча 2001; 2-ое доп. и перераб. изд.: Ужгород, 2002) и Михаилом Алмашием (Алмашій 2004); грамматику Михаила Алмашия и Михаила Мольнаря (Алмашій, Мольнарь 2004); и историю Павла Роберта Магочи (Магочій 2005).

Нет ничего удивительного в том, что со времени Первого конгресса русинского языка 1992 г. наибольшие успехи в разработке стандарта русинского языка были достигнуты именно на региональном уровне. Во всех четырех регионах определенная форма русинского литературного языка употребляется в школах (от начального уровня до уровня высших учебных заведений), в церкви[13], в печати и в средствах массовой информации, а в некоторых случаях и в официальных правительственных документах.

Одним из принципов, с самого начала взятых на вооружение, было создание литературных стандартов на базе разговорного языка отдельных регионов. Поскольку каждый регион имеет по нескольку говоров, региональный вариант литературного языка должен был базироваться на одном или более говорах с целью создания регионального "мини-койне". Например, на Пряшевщине в Словакии в основу литературного стандарта были положены в основном "восточные" говоры долины реки Лаборец [к неудовольствию некоторых писателей из центральной (Шариш) и западной (Спиш) частей Пряшевщины]. Диалектная дифференциация была одной из причин разногласий между "планировщиками" языка на Подкарпатской Руси. Эти разногласия возникают в основном между сторонниками восточных (мараморошских), центральных и западных (ужанских) диалектов.

Другую проблему представляют заимствования из других языков. Поскольку, согласно одобренному принципу, каждый региональный вариант должен принять за основу разговорную речь соответствующего региона – что фактически означает разговорную речь на современном этапе развития языка – "планировщики" языка сталкиваются с фактом инфильтрации в русинский язык многочисленных заимствований (в зависимости от региона) из польского, словацкого, украинского, русского, сербского языков. Процесс этот идет интенсивно, начиная со времен Второй мировой войны. Примером этого служит тот факт, что русины из соседней страны, читая русинский текст, опубликованный, например, в Словакии, остаются под впечат-

---

[13] Особое значение имеет деятельность греко-католического священника из Словакии Франтишека Крайняка, который подготовил на русинском языке кириллическим и латинским алфавитом книги: (Крайняк 1992; 1999; 2003). Все эти книги были одобрены для использования в Пряшевской греко-католической епархии.

лением, что они видят перед собой текст на словацком языке, исполненный кириллическим алфавитом. Что, например, делать со словами: *вызкум* (по-словацки 'výskum'), *влак* 'vlak', *обход* 'obchod', *розлучка* 'rozlúčka', *сполочность* 'spoločnost'', *скусенность* 'skúsenost'', *таемник* 'tajomník', *узнесіня* 'úznesenie' и прочими? Должны ли эти заимствования оставаться в самостоятельных вариантах русинского языка, поскольку они вошли в современную разговорную речь, или они должны быть заменены? А если заменены, то заменой их должны служить или:

а) слова-интернационализмы (обычно латинского, английского или французского происхождения), или
б) более давние русинские (восточнославянские) слова, или же
в) новые, по-восточнославянски звучащие кальки, которые будут преподаваться в школах до тех пор, пока они не станут фактом разговорной речи?

Что касается географической терминологии, то она также представляет собой проблему, для решения которой должны быть разработаны соответствующие методологические пути. Должны ли для географических названий за пределами Карпатской Руси употребляться русинские эквиваленты – *Краків*, *Пряшів*, *Словакія* – или же варианты произношения этих названий в языках-первоисточниках должны транслитерироваться кириллицей – *Кракув* (по-польски 'Kraków'), *Прешов* (по-словацки 'Prešov'), *Словеньско* (по-словацки 'Slovensko')? Возможно, новые русинские формы географических названий должны быть заново созданы, как, например, *Новоє місто пуд Шатром* вместо *Шаторалйауйгей* (по-венгерски 'Sátoraljaújhely') или *Калный Потук* вместо *Шарошпатак* (по-венгерски 'Sárospatak')[14].

В то время как много работы было проделано в плане создания региональных вариантов русинского языка, меньше внимания было уделено проблемам создания будущего койне. Первый конгресс русинского языка (1992) призвал к периодическому созыву таких конгрессов в будущем для обсуждения вопросов, связанных с койне. С тех пор состоялся лишь один конгресс в 1999 г., на котором обсу-

[14] Эти названия были предложены Игорем Керчей для карт в учебнике истории *Наша отцюзнина* (см. выше сноску 2) и были отвергнуты издателем Валерием Падяком.

ждался вопрос о подготовке к изданию тома о русинском языке в международной серии "Современная история славянских языков" (Ополе, Польша)[15]. На этом конгрессе не дискутировалось ни одного конкретного вопроса, связанного с продолжением кодификации.

В результате русины до сих пор не имеют общей грамматической терминологии: например, для обозначения одной и той же части речи – глагола в лемковском и пряшевском вариантах употребляется термин *часослово*, в подкарпатском – *глагол*, в воеводинском – *дїєслово*. Не существует даже алфавита, общего для всех региональных вариантов: графем *ы* и *і* нет в воеводинском, *ї* не существует в лемковском и т. д. Другие графемы бытуют только в одном региональном варианте: *е* в пряшевском, *ō* рекомендуется в одном подкарпатском словаре и под. Буква *ы* в разных алфавитах находится в разной позиции (в пряшевском варианте она следует за *и*, в одном же подкарпатском словаре она стоит после *щ*).

Но наиболее проблематичной является графема, употребляемая для обозначения различных гласных звуков, возникших на месте этимологического *о* в новозакрытом слоге. Классический пример этого явления существует в подкарпатских говорах: слово, первоначальной формой которого было *конь*, ныне произносится как *кунь*, *кїнь*, *кінь*, *кынь*. Ни один из этих вариантов не является доминирующим в подкарпатском языковом ареале. Фактически проблема обозначения этого явления предложена в нескольких подкарпатских грамматиках первой половины XX в. и решена или через употребление одной графемы *ô* Августином Волошиным и Иваном Панькевичем, или *о* Иваном Гарайдой[16]. К сожалению, современные подкарпатские кодификаторы языка пошли по пути "изобретения велосипе-

---

[15] На заседании Второго конгресса русинского языка, проходившем в мае 1999 г. в связи открытием Отделения (Одділеня) русинского языка и культуры при Пряшевском университете, дискутировалось содержание и методологический подход к 14-му тому серии "Современная история славянских языков", публикация которого была организована Опольским университетом в Польше (см. Магочій 2004).

[16] Для справки см. выше сноску 7. Согласно распространенному мнению, букву *ô* ввел в русинский алфавит галицко-украинский лингвист и педагог Иван Панькевич в своей грамматике 1922 г. Это не соответствует действительности, поскольку *ô* уже употреблялась в 1907 г. Августином Волошиным в его грамматике.

да", и почти в каждой грамматике или словаре вы найдете новые символы для обозначения различных диалектных вариантов: *î*, *ō*, *ő*, *ÿ*, *ï*, *ô*. В результате мы имеем графический хаос и семантическую путаницу. Подобно тому, как языковеды Украины призывают своих соотечественников "уважать букву *ґ*", которая недавно была снова включена в украинский алфавит[17], русинским "планировщикам" языка также следует "иметь уважение к букве *ő*" и снова ввести ее в русинскую азбуку.

Семантическую путаницу представляет собой и сам этноним *русин*. Традиционно карпаторусины обозначали себя следующим образом: "Я руськый" или "Я бісідую/ говорю по-руськы". Более того, все грамматики русинского языка, изданные до 1945 г., употребляют лингвоним *руськый язык*. В настоящее время два из четырех вариантов русинского литературного языка сохранили исторически правильное употребление адъективной формы этнонима: *руски* (воеводинский вариант) и *руськíй* (лемковский вариант) для обозначения своего собственного народа. Два остальные варианта (пряшевский и подкарпатский) чаще употребляют лексему *руськый* для обозначения не своего собственного народа, а представителей народа великорусского. В противовес им воеводинский и лемковский варианты вполне разумно предпочитают дифференциацию этих понятий: *російскíй язык*, *Росиян* (лемковский вариант) и *русийски/росийски язик* (раньше также *велькоруски язик*), *Рус* (воеводинский вариант)[18]. Мы полагаем, что что-то действительно "не клеится" с языком, если его кодификаторы не могут определиться с названием для народа-носителя этого языка.

Не будем, однако, преувеличивать проблемы, связанные с кодификацией русинского языка. Фактически русинские "планировщики" языка, писатели и журналисты проделали огромный путь в процессе стандартизации, начатом, не забудем, только пятнадцать лет тому назад. Кодификаторы вполне осознают, что их работа не завер-

---

[17] См. главу "Шануймо літеру *ґ*" ('Давайте уважать букву *ґ*') в книге Василя Нимчука (Німчук 2002, 38–47).

[18] Вдохновенная, но не приведшая к определенным выводам, дискуссия на эту тему проходила на страницах пряшевской русиноязычной газеты, см.: Маґочій 2002, с. 3; Зарічняк 2003, с. 4; Дронов 2003, с. 4; Ябур 2003, с. 4; Маґочій 2003, с. 2.

шена. Возможно, некоторые вопросы, поднятые мною в этой статье, помогут кодификаторам русинского языка найти решение для них в будущем.

Перевод с английского Надии Кушко.

Литература

Алмашій, Михаил 2004: *Живое слово: читанка для русинської неділної школы*. Ужгород

Алмашій, Михаил и Димитрій Поп, Димитрій Сидор 2002: *Русинсько-украйинсько-руськый словарь*. Ужгород

Алмашій, Михаил и Михаил Мольнарь 2004: *Слово за словом: практична граматика русинського языка для недільної народної школы*. Ужгород

Volosin, Ágoston 1907: *Gyakorlati kisorosz (rutén) nyelvtan*. Ужгород; 2-ое перераб. изд. 1920 г.

Волошин, Августин 1927: *Практична граматика руського языка для народных, горожанских и середних школ*. Ужгород

Гарайда, Иван 1941: *Грамматика руського языка*. Ужгород

Horoszczak, Jarosław 2004: *Словник лемківско-польскій, польско-лемківскій / Słownik łemkowsko-polski, polsko-łemkowski*. Warszawa

Дронов, Михайл 2003: 'Російскый' або 'руськый'? In: *Народны новинкы*, Пряшів, 19 марта, с. 4

Dulichenko, Aleksandr D. and Paul Robert Magocsi 2005: Language Question [of Carpathian Rus']. In: Paul Robert Magocsi and Ivan Pop (eds.). *Encyclopedia of Rusyn History and Culture*. 2nd rev. ed. Toronto, 2005, p. 276–281

Зарічняк, Михал 2003: Хто баламутить читателя? In: *Народны новинкы*, Пряшів, 22 января, с. 4

Керча, Игорь 2001: *Утюзнина: читанка про недільні школы*. Будапешт; 2-ое доп. и перераб. изд.: Ужгород, 2002

[Керча, Игорь] 2004 – Слободан, Славко: *Бетярськый буквар*. Ужгород, 2004

Керча, Игорь и С. Попович и др. 1999: *Материнськый язык: писемниця русинського языка*. Мукачево; одновременно издание вышло и в Москве.

Кочиш, Микола М. 1971: *Правопис руского язика*. Нови Сад

Крайняк, Франтишек 1992: *Малый грекокатолицькый катехізм про русинськы діти*. Пряшів

Крайняк, Франтишек 1999: *Євангелія на неділі і свята цілого року*. Меджілабірці

Крайняк, Франтишек 2003: *Євангеліє од святого Йоана*. Меджілабірці

Magocsi, Paul Robert (ed.) 1996: *A New Slavonic Language Is Born: The Rusyn Literary Language of Slovakia/ Zrodil sa nový slovanský jazyk: rusínský spisovný jazyk na Slovensku*. New York

Маґочій, Павел Роберт 2002: Не треба баламутити читателя. In: *Народны новинкы*, Пряшів, 30 октября, с. 3

Маґочій, П. Р. 2003: "Мы Русины, а не Русы". In: *Народны новинкы*, Пряшів, 17 ноября, с. 2

Magocsi, Paul Robert 2004: *Carpatho-Rusyns*. 3rd rev. ed. Ocala, Flo.

Magocsi, Paul Robert (red. nauk.) 2004: *Русиньскый язык*. Opole

Маґочій, Павел Роберт 2004: Языковый вопрос. In: *Русиньскый язык*. Opole, с. 85–112

Маґочій, Павел Роберт 2005: *Наша отцюзнина: історія карпатськых русинўв*. Ужгород

Мурянка, Петро 2003: *А я знам азбуку: лемківскій буквар*. Warszawa / Legnica

Німчук, Василь 2002: *Проблеми українського правопису XX – початку XXI ст.* Київ

Панькевич, Иван 1922: *Граматика руського языка для шкôл середних и горожанских*. Мукачево; 3-ье перераб. изд.: Прага, 1936

Панько, Юрій (ред.) 1994: *Орфографичный словник русиньского языка*. Пряшів

Панько, Юрій 1994: *Русиньско-русько-українськo-словеньско-польскый словник лінгвістічных термінів*. Пряшов

Рамач, Юлиян 2002: *Граматика руского язика*. Београд

СИДОР, Димитрій 1996–2005: *Граматика русинського языка для русинôв Украйины, центральної Європи и Америкы / Grammar of the Rusyn Language for the Rusyns of Ukraine, Central Europe and America*. Ужгород

FISHMAN, A. Joshua and Paul Robert MAGOCSI 1993: Scholarly Seminar on the Codification of the Rusyn Language. In: *International Journal of the Sociology of Language*, Berlin / New York, № 104, p. 119–123

ФОНТАНЬСКІЙ, Генрик и Мирослава ХОМЯК 2000: *Граматыка лемківского языка*. Katowice; 2-ое перераб. изд.: Warszawa, 2004

CHOMIAK, Mirosława 2003: *Лемківскій язык: основний курс*. Warszawa/ Legnica

CHOMIAK, Mirosława i Bogdan MATAŁA 2003: *Język łemkowski z komputerem/ Лемківскій язык з компутером*. Warszawa/ Legnica

ЧОПЕЙ, Л. 1883: *Русько-мадярский словарь*. Будапешт

ЯБУР, Василь и Юрій ПАНЬКО 1994: *Правила русиньского правопису*. Пряшів

ЯБУР, Василь 2003: Ad: П. Р. Магочій: Не треба баламутити читателя. In: *Народны новинкы*, Пряшів, 2 апреля, с. 4

ЯБУР, Василь и Анна ПЛЇШКОВА 2005: *Русиньскый язык у зеркалї новых правил про основны і середнї школы з навчанем русиньского языка*. Пряшів

The Rusyn language: recent achievements and present challenges

Paul Robert Magocsi

The Rusyn language is considered one of the newest Slavic literary languages. Together with Russian, Belarussian, and Ukrainian, Rusyn is an East Slavic language that functions as the national language of Carpatho-Rusyns, a stateless people living within a historic territory called Carpathian Rus'.

This study is divided into three sections. The first surveys past efforts by Carpatho-Rusyns to decide the question of which literary language they should use for their cultural life and in schools during the period 1848 to 1989. The second section reviews the efforts since 1989 to create a new literary language for Rusyns living in Poland, Slovakia, and Ukraine. The third

section looks at the problems faced by language planners in their efforts to create:

(1) individual literary variants for Rusyns in Poland, Slovakia, and Ukraine; and

(2) a single koiné for use in all countries where Rusyns live.

pr.magocsi@utoronto.ca

Юлин Тамаш, Нови Сад

Правни аспект статуса русинского язика/ русинских язикох – дияхрония, синхрония и телеолоґия

Русински язик односно русински язики жиє/жию през вецей столїтия у вецей державох як нєкодификовани, кодификовани, забраньовани, толеровани або потримовани з правну односно державну регулативу. През найдлугши час були нєкодификовани. Мали преважно усну функцию у рижних социялних и социолинґвистичних функцийох, а зоз першима кодификациями провадзели их велї проблеми, так же углавним мож видзиц тоти проблеми з велїх аспектох. Ми ше затримаме на трох. То дисциплинарни, окреме линґвистични, державно-правни и авторски.

Як було углавним ше може приказац зоз линґвистичного и державно-правного аспекта.

У дисциплинарним аспекту розликує ше важносц структурного, социолинґвистичного, етнїчного, правного, политичного и язично-креативного односно литературного аспекту. Литература о тим числена и русинистом позната, та ше у тим сообщеню подрозумює же у таким науковим резимеу нє мож исц до историї шицких релевантних конарчкох того питаня.

Зоз становиска елементарней линґвистики, хтора ше занїма зоз язичнима структурами, русински язик односно русински язики менєй-вецей описани и ту перша дилема: структурални розлики медзи штирома горньо-русинскима язиками и єдним долньо-русинским. Перши бліжей восточнославянскей язичней структури, а други заходнославянскей. Цо то значи, укажеме надалєй.

Становиско социолинґвистики гвари же, без огляду на структурни розлики знука русинскей язичней заєднїци, у пракси право на

хасноване лєбо вибор такволаних язичних брендох основане и у медзинародних правних актох припознате односно санкционоване.

Етнїчни аспект гвари же найширши термин хтори у хасноваю то анґлийске *етник комюнити* уключує и термини и поняца етнїчней ґрупи, националней меншини, народу и нациї, без розправи о статусу поєдиних терминох и поняцох, просто наглашує єдну окремносц, хтора ше препознава як окремни идентитет.

Зоз становиска права, окреме националних правох поєдиних держовох и медзинародного права припознати язични розлики хтори практикує єдна етнїчна заєднїца як основа за витворйованє граждански и колективних правох знука ушорених державох. Акти хтори то реґулую то Европска повеля о реґионалних язикох або язикох меншинох и такволани Гаґски папер, по хторих нє важне як ше припаднїки таких окремних язичних заєднїцох национално чувствую, алє ше реґулує право на пестованє язичней окремносци без огляду на вияшньованє о националней припадносци ношительох истей язичней розлики. То у правним смислу основа на хторей тото сообщенє фундаментує оправданосц шицких язичних намаганьох коло пестованя русинского язика/ русинских язикох, з тим же тот автор видзи можлївосц же би ше оптимум посцигнул зоз розвиваньом реґионалних можлївосцох, хтори понука медзинародне право, а нє зоз наглашованьом националней ориєнтациї ношительох, а окреме нє зоз политичну инструментализацию права на пестованє язичней розлики як инструмента за манипулацию зоз становиска интересу одредзених центрох политичней моци.

Зоз становиска политики у приказованю проблемох русинского идентитета то же историйно у ровиї етнолоґиї нє спорне вязанє русинства зоз украïнством, алє зоз становиска политиколоґиї цали час ше пробує русинске питанє приказац як политичне русинство хторе розлику спрам Украïнцох и других народох у дотику приказує як основане. През вики прето русинска идея була або забраньована и онєможлївйована або толерована у смислу реґионалного идентитета одредзеней нациї – польскей, словацкей, украïнскей, росийскей, мадярскей, алє ше нїґда нє дошлєбодзовала идея и пракса реґионалного идентитета звонка интереса поєдиних державотворних народох, хтори би координовали лєбо усоглашовали повязованє русинских реґионалних идентитетох односно идентитета на медзинародним плану. Тото цо ше у пракси американскей науки и политики вола ушорйо-

ванє политичного и у науки фундаментованого идентитета етнїчних заєднїцох под терминами кореньовосц (roots), жридловосц (origin) и националносц (nationality) зводзене на право поєдинца и колективитета же би у особнє финансованих фамелийних язичних и церковних заєднїцох самофинансовали свою окремносц, а шицки вони граждане у смислу citizen були Американци односно Канадянє, дзе ше по логики melting pota националносц виєдначує зоз державянством. Там просто логика правох националних меншинох и регионалних язичних заєднїцох приватна ствар ґу хторей держава нє ма обовязки. Шицки знаме же у Европи то нє так и же ше ту национална чи етнїчна чи язична припадносц нє виєдначує зоз державянством.

Зоз становиска креациї односно творчого потенциялу одредзених язичних системох, волали их меншински чи регионални, ствар ше приказує як вельо єдноставнєйша. Гевти язики хтори були блїжей природи, односно були менєй метаязики, менєй жарґон, менєй коине чи менєй патоа принєсли вреднєйши творчи резултати односно лєпши литературни твори. Медзи русинским язиками язик руснацох у Бачкей ту найлєпше стої, та вец вон и мера проблемох зоз хторима ше стрета кажда кодификация русинских язикох Стреднєй Европи, а то значи же ми надалєй опишеме и уплїв правного аспекту на живот русинских язичних заєднїцох, алє источасно тот автор думаня же з правним аспектом релативно ясне, а прави проблем фунционални, односно як творчо вихасновац право людзох на пестованє своєй язичней и етнїчней припадносци.

Пред тим як войдземе до стредку проблема кратке надпомнуце о функционалносци одредзених бешедох и язикох, шицко єдно чи усних чи писаних:

Природни язик то язик на хторим бешедую його ношителє просто з мацериним млєком поцицаним, и вон углавним описує значеня и змисти природней егзистенциї, без того цо принєсли сучасни технологиї и такволани метаязики поєдиних наукових дисциплинох. Тот природни язик барз важни за язичну креативносц односно за литературу.

Метаязик подрозумює свидомосц о терминох и поняцох хтори поєдини науково дисциплини створели у власним розвою же би прецизнєйше маркирали одредзени законїтосци звонка видогляду обичного чловека односно звонка видогляду природного язика. Ту спадаю и рижни штучни язики хтори настали лєбо як индивидуални

верзиї одредзених язичних мишанїнох у смислу славяносербского лєбо язичия, як и есперанто, хтори системски ушорени штучни язик, алє нїхто на нїм нє пише поезию, значи, нє природни є, без огляду же єст пробованя и на нїм писац. [На эсперанто ше пише и поезия, и проза и нєшка існує досц богата и рижнородна ориґинална уметнїцка литература. – Заувага редакторох].

Жарґон або арґо креативно потентни язик або єдноязична функция, алє лєм як знак практикованя одредзеней социялней категориї хторей вон леґитимация же членство знука такей єдней социялней популациї ма нє лєм глїбше социялне чи людске оправданє, алє источасно вон одрека пануюцу систему вредносцох дружтва у хторим ношителє жарґона жию. То наприклад жарґон Ниґерох у Америки лєбо ношительох рок-култури.

За русински язични заєднїци идуци два дилеми ключни: патоа чи коине, або диялект чи национални язик. Коине то витворенє язичного стандарду зоз вецей бешедних верзийох. Наприклад, як помириц ношительох горньо-русинского и долньо-русинского кед перши по язичней системи цага на восточнославянски, а други на заходнославянски язични системи. Же би ше єдни лєбо други приблїжели, муша ше учиц, а то часто подрозумює учиц як странски язик, цо психолоґийно и социялно очежане. Правда же знаме за подобну ситуацию горньо-лужицкосербского и долньо-лужицкосербского, алє то нє найлєпша препорука, бо вони там систематично капу. Зоз русинскима язичнима заєднїцами у тим смислу треба видзиц кельо будзе нукашнї моци за творенє єдного коине, а дотля вон будзе у функциї патоа, а то значи єдного домашнього язика, хтори людзе менєй чи вецей пестую, зависно од держави у хторей жию, бо углавним у шицких державох у хторих жию то нє язик окремней дружтвеней промоциї, а завиши и од самосвидомосци фамелиї кельо вона зоз тим порихтана бранїц власни идентитет. Наприклад, Цинцаре пестую свой язик лєм у фамелиї, а нє организую ше як колективитети у дружтвеним живоце и мож их нєшка препознац у ровнї елементарних дружтвених келийох, алє нє и у явним живоце. Тиж так Жидзи розвили моцни систем мимикриї, дзе свойо жидовство пестую у завартих фамелийних лєбо и колективних заєднїцох, алє вони вше розвиваю источасно и моцни системи присподобйованя гу системом вредносцох народох и державох у хторих су нє державотворни.

На концу, чи русински язик/язики диялект чи национални язик? У тей хвильки то нє пресудне. Важнєйше же маме стандард, правда на уровню двох стандардох – долньо-русинского и горньо-русинского, та можеме заобисц питанє чийого зме язика диялект. Просто прето же зоз становиска структурней лингвистики то єдно, а зоз становиска социолингвистики друге. Поведзме, кайкавска бешеда ма стандард, вона диялект горватского, а структурно є блїжей словенскому. Або, нє мож повесц же сербски, горватски, бошняцки и чарногорски нє єден язик, а социолингвистично су очиглядно штири язики. Просто одредзени заєднїци сцели мац свойо бренди. Так и русински: уж як ше будзе волац и як будзе жиц менєй важне кед же на нїм людзе буду креативни и кед будзе функционални, без вадзеня медзи ношителями язика, а кед то служи за инструментализацию одредзених политичних интересох, вец то нє принєше нїкому нїч добре, голєм нє ношительом русинского язика/ русинских язикох.

По державох у хторих жили за осем вики Руснаци правни аспект углавним кед нє смутно, вец досц нєобовязуюцо за держави випатра. Углавним, и кед русинска идея потримована, вец то було вецей "през зуби" як у даяким яснєйшим державним интересу. Но и ту єст розлики од преганяня русинскей идеи до якого-такого потримованя, алє вше ше указало же русински заєднїци лєбо були розшати у вецей державох лєбо нє мали достаточно нукашнєй моци витвориц свойо намаганя, лєбо ше нашли у релативно вигоднєйших условийох, та заш лєм, гоч на окраїску дружтва односно поєдиних державох, преживйовали и чували свойо национални язични намаганя. На єдним боку два вельки европски царства, австрийске и росийске, а на другим новоформовани национални держави основани по розпадованю Австро-Угорскей (Польска, Мадярска, Ческа, Словацка, Румуния, Україна, Сербия, Горватска), а окремни случай то Русини у ЗАД и Канади.

Габзбургска монархия односно Австро-Угорска и нєшка зохабела Европскей унїї идею и праксу припознаваня народних розликох, правда, третирала их як шицких своїх поданїкох, а наградзовала их зоз векшим або меншим ступньом националних привилеґийох, зависно од того як служели Царству. Русини ту були милионска популация у вецей державох, окреме гевтих хтори после 1918. постаню нови стредньоевропски держави, та Русини вше мали двох панох: народ у чиїм окруженю нєпостредно жили, шицкоєдно чи то були

Поляци, Словаци чи Мадяре и централну власц у Бечу. Шицко ше то закончовало зоз тим же Русини у Габзбурґскей монархиї третирани як менше зло, бо директно нє виражовали державотворни претензиї, як цо то було зоз цивилизацийно организованшима народами на истей териториї. Прето Русини нє брани озбильно и нїґда їх питанє нє сциговало по Беч, а Пешт и Варшава, на другим боку Москва, то третирали кед нє як приватну вец як селянску неорганизовану немоц. Русински язик жил у поджемю вецей як приватна чи стихийна моц, а писани памятнїки нєшка ше препознаваю як вецей чи менєй русински. У єдней хвильки, точнєйше 1711, Ракоци сцел припознац Русином же су историйни народ под условийом же Русини буду на його боку войовац, алє войну страцел, та Русини после того вецей знука Австро-Угорскей нє мали цо чекац.

Русия зоз снованьом модерней националней держави нїґда нє припознавала анї українску идею, а дзе вец русинску у смислу дакедишнього русинизма як заєднїцкей етнїчней восточнославянскей маси. Русинизем жил уствари у панславизму, дзе росийски язик и росийска нация мали водзацу улогу, а то ше шицко закончело зоз СССР, дзе интернационализация подрозумйовала русификацию. За нєшкайши политични русинизем Русия нєбарз заинтересована, бо то нє у центру єй основних политичних интересох.

Польска вше була и антирусинска и антиукраїнска и Русинох у Галичини углавним хасновала за електорски систем галичанского сейму, у хторим нїби милионска маса Русинох брала електорски места освидоменим Українцом же би Поляки пановали зоз Галичину без огляду же були у меншини. И нєшка польска политична елита толерує Русинох односно Лемкох кед су польскей регионалней орієнтациї, а кед су нє, вец дзеля судьбу политичного одношеня спрам Україны, односно ту приклад такволана операция Висла, зоз хтору по Другей шветовей войни 150 000 українски орієнтованих Лемкох викоренєни и розселєни по Польскей, же би ше два трецини з нїх по нєшка цалком страцели.

У Словацкей 1906. року Самуел Цамбел пописал бешеди, медзи нїма и бешеди Руснацох у такволаней Восточней Словацкей, и тоти бешеди приказал под заєднїцку назву восточнословацких диялектох. Правда же народ волал *Виходняре*, а то значело нє Восточни Славянє, цо шицко упутює же точнєйше же су Восточни Славяне, а нє Восточни Словаци, алє териториална логика видзеня будуцей словац-

кей держави ту инструментализовала язични критериюми, та ми нєшка медзи тима записами розликуєме уж корень розликох медзи нєшкайшима горньо-русинскима и долньо-русинскима системами. О тим найинструктивнєйша полемика медзи В. Гнатюком и С. Цамбелом. Кратко ю резимуєме:

Розправа приказує полемику Гнатюка зоз Цамбелом на початку ХХ столїтя на вецей як сто бокох машинопису; конфронтує окреме Гнатюково роботи *Русини прешовскей епархиї и їх бешеди*, *Руски населєня у Бачки*, *Словаци чи Русини*?, *Чи руска бешеда словацка*? зоз Цамбелову монографию *Slovenská reč a jej miesto v rodine slovanských jazykov* (*Východnoslovenské nárečie*), Turč. sv. Martin, 1906, s. 624, указує же Цамбел и теди кед ше процивставял Гнатюкови на велїх местох индиректно дава Гнатюкови за право. Од тей полемики по нєшка, и методологийно и у заключеньох, вона ше предлужує при других авторох на половки ХХ столїтия: полемизовац буду у линиї Гнатюка Гавриїл Костельник, а у линиї Цамбела Мария Гаґовска (вироятно псевдоним Ондрея Галяги); на концу ХХ столїтия як предлуженє може видзиц и мою полемику зоз П. Р. Маґочийом и його истодумнїками.

Розправа визначує два фундаментални здобутки Гнатюково: методологийни – же язик нє пресудне мерадло за културни и национални идентитет Русинох Пряшовщини и южней Угорскей и же треба дияхронию интердисциплинарно проєктовац на план синхронії а нє обратно як то Цамбел, Гаґовска и Маґочи робя, и, други здобуток – же култура, и то реґионална култура Русинох, може буц, и є, у основи националного идентитета а нє держава у хторей ше Русини нашли и жию, а анї чувство, як то Цамбел, Гаґовска и Маґочи доказовали, нє може буц критериум з яким ше обєктивно одрека история глїбша од ХХ сторочя.

Цамбел словакизацию Русинох трима як природну и готову ствар и таку вец проєктує дияхроно, цо антиисторийни поступок хтори и при Гаґовскей и при Маґочийови закончи у трох огришеньох о елементарну историоґрафску методологию:

1. з историйним редукционизмом вибера ше лєм гевти факти и події хтори русински национални идентитет виключую зоз восточнославянского, дзе украӈински найчитлївши, контекста и з хторим ше русинске питанє спатра прейґ подійох од 1918. на далєй;

2. прейґ етнологийного критериюма зуженей матичней териториї на Карпати и
3. прейґ субєктивного перспективизма дзе ше чувство у самовияшньованю бере як тварди критериюм националней припадносци зоз чим ше национални иденгитет зводзи на ровень психологиї а нє обєктивизує ше у историї як шор историйних релацийох и вязох хтори творя национални идентитет.

Окреме индикативне же Гнатюк розликує ступнї словакизациї Русинох як Словякох и Руснацох. За Цамбела Словяк то уж Восточни Словак односно Виходняр. За Цамбелом то буду повторйовац и Гаґовска и сучасни словацки диялектологи, а часто и гевти русинисти хторим лингвистика зужує национални и културни идентитет на язичне питанє. Руснак Югославиї то Словяк на Пряшовщини, вшелїяк при Гнатюкови.

Сумарно, русинске питанє Цамбел хаснує як политични аргумент у стабилизованю словацкей державотворносци; исти аргумент Галаґа односно Гаґовска омегча до идеї за снованьом восточнословацкей регионалней автономиї, голєм так шлїдзи зоз, у явносци мало познатей, розправи Гаґовскей *Naša reč. Gramatika pre višše tridi gimnazii bačvaňskich Rusnakoch*. Byvne porobene vedľa spisu *Gramatický rozbor východnej Slovenčiny*, Svojina, Košice, 1949. На истей популациї, пряшовских и бачванских Руснацох (Руснацох у половки XX столїтия) Гаґовска ше будзе намагац витвориц руснацки регионални и културни идентитет знука словацкей нациї а Костельник русински регионални идентитет знука українскей нациї, на шлїду Гнатюка. Нєшка и сам дзелїм идею и праксу Гнатюка и Костельника о русинским регионалним и културним идентитету знука українскей нациї, як контрастановиско Цамбелови, Гаґовскей и Маґочийови.

Становиска и линия роздумованя Цамбела, Гаґовскей и Маґочия у сущносци иду на руку гевтей политичней и историйней пракси хтора науково, точнєйше нїби науково, фундаментує и санкционує асимилацию Русинох/Руснацох до гевтого державотворного народу у чиєй держави Русини/Руснаци жию. Так Руснаци у Словацкей нїби природно Виходняре односно ВОСТОЧНИ Словаки; у Мадярскей були Угроруси а нєшка су Мадяре руснацкей односно грекокатоліцкей вири як цо и у Словацкей цо існує нїби руснацка вира; у Америки су Карпаторутени, точнєйше английскобешедни Американци хтори ше

здогадую же су карпаторутенского походзеня и там маме штучну метаязичну и метакултурну традицию хтора ше упина постац окремна нация на штучним метаязику, вецей пре политичну конюктуру нєшка як пре природни потреби; у Югославиї маме намаганє за югославянскима Руснацами же би пошвидко були Югославянє, Серби або Горвати.

Як єдини ратунок и историйни ориєнтир остава нам Гнатюк и за нїм Костельник односно идея и пракса русинского реґионалного културного идентитета знука українского националного идентитета. Цамбел то гоч индиректно нє могол одрекнуц на велїх местох своєй розправи. У тим смислу ґу полемики Гнатюка и Цамбела мушиме ше ище вше врацац.

Україна нашлїдзела праксу СССР-а спрам одлуки Коминтерни зоз 1925. и нїби ришела русинске питанє зоз заключеньом же Русини часц українскей нациї и нїяки реґионализем, окрем етноґрафского и етнолоґийного вецей нє функционални и онєможлївйовани є. И нєшка Україна оможлївює живот етноґрафскому русинизму, алє нє и политичному, цо по думаню того автора нє у согласносци зоз Европску повелю о реґионалних язикох або язикох меншинох. Єдно факт: нє шицки славянски жителє у Закарпатскей обласци України ше вияшня за Русинох, як цо то приказую даєдни заступнїки русинскей идеї у швеце, алє факт же єдна часц тих хтори сцу ма право вияшнїц ше так без огляду же українски процеси интеґрациї, присилни чи по своєй дзеки, пошли далєй як цо то заступнїки русинскей идеї тримаю.

У мадярскей милион ношительох русинского язика од Апонїйового закону зоз 1907. по нєшка асимиловани и акултуровани у злїву рики Тиси. Перше зоз забрану хаснованя русинского язика у школох, а вец и у церкви, а после нього, зоз такволану педаґоґийну теорию же чловек ма право нє лєм чувац свой идентитет односно язик, алє и прилапиц язик и културу културно и историйно потентнєйшого, найчастейше державотворного народу. За прикладом Мадярох пошли Поляци и Словаци, а нєшка иду и Горвати и Серби.

ЗАД и Канада окрем долара и анґлийского язика шицко тримаю за приватну а нє державну ствар, та так и явно релевантни резултати односно нєрезултати зведзени на або археолоґию по кедишнїм *Roots* чи кореньох або у смислу интересу за Руснацох як обєкт националного и политичного инженєринга.

Єдино у Войводини/ Сербиї/ Югославиї оможлівене же би Руснаци 1923. року видруковали свою ґраматику же би ю ище теди та по нєшка хасновали у пракси, а пременки були у тим смислу же школованє держава финансовала цали час, а друкованє кніжкох ше меняло: дакеди з векшу потримовку держави, а дакеди зоз цалком минимални. Тиж так руски язик ше у цеку XX. вику по нєшка шлєбодно хаснує у явносци, алє цали час то провадзи єдна файта релативней нєдзбалосци и нє видзи ше же литература як креативне практикованє руского язика од насущного значеня за випросцованє Руснацох до историї як цивилизованей заєднїци и то нє лєм доказ зоз хторим власц ни-а указує же национални меншини витворюю свойо права.

Як нєшка? Толерованє русинскей идеї, уж кед асимилацийни процеси покончели свойо у Стреднєй Европи, векше, цо значи же Руси нєшка русинску идею хасную за слабенє українскей идеї. Поляци воля Лемкох хтори ше нє вяжу за українску идею покля то питанє гражданских правох а нє державней обовязки; Словаци припознали русински идентитет, алє го скромно финансую и чекаю же би ше сам од себе после шицкого загашел; Мадяре барз любя Русинох тераз кед их уж у Мадярскей такповесц вецей нєт, а Серби даваю Русином шицки декларативни права, алє их финансийно вше менєй потримую, чекаюци же природни процес асимилациї и политично здуманей акултурациї, научени з мадярскей пракси, законча зоз русинским питаньом. Єдно правда: у векшини стредньоевропских державох мож за себе повесц же сце Русин, алє то менєй-вецей нїкого нє обовязує окрем вас самих, у смислу – крашнє, алє вам ми зато нє винувати же сце ище вше Русин!

Цо будзе? Або хтора телеологийна димензия анализованого питаня? Медзинародне право за стандард вжало, по такволаним Гаґским паперу, язични розлики за витворйованє меншинских правох а нє опредзелєну националну припадносц. То значи же ношителє русинского язика/ русинских язикох на тей подлоги можу витвориц гражданьски, културни и цивилизацийни права, а пресудно нє уходзиц до питаня опредзельованя националного идентитету яке опредзелєнє будзе шицких обовязовац, у смислу чи Русини/ Руснаци/ Лемки часц українскей нациї чи су дацо инше. Когезийни фактор би мал буц язик/язики, а нє националне чувство припадносци у смислу американского *nationality* и *citizen*. За мнє як за писателя то творчо найважнєйше, бо знам же кайкавски твори Крлежи лєпши од велїх горват-

ских стандардних епиґонох, же Мистралово провансалски стихи лєпши од епиґонох Игоа, а же Костельниково руски писнї лєпши од писньох Шевченкових епиґонох. Национално най будзе хто цо сце, и то му нє слабосц алє анї нє предносц.

Як оптимална ше указує гевта правна ситуация у хторей одредзеней русинскей етнїчней заєднїци препущене же би ше зоз авторегулацию старала о руским язику. Ище лєпше кед правна регулатива помага тоту авторегулацию як наприклад у Бачкей/ Войводини/ Сербиї. У тим процесу важну улогу маю: опредзелєносц заєднїци за почитованє кодификациї; усоглашеносц кодификованей язичней системи зоз природним язиком поцицаним з мацериним млєком, у смислу сцеканя од штучних и метаязикох, бо на нїх нїхто нє пише творчосц, и доживйованє хаснованя власного жридлового язика як язика хтори нє гамує дружтвену промоцию поєдинца як припаднїка етнїчней заєднїци у держави у хторей жиє.

Сход *Славянски литературни микроязики и язики у контакту* зволани нє лєм же би ше установело же прецо пациєнт умар, алє же бизме видзели цо мож зробиц же би мали язики, окреме тоти зоз писану традицию цо длужей жили. У тим смислу мойо заключенє же кельо треба почитовац людски права, и поєдинєчни и колективни у смислу же людзе можу буц тото цо су лєбо цо думаю же су, источасно треба уважовац и фактор историйного нашлїдства, по хторим нам история нє лєм намарла, алє ми з тим мушиме раховац, так же национални инженєринґ ище вше треба же би служел нє лєм одредзеним центром политичней моци за можлїву дестабилизацию одредзених регионох, алє у першим шоре же би национални инженєринґ служел живим ношительом одредзених язичних националних розликох за ошлєбодзованє їх творчих потенциялох.

Литература

Bereghy, A. 1953: *Ruthén kérdés és az integritás*. Budapest

Горбаль, М. 1993: *Русини і Україна*. Краків [= Краківські україно-знавчі зошити]

Hoffman, O. 1918: *Rutén kérdés*. Pecs

HUNTINGTON, S. P. 1998: *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. New York, 1996; горватске виданє: Sukob civilizacija, 1998

МАҐОЧИ, П. Р. 1992: *Відродження карпатознавства після 1975 року. Від Наукового товариства ім. Шевченка до Українського Вільного університету*. Київ / Львів / Пряшів / Мюнхен / Париж / Нью-Йорк / Торонто / Сідней, с. 356–375

MAGOCSI, P. R. 1978: *The Shaping of a National Identity Subcarpathian Rus', 1848–1948*. Cambridge; second printing 1979

MAGOCSI, P. R. 1983: *Galicia. A Historical Survey and Bibliographic Guide*. Toronto

МИШАНИЧ, О. В. 1964: *Література Закарпаття XVII–XVIII століть. Історико-літературний нарис*. Київ

МИШАНИЧ, О. 1991: *Від підкарпатських русинів до закарпатських українців*. Ужгород

МИШАНИЧ , О. 1992: *Карпаторусинство*. Ужгород

МИШАНИЧ, О. 1993: *Політичне русинство и що за ним*. Ужгород

МИШАНИЧ, О. 1996: *Загальноукраїнський контекст літератури Закарпаття*. Ужгород

МУШИНКА, М. 1992: *Русинізм на антиукраїнській основі*. Пряшів

PLIOUSHTCH, L. 1993: *Ukraine a Nous l'Europe*. Paris

Русински/руски писнї. Вибрала Наталия Дудаш. Нови Сад: Руске слово, 1997

Руснаци/Русини 1745–1995. Нови Сад, 1996

SZABO , O. 1913: *A magyár oroszkrol* (*Ruthének*). Budapest

UDVARI, I. 1991: *Mária Terézia-féle úrbérrendezés szlovák nyelvű dokumentumai...* Nyíregyháza

Украинские Карпаты. История. Киев, 1989

ТАМАШ, Ю. 1984: *Русинска књижевност. Историја и статус*. Нови Сад: Матица српска

ТАМАШ, Ю. 1988: Володимир М. Гнатюк и идентитет Руснацох Угорскей и Югославиї. In: *Етнографични материяли з Угорскей Руси. Розправи и статї о Руснацох Бачкей, Сриму и Славониї*. V. Нови Сад: Руске слово, б. 297–358

ТАМАШ, Ю. 1995: *Украјинска књижевност између Истока и Запада*. Нови Сад: Матица српска

ТАМАШ, Ю. 1992: *Руски Керестур. Літопис и история (1745–1991)*. Руски Керестур: Друкарня "Руске слово"

Legal aspects of the status of the Ruthenian languages/ language – diachrony, synchrony and teleology

Julijan Tamaš

The Ruthenian language/languages has/have been alive and present during the last eight centuries in the numerous countries as variously non-codified, codified, forbidden, tolerated or supported by the legal or state regulation.

A legal situation in which the Ruthenian language community was given the right to take care of its own language through self-regulation was considered to be a most desirable solution. It was even better when the legal environment supported this self-regulation, e.g. in Bačka (at different times within southern Hungary, Yugoslavia, Vojvodina, Serbia).

Important for this process were: a willingness of the community to respect codification, a coherent relationship between the codified language system and the natural, native language, as well as the experience of being able to use of one's own authentic language without prejudicing one's social advancement, while remaining a member of an ethnic community within one's own country.

tamasj@eunet.yu

Michael Moser, Wien

Die karpatoruthenische sprachliche und kulturelle Identität aus einer galizischen Perspektive (1772–1850)

1. Ruthenen, Russinen, Russen, Ukrainer

Sowohl die galizischen als auch die transkarpatischen Ostslaven[1] nannten sich noch im XIX. Jahrhundert in der Regel *Русины* (ukr. *Русини*) und wurden in Österreich als *Ruthenen*, mitunter auch als *Russinen* bezeichnet[2]. Insbesondere in Transkarpatien war außerdem die Bezeichnung *Руснаки* üblich, die auch im Deutschen in der Form *Russnaken* für Ruthenen in Galizien und Transkarpatien verwendet wurde. An der Wende vom XIX. zum XX. Jahrhundert übernahmen die Ostslaven in Galizien den Ukrainernamen, während unter den transkarpatischen Intellektuellen noch lange eine ukrainophile, eine russophile und eine russinophile sprachliche und kulturelle Identität miteinander konkurrierten. Die transkarpatische Situation wird von RUDNYTSKY (1987, 356) konzis zusammengefasst:

> "These three trends originated in the second half of the nineteenth and the early years of the twentieth century, when the question of national identity began to be discussed in the tiny circles of the Subcarpathian intelligentsia, almost all of whose members were Greek Catholic (Uniate) clergymen. The peasantry, overwhelmingly illiterate and living under semi-feudal conditions, was still largely unaffected".

---

[1] Dieser Artikel wurde geschrieben, als ich vom Oktober 2005 bis zum Jänner 2006 am Harvard Ukrainian Research Institute als Eugene and Daymel Shklar Fellow tätig war. Die Benennung "Transkarpatien" erfolgt nach der ukrainischen bzw. Galizischen Perspektive.

[2] Vgl. auch Jakiv Holovac'kyjs Aufsatz "Zustände der Russinen in Galizien" aus dem Jahre 1846.

Während die in den ersten Jahrzehnten des XX. Jahrhunderts noch verhältnismäßig stark vertretene russische sprachliche und kulturelle Identität unter den transkarpatischen Ostslaven heute faktisch keine Rolle mehr spielt, trat die ukrainische Identität vor allem während der Zwischenkriegszeit zunehmend in den Vordergrund. Sie wurde zwar von der Politik des "Realen Sozialismus" unterstützt, was vor allem von Seiten der russinischen Bewegung betont wird, existierte und existiert aber auch unabhängig von dieser. Die bis dahin immer verhältnismäßig schwache russinische Ausrichtung, die die Russinen neben den Russen, Weißrussen und Ukrainern als eigenständige vierte ostslavische Ethnie betrachtet, erhielt insbesondere in den Jahren nach 1989 neue Impulse. Der bedeutendste Organisator der russinischen Bewegung, der kanadische Historiker Paul-Robert Magocsi, hatte noch im Jahre 1978 in seinem Standardwerk *The Shaping of a National Identity. Subcarpathian Rus', 1848–1918* über die Situation in der Zwischenkriegszeit geschrieben:

> "In such circumstances, even government efforts to foster a separate Rusyn identity failed. The Czechoslovak government tried during the late 1930s and the Hungarian regime during the Second World War. But the short-termed and only partial support of Budapest, made success unlikely. This does not mean that Subcarpathian civilization did not possess the potential to be transformed into a separate nationality. It did. What the Rusyn orientation lacked, however, was purposeful leadership" (MAGOCSI 1978, 274).

Im letzten Absatz dieses Buches hatte man noch über die nationalen Identitäten der transkarpatischen Ostslaven lesen können:

> "because of the specific culture of the region and the demands of political reality, only the Ukrainian orientation proved to be enduring" (MAGOCSI 1978, 275).

Seit 1989 stehen die ukrainische und die russinische Identität erneut in Konkurrenz zueinander.

Die transkarpatischen Ostslaven waren und sind von den galizischen geographisch durch die bis in die Gegenwart nur mit Mühe zu überwindenden Karpaten getrennt. Politisch gehörten sie seit Jahrhunderten der ungarischen Krone an, während Galizien seit der Mitte des XIV. Jahrhunderts dem polnischen Königreich und seit 1772 dem cisleithanischen Teil der Donaumonarchie zugefallen war. Sowohl die galizischen als auch die transkarpatischen Ruthenen gehörten fast ausschließlich der griechisch-

katholischen Konfession an. Zur sprachlichen Ausgangssituation lässt sich zusammenfassend Folgendes feststellen: Die ostslavischen Dialekte in Transkarpatien können – natürlich ebenso wie jene kleinräumig überdachenden sprachlichen Formationen, die als Varietäten des russinischen Standards vorgeschlagen wurden – durchaus überzeugend als eine Teilgruppe der südwestukrainischen Dialekte beschrieben werden. Wie am besten von Ivan PANKEVYČ (1938) gezeigt wurde, schließen sich die Dialekte südlich der Karpaten organisch an die galizischen ukrainischen Dialekte an, und nur wenige Charakteristika "des Russinischen" lassen sich nicht ebenso in den galizischen ukrainischen Dialekten nachweisen. Wesentliche Unterschiede zu den Dialekten nördlich der Karpaten stellen – neben einigen autochthonen Merkmalen, vgl. insbesondere das erhaltene Phonem *y* – insbesondere kontaktlinguistische Phänomene wie die zahlreichen Magyarismen, Germanismen und Slowazismen dar. Für die westliche Peripherie sind einige phonetische Slowazismen charakteristisch, vgl. etwa die slowakischen Reflexe der Liquidagruppen oder die erhaltenen *dl*-, *tl*-Gruppen, die Zweifel am ostslavischen Charakter der westlichen peripheren Dialekte berechtigt erscheinen lassen. Gerade aus diesem westlichen peripheren Bereich stammen im Übrigen auch jene Russinen, die sich in Jugoslawien und Kroatien ansiedelten. Für die Bewertung der "Legitimität" neuer Abstandsprachen wie des Russinischen bieten solche rein sprachlichen Argumente bekanntermaßen keine geeignete Entscheidungsgrundlage. Ob sich das russinische standardsprachliche Projekt, innerhalb dessen erst jüngst durch die Publikation РУСИНЬСКЫЙ ЯЗЫК 2004 ein Meilenstein gesetzt wurde, bewähren wird, lässt sich erst feststellen, wenn diese standardsprachlichen Projekte auch von den Sprechern angenommen werden und eine entsprechende Funktionalität erlangen.

2. Galizische und transkarpatische Ruthenen vor 1848/1849

Dieser Beitrag setzt sich mit einer Zeit auseinander, als es noch keine getrennte russinische sprachliche und nationale Identität gab. Wenn im Folgenden von galizischen und transkarpatischen Ruthenen die Rede ist, soll damit keineswegs impliziert werden, dass man nicht genauso – bewusst anachronistisch, so wie es freilich legitimerweise auch ständig geschieht, wenn man eine "Geschichte der Ukraine" schreibt – von galizischen Ukrainern oder auch – falls man zu der ukrainischen Interpretation der

transkarpatischen Verhältnisse neigt – von transkarpatischen Ukrainern sprechen könnte[3]. Die zunehmende Einengung des "Русины"-Begriffs, die im XIX. Jahrhundert noch keineswegs zu Ende gebracht ist, lässt es ja zumindest ebenso anachronistisch erscheinen, von transkarpatischen "Russinen" ("Rusyns") im heutigen Sinn zu sprechen, wenn man das XIX. Jahrhundert oder ältere Perioden meint. Auch Letzteres erscheint jedoch – je nach Sichtweise – durchaus legitim.

Gegenstand der vorliegenden Zeilen sind kulturelle und sprachliche Kontakte zwischen 1772, dem Jahr der ersten polnischen Teilung, als Galizien an Österreich fiel, und 1850, dem ersten Erscheinungsjahr des Wiener "Вѣстникъ", der – als erste Zeitung – für die "Ruthenen Österreichs" und nicht nur für die galizischen Ruthenen bestimmt war. Es sei vorweggenommen, dass die ostslavischen schriftlichen Traditionen der transkarpatischen Ruthenen trotz ihrer vorherrschenden Isolation traditionell immer in grundlegender Weise von den Kontakten zu den Ruthenen (Ukrainern) nördlich der Karpaten geprägt waren. Wenn beispielsweise in der russinistischen Fachliteratur über die wichtige Fibel Ivan Kutkas aus dem Jahre 1797 richtig gesagt wird:

> "Из сим букварём русинськый народный язык уже у XVIII столїтію прийшов до школ у формі школьного учебника" (UDVARI 2000, 174),

so ist auch in diesem Fall – und zwar ganz typischerweise – hinzuzufügen, dass jene volkssprachlich geprägten Stellen, die dieses Urteil rechtfertigen, einem Počajiver Druck aus dem Jahre 1770 entnommen wurden, der übrigens auch in der Lemberger Fibel von 1790, der ersten galizisch-ruthenischen Erstlesefibel aus der österreichischen Zeit, enthalten ist. Die sprachlichen Veränderungen, die für die transkarpatische Ausgabe vorgenommen wurden, sind minimal. Fast alle vermeintlich "russinisch"-volkssprachlichen Elemente aus dem Text sind in einem weiteren Sinn ukrainisch oder zumindest westukrainisch und finden sich schon in den beiden älteren Versionen (MOSER 2006).

Sowohl die galizischen als auch die transkarpatischen Ruthenen waren sich – nicht anders als die "Kleinrussen" im Russischen Reich – im ausgehenden XVIII. Jahrhundert nicht darüber im Klaren, wo die Grenzen

---

[3] Im Sinn der Einheitlichkeit und gemäß der galizisch-ukrainischen Perspektive des Beitrags schreibe ich alle Namen nach der ukrainischen Tradition.

ihres Volkes lagen. Auch die Kontakte zwischen ihnen waren sehr eingeschränkt. Wichtige Zusammentreffen der cis- und transleithanischen Ruthenen fanden in den Bildungseinrichtungen für die griechisch-katholischen Geistlichen, und zwar – mit Unterbrechungen – seit 1774 im Wiener Barbareum, dem Seminar für griechisch-katholische Priesteranwärter, und zwischen 1787 und 1809 im Lemberger "Studium ruthenum", dem Studiengang für griechisch-katholische Priesteramtskandidaten – statt. Transkarpatische Ruthenen spielten in beiden Institutionen eine wichtige Rolle. Der transkarpatische griechisch-katholische Geistliche Mychajlo Ščavnyc'kyj war nicht nur Vizerektor des Wiener Barbareums, sondern auch Rektor des Lemberger Generalseminars. Wenn er über sich selbst sagte, dass er "linguam russicam, cuius ibidem [in Lemberg bzw. in Galizien] communis usus est" (ANDROCHOVYČ 1927, 42), beherrschte, so ist zwar klar, dass er seine eigene Sprache mit der Sprache der galizischen Ruthenen identifizierte. Doch muss offen bleiben, welche Sprache er im gegebenen Zusammenhang – der keine weiteren Schlüsse zulässt – mit dieser "lingua russica" meinte, denn mit ihr konnte zwar durchaus das Ruthenische als Volkssprache gemeint sein, aber ebenso gut, und dies ist durchaus wahrscheinlicher, das Russische als Slavenorussisch, das im ausgehenden XVIII. Jahrhundert – zumal in seiner "slavenorussischen" Ausprägung der Oden- und Tragödiendichtung – von vielen Ruthenen als eine schriftsprachliche Ausformung betrachtet wurde, die für den gesamten ostslavischen Raum Geltung beanspruchen konnte.

Der bekannteste Professor des "Studium ruthenum", der Transkarpatier Petro Lodij, schrieb im Vorwort zu seiner Übersetzung von Christian Baumeisters Lehrbuch der Philosophie von 1795, für die er zuvor das Werk Michail Lomonosovs studiert hatte (MOSER 2004):

> "Между прочими всеавгустѣйшихъ Кесарей, и Апостолскихъ Царей нашихъ премногими благодѣяніями, имиже Грекокаѳолическїй клиръ, и народы наши во Угорской, и Горватской державѣ, въ Галиціи и Лодомеріи, и седмоградскомъ Княжествѣ обитающїи въ преходящая лѣта изобилно ущедришася, съ всеусердіємъ почитаємъ общїй, и народный домъ (: семинаріумъ) для совокупнаго воспитанія, и наставленія юнаго клира помянутыхъ народовъ нашихъ первѣє въ царствующемъ градѣ Вїеннѣ (: 1774 :) отъ всеблагочестивѣйшыя Монархины Маріи Ѳересіи воздвиженъ // таже въ первенствующїй въ Галлиціи градъ Львовъ (: лѣто 1785 :) преложенъ, изобилно обогащенъ, изрядными преимуще-

> ствы обдаренъ, и на послѣдокъ ради юношества Россiйскаго, и оныхъ въ семiнарiи питомцевъ, иже бы въ матернемъ славенскомъ языцѣ своемъ науки Любомудрскiя, и богословскiя слышати желали, новымъ неоцѣненнымъ благодѣтелствомъ, сiесть всемилостивѣйшимъ въ кесарево Царскомъ Львовскомъ Университетѣ Рускихъ Катедръ, и Учителей поставленiемъ отъ приснопамятнаго Великодержавнаго Iосифа втораго увѣнчанъ, и отъ Пресвѣтлѣйшаго Леополда втораго новоутвержденъ [...]" (LODIJ 1795, o. S.).

Als "Muttersprache" der "reußischen Jugend", die hier, abgesehen vom

> "griechisch-katholischen Klerus und unseren Völkern, die im ungarischen und kroatischen Staat, in Galizien und Lodomerien und im Fürstentum Siebenbürgen wohnen",

angesprochen wird, betrachtet Lodij "die slavische Sprache", das Kirchenslavische. De facto wurde dieses im 18. Jahrhundert häufig mit der russischen Hochstilliteratursprache des 18. Jahrhunderts, dem Slavenorussischen identifiziert. Dies gilt auch für Petro Lodij, der, bevor er sich an die Übersetzung wagte, die Werke Michail Lomonosovs studierte. Auch die österreichischen Behörden hatten für das "Studium ruthenum", das ja eigentlich als eine nationalsprachlich orientierte Bildungseinrichtung konzipiert gewesen wäre, den Ankauf russischsprachiger Bücher vorgesehen (MOSER 2004)!

Während Ruthenen und Russen in der frühen Neuzeit zumeist klar voneinander unterschieden worden waren, hatte sich dies während des XVIII. Jahrhunderts im Zuge der Ausbildung eines allrussischen Nationsbewusstseins im Zarenreich grundlegend geändert. Die galizischen Ruthenen übersetzten selbst *рускiй/руський/ruski* nicht selten mit *russisch*. In einer Anweisung für die Schulinspektoren der griechisch-katholischen Eparchie Przemyśl aus dem Jahre 1819 wurde jedoch festgestellt, dass der Terminus "russische Sprache" falsch und an seiner Statt "ruthenisch, ruthenische Sprache" in die Schulverzeichnisse einzutragen sei:

> "Idioma nostrum populare non russicum, sed ruthenum est et a russico multum differt. Ut itaque a usitatione termini hujus astineant, et in locum ejus proprium et genuinum 'ruthenisch, ruthenische Sprache' adhibeant, informantur" (FRANKO 1902, 232–233).

Weiterhin behielten allerdings sogar solche Gewährsmänner, die der Diözese Przemyśl verbunden waren, den Gebrauch des Adjektivs *russisch* mit Bezug auf die Ruthenen bei. Noch im Jahre 1843 sagte der galizisch-

ruthenische Grammatiker und Schriftsteller Josyf Levyc'kyj, und zwar in einer Phase, während der er – anders, als in der Fachliteratur üblicherweise zu lesen ist – keineswegs Russophiler oder Altruthene, sondern um die Ausbildung der Volkssprache zur Schriftsprache bemüht war, über den Lemberger griechisch-katholischen Bischof Petro Biljans'kyj,

> "dieser eifrige Vertheidiger des gallizisch- und ungarisch-russischen Volkes vor dem Throne" habe "Nichts gespart, um die Cultur der russischen Sprache und die Bildung der Geistlichkeit zu heben" (LEVYC'KYJ 1843, 184).

Das Wort "russisch" verwendet Levyc'kyj hier freilich nicht in einem russophilen Sinn, sondern aufgrund einer für ihn typischen quasi-etymologischen Pedanterie, weil das Suffix *-in-* im ruthenischen Adjektiv wie in *язы́къ Ру́сскій* – so wie er es, untypischerweise, mit *-cc-* notiert – keine Vorlage findet. *Русины* aber übersetzt er hingegen ganz konsequent mit *Russinen*.

Bemerkenswert ist in Levyc'kyjs Aussage aber auch, dass er die galizischen und ungarischen Ruthenen in einem Atemzug nennt, sodass der Eindruck der ethnischen und nationalen Identität entsteht. Die meisten seiner Zeitgenossen schenkten den transkarpatischen Ruthenen nämlich keinerlei Aufmerksamkeit. Levyc'yjs Zugang dürfte nicht zuletzt damit zu tun haben, dass er in den frühen 1820-er Jahren Zögling des Wiener Barbareums gewesen war. Schon in der Einleitung seiner "Grammatik der ruthenischen oder kleinrussischen Sprache in Galizien", der ersten gedruckten Grammatik des Ruthenischen aus Galizien, hatte er (LEVYC'KYJ 1834, IX) geschrieben:

> "Auch der ungrischen Bewohner von Munkács, Unghvár, Eperies, (nach den neuesten Diöcesan-Angaben über 500000* an der Zahl,) darf hier wohl erinnert werden, die einen wiewohl sehr stark mit ungrischen, slowakischen Wörtern vermischten russinischen Dialekt sprechen, sich selbst Russinen (Ruthenier) nennen, und von den Magyaren, Oroszemberek (Russi homines) genannt werden.**
>
> ** Diese ungrischen Russinen nennen sich zuweilen Russnaken; wir Galizianer aber sind und heißen Russinen Ру́ссины, unsere Sprache язы́къ Ру́сскій".

Selbst diese beiläufige Erwähnung der transkarpatischen Ruthenen ist angesichts der üblichen galizischen Verhältnisse als innovativ zu bewerten.

Vor Josyf Levyc'kyj hatte in den 1820-er Jahren der Przemyśler Kanoniker Ivan Mohyl'nyc'kyj die erste galizische Grammatik des Ruthenischen geschrieben. Sie verblieb zwar im Manuskript, doch ihre Einleitung, die "Вѣдомѣсть о рускомъ языцѣ", in der die Eigenständigkeit des Ruthenischen bewiesen wurde, erschien in den 1830-er und 1840-er Jahren mehrfach in polnischer sowie einmal in russischer Übersetzung. Die sprachliche Situation des Ruthenischen wird in der "Вѣдомѣсть" wie folgt beschrieben:

> "Отдѣлный и самостоячій языкъ (діалектъ) рускій все бывалъ от инныхъ діалектовъ а меновите славенского, полского, россійского (московского давнѣйше) различаный; діалектъ славенскій от народного руского по всѣ часы различанымъ бывалъ. Що болше, на священниковъ парохіалныхъ повинность вкладана была, вѣрнымъ молитвы, упомненя и инныє до пожитку духовного въ языцѣ славенскомъ писаныє науки, на рускій языкъ переводити, и тымъ же языкомъ изяснити [...] Во всѣхъ земляхъ рускихъ, негдысь подъ именами: малои, бѣлои, червонои руси знаныхъ, єденъ и тотъ самъ былъ діалектъ рускій [...] смѣло твердити можна, яко на бѣлой и малой Руси єднако и тымъ самымъ діалектомъ говорятъ. Хтося єно добрѣ прислухавъ Русинови от Кієва, Чернигова, Брацлава (Малороссія), Львова, Перемышля (Червона русь), Берестя Литовского, Смоленска, Полоцка (Бѣла русь), тотъ правду тоту вызнати муситъ" (MOHYL'NYC'KYJ 1910, 39).

Während also Mohyl'nyc'kyj – in Anknüpfung an die frühneuzeitlichen Traditionen – das Weißrussische in den ruthenischen Bereich inkorporierte und fein säuberlich die "kleinrussischen", "rotrussischen" und "weißrussischen" (bzw. "-ruthenischen") Regionen aufzählte, in denen ein- und dieselbe ruthenische Sprache gesprochen werde, ist bei ihm von den Ruthenen der ungarischen Krone überhaupt keine Rede! (Dass auch die Bukowina nicht gesondert erwähnt wird, ist wohl damit zu erklären, dass diese bis zur Revolution von 1848/1849 administrativ zu Galizien gehörte.) Mohyl'nyc'kyj skizzierte hier im Wesentlichen den Raum der alten "Rzeczpospolita obojga narodów", aus dieser Perspektive betrachtete er auch die sprachliche Situation seiner Gegenwart. Dasselbe gilt für zahlreiche andere galizische Ruthenen: Sie waren sich ihrer ethnischen Einheit mit den Ukrainern im Russischen Reich bewusst und betrachteten gleichzeitig mitunter auch die Weißrussen als Teil ihres Volkes. Der Blick über die Karpaten aber war ihnen weitgehend fremd.

Wie nahmen die österreichischen Slavisten die nationale Identität der galizischen und transkarpatischen Ruthenen wahr? Josef Dobrovský erfuhr von Jiří Ribay über den griechisch-katholischen Bischof von Mukačevo Ondrij Bačyns'kyj, der von Ribay als ein "Liebhaber der Slavia" bezeichnet wurde. In einem Brief an Georg Samuel Bandtke aus dem Jahre 1812 sprach Dobrovský von einem Katechismus aus dem "Russniakischen (in Ungarn)" (TICHÝ 1929, 332–333). 1814 druckte er in der Prager Slovanka den anonym verfassten Artikel "Russniaken in der Mamarosch" neu ab, der in den Wiener *Vaterländischen Blättern* im Jahre 1812 erschienen war. Aus Dobrovskýs Anmerkungen zu dem Artikel geht hervor, dass er sowohl die galizischen als auch die transkarpatischen Ruthenen als Abkömmlinge der Russen, im Wortlaut "ausgeartete Russen", betrachtete (TICHÝ 1929, 335). Dass diese vermeintliche "Ausartung" von wesentlichen Gemeinsamkeiten geprägt war, scheint auch dem Abbé klar gewesen zu sein: Im Zusammenhang mit dem Artikel in der *Slovanka* schickte ihm Mykola Hošovs'kyj auf seine Bitte hin eine Sammlung ruthenischer Volkslieder aus Galizien!

Bartholomäus (Jernej) Kopitar veröffentlichte in der *Wiener Allgemeinen Literaturzeitung* eine Rezension der *Slovanka*. Die Sprache der ungarischen Ruthenen bezeichnete er hier zunächst noch als "plattrussisch", wobei er sich auf das Urteil eines lokalen Gewährsmannes, wohl des Wiener Tschechisch-Professors Jan Nepomuk Norbert Hromadko, stützte, der das Ruthenische mit der Sprache russischer Offiziere verglichen haben soll (TICHÝ 1929, 337–338). In seiner Rezension von Ivan Mohyl'nyc'kyjs Katechismus aus dem Jahre 1815, in der er, ebenfalls in der *Wiener Allgemeinen Literaturzeitung*, der österreichischen Öffentlichkeit die wichtigsten Informationen über die galizischen Ruthenen übermittelte, stellte Kopitar bemerkenswerterweise keinerlei Verbindung zwischen ihnen und den transkarpatischen Ruthenen her! Als aber Markijan Šaškevyč im Jahre 1834 der österreichischen Zensur den Gedichtband "Зоря" vorlegte, nahm der mittlerweile weitaus besser unterrichtete Kopitar sein Gutachten nicht nur zum Anlass, weiterreichende Überlegungen über die möglichen Folgen der sprachlichen Erneuerung der galizischen Ukrainer anzustellen, sondern bezog in diese Überlegungen auch die ungarischen Ruthenen mit ein, die beide die nämliche Mundart wie die russischen Russniaken sprächen. In seinem ersten "Bericht über Rusland Schaschkewicz Zorja (Morgenröthe) ein Schriftlein geweiht der russisch(en) Sprach(e)" (TERŠAKOVEC' 1907, 6–8) vom 21. Juni 1834 führte er aus:

> "1) Unser Galizien zählt über 2. Millionen Russniaken und Ungarn 1. Million[4], denen diese Schrift in *ihrer* Mundart schmeichelhaft und willkommen sein wird. 2) Ebenso willkommen wird sie andern 6–7 Millionen r u s s i s c h e n Russniaken der nämlich(en) Mundart seyn. 3) Also der Wirkungskreis auf 9–10 Millionen Seelen! (die unsrigen sind u n i r t, die russischen n i c h t - u n i r t). [...]"

Insgesamt zeigten die galizischen Ruthenen allerdings weiterhin recht wenig Interesse für die transkarpatischen, im Wesentlichen waren sie, salopp formuliert, mit sich selbst beschäftigt. Eines der seltenen Ereignisse mit transkarpatischem Bezug, das in Galizien Aufmerksamkeit erregte, fand im Jahre 1838 statt, als Vasyl' Popovyč in der Lemberger St. Georgs-Kathedrale zum Bischof von Mukačevo geweiht wurde. Es ist wiederum Josyf Levyc'kyj, der im selben Jahr das Panegyrikon "Стихъ Во Честь Єго Преосвѣщенству Кѵръ Василїю Поповичу" verfasste, in dem er berichtete:

[Anmerkung: J. L.: дня 17/5 Марта 1838. въ самъ вечhръ]

Вѣсть нынька радостну прияхъ,
Що непремѣнно на сихъ дняхъ,
Въ каѳедрѣ Свято-Георгской
Святитъ ся Бїскупъ угорской;
Поповичь то Василїй,
Смиренъ, благїй, всѣмъ милый.

На стихъ я для того готовъ,
И Вы Галичане всѣ со мновъ,
Витати Гостя зъ далныхъ странъ,
Котрый прибравъ высокїй санъ,
Утѣшно въ Львöвъ спѣшитъ,
Где єсть Митрополїтъ. [...]

Шуми о Днѣстре въ Понтъ быстренько,
Скажи Дунаїови вѣстеньку;
Що Львöвъ славнѣйшїй русскїй ґрадъ,
Поставилъ для угорскихъ чадъ
Корнатовича,
Владыку Попóвича!

---

[4] In Wirklichkeit betrug die Bevölkerungszahl der ungarischen Ruthenen im Jahre 1851 440.600 (Žeguc 1965, 11).

Transkarpatische Verhältnisse mussten den Galiziern von Grund auf erklärt werden. In einer Fußnote teilte Levyc'kyj der Leserschaft über Fedir Korjatovyč (Kornatovyč) mit:

> "Корнатовичъ Князь Русскїй зъ Подѡля пришолъ въ сторону Мункача и поселилъся ту съ народомъ Русскимъ".

Auch ein anderer prominenter Vertreter der galizisch-ruthenischen Erneuerung, Antin Mohyl'nyc'kyj[5], verfasste ein Panegyrikon anlässlich von Popovyčs Bischofsweihe. Hatte Levyc'kyj mit Bezug auf Transkarpatien von "fernen Ländern" gesprochen, so wird auch in Mohyl'nyc'kyjs Gedicht vor allem das trennende Moment des Karpatenbogens stark betont (MOHYL'NYC'KYJ 1838):

> Нахилѣтъ высоку голову Бескиди,
> Скалы ся зровнайте и долины;
> Лѣси проступѣтъ ся и горби въ два ряди
> Просто зъ Мункачовской стороны.
>
> Утворѣтъ дорогу рѡвну и вигѡдну
> Зъ гнѣзда Коріятовъ въ Львѣгородъ:
> Покучѣтъ гостиновъ родину прадѣдну,
> Да увеселитъ ся рускїй родъ. [...]
>
> На Днѣстрѣ и крутой Тиссѣ, руска мати!
> Твоихъ дѣтей двоє якъ близьнитъ;
> Хоть ихъ розлучаютъ высокїи Карпати
> Най любовъ и Вѣра получитъ.

Auch Mohyl'nyc'kyj unterrichtete über Fürst Korjatovyč: "Коріятовичъ знаній Князь рускїй въ Мункачовh вѣка 13", außerdem erklärte er zur Theiß:

> "Тисса велика рѣка вишшой Угерской [sic, mit polnischem *e* < ъ] краины, где Русины прибуваютъ".

Der einzige der galizischen Erneuerer, der aus erster Hand Erfahrungen über die transkarpatischen Ruthenen sammelte, war Jakiv Holovac'kyj, der in den Jahren 1834, 1835 und erneut 1839 Expeditionen zu den transkarpatischen Ruthenen unternahm und im Jahre 1841 im "Časopis Českého museum" seinen Bericht "Cesta po halické a uherské Rusi" veröffent-

---

[5] Dieser ist mit dem zuvor genannten Ivan Mohyl'nyc'kyj nicht verwandt.

lichte (MAGOCSI 1978, 36). Er war es auch, der später, während er in seinen "Три вступительніи предподаванія о рускôй словесности" (LEMBERG 1849) die transkarpatischen Belange außer Acht ließ, in seiner "Розправа о языцѣ южнорускôмъ и его нарѣчіяхъ" wichtige Beobachtungen über einige Eigenschaften des transkarpatischen Ruthenischen anstellte (HOLOVAC'KYJ 1849). Holovac'kyj spricht in dieser Abhandlung über den "Языкъ южнорускій съ двома головными нарѣчіями (видоизмѣненіями) Украинскимъ або Малорускимъ и Червонорускимъ" (HOLOVAC'KYJ 1849, 11). Nun wird auch mitgeteilt, dass das Ruthenische nach Šafárik

> "нынѣ по бôльшôй части європейскои Россіи, южновосточнôмъ кôнчику польского съ Русью слученого царства, восточнôй половинѣ королѣвства Галицкого и Володимірского и сѣверо-восточнои части Угорского королѣвства, краяхъ до ракузскои державы належныхъ"

gebräuchlich sei (HOLOVAC'KYJ 1849, 13). Über die Verbreitung im Königreich Ungarn teilt er ferner mit:

> "Область Малоруского языка займає въ собѣ [...] въ королевствѣ Угорскôмъ: столицѣ Бережскую, Угварскую, Угоскую, и МармАрошскую въ бôльшôй части и Земненскую и Шаришскую въ меншôй части, не упоминаючи уже о селеніяхъ по другихъ столицяхъ розметаныхъ. За тою границею Малорускій языкъ чути можна по Угорщинѣ въ розкиданыхъ селахъ Русинôвъ, въ столицяхъ передъ и за Тисо знаходящихся (два села: Куцура и Керестура ажъ въ Бачьскôй, а одна Шидъ ажъ въ Сремскôй столицѣ за Дунаємъ), въ Молдавіи, Волощинѣ, Бесарабіи и Тавріи" (HOLOVAC'KYJ 1849, 17).

Das transkarpatische Ruthenische setzt HOLOVAC'KYJ (1849, 37–38, 43–44) mit den ruthenischen Dialekten nördlich der Karpaten in folgender Weise in Beziehung:

> "Розваживши мову рускую въ Галиччинѣ и у Русинôвъ угорскихъ, показуєся трояке нарѣчіє одного языка южноруского: I. Волынско-подôльске, II. Галицке або Надднѣстрянске и II. Гôрске або Карпато-руске. Кожде изъ нихъ жіє въ народѣ въ своихъ остро ограниченыхъ предѣлахъ. Они составляютъ одинъ языкъ южнорускій и розличаются одно ôтъ другого лишень деякими рôзностятми въ коренныхъ гласныхъ, по части въ рôзныхъ грамматическихъ видахъ. [...] Гôрскимъ нарѣчіємъ говорятъ (крôмъ

> Гуцулôвъ, котрû Галицк. говорятъ изъ декотрыми ôтмѣнами) всѣ горяне рускû ôтъ Попрада ажъ до вершинъ Быстрицѣ и Тисы. Оно розпросторонюєся самымъ хребтомъ и по обохъ убочахъ гôръ нашихъ долôвъ порѣчьями горѣшного Днѣстра, Вагра, Сяна, Вислока, а на угорскôмъ пôдгôрью понадъ рѣками Ондавою, Лаборицею, Вугомъ (*Ungh*), Латорицею, Агомъ ажъ до долинъ Потисскихъ. Гôрске нарѣчьє грубше и менше розвите, мовъ задеревѣло, але за тоє заховало богато слôвъ, изреченій и видôвъ стародавныхъ, старосвѣтскихъ словенскхъ. Дещо оно збиваєся на языкъ словацкій и ческій, такъ якъ галицке на сербскій [!, M. M.]".

Welche sind aber nun die Besonderheiten dieses "Bergdialekts", den alle Bergbewohner außer den Huzulen sprächen? Holovac'kyj nennt unter anderem die Beibehaltung der Unterscheidung zwischen *i* und *y*, vor allem von *y* nach Velaren, "якъ въ давнôмъ рускôмъ и церковнословенскôм ъ [sic!] языкахъ" (HOLOVAC'KYJ 1849, 45), weist darauf hin, dass sich der Reflex aus *o* in neuen geschlossen Silben im "Bergdialekt" von jenem im Galizischen unterscheide und dass sich der Reflex *dž* < *dj* in den Bergdialekten 'überall' finde – es heiße also 'медже', 'чуджый (чюджый)' –, stellt fest, dass die Adjektivendung im Nominativ-Akkusativ Plural -*ы*, nicht '-ѣ' (also -*i*) wie im Galizischen laute, zeichnet die kontrahierten Verbalendungen wie in 'гор. аме, ате, аутъ' vs. 'гал. аємъ (аємо) аєте аютъ' auf und stellt galizischem (faktisch überwiegendem) 'бувъ' die Form 'бывъ' in den 'Bergdialekten' gegenüber. Außerdem hält er den Gebrauch folgender Wörter fest: 'лемъ', 'няй', 'днесь', 'ничь', 'вшитко' (HOLOVAC'KYJ 1849, 45–55).

Holovac'kyj beschrieb also hier in der Tat einige jener Merkmale, die als charakteristisch für das "Russinische" bzw. die transkarpatischen ukrainischen Dialekte gelten. Nur die wenigsten von ihnen sind freilich auf eben diese russinischen bzw. russinischen Dialekte beschränkt oder aber in allen von ihnen vorhanden. Bemerkenswert erscheint hier auch nicht zuletzt Holovac'kyjs Feststellung, dass die "Bergdialekte" oftmals auch mit dem Slowakischen (und Tschechischen) übereinstimmten, so wie im Übrigen die galizischen häufig "mit dem Serbischen"[6]. Zumindest

---

[6] Vgl. die spätere Theorie Ivan Smal'-Stoc'kyj, der aufgrund einiger sprachlicher Kriterien die größere Nähe des Ukrainischen zum Kroatischen und Serbischen als zum Russischen vor Augen führen wollte, wobei er typologische und genetische Kriterien unzulässig miteinander vermengte.

zwei der von ihm genannten Merkmale, und zwar die Verbalendung *-аме* und die Wortform *вшитко* mit *š* < *x* als Reflex der dritten Palatalisation der Velaren, sind als eindeutige Slowazismen zu bewerten.

3. Die Revolution von 1848/1849

Erst die Revolution von 1848/9 brachte intensive Kontakte zwischen den galizischen und den transkarpatischen Ruthenen mit sich. Zunächst noch traten allerdings auf dem Prager Slavenkongress die galizischen Ruthenen in der polnisch-ruthenischen Sektion auf, während die transkarpatischen Ruthenen keine eigenen Vertreter entsandten und ihre politischen Anliegen vom Slowaken Jozef Miloslav Hurban gemeinsam mit jenen der Slowaken in der tschechisch-slowakischen Sektion vom 7. Juni 1848 vorgetragen wurden (ŽÁČEK 1958, 301). In einer Kongresssitzung vom 7. Juni 1848 hatte freilich auch der galizische Ruthene Ivan Borysykevyč vorgeschlagen, "aby se Slováci též o uherské Rusíny starali" (ŽÁČEK 1958, 319).

In der Adresse des Ruthenischen Hauptrates an das ruthenische Volk, wie sie am 15. Mai 1848 in der "Зоря Галицка" veröffentlicht wurde, sind ausschließlich die "Русины Галицки" genannt. Während man dort lesen kann:

> "Мы Русины Галицки належимо до великого руского народу, котрый однимъ говоритъ язикомъ и 15 мїлѣонôвъ выноситъ, зъ котрого пôлтретя мїлѣона землю Галицку замешкує" (ZORJA HALYC'-KA 1848/1),

war in einer ersten Fassung nur von 2,5 Millionen, also nur den galizischen Ruthenen die Rede gewesen (HRYCAK 1996, 52). Auch in der Adresse des Ruthenischen Hauptrates an Kaiser Ferdinand aus der Nummer 2 vom 23. Mai 1848 werden transkarpatische Belange nicht angesprochen.

Adol'f Dobrjans'kyj, jener transkarpatische Ruthene, der in den Revolutionsjahren als Einziger sichtbar politisch aktiv und auch an den Vorarbeiten zum Slavenkongress beteiligt gewesen war (ŽEGUC 1965, 19), suchte, von den Ungarn verfolgt, im Frühjahr 1849 beim Ruthenischen Hauptrat in Lemberg Zuflucht. Man entwarf einen politischen Forderungskatalog, der "die Vereinigung der Ruthenen Ostgaliziens, der Bukovina und der ruthenischen Komitate in Oberungarn in einer Österreichischen Kronprovinz zum Ziele hatte" (ŽEGUC 1965, 20). Galizische und trans-

karpatische Ruthenen fanden sich im November 1849 in Wien ein, um dem Kaiser dieses Anliegen vorzutragen. Wie man jedoch von hohen Beamten erfuhr, gab es für die Forderung auf einen Zusammenschluss der ruthenischen Provinzen keine Erfolgsaussichten, woraufhin Dobrjans'kyj den Plan für eine ruthenische Provinz in Oberungarn entwickelte (ŽEGUC 1965, 45). Der Erfolg seiner Bemühungen beschränkte sich im Wesentlichen auf einige Zugeständnisse für die ruthenische Sprache im Bezirk Užhorod, die stark von Ruthenen geprägte Verwaltungseinheit existierte allerdings nur zwischen Herbst 1849 und Ende März 1850 (MAGOCSI 1978, 46).

Adol'f Dobrjans'kyjs Teilnahme am Ruthenischen Hauptrat findet in den Unterlagen der Lemberger Organisation Erwähnung. Es ist durchaus bezeichnend, dass sich der transkarpatische Russophile Dobrjans'kyj als Einziger in der Anwesenheitsliste nach russischer Art mit Vatersname als "Адолфъ Ивановичъ Добрянский" (sic!, mit *l*) eintrug (HOLOVNA RADA 2002, 10). Im Protokoll vom 5. April 1849 wird von einer außergewöhnlichen Sitzung des Hauptrates berichtet, in der Dobrjans'kyjs Anliegen erwähnt werden (HOLOVNA RADA 2002, 119–120):

> "Надзвычайное засѣданіе / дня 5 Априліа 1849.
>
> Высланныкъ [danach durchgestrichen: рускій] отъ народа руского въ Оугорщинѣ Адольфъ Добрянскій пôдъ днемъ 4 Цвѣтня 1849 желае причинитися до прошенія того народа, котре маютъ Его Величеству подати, абы оугорско рускій народъ û земля були съ нашою рускою Галиці[е]ю соединени. Тойже высланникъ бувъ на радѣ притомный".

Der Verfasser des Protokolls zögerte, wie er Dobrjans'kyj bezeichnen sollte. Aus dem "ruthenischen Gesandten", wie es zunächst heißen sollte, wurde der "Gesandte des ruthenischen Volkes in Ungarn", was noch nicht viel bedeutet. In Anknüpfung an dieses ruthenische Volk aber ist nicht etwa – im Geist der Zeit – von "unseren ruthenischen Brüdern" die Rede, sondern ziemlich distanziert nur von "jenem Volk" ("того народа"). Auch in "абы оугорско рускій народъ û земля були съ нашою рускою Галиці[е]ю соединени" wird weiterhin im Sinne einer regionalen ethni-

schen Identität nur das ruthenische Galizien als "unseres" bezeichnet[7]. Die Annäherung erfolgte erst allmählich.

Der Kontakt war jedoch geknüpft. Im Korrespondenzbuch vom 9. April 1849 wird Adol'f Dobrjans'kyjs Vorschlag zur Vereinigung der Ruthenen ("предложенїе о полученїю Русиновъ") erwähnt (HOLOVNA RADA 2002, 193)[8], und im Protokoll der 85. Sitzung des Ruthenischen Hauptrates vom 20. April 1849 ist von "unseren transkarpatischen Brüdern" die Rede:

> "Крил. Кузьемскій вôдчитавъ поданье до Е[го] Величества о прилученю братей нашихъ закарпацкихъ до насъ. Принято тое поданье съ удоволеньомъ до вѣдомости. [...] Г. Леонтович внêсъ, абы зъ повода, що особенна депутація для попираня тои справы послатися не може, просити Его Преосвященьство Епископа Перемиского и инихъ Русинôвъ въ той часъ в Вѣдны существующихъ, абы ся до господина Добраньского въ депутацію причинили" (HOLOVNA RADA 2002, 121–122).

Im Lauf des Monats April 1849 hatte der Kontakt zwischen galizischen und transkarpatischen Ruthenen neue Formen angenommen, Dobrjans'kyj muss gute Überzeugungsarbeit geleistet haben. Die Nr. 31 der "Зоря Галицка" vom 6./18. April 1849 enthielt einen Artikel mit dem Titel "Состоянье Русинôвъ въ Угорщинѣ":

> "Мило намъ, що можемо оумѣстити росправу о нашôй рôднôй братїи, Русинахъ Оугорскихъ, котрû теперъ сильно желаютъ получитися изъ своими братями Галицкими Русинами, притисненû дикими Мадярами, ворогами Царя нашого Австрїйского и цѣлои Словеньщины. Розправу тую печатаємо дословно такъ, якъ ю намъ братъ Оугорскїй Русинъ подавъ, щобы очивидячи показалося, що мова ихъ руска є та самая якъ наша, и нарôдъ Оугорско-Рускїй, тотже самый нарôдъ, що нашъ Рускїй".

---

[7] Der Rat beschloss im Übrigen, eine Deputation zu schicken und über den Antrag in den Zeitungen zu berichten. Außerdem sollte der Kommandant des galizisch-ruthenischen Korps informiert werden, das nach Ungarn zur Niederschlagung des dortigen Aufstandes entsandt wurde.

[8] Im Korrespondenzbuch wird unter dem 20. Juli 1849 vom Antrag Viktor Dobrjans'kyjs ("Внесенїе Вѣктора Добрянского") berichtet, "щобъ взновити поданїа о прилученю Русиновъ закарпацкихъ" (HOLOVNA RADA 2000, 199).

War die Sprache des genannten Artikels wirklich dieselbe? In dem Text, der mit "Д." unterzeichnet wurde und von Oleksandr Duchnovyč verfasst wurde, ist zu lesen (ibid.):

> "А въ истину Русины Оугорски, которыхъ ся число въ бѣгу времени на 700.000 душъ стопило, ажъ до новшихъ часôвъ все лише рабы (склявы) были Мадярщины. Селянъ (пôдданый) не имѣлъ власности, но завѣсомъ цѣлкомъ ôдъ волѣ дворняна [!] (шляхты, немеша), а власно ôдъ жидôвского орендаря".

In der Tat machte dieser Text den Eindruck, im Wesentlichen in "derselben Sprache" geschrieben zu sein wie die übrigen Artikel der Zeitung, auch wenn er einige Besonderheiten wie etwa *селянъ* ohne das Singulativsuffix (vgl. Csopey 1883, s. v. *селянъ*) oder den in der Klammer verwendeten, aus dem ungarischen *nemes* entlehnten Ausdruck *немешъ* (vgl. Csopey 1883, s. v. *немешъ*) aufwies.

Am 13./25. Juli 1849 richtete der Lemberger Ruthenische Hauptrat eine Adresse "an das ruthenische Volk in Ungarn" ("до народа руского въ Оугорщинѣ"), die in der Nr. 59 der "Зоря Галицка" veröffentlicht wurde. In diesem Text ist nun höchst pathetisch von der "heiligen ruthenischen Erde", dem "ruthenischen Herzen" und dem "ruthenischen Wort" die Rede. Der Text zeigt freilich auch auf, dass man selbstverständlich davon ausging, dass die transkarpatischen Ruthenen genauso wenig von den Galiziern wussten wie umgekehrt. Die Galizier mussten sich ihren Adressaten, mit denen sie in ein gemeinsames Land vereint werden wollten, mit ganz elementaren Informationen als "wahre, aufrechte Ruthenen" vorstellen und von ganz vorne beginnen:

> "Возлюбленнїи Братя! Слава да будетъ Богу вишнему дателеви всякихъ благъ! котрый молитвы вѣрныхъ своихъ выслухавъ, неправедныхъ испроверглъ [...] который и намъ даде надобностъ, до Васъ Братя милїи, сынове святои земли рускои нынѣ проглаголати, и руского серця чувства рускимъ словомъ вамъ обявити.
>
> Алежъ воспитаєте, ктожъ то вы, котри такъ до насъ промавляєте, и въ чїємъ имени приходите? Послухайте просимъ отвѣта нашего: Се мы Русины, истиннїи, щирїи Русины, плоть и кровъ важа, братя ваши и сосѣды. [...] Но Богъ [...] ôтъ паньщины и всякихъ данинъ пôдданыхъ, спасе насъ. [Aufruf zum Kampf gegen die Magyaren] [...] А тогда совокупимъ моленїя наша до царя, щобы всѣхъ вѣрныхъ єму Русинôвъ въ край оденъ сполучилъ [...] тогда

> имя рускоє прославитися, а доли лучшои народа руского доси такъ пониженого, сосѣды завидувати будутъ".

Noch in der Nr. 9 des Jahres 1850 wird in der "Зоря Галицка" über die ungarischen Ruthenen mitgeteilt, dass deren "nationales Empfinden" "am spätesten unter allen Slaven" erwacht sei:

> "Найпôзнѣйше изъ всѣхъ Словянъ озвалося народноє почутье межи Русинами оугорскими. Околичностями придавленû не могли въ рôвни съ другими народами такъ скоро выявити житя свого родимого, желанїй своихъ; однакже любовъ народности, и жаданье поступу въ рôднôмъ просвѣщенїю тлѣло глубоко въ серцяхъ Русинôвъ оугорскихъ. [...] Теперь мило намъ зновъ донести о новыхъ поступахъ въ народнôмъ розвитью, о ширеню и крѣпленю ся народного руского духа, о стараняхъ ихъ соєдиняти и скупляти розщибленû силы свого народа".

Danach wird ausgeführt, dass ein "округъ оугорско-рускїй, въ которôмъ маєе розвиватися руская народнôсть" eingerichtet werde, dass Viktor Dobrjans'kyj ("Г. В. Добряньскїй" (["Г." steht sicherlich für russisches Господинъ, M. M.!]) Schulinspektor werde und dass das Ruthenische in den Grundschulen eingeführt werde, während ihm gleichzeitig der Weg in die höheren Schulen geebnet werden solle ("заводится языкъ рускїй въ оучебнїи заведенїя низшїи и стелится єму дорога до высшихъ"). Im Übrigen werde das Ruthenische nun auch – neben dem Deutschen und dem Ungarischen – in der Topographie berücksichtigt: "Оулиця въ Оунгварѣ (Оужгородѣ) пописано по руски, нѣмецки и по мадярски". Schließlich werde in Wien die Zeitung "Вѣстникъ" gegründet, in der ein Redakteur aus der Ungarischen Rus' arbeiten solle, dem weitere Mitarbeiter beigestellt würden ("Въ Вѣдни при выходити мающимъ 'Вѣстнику' буде редакторъ такожь изъ Оугорскои Руси и бôльше сотрудникôвъ оучаствовати въ нимъ буде"). In der "Зоря Галицка" wurde auch weiterhin über transkarpatische Angelegenheiten berichtet, so etwa am 14./26. Februar 1851 und in den folgenden Nummern über ein Memorandum der Ruthenen aus Zemplín und die in ihm enthaltenen Forderungen ("Памятноє писанїє *Земплинскихъ Русинôвъ*"). Die wichtigste Quelle für Nachrichten über die transkarpatischen Ruthenen aber befand sich mittlerweile in Wien.

4. Der Wiener "Вѣстникъ"

Die Kooperation zwischen galizischen und transkarpatischen Ruthenen änderte sich nämlich grundlegend, als die Lemberger Zeitung "Галичо-Руський Вѣстник" im Jahre 1850 aufgelöst wurde und an ihrer Stelle in Wien der "Вѣстникъ" erschien. ŽEGUC (1965, 51–52) urteilt, dass dem "Вѣстникъ" "für die Wiedergeburt der Ruthenen in Ungarn eine entscheidende Bedeutung" zukam, und weist auf seine Bedeutung für die Verstärkung der galizisch-transkarpatischen Kontakte hin. Die erste Wiener Ausgabe der Zeitung erschien unter dem vollständigen Titel "Вѣстникъ. Повременное письмо посвященно политическому и нравственному образованію Русиновъ Австрійскои державы. Рочникъ 1850 (Titelblatt in Graždanka), Ч. 22, Вѣдень, вторникъ 7/19. Лютого 1850 года", war also ausdrücklich für "die Ruthenen des österreichischen Staates" konzipiert. Noch auf der ersten Seite der ersten Ausgabe wird ausgeführt, dass hier konkret von "намъ всѣмъ Русинамъ, галицкимъ, оугорскимъ и буковинскимъ, яко роднымъ братьямъ однои рускои матери" die Rede ist. Welche Nationalität hatte die "руска мати"? Eine "ruthenische" oder eine "russische"?

Zumindest in seinen Anfängen war der Wiener " Вѣстникъ" deutlich russophil geprägt, und zwar zu einer Zeit, als die galizischen Zeitungen noch volkssprachlich ausgerichtet waren – erst später durchlief die "Зоря Галицька" russophile Phasen, auch andere galizische russophile Zeitungen und Zeitschriften erschienen ebenfalls erst später. Nicht nur die Beiträger aus dem Kreis der transkarpatischen Ruthenen prägten diese sprachliche Ausrichtung des "Вѣстникъ", auch der erste verantwortliche Redakteur trug hierzu wesentlich bei, nämlich Ivan Holovac'kyj, der Bruder Jakivs, der zu dieser Zeit einer der ersten prononcierten galizischen Russophilen war. Ganz auf Russisch aber durfte – im Hinblick auf die Zensur – und konnte – im Hinblick auf die begrenzten Russischkenntnisse der Verfasser – der "Вѣстникъ" nicht veröffentlicht werden, auch eine rein kirchenslavische Lösung war ausgeschlossen. Wie würden ruthenische Merkmale in die Sprache dieser Texte eingehen, und zwar sowohl galizische als auch transkarpatische? Zu dieser Frage gibt es schon in einem Leserbrief der ersten Ausgabe des "Вѣстникъ" eine Stellungnahme, der nach Meinung mancher von Ivan Holovac'kyj fingiert wurde:

> "До л и н а . Єсли Вѣстникъ рускій для того переселился до Вѣдня, дабы намъ скорше и важнѣйшихъ вѣстей доносилъ, мило

пріймаємъ сію вѣсть. Найбарзѣй насъ обѣщаніемъ симъ оутѣшаетъ, что запорученну ровноправность народностей заступати неомешкаетъ, бомыслимо, же допѣро тогда правѣ и справедливости панованье забеспечити можна. Тѣшитъ насъ, же разомъ съ оугорскими братьями до того дѣла беретеся, и съ ихъ сторонъ вѣсти намъ оудѣляти гадаете, звлаща теперь по наданомъ и повсюду оголошеномъ свободномъ оуставѣ. – При томъ было бы нашимъ желаніемъ, дабы мова наша чемъ разъ большои оглады набирала, такъ дабы всѣ нарѣчія рускіи, то есть: галицке, оугорске и буковинске на взглядѣ были. Для того сужу, дабы мѣсто бути; быти, мѣсто що; что, якъ оугорскіи Русины мовлятъ, писати. Но сіе все зоставляемъ вашему розсужденію.

Редакція Вѣстника дякує хорошо честному г. дописователю за его внимательни замѣчанія; стараніемъ ей буде, желанїю родимцѣвъ, въ которыхъ имени г. дописователь выражается, по возможности силъ и обстоятельствъ оудоволити, и ихже оупованія достойною статися.

Надѣємся, що г. дописователь и надаль вспирати насъ буде своими дуже практическими оувагами" (VISTNYK 1850, 3–4).

Kann man die Sprache des anonymen Verfassers selbst ein Beispiel für den geforderten Ausgleich "aller ruthenischen Dialekte, also des galizischen, ungarischen und bukowinischen" auffassen? Wohl kaum. In Wirklichkeit nämlich fallen in dem Text zunächst die kirchenslavischen und russischen Merkmale auf, die so zahlreich sind, dass es wenig Sinn hätte, sie hier aufzuzählen. Vor allem aber entsprechen auch die vorgeschlagenen Kompromisslösungen nicht dem Zweck des Dialektausgleichs. Zwar heißt es in den transkarpatischen Dialekten – ebenso wie in manchen galizischen – in der Tat *быти*, nicht *бути*. Die Form *что* aber ist in der von den Buchstaben wiedergegebenen Lautung in keinem der in Frage stehenden Dialekte gebräuchlich, sondern ausschließlich als ein vom Russischen gestützter Traditionalismus zu betrachten, sodass auch das vorgeschlagene *быти* statt *бути* in einem anderen, eher traditionell als transkarpatisch gefärbten Licht erscheint.

Wo man sich im "Вѣстникъ" sehr wohl um eine Vereinheitlichung der volkstümlichen Schicht hätte bemühen können, unterblieb dies, wie anhand von einigen prononciert transkarpatisch-ruthenischen Merkmalen in einem sonst ausgesprochen konservativ-kirchenslavischen Text, dem "Возгласъ Русина угорского ко братьямъ своимъ" von Mykola Nod'

(Nagy) aus der ersten Nummer des "Вѣстникъ" (1850, 3), gezeigt werden soll:

> "Русины! (сице нареку васъ. прійшолъ бо часъ егда именемъ русина не соромимся) суть часи времене, которіи когда перелетятъ, вѣчность ихъ больше не принесе; про насъ нынѣ настала сія доба; о благополучіи бо нашемъ на высочайшомъ мѣстѣ всѣ дѣлаемая дѣются, что, и где потребно, и дачто и якимъ способомъ бы май легше здѣлаемо было; не лишѣмъ же предложити помощи о блаженствѣ нашемъ труждающимся. Се «Вѣстникъ» комуждо разтворенный, якъ май лѣпшій способъ на предложеніе сицевое. – Оусилуймеся! – кождый по силѣ своей.
>
> Ніколай Нодь,
> капланъ вѣдняньскій".

Transkarpatische Merkmale sind hier: die Endung *-ме* wie in *Оусилуймеся*, die Form der Indefinitpartikel in *дачто* oder die Form der Superlativpartikel *май* in *май легше*. Diese wurden ebenso wenig vermieden wie prononciert galizische Formen in galizischen Texten. Vor allem bei Nod', aber auch bei anderen Autoren, stehen solchen verstreuten volkssprachlichen Elementen, die ungeachtet ihrer eingeschränkten Verbreitung verwendet werden, kirchenslavische und russische Elemente entgegen, die den Texten ihr vorherrschendes Gepräge verleihen. Typisch für Nod' sind dabei Archaismen, zu denen sich viele andere Autoren des "Вѣстникъ" nicht mehr zurückwagten, vgl. etwa den Dativus absolutus in "и сице размыслящу, прійшолъ ми до рукъ Вѣстникъ вѣднѣ/єньскій, которого широкое поле способное намъ поручае мѣсто" (VISTNYK 1850, 6).

Der "Вѣстникъ" berichtete regelmäßig von den Erfolgen der nationalen Bestrebungen der transkarpatischen Ruthenen. Man begegnet der Nachricht, dass Oleksandr Duchnovyčs "Добродѣтель превышаетъ богатство, игра въ трехъ дѣствіяхъ" in Przemyśl gedruckt worden sei, wobei hinzugefügt wird, dass das Buch "простонароднымъ выраженіемъ сочиненна" sei (VISTNYK 1850, 63). Und es findet sich ein Bericht über den ruthenischen Bezirk Užhorod (VISTNYK 1850, 71), dem ein Artikel nachgestellt ist, der aus der Feder des Russophilen Ivan Rakovs'kyj stammt:

> "Мы оувѣрени єсме, яко изъ множественнаго числа Русиновъ Оугорскихъ не єденъ токмо, но больше округовъ возставитися маєтъ. Преобильную радость нашу о полученной равноправности народности нашея ничь инше на толико оумножати не возмогло,

> якъ же доразъ въ началѣ обсягнули єсме таковыхъ главныхъ оурядовниковъ нашихъ, которіи искренно о оутвержденіи народственныхъ нашихъ справъ занималися, и нынѣ такожде готови суть все то произвести, что не токмо народію нашему собственно пользуєтъ, но въ єдно и всей Славной Державѣ Австрійской въ общее благосостояніе служитъ. [...] на мѣсто доселѣ оупотребленнаго мадярскаго языка нынѣ нашь рускій за оурядовый оупровадженный есть, и се распростренноє поле отверзлося Священникамъ нашимъ, въ Словесности руской себе изощряти. Такъ равно въ здѣшной Препарандіи, и въ гимназіяльномъ оучилищѣ предметы рускимъ языкомъ преподаются. Ничь не осомнѣваємеся, яко и отворенный про насъ «Вѣстникъ» благодѣтельноє втеченіє будетъ имѣти на распространеніе нашея рускія писемности. Попеченіє имѣется, да бы ради большаго єще просвященства народа нашего тутъ въ Оунгварѣ книгопечатница (типографіа) основанна была.
>
> Не весма излишнаго опоминанія мнится быти и тая вещъ, яко имена оулицъ въ Главномъ Градѣ нашемъ съ верху въ рускомъ, съ долу въ нѣмецкомъ, въ срединѣ же въ мадярскомъ языцѣ написанна суть. Мнози нахождаются, которіи и за сія оуже, хотяй въ себѣ малознакомитная [sic!] доселѣ произведенная дѣйствія тяжбу имѣютъ на насъ, и противлятся начинающемуся развитію народности нашея; но мы имъ простосердно отвѣтуєме, яко мы токмо на пути законной, и основаніи занесенныя оуставы державныя ходиме, єгда правъ народности нашея добиваємеся, и тому, же чувствомъ народности владѣєме, тѣмъ менше отверещися можеме, чѣмъ сильнѣйше противится сему самое естество наше человѣческое.
>
> – Паноніянинъ".

Auch in diesem Text begegnet mehrfach die Endung *-ме* (*єсме*, *ходиме* etc.), außerdem findet sich zweimal *ничь*, das ebenfalls vor allem für die transkarpatischen Dialekte charakteristisch ist. Davon abgesehen, erstaunt jedoch erneut vor allem die prononciert altertümliche Gestaltung des Texts, vgl. vor allem die Adjektivendung im Genitiv Singular in *народности нашея*, *нашея рускія писемности* u. a. sowie die zweite Palatalisation der Velaren im Nominativ Plural *Мнози* oder den Reflex *жд* < **dj* sogar in *нахождаются* (zum "Вѣстникъ" vgl. genauer MOSER 2006a).

In einer ähnlichen Weise treten die transkarpatischen Ruthenen auch in den folgenden Jahren auf, wobei jedoch die kirchenslavischen Elemen-

te immer stärker von eindeutig russischen abgelöst werden, und zwar nicht nur im "Вѣстникъ", sondern auch etwa in ihrer Korrespondenz mit Jakiv Holovac'kyj (STUDYNS'KYJ 1905). Im Laufe der fünfziger Jahre wurde das Russophilentum auch in Galizien immer stärker. Nicht nur sämtliche Briefe von Viktor Dobrjans'kyj, Oleksandr Duchnovyč oder Ivan Rakovs'kyj waren in einem unfreiwillig fehlerhaften Russisch verfasst (vgl. umgekehrt zur Sprache Jakiv Holovac'kyjs in seiner russophilen Phase MOSER 2002a), auch die galizischen Ruthenen betrachteten jene Elemente, die sie mit den transkarpatischen Ruthenen verbanden, als einer höheren Ordnung, nämlich der russischen oder gesamtostslavischen zugehörig. Auch innerhalb dieses Weltbildes gab es zwar nach wie vor die Konzeption des "Kleinrussentums", das eine nähere Verwandtschaft der Galizier und Transkarpatier mit den Ukrainern des Russischen Reiches als mit den Großrussen konzedierte. Als eigentliche gemeinsame Überdachung aber wurde das Russen- im Sinne eines Ostslaventums betrachtet, als gemeinsame Literatursprache das Russische angestrebt.

5. Fazit und Ausblick

Trotz der Kontakte zwischen galizischen und transkarpatischen Ruthenen im Wiener Barbareum sowie zwischen 1787 und 1809 im Lemberger "Studium ruthenum" nahmen die galizischen Erneuerer die transkarpatischen Ruthenen vor der Revolution von 1848/1849 kaum wahr – die wichtigste Ausnahme bildet wohl Jakiv Holovac'kyj, der im Jahre 1849 erster Professor für ruthenische Sprache und Literatur an der Universität Lemberg werden sollte. Die Revolution bedeutete für die galizischen Ruthenen einen Höhepunkt jener Erneuerungsbewegung, die schon während des Vormärz einige beträchtliche Erfolge aufweisen konnte. Zunächst schien in Galizien schon vor 1850 jene Richtung zu obsiegen, die auf die Herausbildung einer ruthenischen Schriftsprache auf volkssprachlicher Grundlage abzielte und die die galizischen Ruthenen als Teil des ukrainischen ("ruthenischen oder kleinrussischen") Volkes betrachtete. Doch in den fünfziger Jahren wendete sich das Blatt, das Russophilentum nahm auch in Galizien Überhand, bis Mitte der 60-er Jahre die Volkstümler in Aktion traten und den Konflikt spätestens in den neunziger Jahren endgültig für sich entscheiden konnten, und zwar letztlich im Sinn des Ukrainertums. Die transkarpatischen Ruthenen waren auch hinsichtlich ihrer sprachlichen Konzeptionen und sprachgeschichtlichen Errungenschaften

hinter den galizischen zurückgeblieben – selbst Oleksandr Duchnovyč schätzte die Volkssprache gering und zielte dort, wo kein "niedriger Stil" angemessen schien, auf den Gebrauch des Russischen ab. Der wichtigste erste Kontakt der transkarpatischen Ruthenen nach Galizien während der Revolutionszeit erfolgte über Adol'f Dobrjans'kyj, einen prononcierten Russophilen, der sich als solcher auch im Protokollbuch des Ruthenischen Hauptrates in Lemberg zu erkennen gibt. Die in der Revolution angestrebte Vereinigung aller ruthenischsprachigen Gebiete zu einer gemeinsamen Verwaltungseinheit blieb Illusion. Die Wiener Zeitung "Вѣстникъ" war zwar als Zeitschrift für alle Ruthenen des österreichischen Staates konzipiert, doch zu einer sprachlichen Annäherung auf einer ruthenischen oder ukrainischen Grundlage konnte sie nichts beitragen. In der ersten Zeit war der Wiener "Вѣстникъ" auch seitens ihres galizischen Chefredakteurs Ivan Holovac'kyj russophil geprägt, die Transkarpatier traten mit vorwiegend kirchenslavisch und russisch gestalteten Artikeln in Erscheinung, die einige prononciert transkarpatisch-ukrainische Merkmale aufwiesen, welche später als konstitutiv für das Russinische erachtet wurden. Als der "Вѣстникъ" auf Drängen der österreichischen Regierung, die schon im Sommer 1850 protestierte (VOZNJAK 1912), stärker volkssprachlich ausgerichtet werden musste, lag die Initiative ausschließlich bei den Galiziern.

Hätte sich nicht angesichts des galizisch-transkarpatischen Zusammentreffens, und zwar gerade im Umfeld des Wiener "Вѣстникъ", aber auch begünstigt durch Projekte wie die ruthenischen Übersetzungen des "Allgemeinen Reichs- und Regierungsblatts für das Kaiserthum Oesterreich" und die "Juridisch-politische Terminologie für die slawischen Sprachen Oesterreichs. Deutsch-ruthenische Separatausgabe" (MOSER 2002) – an denen jedoch die transkarpatischen Ruthenen keinerlei aktiven Anteil hatten – die Ausbildung der Variante einer (austro-)"ruthenischen" Schriftsprache angeboten, die auf der Grundlage der einander in vielerlei Hinsicht nahe stehenden westukrainischen Dialekte aus dem österreichischen Staat gestanden wäre und vor allem auf den Errungenschaften der Galizier hätte aufbauen können? Wäre der Zusammenschluss der ruthenischen Provinzen im Jahre 1849 erfolgt, wäre dies durchaus wahrscheinlich gewesen. Doch die galizischen und die transkarpatischen Ruthenen rückten einander sprachlich nicht auf einer ruthenischen Grundlage näher. Nicht etwa, weil die Hürden zwischen den galizischen und den transkarpatischen Dialekten besonders schwer überbrückbar gewesen wären, son-

dern wohl vor allem deshalb, weil sich die schwach vertretene transkarpatische ruthenische Intelligenz zumindest bis zum Wirken László Csopeys nie wirklich zur volkssprachlich-ruthenischen Ausrichtung bekannte, auf deren Grundlage auch überregionale ruthenische Konzepte hätten entwickelt werden können. Dann nahm in den 1850-er Jahren auch in Galizien das Russophilentum Überhand.

Als sich aber die galizischen Volkstümler seit den 1860-er Jahren nachhaltig für eine sprachliche Annäherung an die Ukrainer im Russischen Reich entschieden, änderte sich auch der Charakter des galizisch-transkarpatischen sprachlichen Zusammentreffens nachhaltig. Von nun an zielten die Impulse, die für die transkarpatischen Ruthenen aus Galizien gesetzt wurden, vor allem auf eine Schriftsprache mit gesamtukrainischer Überdachung ab, die bis heute mit der russinischen Sprachkonzeption konkurriert.

Literatur

CSOPEY 1883 – Л. ЧОПЕЙ: Русько-мадярский словарь. У Будапештѣ

ANDROCHOVYČ 1929 – А. АНДРОХОВИЧ: Львівське "Studium ruthenum" (IV). In: *Записки Наукового товариства імени Шевченка*, CXLVI, 1927, с. 33–118

FRANKO 1902 – І. ФРАНКО: Матеріяли до історії галицько-руського шкільництва в рр. 1801–1848. In: *Матеріяли до культурної історії Галицької Руси XVIII–XIX вв.* Вид.: І. Франко. Львів, с. 174–257 [= Збірник історично-фільософічної секції Наукового Товариства ім. Шевченка V]

HIMKA, J.-P. 2004: The Construction of Nationality in Galician Rus': Icarian Flights in Almost All Directions. In: *Intellectuals and the Articulation of the Nation.* Ed. by R. G. Suny, M. D. Kennedy. 5th ed. Ann Arbor, p. 109–164

HOLOVAC'KYJ 1849 – Я. ГОЛОВАЦЬКИЙ: *Розправа о языцѣ южнорускомъ и его нарѣчіяхъ сочинена Яковомъ Головацкимъ, читана въ общемъ засѣданію на съѣздѣ ученыхъ рускихъ 23. Жовтня 1848 г. н. ч. у Львовѣ.* Во Львовѣ

HRYCAK 1996 – Я. ГРИЦАК: *Нарис історії України. Формування модерної української нації XIX–XX ст.* Київ

HOLOVNA RADA 2002: *Головна Руська Рада 1848–1851. Протоколи засідань і книга кореспонденції.* Ред.: О. Турій, У. Кришталович, І. Сварник. Львів

LEVYC'KYJ 1838 – Ї. ЛѢВЇЦКИЙ: *Стихъ Во Честь Єго Преосвященству Куръ Василїю Поповичу Єпїскопови Мункачовскому* [...] *Во день поставленїя Єго Преосвященства на Єпїскопа во Свято-Георгской Архикаѳедральной Церкви Львѣвской дня 18/6 Марта 1838* [...] *сложенный Їосифомъ Лѣвїцкимъ Парохомъ Школьскихъ Дїецезїи Перемыскои.* Въ Перемышли

LEVYC'KYJ 1834 – J. LEWICKI: *Grammatik der ruthenischen oder kleinrussischen Sprache in Galizien / Грамматика языка русского въ Галиціи / Gramatyka języka ruskiego w Galicyi.* Przemyśl

LODIJ 1795 – П. ЛОДЇЙ: *Христіана Баѵмейстера Славныхъ Горлицкихъ училищъ управителя Наставленія Любомудрїя Нравоучителнаго содержащая Любомудрїє практическоє всеобщеє Право Єстественноє, Иѳїку, и Полїтику съ Латинскаго на Россїйскїй языкъ переведенна отъ Петра Лодїа.* Въ Университетѣ Львовскомъ Любомѫдрїя оумозрителнаго, и дѣйствителнаго Кесарево-Царскаго Народнаго Професcора. Въ Львовѣ

MAGOCSI, P. R. 1978: *The Shaping of a National Identity. Subcarpathian Rus', 1848–1948.* Cambridge. Massachusetts / London

MOHYL'NYC'KYJ 1838 – A. МОГИЛЬНИЦКИЙ: *Пѣснь радостна. Съ пригоды поставленїя въ Церквѣ Митрополїчой Львовской С. Великомученика Георгїя, дня s. Марта... [1838], Єго високопочтеннаго господина Васїлїя Поповича.* Въ Львовѣ

MOHYL'NYC'KYJ 1910 – І. МОГИЛЬНИЦЬКИЙ: *Фільольоґічні праці Івана Могильницького.* Львів: Вид. М. Возняк [= Українсько-руський архив V]

MOSER, M. 2002: Prüfsteine des Austroslavismus: Das "Allgemeine Reichs-Gesetz- und Regierungsblatt für das Kaiserthum Oesterreich" und die "Juridisch-politische Terminologie für die slawischen Sprachen Oesterreichs". In: *Crossroads of Cultures: Central Europe.* Ed.: I. Pospíšil. Brno, S. 75–129

MOSER, M. 2002a: Ruthenisch oder Russisch: Die Sprache der ukrainischen Russophilen in der Habsburgermonarchie. In: *Wiener Slavistisches Jahrbuch* 48, 2002, S. 99–115

MOSER, M. 2004: Мовний світ "Studium ruthenum". In: *Ucrainica I. Současná ukrajinistika. Problémy jazyka, literatury a kultury. K 65. narozeninám prof. Josefa Anderše*. Olomouc, s. 316–325 [= Acta Universitatis Palackianae Olomucensis. Facultas Philosophica. Philologica 82]

MOSER, M. 2006: Перші кроки народної "русинської мови" в шкільництві угорських русинів-українців – "Наука свѣцка" в букварі Івана Кутки (в порівнянні з її подільсько-галицькою попередницею "Полѣтикою свѣцкою"). In: *Микроязыки. Языки. Интеръязыки. Сборник в честь ординарного профессора Александра Дмитриевича Дуличенко*. Ред. А. Кюннап, В. Лефельдт, С. Кузнецов. Тарту, 2006, с. 126–141

MOSER, M. 2006a: „Austroruthenisch?" – Der Wiener „Вѣстникъ" als Zeitung „für die Ruthenen des österreichischen Staates". In: *Die Ukrainer (Ruthenen, Russinen) im Blickfeld von Wien und Budapest*. Hrsg. v. M. Moser – A. Zoltán. Wien, 2006, 75 S [= Slavische Sprachgeschichte, Bd. 3] [im Druck].

PAN'KEVYČ 1938 – І. ПАНЬКЕВИЧ: *Українські говори Підкарпатської Руси і сумежних областей. З приложенням 5 діялектологічних мап. Ч. 1: Звучня і морфологія*. Прага

RUDNYTZKY, I. L. 1987: Carpatho-Ukraine: A People in Search of Their Identity. In: Ders. *Essays in Modern Ukrainian History*. Ed.: P. L. Rudnytzky. Edmonton, p. 353–373

RUSYN'SKÝJ JAZYK 2004: *Русиньскый язык*. Ed.: P. R. Magocsi. Opole [= Najnowsze dzieje języków słowiańskich]

STUDYNS'KYJ 1905 – К. СТУДИНСЬКИЙ: *Кореспонденція Якова Головацького в лѣтах 1850–62*. Львів [= Збірник фільольогічної секції Наукового товариства імени Шевченка VIII + IX]

TERŠAKOVEC' 1907 – М. ТЕРШАКОВЕЦЬ: *Матеріяли і замітки до історії національного відродження Галицької Руси в 1830 та 1840 рр.* Львів [= Українсько-руський архив III]

TICHÝ, F. 1929: Josef Dobrovský a Podkarpatská Rus. In: *Josef Dobrovský 1753–1828. Sborník statí*. Usp.: J. Horák, M. Murko a M. Weingart. Praha, s. 332–343

UDVARI 2000 – I. УДВАРІ: *Образчикы з исторії пудкарпатськых русинув. XVIII столїтіс. Изглядованя з історії культуры и языка.* Ужгород

VISTNYK1850 – *Вѣстникъ. Повременное письмо посвященно политическому и нравственному образованію Русиновъ Австрійскои державы.* Вѣдень [= Рочникъ 1850]

VOZNJAK 1912 – М. ВОЗНЯК: З-за редакційних кулїс Вістника та Зорі Галицької. In: *Записки Наукового товариства імени Шевченка* CVII, c. 73–109

ZORJA HALYC'KA 1848–1857 – Зоря Галицка. Во Львовѣ

ŽÁČEK, V. 1958: *Slovanský sjezd v Praze roku 1848. Sbírka dokumentů.* Praha

ŽEGUC, I. 1965: *Die nationalpolitischen Bestrebungen der Karpato-Ruthenen 1848–1914.* Wiesbaden [= Veröffentlichungen des Osteuropa-Institutes München 28]

The Carpatho-Ruthenian cultural and linguistic identity from a Galician perspective (1772–1850)

Michael Moser

Although Galician and Transcarpathian clergymen met at the Viennese "Barbareum" and – between 1787 and 1809 – in the "Studium ruthenum" in L'viv, before the revolution of 1848/1849 the pioneers of the enlightenment in Galician Ruthenia paid very little attention to their brethren from the other side of the Carpathian mountains. Ivan Mohyl'nyc'kyj did not mention them at all in his grammar and in his "Вѣдомо̑сть о рускомъ ꙗзыцѣ". Josyf Levyc'kyj briefly informed his readers about the Transcarpathian Ruthenians in his grammar of 1834; he also contributed a panegyrical poem dedicated to the consecration of Bishop Vasyl' Popovyč, which took place in St George's Cathedral in L'viv in 1838. Only Jakiv Holovac'kyj travelled to the Transcarpathian region himself. In 1841 he published his "Cesta po halické a uherské Rusí", and in 1849 he described some important features of Transcarpathian Ruthenian in his "Розправа о ꙗзыцѣ южноруско̑мъ и его нарѣчіяхъ". The revolution of 1848/1849 reinforced Galician-Transcarpathian contacts. If, however, in Galicia considerable achievements had been made in the formation of a new literary language based on the vernacular, this did not hold true for

Transcarpathia, where even Oleksandr Duchnovyč's activities were rooted in an essentially Russophile programme. When in 1850 the newspaper "Вѣстникъ" began to appear in Vienna, it was addressed to "all Ruthenians of the Austrian state". Whereas in Galicia the first newspapers were written in a language based on the vernacular, "Вѣстникъ" was mainly characterised by a Russophile linguistic programme, especially in its beginnings. Although "inter-Ruthenian" dialect levelling was mentioned as one of its goals as early as in the first issue, this, in fact, totally failed to take place. Instead, even those articles that were written in a heavily archaised language based on Church-Slavic also contained certain features characteristic of Transcarpathian East Slavic dialects and of contemporary proposals for a "Rusyn" standard. While not only "Вѣстникъ", but also the "Allgemeines Reichs- und Regierungsblatt für das Kaiserthum Oesterreich" and the "Juridisch-politische Terminologie für die slawischen Sprachen Oesterreichs. Deutsch-ruthenische Separatausgabe" were addressed to all Ruthenians of the Austrian Empire, the Galician-Transcarpathian (-Bukovynian) encounter did not lead to the development of an "Austro"-Ruthenian language.

michael.moser@univie.ac.at

Валерій Іванович Падяк, Ужгород

Закарпатье (Подкарпатская Русь): проблемы и особенности функционирования русинского литературного языка в контексте национального возрождения

Аннексия Советским Союзом в 1944 г. части территории Чехословакии – автономной Подкарпатской Руси (с 1946 г. – Закарпатской области Украинской ССР) мотивировалась в глазах мирового сообщества как "торжество исторической справедливости воссоединения всех украинских земель в единой державе", что на практике спровоцировало политику ассимиляции коренного русинского населения, привело к закрытию русинских школ края и к запрету русинского языка. В одночасье, без какого-либо плебисцита, была осуществлена подмена национальности "русин" национальностью "украинец", закрыты все русинские школы и уже осенью 1945 г. на их базе функционировали 636 школ с украинским языком обучения. Вместе с 65 школами с венгерским (для венгров) и молдавским (!) (для румын) языками обучения школы края охватывали 113488 учащихся. Одновременно в 1946–1947 гг. из восточных областей Украины было направлено на работу в школы края 1200 учителей (Гомоннай 1988, 37, 41). Таким образом, статус русинского языка был понижен до уровня "закарпатского диалекта украинского языка". Русинский язык был запрещён в системе народного образования (школы, детские сады, училища, техникумы, Ужгородский университет), в средствах массовой информации (радио, газеты, книжная продукция, позже – телевидение), в деловой письменности (заявления, жалобы, обращения и т. д.). Единственной языковой нишей, где русинский язык продолжал активно функционировать, кроме межличностного общения в быту, был песенный фольклор. Эти процессы были закон-

сервированы на уровне 1944 г. и такими оставались вплоть до времени горбачёвской "перестройки".

Последняя грамматика русинского литературного языка в досоветское время появилась в Ужгороде в 1941 г. Это была "Грамматика руського языка" Ивана Гарайды. В той или иной мере по ней училась и её осваивала школьная молодёжь 1930–1937 годов рождения. Таким образом, на момент краха Советского Союза (1991 г.) только небольшая часть населения края (в основном люди пенсионного возраста) сохраняла память о грамматических нормах русинского литературного языка; в то же время специфика расселения русин в горной местности, высокая плотность заселённости и низкий уровень урбанизации региона позволили народу сохранить свой язык. Даже сегодня в сельской местности тут проживают почти 70% русинского населения. (Можно сравнить: в Украине только 32 % украинцев живут в сельской местности).

В результате ассимиляторской политики в Закарпатье (на Подкарпатской Руси), начиная с 1944 г., выросли три-четыре поколения русин, которые в быту свободно владеют родной речью, активно общаются на родном языке, однако не знают норм русинского письма и орфографии. При этом численность русин Закарпатской области на сегодняшний день, по неофициальным данным, составляет около 800–850 тыс. человек, что составляет около 65% населения края (Рущак, Падяк 2004, 47).

Русины – это коренное население края; на правах национальных меншинств в Закарпатской области также компактно проживают венгры, румыны, словаки и рассеянно – цыгане. В последнее время значительно усилился отток из края евреев и русских; почти полностью выехали из области австрийские немцы, поселившиеся здесь двести лет тому. Освобождающиеся этнические ниши (в подавляющем большинстве в городах) занимают переселенцы из других регионов Украины.

В вопросе быстрой национальной переориентации русины проявляли консерватизм. Например, официальный термин *закарпатские украинцы* местное население "тихо" игнорировало и со временем вместо него ввело в обиход локальный термин *закарпатцы*, который со временем перекочевал на страницы периодической печати, радио и который позволял на уровне генетической памяти сохранять связь современности с прошлым. Этому в значительной мере способство-

вало активное бытование русинской народной песни, народного танца, бережное, творческое отношение к родному фольклору и традициям, а также крепкая связь русин с церковью. Наконец, оказавшись в условиях украиноязычной системы образования, русины, осваивая этот славянский язык, чётко дифференцировали украинский и русинский языки как государственный, с одной стороны, и "свой" – с другой.

Ассимиляционные процессы способствовали расслоению в русинском обществе: приспособленчество в среде интеллигенции, особенно среди писателей, поэтов, журналистов, культпросветработников, учёных-историков, литературоведов и языковедов, а также учителей средней школы в целом негативно сказывалось на состоянии этнического и языкового вопроса в обществе. При запрете знать свою историю, при закрытых для историков архивах, при агрессивной политике умалчивания и огульного отрицания выдающихся вех в истории русинского народа представители местной интеллигенции соглашались с практикой переписывания истории, принимали в этом процессе непосредственное участие. Простой же русин, не получающий доступа к объективной информации, не могущий дать научное толкование тех или иных исторических событий, процессов, интуитивно чувствовал во всём этом фальшь, формировал ко всему этому своё негативное отношение, но в официальной обстановке, что говорится "на людях", согласительно высказывал официальные суждения. Да и представители интеллигенции, признавая в официальной обстановке себя "*закарпатскими украинцами*", были далеки от проблем украинского национального движения, не воспринимали эти проблемы как свои, постоянно дистанцировались от так называемого "украинского национализма", чётко размежёвывали свои территории и западноукраинские земли и воспринимали как оскорбление то, что их, вслед за галичанами, переселенцы в Закарпатье – восточные украинцы и русские – в повседневной жизни называли "бандеровцами".

Спор украинских и русских националистов, привнесенный в край русскими и украинскими иммигрантами, бежавшими в 20-е гг. из СССР, был продолжен в Закарпатской области в советское время, правда, уже в новых исторических реалиях. Аннексируя русинские территории, Сталин добивался геополитического стратегического преимущества на южных склонах Карпат под предлогом необходи-

мости воссоединения всех украинских земель в одном государстве. Это было главной причиной политики украинизации русин, которую официальная Москва позволила проводить официальному Киеву, хотя в то же время на остальной территории Украины официальный Кремль проводил в украиноязычной среде политику русификации, искоренения так называемого "украинского национализма", борьбу с "бандеровщиной" и т. д.

Позволяя процесс украинизации русин, официальная Москва этот процесс в то же время контролировала, чтобы он не перерос в проблему украинского национализма. Поэтому параллельно в Закарпатской области был запущен механизм русификации. Этому во многом способствовал факт массового выпуска книжной, журнальной и газетной продукции на русском языке, университетских учебников, музыкальных программ, популярности теле- и радиовещания, передачи которого (из Москвы) выходили в эфир на русском языке. Государственным радио- и телеканалам, транслирующим передачи на украинском языке (из Киева и Ужгорода), отводилась роль второстепенных. Всё это давало свой результат: украинизация русин поддерживалась только на уровне идеологии, формально выдерживалась основная политическая линия. При этом украинский язык имел маргинальное положение. В конце 70-х – начале 80-х годов в Ужгороде, Мукачеве и других городах края, например, даже в школах с украинским языком обучения во время перемен дети общались, как правило, на русском языке. Русский язык полностью доминировал в университетской и молодёжной среде, а придание ему статуса языка межнационального общения привело к тому, что даже этнические украинцы, переселившиеся в край после Второй мировой войны, численность которых в области постоянно возрастала и сегодня достигает приблизительно уровня 160 тысяч человек (Рущак, Падяк 2004, 47), часто общались между собой на русском языке. Таким было положение в городской местности.

В сельскую местность русский язык проникал медленнее, популярностью не пользовался, хотя сельская интеллигенция его хорошо знала. В русинском селе официальным языком общения оставался украинский. Процессу украинизации села не были присущи признаки агрессивности; осваивание украинского языка проходило в вялотекущем режиме. Поэтому главной особенностью функционирования в селе официального языка был своеобразный гибрид русинско-

го и украинского языков, который звучал в выступлениях глав сельсоветов или председателей колхозов перед сельчанами, во время торжественной церемонии бракосочетаний, перед началом спортивных состязаний и т. д. В повседневной жизни в межличностном общении русина с русином звучала родная речь, в которую вкрапливались слова-заимствования из русского и украинского языков, которых в родном языке не было и которые соответствовали новым понятиям, пришедшим в русинскую глубинку вслед за индустриализацией, урбанизацией, механизацией, коллективизацией и т. д.

Единственной ячейкой сохранения русинского национального кода и русинского языка в советский период была сельская семья. Именно в семье, в первые шесть-семь лет, ещё до поступления детей в школу, закладывались основы русинской устной речи, которую ребёнок в дальнейшем развивал в малом социуме – родном языковом окружении – селе, посёлке, городке.

Развал Советского Союза освободил энергию национального возрождения. Этими возможностями воспользовались, наряду с другими народами, и русины. Создание в 1991 г. независимой Украинской державы стимулировало в государстве быстрый рост украинской национальной идеи, русификация прекратилась. Однако в отношении русин (по мере возрастания русинского национального самосознания) агрессивной стала ассимиляторская политика Украины. Она зиждется на тех же сталинских посылках о "воссоединении в 1944 году 'закарпатских украинцев' с украинским народом в едином государстве".

Развал Советского Союза вызвал здоровую тенденцию поиска русинами нового государственно-правового статуса Подкарпатской Руси и подготовки инициированного официальным Киевом общезакарпатского референдума, состоявшегося 1 декабря 1991 г. Результаты референдума таковы: 78,0 % участников голосования высказались за предоставление Закарпатской области (Подкарпатской Руси) в составе Украины автономного (самоуправляемого) статуса. При этом участие в голосовании приняли 82,7 % взрослого населения области, а сам референдум прошёл в условиях гласности, свободы волеизъявления, демократизма. Верховная Рада Украины вот уже 13 лет отказывает жителям области в легитимации результатов референдума.

В новых политических реалиях русинская национальная интеллигенция в тех странах, где на своих исторических землях продолжают жить русины, – в Словакии, Польше, Румынии, Венгрии, а также в Украине – стала активно пропагандировать возврат к русинской письменной традиции, прерванной в 1944 г. Поскольку ядро русинского этноса находится именно в Закарпатской области, можно предположить, что именно здесь должен бы быть сформирован на основе народных говоров современный русинский литературный язык. Функционирование говоров – 1) ужского/ужанского, 2) бережского и 3) мараморошского – предполагает поиск синтезированного варианта, что до сих пор не удаётся сделать. При этом надо учесть, что диалектные особенности разных говоров русинского языка настолько незначительны, что не представляют каких-либо сложностей в общении русин – носителей разных говоров.

Попутно отметим, что с 1923 г. существует кодифицированный бачско-сремский вариант (югославо-русинский) литературного языка для русинского островка в Югославии, а в 1995 г. русины Словакии кодифицировали свой вариант литературного языка. Это значит, что составители подкарпаторусинского варианта грамматики, т. е. по счёту уже третьего варианта после Югославии и Словакии, вынуждены будут либо, по-возможности, игнорировать эти варианты и сосредоточить внимание исключительно на учёте особенностей говоров Подкарпатской Руси, либо идти по пути унификации всех грамматических вариантов.

Поскольку ещё до этого, в 1992 г., на семинаре в Бардеевских Купелях (Словакия) была определена модель формирования литературного языка по принципу "сначала каждый регион – Лемковщина в Польше, Пряшевщина в Словакии, Подкарпатская Русь в Украине – создаёт свой вариант, а в дальнейшем грамматисты работают над сближением этих вариантов в интеррегиональный литературный русинский язык", предполагалось, что грамматика подкарпаторусинского языка учтёт и диалектные особенности бережского диалекта (центрального), контрастирующего на фоне двух равноудалённых от центра и схожих окраинных диалектов – мараморошского (на востоке) и ужанского (на западе).

Изданная в 1999 г. в Мукачеве грамматика подкарпаторусинского литературного языка под названием "Материньскый язык. Писемниця русиньского языка" (составители: М. Алмаший, И. Керча, В. Мол-

нар, С. Попович) была создана на основе двух диалектов – мараморошского и ужанского. Алфавит русинского языка представлен в ней 35 буквами, в т. ч. 12 буквами для обозначения гласных звуков – *а*, *е*, *ё*, *є*, *і*, *ї*, *и*, *ы*, *о*, *у*, *ю*, *я*.

В целом она стала явлением в общественной жизни Подкарпатья (Закарпатской области), ибо задекларировала факт продолжения русинской грамматической традиции, стала базовым документом, стимулирующим языковые дискуссии и формирование орфографического минимума. Неточности в употреблениии языковой терминологии, факт искусственности в её подборе, как и иные огрехи, легко можно списать на "проблемы роста".

Ещё одна проблема данной грамматики: своевременное решение отказаться как от этимологического принципа орфографии, так и от фонетического и желание признать основой современного русинского правописания морфемно-фонематический принцип не всегда последовательно выдерживалось на практике. В результате однокорневые слова при составлении словарей будут попадать в разные корневые гнёзда: окр*е*м – окр*е*мо – окр*и*мі, *си*сь – *се*ся – *се*се, у ч*ири*ві – ч*ере*во, на д*ири*ві – д*ере*ва; на б*ири*зі – б*ере*г.

Экспериментальный характер грамматики проявился в игнорировании бережского диалекта, что вызвало критику оппонентов и желание создать такой вариант, где был бы учтён звук [*ӱ*] (*у*-умлаут) на месте звука [*у*] в мараморошском диалекте: с*у*ль – с*ӱ*ль, к*у*нь – к*ӱ*нь.

После выхода в свет грамматики "Материнськый язык. Писемниця русинського языка" авторский коллектив, к сожалению, распался. Поэтому проблемным стало создать с учётом замечаний усовершенствованный вариант грамматики с тем, чтобы кодифицировать литературный язык для подкарпатских русин. Новые авторские коллективы не сформировались, грамматисты изолированно друг от друга стали писать свои варианты грамматики. Собственно говоря, создание грамматических норм сегодня проходит в условиях многополярности, когда каждый писатель или группы писателей, ориентируясь на живой говор своей околицы, формируют свой вариант нормы.

Норма, заложенная в экспериментальной грамматике, получила своё продолжение в литературной деятельности одного из её ведущих авторов – И. Керчи. В качестве позитивного момента нужно отметить, что в его публикациях более позднего периода уже прослеживается последовательное соблюдение морфемно-фонематического

принципа орфографии. К этой же традиции тяготеет и исследователь М. Капраль, активно работающий над воссозданием языковых памятников русинской письменности 20–40-х гг. XX столетия, в частности, лингвистического наследия А. Годинки.

Вместе с тем для обоих авторов характерно отстаивание в качестве нормы именно мараморошского "*у*-гваряня": *мӯй, кӯнь, годӯв, пӯд, Пӯдкарпатя* на фоне полного игнорирования звука [*ӱ*] (*у*-умлаут).

У названных авторов прослеживается и стойкая дифференциация букв *ї* и *і* в словах, где после мягкого согласного стоит нейотированный звук [*і*]. При этом за основу дифференциации принят принцип использования на этом месте в исторических текстах буквы *ѣ* (ять). Иными словами: на месте исторического *ѣ* в современных текстах последовательно пишется буква *ї*, во всех остальных случаях – буква *і*. Например: *хотїти, видїти, цїлоє, хлївча, лїс, лїто*, но: *повісти, звідати, стріха*.

Данное правило, на наш взгляд, затрудняет нормы правописания, ибо на слух в обеих позициях произносится один и тот же звук. Конечно, квалифицированный лингвист легко различит, где в данной позиции нужно употребить букву *ї*, а где букву *і*. Как правило, речь идёт о лексике общеславянского пласта, присутствующей и в русском, и в украинском языках, где на месте исторического *ѣ* (ять) в русском языке употребляется буква *е*, а в украинском буква *і*. Например: общеслав. *лѣс* – рус. *лес* – укр. *ліс* – русин. *лїс*. Ещё пример: общеслав. *лѣто* – рус. *лето* – укр. *літо* – русин. *лїто*. Вместе с тем простому носителю языка, не посвящённому в тонкости языкознания, на практике очень трудно будет в данной позиции уловить разницу в написании букв *ї* и *і*. Это будет создавать непомерные трудности в овладении орфографическими нормами, поэтому правильным будет отказаться от дифференциации букв *ї* и *і* в словах, где после мягкого согласного стоит нейотированный звук [*і*].

За последние пять лет эволюционировала концепция сохранения в литературном языке звука из бережского диалекта [*ӱ*] (*у*-умлаут). Эта идея формировалась в среде писателей, сгруппировавшихся вокруг газеты "Християнська родина"; её поддержали на практике М. Алмаший, Д. Сидор, Д. Поп, В. Молнар, В. Падяк и др.

Традиционно для русинской грамматической нормы первой трети XX столетия, для унификации орфографической нормы в данной по-

зиции ставилась буква-знак *ô* (“*о* с крышечкой”), которую носители разных диалектов произносят по-своему: как [*у*], как [*ӥ*]. Инициатор введения этого знака украинский филолог, эмигрант И. Панькевич ввёл и третий, основной, вариант произношения – как [*і*], т. е. как в украинском языке. Мотивация учёного-эмигранта была такова: носители разных диалектов в данной позиции будут произносить характерный для их диалекта звук, но постепенно свыкаться с мыслью, что на этом месте в литературном варианте может звучать звук [*і*]. В результате должно произойти смещение орфоэпической нормы, которая сольётся с украинской орфоэпической нормой. Например: *кôнь → кунь → кінь*, *сôль → суль → сіль*, *русинôв → русинув → русинів*, *вôн → вун → він*. Делалось это, вне всякого сомнения, с целью ассимиляции (украинизации) русинской речи.

С целью сохранения в литературном языке звука из бережского диалекта [*ӥ*] (*у*-умлаут) по договорённости ряда филологов-русинистов в алфавит была введена буква-знак *Ӱ ӱ*, имеющая для носителей разных говоров своё звуковое наполнение: [*у*] либо [*ӥ*] (*у*-умлаут), например: *пчулка ↔ пчӱлка*, *русинув ↔ русинӱв*. Иногда в более ранних текстах её графическим эквивалентом была буква *Ѵ ѵ* (прописная и строчная) или же буква *Ў ў*, например: *апостолѵ̀в*, *народѵ̀в*, *кѵ̀лько*; *гѵ̀рко*, *мѵ̀й*, *вѵ̀н*, *гѵ̀р*, *пѵ̀д*, *топѵ̀рцями*. При этом оба варианта произношения признавались равнозначными.

В 2004 г. в Ужгороде издано краткое практическое пособие для начальных классов русинской воскресной школы под названием “Слово за словом”, составленное М. Алмашием и М. Молнаром. Школьное пособие знакомит ученика с элементарными основами грамматики, правилами орфографии. Вместе с тем книга является синтезированным вариантом, учитывающим особенности всех говоров Подкарпатской Руси. Особенностью данной грамматики является также разработанность в ней терминологической лексики.

В 2005 г. в Ужгороде вышла из печати книга, полное название которой “Граматика русинського языка из Євангелієм од Матфея для русинôв Украйины, центральной Європы и Америкы”, составителем которой является протоиерей Димитрий Сидор. Двуязычное издание, на русинском и английском языках, подготовлено для использования одновременно как для русин Подкарпатья, так и в англоязычной среде, например, для потомков русин, проживающих в США и Канаде и желающих познакомиться с языком своих предков.

Особенностью издания является принцип синтеза всех говоров Подкарпатской Руси. Подаются подробные сведения по разделам: Графика, Фонетика, Орфография, Морфология, Части речи, Синтаксис, Лексика.

Грамматика необоснованно усложнена, в алфавит введено 39 букв. Кроме букв, которые введены в грамматику "Материнськый язык. Писемниця русинського языка", здесь есть буквы *ô*, *î*, *ÿ*, а также "реанимируется" буква *ѣ* (ять). При этом употребление буквы *ÿ* мотивировано, об этом шёл разговор выше, поэтому нет надобности повторяться. А вот употребление буквы *ô* ("*о* с крышечкой"), которая обозначает суженный звук "*о* с призвуком *у*", слабо мотивировано: *кôсь*, *нôта*, *горôв*, но также *властьôв*, *милостьôв*, *хôснуєся*). Кроме того, употребление данной буквы накладывается на историческую традицию её употребления в 20–30-е гг. XX ст. как специфической буквы для обозначения звуков (для носителей разных говоров) *у*, *ÿ* и *і*, введённой И. Панькевичем в его труде "Граматика руського язика для нижчих класів гімназій і шкіл горожанських" (1922, переиздания: 1927, 1936), о чём говорилось выше. Сравни: *пчôлка* (у И. Панькевича) – *бôвт* (у Д. Сидора). Аналогично запутанной является ситуация с введением в систему графем в грамматике Д. Сидора и "специфической" буквы *î* ("*и* с крышечкой") для обозначения одного из двух звуков – [*у*] либо [*і*]. (В тексте ошибочно указывается, что речь идёт о звуке *ю* !?).

Из алфавита русского, как и украинского языков буква *ѣ* (ять) давно исключена. Это отнюдь не мешает исследователям использовать её при цитировании исторических текстов с целью точности передачи языка документа. Эту особенность современного статуса буквы *ѣ* не учитывает грамматика Д. Сидора – буква вводится в алфавит. На страницах "Граматики русинського языка…" (с. 33, 57) указывается, что её исключение из алфавита приведёт к невозможности адекватно переводить на русинский язык церковнославянские тексты и даже, что это "очень сильно усложнит (?!) правописание" современного русинского литературного языка. С этим утверждением автора трудно согласиться.

В целом грамматика Д. Сидора даёт комплексное представление о русинском языке, его богатстве, как и о проблемах становления литературной нормы. На этом фоне не украшает издание большое число орфографических и пунктуационных ошибок, излишняя вы-

чурность в размещении материала, низкая полиграфическая культура издания, а также излишняя (чуждая академизму) идеологизация предисловия, выводов и комментариев к отдельным разделам.

Вероятно, затянувшиеся поиски грамматистов в вопросе создания литературной нормы для Подкарпатской Руси в перспективе приведут к созданию общеприемлемой нормы, которая будет кодифицирована. Вероятно также и то, что эта норма вберёт в себя рациональные элементы из всех доселе созданных грамматик, авторами которых являются И. Керча, М. Алмаший, С. Попович, М. Молнар, В. Молнар, Д. Сидор. Пока же, несмотря на заявления Д. Сидора о состоявшейся (в 2002 году!?) кодификации грамматики, мы вынуждены констатировать: первая кодифицированная грамматика русинского языка для Подкарпатской Руси – дело будущего.

Возрождение русинства проходит под знаком становления русинской литературы. Сегодня в крае по-русински активно публикуются два десятка писателей, поэтов, переводчиков. За последних 10–15 лет ими созданы десятки книг на родном языке.

В своё время выдающийся славяновед России, по происхождению русин, Юрий Венелин (Гуца) посвятил болгарской литературе, когда она находилась на этапе становления, несколько работ. В 1838 г. появилась его итоговая работа "О зародыше новой болгарской литературы" (Москва, 1838). В ней автор, в сочувственных тонах показывая плачевное состояние современной ему болгарской литературы – всего 27 изданий, приходит к обнадёживающим выводам о начале болгарского культурно-национального возрождения, что с большой долей скепсиса было принято к сведению российской научной элитой, но что оказалось гениальным предвидением.

Если через призму венелиновского предвидения подходить к состоянию современного русинского книгоиздания, то можно утверждать, что его становление стало предвестником русинского возрождения.

За короткий исторический отрезок появились поэтические сборники Василия Сочки-Боржавина, Славко Слободана, Юрия Чори, Анастасии Далиды, Владимира Фединишинца, Ивана Калинича, Тамары Керча, Ивана Меденци, Ивана Петровция, Иосифа Лемко, Владимира Танчинца, Романа Пищальника и других.

Большая поэтическая форма представлена поэмой Ю. Чори "И днись гоя, й завтра гоя", а также романом в стихах "Изянська русал-

ка" Михаила Кеминя. Рассказ, новелла, эссе, очерк представлены книгами Михаила и Василия Молнаров, Дмитрия Попа-старшего, Дмитрия Попа-младшего, Владимира Фединишинца, Тамары Керча. Публицистический и научный стиль представлены публикациями Валерия Падяка, Тамары Керча, Михаила Алмашия, Дмитрия Попа-старшего и др. Переводная литература представлена переводами художественной классики, научной и церковной литературы с русского, французского, венгерского, словацкого, чешского, а также церковнославянского языков. Так, в этом жанре активно работают Игорь Керча, Иван Петровций, Иван Ситар, Димитрий Сидор, Рудольф Матола, Валерий Падяк и др. Отрадно, что в последнее время появилась новая генерация русинской творческой интеллигенции, активно пропагандирующая со страниц газет и журналов возможности родного поэтического слова. Тут следует отметить Ивана Фотула, Марьяну Неймети, Михаила Чухрана, Василия Матолу, Михаила Чекана, Олену Русин-Яринич и др. Большинство из них уже готовы выпустить в свет свой первый поэтический сборник, и только финансовые проблемы сдерживают авторов, а О. Русин-Яринич и В. Матола в 2004 и соответственно 2005 гг. уже дебютировали.

Активно ведётся лексикографическая работа. Уже изданы трёхъязычный "Русинсько-украйинсько-руськый словарь" на 7 тысяч слов, составленный М. Алмашием, Д. Попом, Д. Сидором (Ужгород: Изд-во В. Падяка, 2001), "Русинськый синонімічный словарь из украйинськыма одповідниками" на 2 тысячи слов – составители Д. Поп, Д. Поп (Ужгород: Изд-во В. Падяка, 2001), а также первых два тома шеститомного "Словаря русинського языка" – составитель Ю. Чори (Ужгород, 2002–2003). Последний словарь вышел символическим тиражем – 24 экземпляра! На стадии подготовки к изданию находится и "Словарь русинского языка", содержащий около 50 тысяч слов (составитель И. Керча).

Важным событием для лексикографов стало факсимильное издание русинско-венгерского словаря глаголов Антония Годинки под названием "Глаголниця", подготовленного к печати ещё в 1922 г., но изданного по чистовой рукописи только в 1991 г. русинистом Иштваном Удвари в г. Ньиредьгаза (Венгрия).

Запаздывание с кодификацией грамматики современного русинского литературного языка и определением основного принципа орфографии привело к состоянию языковой анархии. Писатели, журна-

листы, учёные в своём творчестве опираются либо на свой родной диалект, либо на одну из грамматик последнего времени, а представители старшего поколения – на грамматики предыдущих эпох, уже устаревшие, часто на своё усмотрение корректируя их.

Этот вывод можно проиллюстрировать следующим образом. Например, поэт Михаил Кеминь (1922 г. рожд.) родился в с. Иза (мараморошский диалект) и закончил русскую гимназию в Хусте в 1942 г. В своём творчестве придерживается старых грамматических норм и этимологического правописания, что проявляется, в частности, в употреблении буквы *ѣ*: *тѣло*, *свѣжа*, *колѣна*, *в лѣтѣ*, *на свѣтѣ*, *высокѣ*, *лѣсистый*, *всѣм*, *тепленькѣ*, *бѣлоснѣжнѣ*, *файнѣ*, *дѣвко*, *двѣ*, *свѣтло*.

Вот образец его поэзии – отрывок из романа в стихах "Изянська Русалка":

Цимборове, дорогенькѣ,
Побратимы солоденькѣ!
Перед вами не таюся
Щиро, чесно признавуся,
Й суперечити не стану,
што нѣко менѣ на свѣтѣ
Не загойит серця рану.
А коли 'ня спустят в яму –
Посадѣт, хоть бы на шутку,
Нѣжну голубу косичку
Милу серцю незабудку (ХР 1999, 14).

М. Кеминь – носитель мараморошского диалекта, ему присуще "*у*-гваряня", т. е. произношение на «*у*» (чередование *о* : *у*) в закрытых слогах, что отражено в тексте романа: *кунь*, *майбулшый*, *твуй*, *свуй*, *говурливый*, *пудняв* и т. д. Хотя и реже, но в данной позиции встречаем также употребление буквы *ў*, т. е. *у*-умлаут. Чем можно объяснить такой разнобой в написании? Исключительно влиянием редакции газеты "Християнська родина" (где публиковался роман в стихах), которая на своё усмотрение вносила правку в авторский текст.

Авангардно, не обременяя себя обязательством мотивации выбора, решил основную проблему бережского диалекта литератор И. Петровций, который ввёл в кириллический шрифт букву из латинического шрифта *ӥ* (*у*-умлаут). Например: *спӥванкы*, *дӥвка*, *ӥйв*.

Данное новшество ни в читательской среде, ни в среде языковедов поддержки не получило и остаётся скорее фактом языкового анархизма, чем примером вариативности решения проблемы создания нормы.

Эпатажным, абсолютно оторванным от традиций русинской культуры, его многострадальной истории и борьбы за свою "*руську віру*" и "*рускый язык*" стало предложение писателя В. Фединишинца отказаться от кириллицы и перейти на латинский алфавит, что, естественно, было проигнорировано как в среде грамматистов, так и широкой общественностью (Фединишинець 1998, 19–20).

Отдельной темой исследования может быть борьба в среде русинской интеллигенции вокруг проблемы употребления буквы *ѣ*. Церковнославянский язык выполнял функцию литературного языка во времена становления книгопечатания в Подкарпатской Руси. В более поздние эпохи, вплоть до 40-х гг. XX столетия, употребление буквы *ѣ* инспирировалось русофильской интеллигенцией. В тех исторических условиях оно также было мотивировано этимологическим принципом орфографии русинского языка. Сегодня же, когда русофильство исчерпало себя, только отдельные представители его выступают за сохранение этой буквы, например, ранее упоминаемый поэт М. Кеминь.

К числу сторонников *ѣ* относится и Рудольф Матола, патриарх русинского движения, один из основателей Мировых конгрессов русин, житель с. Ключарки Мукачевского района. В 2003 г. он осуществил русинский перевод синодального сборника псалмов 1822 г. издания, дополнив его песнями христиан. Книга объёмом в 548 страниц вышла под названием "Псалмы а пѣснѣ христіян". В предисловии составитель указывает, что "сборник написан в народной речи"; тут же подаётся алфавит, который состоит из 35 букв, в их числе *ѣ*, *і*, *и*, *ы*, пары *г* и *ґ*, а также двух знаков – *ь* (мягкого знака) и *ъ* (твёрдого знака). Причём звук [*h*] передаётся литерой латинского алфавита *H* – *h*, а звук [*g*] – литерой кириллического алфавита *Г*– *г*, что идёт вразрез с традицией не использовать в русинской азбуке буквы из латинского алфавита и создаёт непомерные сложности читателю, а также издательствам.

Буква *ї* в текстах Р. Матолы не используется. По мнению этого автора, потому, что

> "её произношение в течении 1000 лет отклонилось от первоначального значения настолько, что её употребление сегодня привело бы к путанице" (с. 3).

Её функцию в тексте выполняет сочетание *йи*, а в начале и на конце слов – буква *ѣ*: Например: *твойима*, *небеса твоѣ*, *гонителѣ моѣ*, *наступают злодіѣ*, *от своѣ історіѣ*, *истреблю ѣх*, *в сѣтѣ своѣ*.

Не употребляется и буква *Ё – ё*. На письме, в зависимости от того, является ли гласный звук [*о*] йотированным или нет, употребляются сочетания *йо* и *ьо*, например: *єлейом*, *веселійом*, но: *огньом*, *серцьом*, *всьо*.

Концептуально Р. Матола стремится к созданию такого языкового стандарта, который был бы обращён в прошлое и формировался бы на основе этимологического написания, объединяя таким образом все диалекты. При этом создаётся впечатление простоты употребления буквы *ѣ*, т. е. она ставится всякий раз на месте звука [*і*], кроме тех случаев, когда после неё стоит гласный, например: *пѣснѣ собранѣ*, *мелодія псалмѣв христіян*, *вашѣ примѣчанія* (исключение: слово *мір*), а также буква *ѣ* ставится на месте [*ji*] в начале и на конце слов, например: *ѣх*, *свыѣ*, *єѣ*, *твоѣ*.

В большинстве своём писательская среда настороженно относится к идее употребления буквы *ѣ*. За исключением В. Сочки-Боржавина, М. Кеминя, Р. Матолы, Д. Сидора, больше никто из писателей не придерживается этой идеи. С одной стороны, в литературу входит новое поколение писателей и поэтов; пусть и не быстро, но постепенно расширяется сфера бытования русинского языка, новые генерации далеки от старых норм, они их не знают. С другой стороны, идея формировать язык на основании живой разговорной речи, употребляя буквы современного алфавита *і* или *ї*, не благоприятствует букве *ѣ*, хотя и вызывает спор: какая буква должна стоять на её месте, например: *лѣто – літо – лїто*; *дѣти – діти – дїти*. Ср. также: *у сферѣ – у сферї*, *оцїненый – оцїненый*, *душпастирі – душпастирї*, *у Страбичовѣ – у Костринї*. Игнорирование *ѣ* усложняет и норму выбора пары *і – и*, например: *двоякі – двояки*, *зелені – зелени*, *карпатськ*і *– карпатськи*, *вшитк*і *– вшитки*, *шилиякі – шилияки*. Однако, как нам кажется, в данной языковой ситуации возврата к *ѣ* не будет.

Фактор стихийности, который присутствует сегодня при формирования русинского литературного языка, когда каждый новый автор (поэт, писатель, учёный, журналист, общественный деятель) де-

кларирует "свою" грамматическию норму, создаёт впечатление неуправляемости процесса. При более пристальном взгляде, оценивая двадцатилетний путь развития, убеждаешься, что это не так. Авторские концепции динамично развиваются, находясь в постоянном контакте друг с другом. Сталкивание концепций, их перекрещивание, взаимоотталкивание, взаимообогащение, взаимопоглощение свидетельствуют о живых процессах поэтапного формирования единой литературной нормы.

В свою очередь, норма влияет на расширение сферы употребления языка. Её отсутствие тормозит издательскую деятельность, негативно влияет на функционирование прессы, развитие просвещения и образования, и наоборот. По этой причине активными участниками процесса становятся издатели, редакторы газет и журналов, функционеры системы школьного образования и т. д., которые в силу специфики своей профессиональной деятельности призваны удовлетворять запросы рынка, но одновременно и влиять на становление нормы.

В Закарпатской области сегодня сохраняется стабильный интерес к русинской культуре и истории. Нужно отметить, что пробел в литературе на эти темы восполняется изданиями на украинском и русском языках. Это связано с тем, что русинский язык, в силу объективных причин, пока ещё слабо завоёвывает свою нишу в таких жанрах и стилях, как научный и публицистический.

При отсутствии какой-либо поддержки со стороны государства, при сохранении стойкой тенденции непризнания Украинским государством русинской национальности и русинского языка в условиях рыночных отношений издательские центры не игнорируют русинского автора и готовы к сотрудничеству. Сегодня в Закарпатской области русинская тематика в поле зрения нескольких конкурирующих между собой издательств, таких как "Издательство В. Падяка", "ПолиПринт", "Карпатська вежа", "Сольво", "Елара" и др. А при издательстве В. Падяка создан Исследовательский центр карпатоведения, специализирующийся по выпуску книг на русинском языке и оказывающий помощь молодому автору.

Постепенно издательская деятельность входит в нормативное русло. Со времени первых попыток издать в Закарпатье (а не за границей), хотя бы и нелегально, первую русинскоязычную книгу прошло десятилетие. В 2000 г. в Ужгороде легально была издана первая ру-

синскоязычная книга. Тогда в издательстве В. Падяка увидела свет монография Иштвана Удвари "Образчикы з історії пудкарпатськых Русинув". А в 2001 г. в Закарпатье легально появились уже 9 русинскоязычных книг, среди них "Сніває Віра Баганич", "Наш чесько-русинськый календарь на 2002 рік", "Подкарпатські русины, їх історичні былины и легенды" Д. Попа и Д. Попа, книга легенд "Матяш, король русинув" (составитель И. Керча), повесть И. Ольбрахта "Смутні очі Анці Караджічевої", перевод с венгерского книги Андраша Ш. Бенедека "Сосїды добрі и вшелеякі Русины, gens fidelissima", стихи В.Фединишинца "Рутенійо моя, Рутенійо...".

В 2002 г. появились в издательствах области 12 русинскоязычных книг, в т. ч. библиографическое издание М. Капраля "Подкарпатськоє общество наук", книга для чтения в русинских школах "Утцюзнина" (составитель И. Керча), стихи Я. Затлоукала "Земля, Европов зохаблена" (перевод С. Слободана), "Наші добрі Русины" Д. Крудия (перевод И. Керчи), книга этнографических очерков М. Молнара и В. Молнара "Вичурки у вуйны Полані", поэма Ю. Чори "И днись гоя й завтра гоя", а также в серии первой книги поэта "Брости" зборнички стихов Владимира Танчинца "Тямте нас!" и Романа Пищальника "Молитва русина".

Тенденция к увеличению книжного потока на русинском языке сохраняется. Из года в год увеличиваются и тиражи продаваемых книг. Если в первые годы возрождения книги печатались тиражами в 100–200 экземпляров, то сегодня это уже 500–1000–3000 экземпляров.

Книга начинает удовлетворять возрастающие запросы общества. Сегодня на прилавках книжных магазинов можно найти не только поэтические сборники, но и словари, учебную литературу, сборники русинского фольклора.

Одна из самых приятных новостей из Закарпатья – открытие русинских воскресных школ и начало функционирования русинского языка в сфере школьного образования. В 2004/2005 учебном году в Закарпатской области функционировали 16 русинских воскресных школ. В 2006 учебном году таких школ уже 20. Учащиеся общаются на родном языке во время уроков, на переменах, во время внеклассной работы. Надо признать, что особой сложности у них с общением на родном языке нет, – чувствуется, что в семьях они общаются по-русински.

Русинская воскресная школа – это пять уровней (пять цветов) обучения школьников – от 7 до 17 лет. Такое пятиуровневое образование (один день в неделю на протяжении учебного года) призвано, параллельно к общегосударственной школе, сформировать у учащегося стойкие нормы русинского литературного языка, дать ему фундаментальные знания по русинской литературе, культуре, истории карпатских русинов, географии родного края и т. д. Русинские школы Украинским государством не финансируются.

Школы, благодаря активной помощи русинских меценатов, уже обеспечены первыми учебниками и учебной литературой. Это школьное пособие по языку для начальных классов "Слово за словом" – составители М. Алмаший, М. Молнар (Ужгород: Изд-во В. Падяка, 2004); книга для чтения "Живоє слово" – составитель М. Алмаший (Ужгород: Изд-во В. Падяка, 2004). Поступил в школы также новый учебник истории карпатских русин "Наша Отцюзнина" П. Р. Магочи в переводе на русинский язык В. Падяка (Ужгород: Изд-во В. Падяка, 2005). В качестве вспомогательной литературы школы уже используют книгу стихотворных текстов, знакомящих с русинской азбукой, "Бетярськый букварь" Славко Слободана (Ужгород, 2004), книгу для чтения "Утцюзнина" – составитель И. Керча (второе издание: Ужгород, 2002), иную литературу.

К передачам радио и телевидения русины доступа не имеют. При том, что при Закарпатской областной телерадиокомпании есть редакции программ на румынском, словацком, немецком и венгерском языках, т. е. национальные меншинства края имеют возможность удовлетворять свои культурные потребности, а коренное население края – русины – такой возможности не имеют. Спорадически в звуковых заставках к передачам звучат русинские народные песни. Русинскую речь можно слышать в новостях, когда даётся интервью, дикторы же вопросы задают либо комментируют ситуацию по-украински.

Фактически из-за отсутствия финансирования не удаётся русинам наладить систематический выпуск русинской газетной продукции. Издаётся только газета "Подкарпатская Русь". Вместе с тем местная творческая интеллигенция с успехом использует предоставившуюся возможность публиковаться в русинских изданиях вне Украины – таких как журналы-ежемесячники "Русинськый світ" (Будапешт),

"Русин" (Пряшев, Словакия), газеты "Народны новинкы" (Пряшев), другие издания.

Активизация общественной и литературной жизни постепенно способствует расширению сферы употребления русинского языка, формированию на разных уровнях нормы. Главное, она подводит общество к новому этапу его функционирования – в качестве кодифицированного литературного языка с унифицированными нормами орфографии, хотя, надо признать, полного единства в этом вопросе нет. В целом же в настоящее время прослеживается отставание в развитии письменного языка в сравнении с языками иных славянских народов, решившими проблему кодификации в XIX – начале XX столетия. Несмотря на это, русины Подкарпатья полны решимости восполнить пробел, вызванный прерванной на полстолетия традицией письменного языка и продемонстрировать мировому сообществу, что русинский язык – это полноправный славянский язык. Хочется верить, что последующее десятилетие пройдёт под знаком грамматической воли и завершится-таки созданием кодифицированной нормы русинского литературного языка для Подкарпатской Руси.

Литература

Гомоннай, В. 1988: *Народна освіта Радянського Закарпаття*. Київ / Ужгород

Рущак, М., В. Падяк 2004: *Система хозяйствования в Закарпатской области в 1991–2004 годах…* Ужгород

ХР 1999: Християнська родина, № 7 (18 черв.)

Фединишинець, В. 1998: *Закінчити розпочате Будителями*. Ужгород

Transcarpathia (Subcarpathian Rus'): the problems and particularities of how the Rusyn literary language functions in the context of its national revival

Valerii Padyak

The annexation of Subcarpathian Rus' (the present-day Transcarpathian *oblast* of Ukraine) by the Soviet Union, which began in 1944, set in motion a process of forced assimilation (ukrainianisation) of the local population. This resulted in a ban on the adoption of Rusyn nationality and the virtual termination of Rusyn as a functional literary language, a situation that lasted until the transformation of Soviet society in the late 1980s. Since that time, and under new sociopolitical conditions, Rusyns have striven to reinstore the status of Rusyn as a literary language. The complicated process of creating a contemporary literature – poetry, prose, drama, journalism – is still underway. The Rusyn language is systematically carving out for itself a niche in the print media, in scholarship, in economic life, etc. These developments have had a beneficial impact on the stylistic diversity of the Rusyn language and on the enrichment of its vocabulary, and have contributed to a revival of publishing activity. The creation of a literary norm is particularly problematic, as has become evident during the preparation and publication of Rusyn language grammars by various teams of authors. These efforts do, however, suggest that in the near future a codified grammar of Rusyn language will emerge.

padyak@mail.uzhgorod.ua

Юлиян Рамач, Нови Сад

Пременки у руским язику без цудзих уплївох

1. По приселєню югославянских Руснацох до Бачкей, руски язик, оддзелєни од свойого кореня у карпатским ареалу, у новим язиковим окруженю, у условийох конзервованосци, прецерпел и специфични пременки. До єдних пременкох пришло под цудзим уплївом, у найвекшей мири под сербским. Вони у руским язику преучовани, о нїх єст досц вельо литератури. Други пременки ше случую без цудзого уплїву. Їх жадаме описац у нашей роботи.

У роботи наводзиме пременки у морфологиї, синтакси и лексики. Огранїчели зме ше лєм на пременки у бешеди, хтори з бешеди найчастейше уходза и до литературного язика. Пременки хтори характеристични лєм за литературни язик (т. є. хтори ше нє случую перше у бешеди) вимагаю окремне виучованє, та зме их на тот завод вихабели.

Векшина описаних пременкох наводза ше и у нашей *Ґраматики руского язика* (2002), алє у Ґраматики нєдостаточно потолковани причини пременкох и нє визначоване за нїх же ше случую перше у бешеди. З Ґраматики наводзиме и даєдни приклади.

2. Морфология

2.1. Даєдни меновнїки женского роду на консонант (типа *ноц*, *косц*), под уплївом численших меновнїкох хлопского роду на консонант, хасную ше и як меновнїки хлопского роду. Таки меновнїки *ступай* ‘шлїд од ноги’ (ном. *тота ступай*, ґен. *тей ступаї*) и *льовч* ‘часц селянского кача’ (ном. *тота льовч*, ґен. *тей льовчи*) – вони тераз маю и форми хлопского роду: ном. *тот ступай*, ґен. *того ступаю*; ном. *тот льовч*, ґен. *того льовча*. Напр.:

(1) *Ступай* ж. р.: *Вон станул на пирню, дораз* ***ступай остала*** (Гнатюк, т. XXIX, 178);

(2) *ступай* х. р.: *оковани з бетоном* ***кажди ступай*** *// и ми у нїм и з нїм* (Загр. 10/2001, 3); *Уж ме оцец, уж ме чекал // з* ***льовчу*** *на дворе* (Žganec 121).

Меновнїк *льовч* автор тей статї од дзецинства хасновал як меновнїк хлопского роду: *тот льовч*, ген. *того льовча*.

2.2. Даєдни меновнїки з тей ґрупи, под уплївом численших меновнїкох женского роду на *-а*, хасную ше и у форми на *-а*. То меновнїки *циберей* ‘напиток з отрубох’, *коляй* ‘шлїд од колєса’, *колїмаж* ‘масц за подмасцованє колєсох’. Напр.:

(3) *Циберей* ж. р. на *-й*: *Зволя ми є зволя, // нєт ми мужа дома, // наварим* ***циберей***, *// то є душа моя*! *// Гарчок* ***цибереї*** *// то є душа моя* (ЮРНП, 16);

(4) *циберея* ж. р. на *-а*: ***Циберея*** *ма вельо витамини* (РС 23/2005, 11);

(5) *коляй* ж. р. на *-й*: *За колєсом оставала глїбока* ***коляй***;

(6) *коляя* ж. р. на *-я*: *За колєсом оставала глїбока* ***коляя***. Меновнїк *колїмаж* ж. р. (ном. *тота колїмаж*, ген. *тей колїмажи*) автор тей статї ище у дзецинстве хасновал у форми на *-а*: *тота колїмажа*.

2.3. При даєдних меновнїкох хтори ше звичайно хасную у множини забула ше першобутна форма номинатива єднини, та ше хасную двояки форми єднини: хлопского и женского роду. Меновнїки *банти* ‘крижни гредки на пойдзе’, *ґомбовци* ‘файта єдзеня з цеста’ спочатку мали єднину хлопского роду: *бант*, *ґомбовец*, а нєшка ше хасную и форми женского роду *банта*, *ґомбовца*:

(7) *Ганьбел сом ше сам войсц нука*, [...] *алє сом прелїґнул* ***ґомбовцу*** (Загр. 5/2006, 16).

Єднину меновнїкох *баюси* (єд. *баюс* х.), *пупенци* (єд. *пупенєц* х.) и *дєплови* ‘ременї за управянє з коньом’ (єд. *дєплов* х.) автор статї у дзецинстве хасновал як меновнїки женского роду: *баюса*, *пупенца*, *дєплова*.

2.4. Даєдни меновнїки хлопского роду хасновали ше з випаднима вокалами *о*, *е*: *аколь* ‘ограда за статок’ (ген. *аклю*), *ґаґор* ‘дихаце гарло’

(ґен. *ґатру*), *шатор* (ґен. *шатру*), *майстор* (ґен. *майстра*), *цворень* (ґен. *цворня*) итд.

Нєшка ше вони починаю хасновац без випадних *о*, *е*: *аколь* – ґен. *аколя*; *ґатор* – ґен. *ґатора*; *шатор* – ґен. *шатора*; *майстор* – ґен. *майстора*; *цворень* – ґен. *цвореня* итд. Напр.:

(8) *То шестра чловекова до* ***чепеца*** *увязана* (место: *до чепца*) (РС 9/1999, 15).

Меновнїки *шатор*, *майстор*, хтори исную и у сербским язику (алє без випадного *о*) вироятнєйше же траца випадне *о* под сербским уплївом. Алє меновнїки *аколь*, *ґатор*, *цворень* форми без випадного вокала могли достац по аналогиї з меновнїками без випадного вокала: *цитонь*, ґен. *цитоня*; *церень*, ґен. *цереня* итд. Понеже меновнїки з випаднима вокалами у руским язику досц числена ґрупа, аналогия з меновнїками без випадних вокалох нє мушела буц главна причина тей пременки. Причина могло буц и вше ридше хаснованє даєдних меновнїкох з випаднима вокалами, їх архаїзация, цо подрозумює и забуванє їх формох. То напр. меновнїки *цворень*, *аколь*.

2.5. Траца ше даєдни ридши форми номинатива множини. Множина од меновнїка *Жид* глаши *Жидзи*, ґен. *Жидох*, дат. *Жидом*. Младши нєшка хасную, и у литературним язику, форму *Жиди*, ґен. *Жидох* (РС), алє и *Жидзи*, ґен. *Жидзох*:

(9) *були у ґрупи лєм зоз Австриянцами*, *Нємцами и* ***Жидзами*** (РС 16–17/2003, 3).

И у бешеди и у литературним язику, медзитим, меновнїк *Жид* углавним поциснути од сербизма *Єврей* (мн. *Євреє*). Меновнїк *сушед* у прешлосци мал и форму множини *сушедзи* (ґен. *сушедох*), а нєшка ше хаснує лєм форма *сушеди*. Форми множини на *-дзи* ше траца прето же вони у руским язику барз ридки (точнєйше, праве спомнути два меновнїки маю тоту форму); з другого боку тота пременка ше случує вироятно и под уплївом множини меновнїкох *плоди* – ґен. *плодох*, *пойди* – ґен. *пойдох* и др., при хторих ше основов консонант нє змегчує.

2.6. При меновнїкох хлопского, штреднього и женского роду хтори у прешлосци у инструменталу множини мали законченє *-ми* або двояки законченя – *-ми* и *-ами*/*-ями* нєшка, под уплївом фреквентнєй-

шого инструментала на *-ами/-ями*, поставаю фреквентнєйши форми тих меновнїкох на *-ами/-ями*. У прешлосци ше частейше хасновало: *конї – з коньми*; *гудаци* ‘музиканти’ – *з гудацми*; *швинї – з швиньми*; *жени – зоз женми*; *каче*, мн. *качата – з качатми*; *око – очми*; *пенєжи – з пенєжми*, а нєшка ше хасную або и превладую форми на *-ами/-ями*: *з конями*, *з гудацами*, *з швинями*, *з женами*, *з качатами*, *з очами* (аж и: *з оками*), *з пенєжами* итд. У прешлосци ше тиж хасновало *воли – з волами* и *з волми*, *пчоли – з пчолами* и *з пчолми*, а нєшка лєм *з пчолами*, *з волами*. Напр.:

(10) *Нїхто нє зна кельо єст зоз странскима* ***пенєжами*** *финансовани орґанизациї* (РС);

(11) *Дзецко патрело з жалоснима виплаканима* ***очами*** (шк. сост.);

(12) *Робела сом у студию вельку композицию з пейцома* ***женами*** (РС 4/1996,16);

(13) *колектив Школи и Ґимназиї мал уж традицийни Прадки зоз* ***гудацами*** *и богату томболу* (РС 5/2001, 9); *Кадзи зоз* ***прашатами*** (РС 49/1986, 8).

2.7. Зазначени и єден случай траценя деклинациї меновнїкох. Меновнїк *панї* у прешлосци ше менял по припадкох:

ном., ґен., дат., лок. *панї*,
акуз., инстр. *паню*;
множина: ном. *панї*,
ґен. *паньох*,
дат. *паньом* итд.

Нєшка меновнїк *панї* у шицких припадкох єднини и множини ма лєм єдну форму: *панї*. У єднини превладала фреквентнєйша (у штирох припадкох: ном., ґен., дат., лок.) форма *панї* над менєй фреквентну форму *паню* (акуз., инстр.), а вец ше тота форма пренєсла и до множини, хтора, иншак, ридко хаснована. До траценя формох деклинациї того меновнїка пришло и прето же ше вон часто хасновал, у нєпременлївей форми, у злученьох з назвами занїманьох, дружтвених положеньох и под.:

ном. *панї учителька*,
ґен., дат., лок. *панї учительки*,
акуз., инстр. *панї учительку*,

вок. *панї учителько*;
ном. *панї млода* ‘млода на свадзби’,
ґен., дат., лок. *панї млодей*,
акуз., инстр. *панї млоду*,
вок. *панї млодо*.

Даєдни таки злученя ше хасновали и як зложени меновнїки (з нєпременлїву першу часцу *панї*):

ном. *панїматка* ‘паноцова супруга’,
ґен., дат., лок. *панїматки*,
акуз., инстр. *панїматку*,
вок. *панїматко*.

2.8. Меновнїки хтори знача особи женского роду и дзеци у акузативе множини маю форму номинатива множини: *поволац* ***мацери*** *и* ***дзеци***, *орґанизовац прадки за старших дїдох и* ***баби***, *страшиц* ***дзеци***, *поволац* ***пайташки*** *и пайташох*. По аналоґиї з меновнїками хтори знача особи хлопского роду, а хтори у акузативе множини маю законченє *-ох* (*прадки за дїдох*, *поволац пайташох*), нєшка ше тоти меновнїки женского и штреднього роду у акузативе хасную и у форми ґенитива:

(14) *Орґанизовали прадки и за старших дїдох и* ***бабох*** (шк. сост.);
(15) *Вжиме вонка може видзиц* ***дзецох*** *як ше радую билому шнїгу* (шк. сост.);
(16) *Баба ми приповедала як скорей людзе страшели* ***дзецох*** *же єст босорки*; а *єдна жена ше прибрала за босорку, та страшела* ***дзецох*** (шк. сост.);
(17) [На родзени дзень] *Поволала сом бабу, дїда,* ***пайташкох*** *и пайташох* (шк. сост.).

2.9. Вше ридше ше хасную присвойни прикметнїки на *-ин*:

ном. *шестрин син*, *-ина дзивка*, *-ино дзецко*,
мн. *-ино дзеци*; *мацерин тал*, *-ина любов*, *-ино чадо*, мн. *-ино* дзеци:

(18) *У Осеку и два* ***женїно*** *шестри и їх фамелиї* (РС 25/1999, 12). Поцискую их численши присвойни форми на *-ов* (*шестров -а -о*, мн. *шестрово*). Форми штреднього роду

на *-ино* нєшка маю и законченє *-е*, як векшина прикметнїки: *шестрино дзецко* и *шестрине дзецко*.

2.10. Старши хасновали и ище хасную и нєпременлїви присвойни форми презвискох и назвискох на *-ого*:

*Еделинск**ого*** (*Лисого*, *Грубого*) *хлапец*,
ґен. *Еделинск**ого*** (*Лисого*, *Грубого*) *хлапца*; *Еделинск**ого*** (*Лисого*, *Грубого*) *дзивче*,
ґен. *Еделинск**ого*** (*Лисого*, *Грубого*) *дзивчеца*;
мн. *Еделинск**ого*** (*Лисого*, *Грубого*) *дзеци*,
ґен. *Еделинск**ого*** (*Лисого*, *Грубого*) *дзецох* итд.

Тота форма вше ридша, а поцискую ю фреквентнєйши присвойни форми на *-ов* (*Тиркайлов*, *Винайов*, *Ильков* и др.): *Еделинск**ов** хлапец*, *Еделинск**ово** дзивче*, *Еделинск**ово** дзеци*, хтори ше меняю як прикметнїки:

ном. *Еделинск**ов***, ґен. *Еделинск**ового***,
дат. *Еделинск**овому***...;
ном. *Еделинск**ова***, ґен. *Еделинск**овей***,
дат. *Еделинск**овей***...

Напр.:

(19) *Од Юлина Вадаск**ового*** [приповедку] *зазначел Микола Каменїцки* (место: *Од Юлина Вадаского*) (Загр. 7/1993, 17);

(20) *Маю у Саскатуну найбльшу родзину, трох братох **Мудровых*** (место: *трох братох Мудрого*) (РС 47/1998, 12).

2.11. З другого боку, кед тоти презвиска и назвиска на *-ого* були у злученю з власнима менами, вони ше ище у нєдавней прешлосци частейше хасновали у нєпременлївей форми на *-ого*, ридше як меновнїки:

ном. *Янко Еделински* (*Лиси*, *Груби*) и *Янко Еделинск**ого*** (*Лисого*, *Грубого*),

ґен., акуз. *Янка Еделинск**ого*** (*Лисого*, *Грубого*),
дат., лок. *Янкови Еделинск**ого*** (*Лисого*, *Грубого*),
инстр. *з Янком Еделинск**ого*** (*Лисого*, *Грубого*).

Нєшка ше тоти презвиска и назвиска, у бешеди младших и у литературним язику, частейше меняю як меновнїки:

ном. *Янко Еделински*,
ґен., акуз. *Янка Еделинск**ия***,
дат., лок. *Янкови Еделинск**ийови***,
инстр. *з Янком Еделинск**ийом***.

Напр.:

(21) *100 роки Янка Хромиша* – "*бачика Горк**ия***" (место: *бачика Горк**ого***) (РС 6/2001, 14);
(22) *Индустрийна електроніка Юлия Еделинск**ия** зоз Петроварадину* (место: *Юлия Еделинского*) (РС 14/2001, 13);
(23) *поздрав шовґрови Янкови Рацови* (*Кренїцк**ийови***) (место: *Янкови Рацови Кренїцкого*) (РС 7/2002, 15).

Ту ше, з єдного боку, роби о аналогиї з истима презвисками кед су нє у злученю з власнима менами, а теди ше вони звичайно меняю як меновнїки:

ном. *Еделински*,
ґен., акуз. *Еделинския*,
дат., лок. *Еделинскийови*,
инстр. *з Еделинскийом*,

а з другого боку о диференцияциї значеньох: з формами на *-ого* баржей ше наглашує припадносц, а при формох з меновнїцку пременку вона нє наглашена. Тиж так ту могли мац уплїв и презвиска, назвиска и други меновнїки на *-и* хтори маю лєм меновнїцку деклинацию:

ном. *Мади*,
ґен. *Мадия*, *Гарди*,
ґен. *Гардия*, *Фунзи*,
ґен. *Фунзия*, *Мали*,
ґен. *Малия* и др.

2.12. Кратки прикметнїцки форми у прешлосци були барз ридки. Таки був прикметнїк *длужен*, напр.:

(24) *Цо сом вам **длужен***?

По аналоґиї з вельку векшину прикметнїкох хтори маю лєм длугшу форму (*добри*, *чарни*), младши нєшка тот прикметнїк хасную углавним у длугшей форми:

(25) *Цо сом **длужни** за скло*? (Загр. 5–6/1999, 23).

2.13. При числовнїкох нєшка вишли з хаснованя форми *єденацсто* (=1100), *дванацсто* (=1200), ... *дзеветнацсто* (=1900). Напр.:

(26) *Оцец му дал* ***дванацсто*** *форинти на трошок* (Гнатюк).

Место нїх ше хасную числовнїки *езер/тисяч сто*, *езер/тисяч двасто*, ... *езер/тисяч дзевецсто*. Тиж скоро цалком вишли з хаснованя и числовнїцки злученя *полдруга рока* (*мешаца* и под.) (= рок, мешац и под. и пол, *полтреца рока* (*мешаца* и под.) (= два и пол), ... *полшеста рока* (*мешаца* и под.) (= пейц и пол) итд. Напр.:

(27) *Кед му було* ***полшеста мешаца***, *умарло* (Гнатюк, Ґрам. 107);

(28) *На* ***полшеснаста рока*** *сом ше одала* (Ґрам. 107).

Место нїх ше хасную злученя *рок* (*мешац* итд.) *и пол*, *два и пол рока* (*мешаца* итд.), *пейц и пол рока/роки* (*мешаца/мешаци* итд.). И форми *єденацсто*, *дванацсто* итд. и злученя зоз *полдруга* у прешлосци були досц фреквентни, та їх архаїзацию нє мож потолковац лєм зоз поцискованьом з боку фреквентєйших синонимох. Можлїве же ше ту роби и о уплїву сербского язика, у хторим нє исную спомнути форми.

2.14. Збирни числовнїки за особи хлопского роду *пейцме*, *шейсцме*, ... *дзешецме* итд. и за младих (*двойо*, *тройо*, ... *дзешецеро* итд.) нєшка часто маю и форми фреквентнєйших основних числовнїкох и часто ше нє меняю по припадкох (як основни числовнїки): *седемцме студенти* и *седем студенти*, ґен. *седемцох студентох* и *седем студентох* (числовнїки *двоме*, *троме*, *штирме* частейше чуваю збирну форму). Напр.:

(29) *У вельких ґаздох* [...] *кошели и по* ***пейц-шейсц*** *рисаре и їх фамелиї* (место: *пейцме-шейсцме рисаре*) (РС 27/1998, 10);

(30) ***Два*** *прашатка мали // виваляни стали* (место: *Двойо прашатка*) (Загр. 8/1994, 18).

(31) *Мелана ма 80 роки*, *єдного сина и* ***пейц*** *унучата* (место: *пецеро унучата*) (Загр. 6/1992, 17).

Збирни числовнїки у руским язику досц фреквентна ґрупа, та нам толкованє тей пременки з аналоґию з основнима числовнїками випатра нєдостаточне.

2.15. Футур од дїєслова *мочи* (*я будзем мочи*, *ти будзеш мочи*) поцискнути од кратшей форми прикметнїка *годни*, хтора першобутно значела ‘тот цо дацо може, тот цо дацо у стану зробиц’, напр. у Гнатюкових записох:

(32) *Кед єденац годзин прейдзе*, ***нє годзен*** *стац на ногох*, *так го влода спанє* (= нє може стац на ногох).

Форму *годзен* у Гнатюкових записох уж находзиме и зоз значеньом будуцого часу:

(33) *Видзем горе* [на дуб], *оздаль ме там* ***нє годнї*** *достац* (= озда ме *нє буду мочи* достац).

Нє ясне прецо пришло до тей нєзвичайней пременки.

У другей половки XX. вику форми *я будзем мочи*, *ти будзеш мочи* итд. ище хасновали Руснаци у Сриме и даєдни старши руски писателє:

(34) *Я нїгда* ***нє будзем мочи*** *танцовац – подумал сом себе* (О. Коч., Ґрам. 122).

Приклад з дїла сримского автора:

(35) *Думали же голєм* ***будзем мочи*** *лєжац у посцелї* (И. Копч., РК 1978, 118).

За сримску бешеду нє ясне чи ше роби о зачуваних архаїчних формох (*я будзем мочи* итд.) чи, можебуц, о сербским уплїве (*ја ћу моћи*). Под уплївом формох футура шицких других дїєсловох (*я будзем читац*, *ти будзеш читац* итд.) нєшка ше у бешеди младших знова ширя форми *я будзем мочи*, *ти будзеш мочи* итд. (у литературним язику су ище досц ридки), док форми зоз *годзен* у бешеди траца фреквентносц.

2.16. Траца ше и дїєсловни форми плусквамперфект и потенциял прешли. Плусквамперфект ище дакеди хасновали медзивойново авторе:

(36) *Браца*, *шестри*, *шицки вони ище спали. И дїдо ище спал*, *лєм баба уж* ***була станула*** *и ушорйовала по хижи* (РН, Ґрам. 125).

У сучасним литературним язику плусквамперфект барз ридко находзиме:

(37) *А Чоркан* ***ше*** *того майского дня* ***був вицагнул*** *горебрегом* (И. Андр., Ґрам. 125).

Нєшка ше место тей форми, и у бешеди и у литературним язику, хаснує перфект, та би горнї приклади глашели: *лєм баба уж* ***станула***; *Чоркан* ***ше вицагнул***.

2.17. Потенциял прешли находзиме у Гнатюкових записох:

(38) *И вонї ше у нїм* [синови] *барз цешелї,* ***нє далї би*** *го* ***булї*** *нїзач* (Гнатюк, Ґрам. 128).

Тиж и у найстарших авторох:

(39) ***Нашли би*** *їх* ***були****, як ше гвари, гоч под жему* (Г. Кост. Проза 50).

У бешеди тоту форму ище хасную найстарши. Младши, и у бешеди и у литературним язику, место формох потенцияла прешлого хасную форми потенцияла, та би наведзени приклади у їх бешеди глашели: *нє далї би го, нашли би их*.

Понеже плусквамперфект виражує прешли час як и перфект, а потенциял прешли – способ можлївосци як и потенциял, тоти два форми поцискую їх фреквентнєйши синоними – перфект и потенциял.

2.18. Случую ше пременки и при класох дїєсловох. Дїєслова 5. класи [тип *червенїц* (*ше*) *-нєєм* (*ше*)], хтори знача стан або пременку стану, по аналогиї з фреквенєйшима дїєсловами 2. класи (тип *видзиц*, *робиц*, *червенїц*) почали ше хасновац и з першу презентску основу на *-и/-ї*, т. є. як дїєслова 2. класи, подтипа *червенїц -їм*, хтори знача ‘доставац або давац дачому одредзену прикмету’, та ше гутори и *Слунко на заходу ше червенєє* и *Слунко на заходу ше червенї*. Напр.:

(40) *Док сом мале* [яблуко], ***желєнїм ше***, // *кед вирошнєм,* ***червенїм ше*** (место: *желєнєєм ше*, *червенєєм ше*) (Загр. 1/1994, 13);

(41) [Магнети] *вични понеже ше нє троша и* ***ардзавя*** (место: *ардзавею*) (РС 50/2000, 17); ***Биля ше*** *загради* (место: *билею ше*) (РС 14/2001, 10); *За викенд ше очекує же ше вихвилї и* ***зажимнї.*** [...] *Стредком идуцого тижня дакус* ***оцеплї*** (место: *зажимнєє*, *оцеплєє*) (РС 50/1986, 20).

2.19. И при поєдинєчних дїєсловох при хторих два розлични форми спадаю до двох розличних класох приходзи до мишаня формох: Дїєслово *копац*, *я копам*, *вони копаю* значи ‘биєм з ногу’ (1. класа, тип *читац*, *я читам*), а дїєслово *копац*, *я копем*, *вони копу* значи ‘копац з мотику, ашовом’ (7. класа, тип *орац*, *я орем*). Дакеди ше, медзитим, дїєслово *копац*, *я копам* хаснує и зоз значеньом ‘копац з мотику, ашовом’:

(42) *Подаєдни людзе шоря загради и загрaдки и садза и* ***копаю*** (место: *копу*) (шк. сост.).

Тото значенє ище нє зазначене у литературним язику. При дїєслову *копац* ше вироятно роби и о аналоґиї з типом *читац* (*я читам*) и о упливу сербского дїєслова *копати* (*ја копам*, *они копају*) ‘копац з ашовом, мотику’, хторе нє ма гомоним з иншаку конюґацию.

Дїєслово *щипац*, *я щипам*, *вони щипаю* значи ‘щипац з пальцами, клїщами’ (1. класа, тип *читац*, *я читам*), а дїєслово *щипац*, *я щипем*, *вони щипу* значи ‘виволовац щипаце чувство (о диму, мидлїни и под.)’ (7. класа, тип *орац*, *я орем*). Дїєслово *щипац*, *я щипам* зазначели зме и зоз значеньом ‘виволовац щипаце чувство’, напр.:

(43) *Жима им нїч нє може, лєм их дакус* ***щипа*** *за носи* (место: *щипе*) (Загр. 6/1993, 20).

При тим дїєслову ше тиж роби и о аналоґиї з типом *читац* (*я читам*) и о упливу сербского *штипати* (*ја штипам*), хторе значи и ‘щипац з пальцами, клїщами’ и ‘виволовац щипаце чувство’.

2.20. Даєдни пременки у морфолоґиї окреме характеристични за мишани штредки. Указуюци заменовнїк *тот*, хтори составени з двох морфемох *т* + *т*, у народним язику ма лєм форми:

х. р. *тот* и с. р. *тото* – ґен. *того*, дат. *тому* итд.,
ж. р. *тота*, ґен., дат. *тей* итд.,
мн. *тоти*, ґен. *тих*, дат. *тим* итд.,

т. є. у зависних припадкох єдна морфема *т* випадує. У мишаних штредкох нєшка при младших части форми:

х. р. *тот*, с. р. *тото*, ґен. *тотого*, дат. *тотому*, инстр. *з тотим*, лок. *о тотим*/*тотому*;
ж. р. *тота*, ґен., дат. *тотей*, акуз., инстр. *тоту*, лок. *о тотей*;
мн. *тоти*, ґен. *тотих*, дат. *тотим*, акуз. *тоти*/*тотих*, инстр. *з тотима*, лок. *о тотих*,

т. є. обидва морфеми *т* оставаю и у зависних припадкох. Напр.:

(44) *Наш наставнїк жада помогнуц шицким школяром, окреме* ***тотим*** *хтори ше трудза* (место *тим*) (шк. сост.).

2.21. Меновнїк *мац* у акузативе єднини ма форму *мацер*:

ном. *мац*,
ґен., дат., лок. *мацери*,
акуз. ***мацер***,
инстр. *з мацеру*,
вок. *мамо*.

Младши у мишаних штредкох почали хасновац и форму акузатива *мац*:

ном. *мац*,
ґен., дат., *мацери*,
акуз. ***мац*** итд.,

напр.:

(45) *Дзецко глєдало свою* ***мац*** (шк. сост.).

Ту ше вироятно роби о аналоґиї зоз другима меновнїками женского роду на консонант, хтори у акузативе єднини маю форму номинатива: ном. *ноц*, ґен., дат. *ноци*, акуз. *ноц* итд.

Пременки под 2.19. и 2.20. ше нє случую под сербским уплївом и нє преноша ше до литературного язика.

3. Синтакса

3.1. За дїєсловне управянє окреме характеристичне дїєслово *питац* ше, хторе ше у прешлосци хасновало з дативом (частейше) и з ґенитивом (ридше). Конструкциї з ґенитивом нєшка скоро цалком поциснути од фреквентнєйших конструкцийох з дативом. Так вреченя

(46) *Опитал ше монах* ***того дзивчеца*** *хто му оцец* (Гнатюк);
(47) *Питал ше* ***того ґазди*** *чи вон ма за предай баранче* (Гнатюк);
(48) *"Дзе ши бул?" – питали ше го мойо родителє* (Г. Кост. Проза 41)

у бешеди и у литературним язику би глашели:

(49) *Опитал ше монах тому дзивчецу...*;
(50) *Питал ше тому ґаздови...*;

(51) *"Дзе ши бул?" – питали ше му мойо родителє.*

Найстарши ище хасную дїєслово *питаць ше* и з ґенитивом.

Под уплївом сербского язика младши у бешеди барз часто хасную дїєслово *питаць* (и з нього виведзени дїєслова) з акузативом:

(52) *Яни* ***питал оца*** *чи ше може пойсць бавиць* (место: *Яни ше питал оцови*; по сербски: *Јани је упитао оца...*).

Тота пременка з часци вошла и до литературного язика:

(53) ***повипитовал це*** *цо робиш, дзе будзеш, та вец пошли и покрадли ци обисце* (место: *повипитовал ци ше*) (РС 43/ 1986, 19).

3.2. Виреченя з меновим предикатом (з виповедзеним субєктом) и ридше даєдни други файти виреченьох у прешлосци ше хасновали без звязки *буц* (*сом*, *ши*, *є*, мн. *зме*, *сце*, *су*) и, ридше, зоз звязку. Гуторело ше и

(54) *Я вельки пан* и (ридше) *Я сом вельки пан*, и

(55) *Гора висока* и (ридше) *Гора є виєока* итд.

Приклади зоз Гнатюкових записох и других найстарших авторох:

(56) *Я* ***сом*** *нє червена, бо ше нє малюєм* (народна писня);

(57) *Гора* **є** *висока, з дробного каменя* (народна писня);

(58) *ми* ***зме*** *югославянски Русини* (РНК Заря);

(59) *Ей, жандаре, жандаре, ви* ***сце*** *вельки кламаре* (народна писня);

(60) *а мойо* [конї] ***су*** *гладни, буду ше понагляц* (народна писня).

Нєшка превладали фреквентнєйши форми без звязки *буц*, та наведзени приклади глаша:

(61) *Я нє червена*;

(62) *Гора висока*;

(63) *ми югославянски Русини*;

(64) *ви вельки кламаре*;

(65) *а мойо гладни*.

Лєм найстарши ище дакеди хасную звязку *буц* як архаїчну форму. У мишаних штредкох звязка *буц* ше знова хаснує под уплївом сербского язика.

3.3. Даєдни типи зависно-зложених виреченьох менєй ше хасную пошиснути од їх фреквентнєйших синонимох. Таки часово виреченя зоз злучнїком *як*:

(66) ***Як*** *вони ю нагварели, // до гинтова положели* (народна писня) (нєшка зоз злучнїком *кед*: *Кед вони ю нагварели...*);

(67) ***Як*** *уж бул полудзенок готови, пошли єй дац знац* (Гнатюк, Ґрам. 261) (нєшка: *Кед уж бул полудзенок готови...*).

Пошлїдково и способово виреченя зоз злучнїком *цо*:

(68) *Нє моя вина, мацерина,* ***цо*** *ме роботи нє учела* (Гнатюк) (нєшка зоз злучнїком *же*: *...же ме роботи нє учела*);

(69) *и намишала му до вина отрову,* ***цо*** *бул пияни таки як мертви* (Гнатюк, Ґрам. 261) (нєшка: *...же бул пияни таки як мертви*);

(70) ***Так*** *ше повадзели* ***цо*** *ше аж побили* (народна писня) (нєшка: *...же ше аж побили*);

(71) ***Так*** *пошол поверх хмари,* ***цо*** *го нїч нє було видно* (Гнатюк) (нєшка: *...же го нїч нє було видно*).

3.4. Траца ше даєдни применовнїцки конструкциї. Паралелно з конструкцию *о + Л* з дїєсловами бешедованя зоз значеньом обєкта (*приповедац о юнакох*) у прешлосци ридше хасновани конструкциї *о + А* и *за + А* :

(72) *Я им приповедал* ***за царох*** *и* ***за циґанох****, а вонї так слухалї* (Гнатюк т. XXIX, IV);

(73) *Та дораз* ***о мою шмерц*** *бешедовац почали* (Гнатюк, Ґрам. 354).

Таки конструкциї ище хасную найстарши:

(74) *Най вам повем о Керестурца* [= най вам виприповедам о Керестурцови];

(75) *Хлопи вше о тото бешедую* [т. є. вше приповедаю о войни, о лаґрох и под.].

Нєшка превладали фреквентнєйши конструкциї з локативом:

(76) *Я им приповедал о царох и о циґанох,*

(77) *Най вам повем о Керестурцови,*

(78) *Хлопи вше о тим бешедую.*

3.5. Даєдни применовнїки почали ше хасновац з припадками и зоз значенями з хторима ше у прешлосци нє хасновали.

Применовнїк *поза* (з акузативом) значи унапряменосц дї по простору хтори ше находзи за дачим:

(79) *Пошли зме вец* ***поза салаш*** *назадок, ... та* ***поза вельку шопу и чардак*** *з оборами* (В. Кир., Ґрам. 357).

Вон ше дакеди погришно хаснує и зоз значеньом места и то

а) з инструменталом:

(80) *Кед* ***поза Вепровачом*** *я ше здогадал*: "*Ша, чловече, то його Ирина там ходзи до школи*!" (Я. Бак., Ґрам. 357) (место: *за Вепровачом*);

б) з генитивом:

(81) ***Поза главного олтара*** *випатрало так як цо випатра за театралнима кулисами* (М. Крл., Ґрам. 357) (место: *за главним олтаром*).

З инструменталом ше применовнїк *поза* хаснує вироятно пре укрижованє (контаминацию) словозлученьох *поза + А* и *за + И*. З генитивом ше хаснує вироятно под уплївом сербского словозлученя *иза + Ґ*: *иза главног олтара*.

3.6. Применовнїк *помедзи* (з акузативом) значи унапряменосц по просторе хтори ше находзи медзи дачим:

(82) *Преходзим далєй* ***помедзи два декунґи*** (М. Кан., Ґрам. 358).

Вон ше дакеди погришно хаснує и

1. з инструменталом

а) зоз значеньом места:

(83) *То було на граници* ***помедзи Мадярску и Румунию*** (Ґрам. 358) (место: *медзи Мадярску и Румунию*);

б) зоз значеньом напряму:

(84) ***Помедзи отоманом и креденцом*** *лєдво* [ше] *могло прейсц ґу облаку* (В. Кир., Ґрам. 358) (место: *Помедзи отоман и кредениц*).

2. Применовнїк *помедзи* дакеди ше хаснує и з ґенитивом:

(85) *Пиє ше* [чай] *барз помалки, а* ***помедзи двох одпиваньох*** *водзи ше конверзация* (РС, Ґрам. 358) (место: *медзи двома одпиванями*).

Зоз значеньом под 1. применовнїк *помедзи* ше хаснує вироярно пре укрижованє словозлученьох *помедзи + А* и *медзи + И*. Зоз значеньом под 2. хаснує ше вироятно под уплївом сербского словозлученя *између + Г*: *између два оброка*.

3.7. Применовнїк *понад* значи унапряменосц дії по простору хтори ше находзи над дачим:

(86) *Рафал загвижджал* ***понад нашо глави*** (М. Кан., Ґрам. 358).

Вон ше дакеди хаснує и

а) з инструменталом:

(87) *Кульки* [нам] *часто гвиздали* ***понад главами*** (НК, Ґрам. 358);

б) з ґенитивом:

(88) *Я ягод русалка бим* ***понад белавих хмарох*** *лєцела* (Загр. 14–15/1992, 21) (место: *понад брелави хмари*).

З инструменталом ше хаснує вироятно пре укрижованє словозлученьох *понад + А* и *над + И*. З ґенитивом ше хаснує вироятно под уплївом сербского словозлученя *изнад + Г*: *изнад наших глава*.

Нє маме потвердзеня чи ше применовнїки *поза*, *помедзи* и *понад* у руским язику дакеди хасновали з инструменталом, та нє можеме заключиц чи словозлученя *поза + И*, *помедзи + И* и *понад + И* руски архаїчни словозлученя чи ше ту роби о пременкох по приселєню.

3.8. Применовнїк *опрез* (з ґенитивом) почал ше частейше хасновац зоз значеньом места або законченя дії пред будинком або предметом дії (пред хижу, уходом до хижи и под.):

(89) *Груби корені почали дзвигац дражку* ***опрез парохиї*** *и* ***Церкви*** (РС 9/2004, 5);

(90) *Леонка ше зберала* ***опрез велького жвератка*** (В. Кир., Ґрам. 332).

З тима значенями старши звичайно хасную применовнїк *пред* з инструменталом (значенє места) и з акузативом (закончене дїї):

(91) *Митро стал* ***пред валалску хижу*** (Ґрам. 375);
(92) *Людзе приповедали* ***пред шмикню*** (Ґрам. 332);
(93) *Шицки зме бежали* ***пред валалску хижу*** (Ґрам. 360).

Нє ясне прецо пришло до тей пременки.

4. Лексика

4.1. Даєдни слова траца ше з бешеди прето же ше преставаю хасновац поняца хтори вони означую. Таки слова *стик*, *стиковац*, *минеш*, *чикош*, *путнач*, *сеґиш*, *брила*, *кочерга* и велї други.

4.2. Даєдним словом забува ше першобутна гласова форма, та ше вони деформую. Слово *ожог* (ґен. *ожога*), хторе ше вигваря з нєдзвонким *х* на концу, зазначели зме и у зависних припадкох зоз *х*:

(94) *Кед ци дам з тим* ***ожохом***.

Мадяризми *ловдозовац* ‘битанґовац’ и *фойтовац* ‘однїмац дакому воздух, давиц’ автор тей статї од дзецинства хасновал у форми *ловґозовац*, *файтовац*.

4.3. Даєдни слова достали нови значеня з нукашню деривацию. Слово *ширка* ище у нєдавней прешлосци значело ‘сумпор’:

(95) *У тих ґнойох єст*: *азоту*, *сумпору* (***ширки***), *фосфору* (РС од 1. 04. 1949, 4),

а кед ше у XIX. вику почали правиц запальки зоз сумпорову главку на верху, вони тиж наволани *ширки*. Основне значенє слова *кросна* було ‘справа за тканє; рам справи за тканє’, а познєйше тото значенє достали и рами других справох: *кросна* ролї, бицигли и под. Слово *цеґелка* значи ‘мала цегла’, а кед ше зявели керамични плочици, и вони наволани *цеґелки*. Таки нови значеня знак же руски язик ище ма нукашнї моци за творенє нових словох.

4.4. Чежко потолковац прецо пришло до пременки у значеню и хасноваю даєдних словох.

4.4.1. Меновнїк *тащок* у прешлосци значел ‘гоч хтора дробна птица’:

(96) *Яке пирє тот* ***тащок*** *ма // цо ше вон шковрањчок вола*? (ЮРНП 122);

(97) *Шицко* [жито] ***ташки*** *визбералї. // Яки то* ***ташки*** *булї? // Зоз жолтима главичками, // червенима криделками* (Гнатюк, т. IX, ч. 86).

Нєшка меновнїк *тащок* достал значенє сербского *врабац* и поциснул старше руске *врабец* з истим значеньом: *а* ***врабец*** *ю вжал на танєц* (народна писня). Понеже сербски еквивалент тиж *врабац*, логичнєйше би було кед би ше под сербским уплївом и руске *врабец* зачувало. До тей пременки у значеню могло присц прето же *тащок* у Войводини найчастейша дробна птица, та ше и назва *тащок* затримала на нєй. Интересантне же ше у Сриме (Шид и валали у його околїску) зачували давни значеня тих двох словох: меновнїк *тащок* и нєшка там значи ‘дробна птица’, а меновнїк *врабец* ма значенє сербского *врабац*.

4.4.2. Меновнїк *ядловец* у прешлосци значел ‘Juniperus communis L.’:

(98) ***Ядловец*** *рошнє лєм нїзки як корч* (Г. Кост. Проза 151),

а уж у Костельниковим чаше почал ше хасновац з пообщеним значеньом ‘вичножелєне древо’:

(99) *Думки мойо* [лєца] *// там дзе коло хижи квица квеца, // дзе* ***ядловци*** *коло нїх садзени* (Г. Кост. Поезия 93);

(100) [Ґрупа хлопох] *шедзела на брещку под* ***ядловцами*** *нєдалєко од валалу Врховци* (М. Ков.-Ш. Гуд. 103).

До прешириня значеня ту могло присц прето же шицки вичножелєни древа здабу на *ядловец*.

4.4.3. Забуваю ше значеня меновнїкох *танєчнїк* “тот цо з даким танцує, кавалєр у танцу” и *танцош* “тот цо зна крашнє танцовац”; гуторело ше напр.: *Вона ма* ***танєчнїка*** “вона ма кавалєра у танцу”, *Вон* ***танцош*** “вон зна крашнє танцовац”. Меновнїк *танцош* тераз ше почал хасновац зоз значеньом “тот цо танцує у фолклорней ґрупи”:

(101) *Велї такти* ***танцоше*** *одстали на бини, а публика чекала* (РС 49/1986, 12).

4.4.4. Дїєслово *гуториц* пред 70–100 роками хасноване зоз значеньми 1. ‘виражовац ше, бешедовац’:

(102) *Мали Иренко* [...] *почина* ***гуториц*** (Г. Кост., Шв. 3/1978, 457)

и 2. ‘водзиц бешеду’:

(103) *Чуєм, як на улїци людзе преходза и нервозно* ***гуторя*** *зос собу* (Г. Кост. Проза 144).

Зоз першим значеньом нєшка є поциснуте од дїєслова *бешедовац*, напр.:

(104) *Дзецко уж почало* ***бешедовац***.

Дїєслово *бешедовац*, як и *гуторић*, ма и значенє 'водзиц бешеду'; з тим значеньом нєшка ше паралелно почало хасновац и дїєслово *приповедац*:

(105) *Мац* ***приповедала*** *зоз синову учительку*;

основне значенє дїєслова *приповедац* по тераз було 'приповедац приповедки, о подїйох и под.':

(106) *Мац* ***приповедала*** *дзецом приповедки*.

4.4.5. Дїєслово *шедлац/ошедлац* (*коня*) значело 'класц/положиц шедло на коня':

(107) *Уж мойого милого на войну волаю, // ...* ***конїчка му шедлаю*** 'кладу му шедло на коня' (ЮРНП 94);

(108) *Ей, а ви, браца, горе станьце, //* ***коня*** *себе* ***ошедлайце****, // шестру себе здоганяйце* (Гнатюк т. IX, ч. 23);

(109) *Питала ше матка цери чи сце гусара. // "Сцем го, любим го, ... //* ***ошедла*** *ми гусар* ***коня****, пойдзем до поля!"* (Гнатюк, т. IX, ч. 103).

Нєшка форма нєзакончepisного виду достала значенє 'исц на коньови (сербске *јахати*)', напр.:

(110) *Як хлапец уж* ***шедлал коня***.

Форма закончeного виду *ошедлац* нєшка ше хаснує зоз значеньом 'шеднуц на коня': *Ошедлал коня и пошол.* Тота пременка ше нє случела под уплївом сербского, бо и сербске *седлати/оседлати коња* значи 'класц/положиц шедло на коня', т. є. под сербским уплївом вираз *шедлац/ошедлац коня* у руским язику би ше зачувал по нєшка.

З другого боку, место нєшкайшого *ошедлац* 'шеднуц на коня' у прешлосци ше хасновал вираз *шеднуц на коня*, напр.:

(111) ***Шеднєм*** *себе* ***на*** *враного* ***коня****, // та прелєцим милей коло двора* (народна писня).

(112) *Одязал ю* [чилашу], *вивед ю вонка, положел на ню кантар, та* ***на ню шеднул*** (Гнатюк, т. XXIX, 50).

Место нєшкайшей форми нєзаконченого виду *шедлац* (*коня*) у прешлосци ше хасновал вираз *шедац на коня*:

(113) *Кед* ***на коня шедала***, // *сама горко плакала* (Гнатюк, т. IX, ч. 39);

(114) *Як вонї ше позбералї*, // ***на конїчки пошедалї*** (Гнатюк т. IX, ч. 206).

4.4.6. Дїєслово *розоспац ше* першобутно значело лєм 'цалком ше розбудзиц, страциц потребу за спаньом', напр. гуторело ше:

(115) *Нє рушай дзецко, бо* ***ше розошпи*** 'нє рушай дзецко, бо ше цалком розбудзи, та нє зосце вецей спац'.

Нєшка ше тото дїєслово хаснує и з процивним значеньом "постац поспани, почувствовац потребу за спаньом":

(116) [Мой муж] *нєскоро пришол дому, та* ***ше розоспал***, *а ми* [...] *го зганяме, алє пребудзиц зме го нє моглї* (РС 43/ 1995, 24).

4.5. Творя ше дакеди и нови слова з руских основох: *новинкар* 'предавач новинох', *райбачка* 'машина за райбанє', *дротованєц* 'челїчни штранґ, сайла', *шандор-колєсо* 'бициґла' (назва настала концом XIX. вику по мену леґиня Шандора, хтори перши у Керестуре мал бициґлу), *цегелкови пец* 'кальови пец' и др. Таки слова, як и значеня створени з нукашню деривацию (оп. 4.3), знача же руски язик ма ище власней моци за творенє нових словох.

* * *

5. По приселєню Руснацох до Бачкей, руски язик, оддзелєни од матичней териториї и язикох и бешедох карпатского ареала, рушел по своєй, самостойней розвойней драги.

Велї форми, слова и конструкциї у руским язику од теди ше архаїзую. Архаїзацию часто спричинює уплїв фреквентнєйших синонимох (множина меновнїкох на *-дзи*, инструментал множини на *-ми*, прикметнїки на *-ин*, нєпременлїви форми презвискох на *-ого*, звязка *буц*, словозлученя *за + А* и *о + А* зоз значеньом обєкта и др.). У лексики ше найчастейше архаїзую слова хтори означую поняца цо виходза з хасноваия (*путнач*, *стик*, *аколь* и велї други).

И велї други пременки формох ше случую под уплївом и по аналоґиї зоз фреквентнєйшима синонимами (меновнїки женского роду на консонант *коляй*, *циберей* и др., нєпременлїви меновнїк *панї*, акузатив множини меновнїкох женского и штреднього роду, дїєслова типа *червенїц -єєм* и др.).

Даєдни значеня у синтакси наставаю з укрижованьом двох значеньох (применовнїцки словозлученя *поза + А*, *помедзи + А* и др.).

У лексики даєдни значеня наставаю з нукашню деривацию (*ширка*, *кросна* и др.); у лексики ше творя и нови слова з руских основох (*новинкар*, *райбачка* и др.). Таки приклади потвердзую же руски язик ище ма нукашнї моци за творенє нових словох.

Причину даєдних пременкох чежко до конца потолковац (траценє випадних вокалох при меновнїкох, прикметнїк *годзен* зоз значеньом будуцого часу, збирни числовнїки *пейцме*, *шейсцме* итд. и *двойо*, *тройо* итд., траценє плусквамперфекта и потенцияла прешлого, словозлученє *опрез + Ґ* зоз значеньом места пред обєктом, слова *тащок*, *ядловец*, *гуториц*, *шедлац* и др.).

Нє мож строго розграничиц пременки под цудзим уплївом и пременки без цудзого упливу (числовнїцки словозлученя зоз *полдруга*, футур *будзем мочи*, гомонимни дїєслова *копац*, *щипац*, словозлученє *поза + А* и др.).

Описани пременки случую ше перше у бешеди, а з бешеди ше найчастейше преношa и до литературного язика. У литературним язику ше ширя стихийно, а нє по одредзених язичних нормох.

Даєдни пременки характеристични за бешеду мишаних штредкох; вони ше нє преношa и до литературного язика (заменовнїк *тот*, акузатив меновнїка *мац*).

Жридла

И. Андр. – Иво Андрич. *Приповедки*. Преложел Дюра Латяк. Нови Сад: Руске слово, 1978

Я. Бак. – Яша Баков. *Вибрани твори*. Нови Сад: Руске слово, 1984

Гнатюк – Володимир Гнатюк. *Етнографічний збірник Наукового товариства ім Шевченка*. Т. IX: *Етнографічні матеріали з Угорської Руси*. Т. IV: *Пісні Бач-Бодроґського комітату*. У Львові, 1900, с. 117–227; т. XXIX: *Етнографічні матеріали з Угорської*

Руси. Т. V: *Казки з Бачки*. У Львові, 1910; т. XXX: *Етнографічні матеріали з Угорської Руси*. Т. VI: *Байки, легенди, істор. Перекази, новелї, анекдоти – з Бачки*. У Львові, 1911

Грам. – Юлиян Рамач. *Граматика руского язика за I, II, III и IV класу гимназиї*. Београд: Завод за уџбенике и наставна средства, 2002

Žganec – Vinko Žganec. *Pjesme jugoslavenskih Rusina*. Zagreb: Tisak nakladnog zavoda Hrvatske, 1946

Загр. – *Заградка. Часопис за дзеци на руским язику*. Нови Сад: Руске слово

М. Кан. – Мирон Канюх. *Остатнї викрок*. Нови Сад: Руске слово, 1982

В. Кир.– Владимир Кирда. *За горами*. Роман. Нови Сад: Руске слово, 1974

М. Ков./ Ш. Гуд. – Михал Ковач, Штефан Гудак. *Гриц Бандурик*. Роман. Нови Сад: Руске слово, 1972

И. Копч. – Ирина Копчански-Кнежевич. Наш брат. In: *Народни календар 1978*. Нови Сад: Руске слово, 1977, б. 113–119

Г. Кост. Поезия – Гавриїл Костельник. *Поезия на бачванско-сримским руским литературним язику*. Нови Сад: Руске слово, 1970

Г. Кост. Проза – Гавриїл Костельник. *Проза на бачванско-сримским руским литературним язику*. Нови Сад: Руске слово, 1975

О. Коч. – Оскар Е. Кочиш. *Приповедки*. Нови Сад: Руске слово, 1977

М. Крл. – Мирослав Крлежа. *Врацанє Филипа Латиновича*. Преложела Наталия Канюх. Нови Сад: Руске слово, 1983

НК – *Народни календар* (за роки 1946–1990). Руски Керестур: Руска матка / Нови Сад: Руске слово

РК – *Руски календар за южно-славяньских Русинох* (за роки 1921–1941). Видатель и властитель Руске Народне Просвитне Дружтво. С. Карловци и Р. Керестур

РН – *Руски новини за Русинох у Краљовини С. Х. С.* (роки 1924–1941). Руски Керестур: Руске Народне Просвитне Дружтво

РНК Заря – *Русски народни календар "Заря"* (роки 1935–1941). Нови Сад: Културно-национални Союз Русинов в Югославиї

РС – *Руске слово. Гласнїк по руски*. Нови Сад: Руске слово

Шв. – *Шветлосц. Часопис за литературу, културу и уметносц*. Нови Сад: Руске слово

ЮРНП – *Южнославяньских Русинох народни писнї.* Позберали и ушорели Дюра Биндас и Осиф Костелник. Руски Керестур / Нови Сад, 1927

Скраценя: *А, акуз.* = акузатив; *вок.* = вокатив; *Ґ, ґен.* = ґенитив; *Д, дат.* = датив; *И, инстр.* = инструментал; *Л, лок.* = локатив; ч. = число; *шк. сост.* = школярски состав.

Changes in the Ruthenian language that have occurred without foreign influence

Julijan Ramač

This paper describes changes which occurred after the immigration of the Ruthenians to Bačka. These changes took place without any foreign influence (whether Serbian or any other). Changes have been noted in the morphology, syntax and lexicology; these first occurred in the spoken language and were then transferred to the literary language.

Many words and constructions have become archaic. This process is very often influenced by the existence of frequent synonyms (instrumental pl. ending in *-ми*, adjectives ending in *-ин* etc.). In the lexis the names of objects and concepts which are no longer in use are becoming archaic, e.g (*путнач*, *стик* etc.). Many other changes are influenced by analogy with frequent synonyms (nouns of f. gender with vowels *коляй*, *циберей* etc., verb types *червенїц -єєм* etc).

Some changes in syntax occur if two meanings cross (adverb syntagmas *поза + А*, *помедзи + А* etc.). In the lexis some new forms are created as a result of internal derivation (*ширка*, *кросна* etc.); new words are built from the Ruthenian bases (*новинкар*, *райбачка* etc.), and these examples confirm that the Ruthenian lanquage still has internal forces for creating new words. Some changes are characteristic of the spoken language of mixed environments; these are then transferred to the literary language (pronoun *тот*, accusative case of noun *мац*).

It is very difficult to explain the causes of some changes (adjective *годзен* with the meaning of future time, collective numbers ending in *-ме* and *-йо* etc.)

It is not very easy to distinguish those changes which occurred under foreign influence from those that are without foreign influence (future *будзем мочи*, homonym verbs *копац*, *щипац*, syntagma *опрез + Ґ* etc.).

ramacyu@eunet.yu

4. НА ПУТЯХ К НОРМАЛИЗАЦИИ И КОДИФИКАЦИИ

Klaus Steinke, Erlangen

Anmerkungen zur sprachlichen Vitalität der slavischen Minderheiten in Albanien und Griechenland

Die Erforschung der slavischen Minderheiten auf der Balkanhalbinsel und ihrer Sprachen verfügt, obwohl sie erst in den letzten beiden Jahrzehnten ungeheuren Auftrieb erhielt und inzwischen zahllose Projekte auf diesem Gebiet laufen, schon über viel ältere, immer noch erwähnenswerte Wurzeln. Das sprachwissenschaftliche Interesse an diesem Gegenstand reicht bis weit ins XIX. Jahrhundert zurück, und zu erinnern ist in diesem Zusammenhang zunächst an einschlägige Randbemerkungen in den zahlreichen älteren Reiseberichten, aber auch an die auf der Balkanhalbinsel verhältnismäßig früh einsetzenden dialektologischen Studien (OBLAK 1898; SELIŠČEV 1931; MAŁECKI 1934/1936) sowie an die aus dieser Disziplin schließlich erwachsene Sprachinselforschung. Letztere hat zwar nur in der Germanistik eine umfangreiche Tradition begründet, aber auch in den anderen Philologien hinterließ sie Spuren. Allerdings hat sich ihre Untersuchungsperspektive inzwischen erheblich verändert, d. h. Beträchtlich erweitert, und es werden neue, bisher vernachläßigte Fragestellungen aufgeworfen. Während nämlich in der früheren, traditionellen Sprachinselforschung die Suche nach der Verbindung mit dem Mutterland im Vordergrund stand und zunächst die Einordnung des jeweiligen Sprachinselidioms in die heimische Dialektlandschaft sowie die Gewinnung neuen sprachhistorischen Materials interessierten, sind inzwischen, vornehmlich auf entsprechende Anregungen aus der Sozio- und Kontaktlinguistik basierend, weitere komplexe Untersuchungsansätze hinzugekommen.

Man kann den Unterschied zwischen beiden Forschungsrichtungen am einfachsten mit Hilfe der spezifischen Ausgangsfragen des

traditionellen bzw. des modernen Ansatzes verdeutlichen. Während sich früher das Hauptaugenmerk der Forschung auf die Beantwortung der Frage *Wo ist die Urheimat des jeweiligen Sprachinselidioms*? richtete, kann man heute die Fragestellung *Warum und unter welchen spezifischen Bedingungen wird die Minderheitenmundart überhaupt noch gesprochen*? als dominant betrachten. Diese Frage führt natürlich, wie das für den soziolinguistischen Ansatz charakteristisch ist, weit über die engere Grenze der Systemlinguistik hinaus und bezieht die verschiedenen außersprachlichen Parameter der Soziolinguistik in die erweiterte Betrachtung ein. Als Pendant zum älteren Ansatz mit seiner Suche nach der Urheimat des untersuchten Sprachinselidioms kann man für die Gegenwart die Bestimmung der meist überraschend hohen linguistischen Vitalität als zentrales Problem ausmachen. Damit ist ein Kernbereich unserer aktuellen Untersuchungen der slavischen Minderheiten in Albanien und Griechenland genannt, von dem einige Aspekte Gegenstand dieses Beitrags sein werden.

Bei den slavischen Minderheiten in Albanien und Griechenland handelt es sich um sehr verschiedene Gruppen, die man nur bedingt miteinander vergleichen kann. Gemeinsam ist ihnen immerhin, daß sie an sich keine Sprachinseln im klassischen Sinne darstellen, sondern Teil des slavischen Dialektkontinuums in Südosteuropa sind und sich jeweils ganz unmittelbar an das benachbarte slavische Sprachmassiv anschließen, von dem sie durch sprachliche und ethnische Zusammenhänge zerreißende, politische Grenzen abgespalten wurden. Durch ihre unterschiedliche Überdachung in Albanien, Griechenland und im jeweiligen Mutterland kommt es zu Sonderentwicklungen in den betreffenden Gebieten. Davon abgesehen lassen sich für die beiden erst genannten Länder zunächst *cum grano salis* zwei distinktive slavischsprechende Minderheiten einander klar gegenüberstellen, und zwar bildet für sie das wesentliche Unterscheidungsmerkmal und gruppenkonstituierende Kriterium die jeweilige Konfessionszugehörigkeit.

In beiden Ländern gibt es eine Gruppe von *orthodoxen Slaven*, die sich meist als Makedonier bezeichnen und in klar abgrenzbaren Gebieten leben. In Albanien benutzt die am Prespasee kompakt und unvermischt lebende Minderheit dieses Ethnonym ausnahmslos, was damit zusammenhängt, daß sie hier im deutlichen Unterschied zu den Slavophonen in

Griechenland seit langem einen offiziellen Minderheitenstatus genießen. Deshalb ist auch ihre Zahl von gegenwärtig ca. 4.500 Personen in den neun Dörfern[1] dieses Gebiets an sich unumstritten, und dies im deutlichen Unterschied zu Ägäis-Makedonien, wo die Angaben je nach "Quelle"[2] von Null bis mehreren Hunderttausenden schwanken. Schon in kommunistischer Zeit hatten die Prespaner in jedem Dorf Schulen in ihrer slavischen Muttersprache, und nach der politischen Wende, Anfang der 90er Jahres des XX. Jh., sind eigene politische und kulturelle Organisationen hinzugekommen, die sehr wesentlich zur Pflege des Brauchtums und zum Erhalt ihrer ethnischen Identität in Albanien beitragen. Die 1992 gegründete Gesellschaft "Prespa" gibt sogar eine Zeitschrift gleichen Namens in makedonischer Sprache und mit Kyrillica heraus. Hinzuzufügen bleibt nur noch, daß die aktuellen Beziehungen zum Nachbarland Makedonien relativ entspannt sind[3], weshalb offensichtlich die Deklaration als Makedonier für die Angehörigen der Minderheit problemlos ist. Ferner gibt es noch Reste von ebenfalls orthodoxen Montenegrinern in Vraka, nördlich von Shkodra.

Ganz anders stellt sich die Situation der orthodoxen Slavophonen in Griechenland dar, wo sie nie als Minderheit anerkannt, sondern bisher mehr oder weniger stark diskriminiert bzw. assimiliert wurden. Selbst bis zum heutigen Tag hat sich die offizielle Haltung dieses seit einigen

---

[1] Es sind die zum Verwaltungsbezirk Korça gehörenden Ortschaften *Liqenas* (Pustec), *Cerje* (Cerje), *Diellas* (Šul'in), *Gollomboç* (Globočeni), *Gorica e Madhe* (Gorna Gorica), *Gorica e Vogël* (Dolna Gorica), *Kallamas* (Tuminec, [Bezmišt]), *Lajthiza* (L'eska), und *Zaroshka* (Zъrnosko). [Auf die albanischen Exonyme folgen jeweils in Klammern die slavischen Endonyme].

[2] Da schon lange Zeit keine die ethnischen Unterschiede registrierende Volkszählung in Griechenland durchgeführt wurde, gibt es gegenwärtig nur mehr oder weniger phantastische Spekulationen, denen jegliche empirische Grundlage und damit Repräsentativität fehlt. Aus ihnen kann man bestenfalls, vor allem wenn es um die extremen Werte geht, die jeweilige politische Gesinnung der betreffenden Quelle erschließen. Relativ glaubwürdig dürfte die von Voss (2003) angeführte Zahl 200.000 sein.

[3] Die inneren Auseinandersetzungen und Spannungen zwischen den slavischen und albanischen Bewohnern Makedoniens wirken sich nur unwesentlich auf das Verhältnis zwischen den beiden Nachbarstaaten und damit auch kaum auf die Lage der makedonischen Minderheit in Albanien aus.

Jahren immerhin zur EU gehörenden und damit an sich deren Charta zum Schutz der Minderheiten und ihrer Sprachen verpflichteten Staates seinen Minderheiten gegenüber erst sehr zögerlich geändert. Immer noch ist es ein Problem, um nicht zu sagen eine Art "Staatsverbrechen", wenn auf einer der zahlreichen lokalen Folkloreveranstaltungen die slavischen Texte zu den nur in instrumentaler Form geduldeten alten Volksweisen gesungen werden. Das wurde lange Zeit durch größere Polizeipräsenz und nationalistische Schlägertrupps gänzlich unterbunden. Daher wird der erfolgreiche und inzwischen ausgeweitete Widerstand gegen diese Beschränkung, zunächst im Dorf Вошгарени/ Овчарени (Μηλίτι), bereits als ein Sieg der slavisch-makedonischen Sache gefeiert[4]. Zusätzlich belastet wird die Situation noch durch den Streit um die offizielle Bezeichnung der nach dem Zerfall Jugoslaviens entstandenen unabhängigen Republik Makedonien und um die Wahl des Sterns (oder der Sonne?) von Vergina zum Hoheitssymbol auf der Staatsflagge. Daher werden Aktivisten der Minderheiten in Griechenland weiterhin polizeilich observiert und nicht selten sogar gerichtlich verfolgt oder, was nicht weniger bedenklich ist, von nationalistischen Gruppen ernsthaft bedroht und tätlich angegriffen[5]. Damit wird natürlich auch die unvoreingenommene und gründliche Forschung vor Ort erheblich erschwert.

Nachdem auch der griechische Staat allmählich die europäischen Standards in Minderheitenfragen anerkennen muß und umzusetzen beginnt, deklarieren sich die Angehörigen dieser immer noch zahlreichen, im westlichen Nordgriechenland (Ägäis-Makedonien) beheimateten Minderheit neuerdings wieder öffentlich als Slaven, d.h. als Makedonier, und sprechen, soweit sie dazu noch fähig sind, vermehrt

---

[4] Ausführlicher hierzu KOSTOPOULOS (2002³) mit seiner kritischen Aufarbeitung der gesamten Problematik. Vgl. auch VOSS (2003).

[5] Die Gründe hierfür müssen an dieser Stelle nicht im Detail erörtert werden. Es genügt darauf hinzuweisen, daß es sich hier um Gebiete handelt, die in den verschiedenen Balkankriegen und anderen Auseinandersetzungen heftig umkämpft und von verschiedenen Staaten für sich beansprucht wurden. Als weitere große Hypothek kommt natürlich der griechische Bürgerkrieg hinzu, der in diesem Gebiet von den kommunistischen und zudem slavischen Nachbarstaaten eine Zeitlang massiv unterstützt wurde. Für die Griechen handelt es sich also um potentielle Irredentagebiete, die man, wie wir aus eigener Erfahrung vor Ort bestätigen können, immer noch besonders argwöhnisch observiert und kontrolliert.

ihre slavische Mundart. Das geschieht im zunehmenden Maße, wenn auch nicht ohne gelegentlich massive Behinderungen. Zusätzlich kompliziert wird die Selbstidentifikation der christlichen Slavophonen Griechenlands freilich durch den Streit zwischen den beiden Nachbarstaaten Makedonien und Bulgarien über die richtige sprachliche und damit auch ethnische Zuordnung dieser Minderheit, die jeder für sich beansprucht.

Die andere Hauptgruppe stellen in beiden Ländern die *moslemischen Slavophonen* dar. In Griechenland werden sie wie im benachbarten Bulgarien als *Pomaken* und in Albanien (und Makedonien) meist als *Torbeschen* bezeichnet. Das sind jedoch im Selbstverständnis dieser Gruppen eindeutig Fremdbezeichnungen, mit denen man sich kaum identifiziert und denen man daher meist reserviert gegenübersteht bzw. die man manchmal sogar als beleidigend empfindet. In Albanien wohnen sie im an Kosovo und Makedonien grenzenden Gora- sowie im Gollobordagebirge, und sie bezeichnen sich selbst gewöhnlich als *Gorani* oder *Gorancen* und ihre Sprache einfach als "*našenki*" (unsere), weil die weitverbreitete volksetymologische Deutung der Fremdbezeichnung wenig Anreiz zur Identifizierung mit ihr gibt[6]. Nicht vergessen werden darf in diesem Zusammenhang das freilich etwas isoliert dastehende Dorf Borak bei Durrës mit moslemischen Bosnjaken, deren Vorfahren Ende des XIX. Jh. aus Mostar unter dem Druck der Ereignisse abwanderten (MINORITET 2003, 66).

Ähnlich unattraktiv wird auch die Bezeichnung "Pomake" von der überwiegend in Westthrakien in Grenznähe zu Bulgarien beheimateten, ausschließlich moslemischen slavophonen Minderheit[7] empfunden, die volksetymologisch von *pomagam* 'helfen' abgeleitet wird und ihre Träger als *Hilfsvolk* oder gar *Kollaborateure* abqualifiziert. Stattdessen bezeichnen sich viele von ihnen, vor allem gerade die Gebildeteren, inzwischen lieber als *Türken*, was auf den ersten Blick überraschen mag,

---

[6] Als solche kann man die landläufige Ableitung von *Torba* 'Beutel, Tasche', also mit der Bedeutung 'Taschenträger',bezeichnen, womit angeblich auf die von den Wanderarbeitern dieser Minderheiten gern benutzten Umhängetasche zur Aufbewahrung ihrer Habseligkeiten angespielt wird.

[7] Die ebenfalls in Westthrakien ansässigen christlichen Slavophonen (Bulgaren) sind bereits nach dem 2. Balkankrieg 1913 von dort systematisch vertrieben worden (MILETIČ 1918).

da es natürlich keine ethnischen Türken, sondern zweifellos islamisierte Slaven sind[8]. Der Grund für dieses zunächst etwas seltsame Verhalten ist relativ einfach auszumachen, denn, um offensichtlichen Diskriminierungen oder Assimilationsversuchen griechischerseits nicht schutzlos ausgeliefert zu sein, deklarierten sie sich und deklarieren sie sich noch immer einfach als Türken, obwohl sie die türkische Sprache häufig gar nicht richtig sprechen können. Damit gelten natürlich für sie die im Vertrag von Lausanne 1923 ausgehandelten Bedingungen über die wechselseitige Anerkennung und den Schutz der Minderheiten, der griechischen sowie orthodoxen in der Türkei – insbesondere auch des ökumenischen Patriarchats in Istanbul – und der türkischen sowie moslemischen in Nordgriechenland[9]. Äußerlich werden die Vorschriften dieser Abmachung in friedlichen Zeiten von beiden Parteien meist peinlich genau eingehalten, nur bei zwischenstaatlichen Krisen (z. B. Zypernkrise usw.) und bei anderen Spannungen übt man jeweils Druck auf die in Geiselhaft befindlichen Minderheiten aus. Hier werden Assoziationen an die schon in der Antike übliche Stellung von Geiseln wach, um das Wohlverhalten des potentiellen Gegners sicherzustellen. Erstaunlich bleibt an der zwischenstaatlichen Abmachung nur, wie einvernehmlich beide Vertragspartner Religion und ethnische Zugehörigkeit einfach miteinander gleichsetzen. Für die Griechen sind Orthodoxe auf der Balkanhalbinsel sozusagen immer per definitionem auch *Griechen* und für die Türken Moslems ebenfalls in erster Linie *Türken*. Mit anthropologischen, kulturellen oder linguistischen *Spitzfindigkeiten* hält man sich da lieber nicht weiter auf. Die durch dieses grobe fallenden Minderheiten, z. B. moslemische Slaven und auch Zigeuner bzw. orthodoxe Slaven, Albaner und Aromunen, müssen sich also einen *großen Bruder*, der ihre Interessen einigermaßen zuverlässig vertritt, suchen und sich nach ihm richten. Das ist allerdings nicht immer einfach, da die spezifischen Interessen der Minderheit kaum richtig wahrgenommen werden, weshalb natürlich gelegentliche

[8] Nur am Rande sei noch vermerkt, daß auch der Versuch einiger griechischer Amateurphilologen, in den Pomaken ursprüngliche Griechen auszumachen, die zunächst slavisiert und dann zu allem Unglück noch islamisiert wurden, einer wissenschaftlichen Kritik nicht Stand hält.

[9] Ausführlicher zu dieser Problematik mit umfangreichem Zahlenmaterial LIENAU (2000).

Schwankungen oder auch Kursänderungen in der Orientierung der schutzbedürftigen Minderheiten zu beobachten sind.

Aus der bisherigen Schilderung der aktuellen Verhältnisse, unter denen die slavischen Minderheiten in beiden Ländern leben, ergeben sich eine Reihe von interessanten und wegen ihrer Komplexität nicht immer ganz einfach einzuordnenden Hinweisen auf die sprachliche Vitalität der verschiedenen Gruppen. Im allgemeinen werden bei der Untersuchung der sprachlichen Vitalität mehrere, sehr unterschiedliche, aber eng miteinander verbundene Faktoren angeführt und ihre komplexe Interaktion ventiliert[10]. Dabei scheint ihre adäquate Gewichtung im vorliegenden Fall, wo die Konfession eine zentrale, die ethnische Zugehörigkeit sogar fast verdeckende Rolle spielt, problemlos zu sein, weil sie das sprachliche Verhalten offensichtlich in entscheidender Weise dirigiert und damit die linguistische Vitalität des Minderheitenidioms beeinflußt.

Für die *Pomaken* ist die Konfession fraglos der primäre Faktor für ihre Identifikation als eigenständige, von den orthodoxen Nachbarn auf diese Weise deutlich abgehobene Gruppe. Sie sind zwar keine religiösen Fanatiker, aber was Glaubensfragen betrifft, doch sehr konservativ, und ihre Frauen tragen daher selbstverständlich auf dem Lande überall und in den nahegelegenen Städten überwiegend das Kopftuch. Die Sprache hat im allgemeinen Bewußtsein für sie nur eine sehr periphere Bedeutung und steht letztlich, wie die Verhältnisse in Griechenland erkennen lassen, sogar zur Disposition, weil sie nach der Primäridentifikation in der Religion keine relevante Funktion mehr zu besitzen scheint. Das zeigt auch das Paradox, daß sich die Pomaken oft einfach als Türken bezeichnen, obwohl sie im Extremfall diese Sprache überhaupt nicht beherrschen. Dieses eigentümliche Verhalten ist zumindest erklärungsbedürftig und sagt gleichzeitig einiges über den tatsächlichen und vermeintlichen Stellenwert der Sprache für diese Gruppe aus. Übrigens gibt es hier eine aufschlußreiche Parallele zu Bulgarien, wo das "Pomakische" freilich nicht als gesondertes Idiom oder Dialekt eingestuft, sondern einfach als integraler Teil des

---

[10] In diesem Zusammenhang sind so grundlegende Kriterien, wie *Statusfaktoren*, *demographische Faktoren* und *Kontrollfaktoren*, die in den Arbeiten der Sozialpsychologen herausgearbeitet wurden, zu nennen (vgl. GILES et al. 1977).

"Bulgarischen" betrachtet wird[11]. Dessen ungeachtet bleibt auch dort für die bekennenden moslemischen Pomaken der Unterschied zu den orthodoxen Bulgaren so gravierend, daß sie sich teilweise gleichfalls als Türken deklarieren, was von der dort ebenfalls ansässigen Minderheit der ethnischen Türken natürlich, um ihren Einfluß auf das politische Geschehen im Lande zu vergrößern, mittlerweile gern akzeptiert wird, und was die orthodoxen Bulgaren mit allen Mittel – zeitweise sogar mit Zwangsbekehrungen oder der Christianisierung (Bulgarisierung) ihrer Namen – bekämpften[12]. Diese Feststellung ist fast unmittelbar auf die Situation in Griechenland übertragbar, allerdings mit der Besonderheit bzw. der Einschränkung, daß man dort, d.h. außerhalb des bulgarischen Sprachgebiets, nicht mehr von *Bulgarisch*, sondern stattdessen gewöhnlich vom *Pomakischen* nicht nur als einer eigenständigen und distinktiven Einheit im Unterschied zum Griechischen und Türkischen, sondern, was linguistisch schon bedenklicher ist, auch zum Bulgarischen spricht.

Von allen politischen und linguistischen Querelen ziemlich unberührt stellt sich indessen die Situation vor Ort dar, vor allem wenn man die an der bulgarischen Grenze in der Regel noch rein pomakischen Dörfer im griechischen Westthrakien besucht. Dort benutzt man überall im familiären und dörflichen Alltag ganz selbstverständlich das muttersprachliche Pomakisch als Umgangssprache oder versteht es zumindest noch sehr gut, und es hat dabei den Status einer nicht vom Standardbulgarischen überdachten Dorfmundart bewahrt. Generell haben Griechisch und Türkisch in der Meinung der Dorfbewohner jedoch ein viel höheres Prestige als ihr eigenes Idiom, da diese über eine Schrift verfügen bzw. da man sie schreiben kann und sie außerhalb der engeren Dorfgemeinschaft als wichtige Verkehrssprachen funktionieren. Das Standardbulgarische wird in diesem Zusammenhang noch nicht

---

[11] Ob gewisse Unterschiede in der Alltagslexik und geringfügige Abweichung im Lautlichen ausreichen, um von pomakischen Mundarten reden zu können, wird von der bulgarischen Dialektologie generell in Abrede gestellt (vgl. MITRINOV 2004).

[12] Über die verschiedenen Versuche, die Pomaken zu assimilieren, berichtet KONSTANTINOV (1992). Eine umfangreiche Untersuchung zu diesem Problem in neuerer Zeit gibt GRUEV (2003). Mit den Integrationsproblemen der Pomaken in Bulgarien beschäftigt sich ferner der Aufsatz von TELBIZOVA-SACK (2000).

genannt, weil die Öffnung weiterer Grenzübergänge und die Aufnahme des kleinen Grenzverkehrs mit Bulgarien von griechischer Seite mit fadenscheinigen Argumenten immer noch verzögert werden. Dennoch kann man schon jetzt bei den wenigen griechischen Pomaken, die wieder engeren Kontakt zu Verwandten auf der bulgarischen Seite aufgenommen haben, bessere Kenntnisse des Standardbulgarischen konstatieren.

Die jüngsten Versuche, das Pomakische in Griechenland zu verschriften und auf diese Weise eine neue, vom Bulgarischen unterschiedene Schriftsprache zu schaffen[13], sind in den pomakischen Dörfern meist unbekannt geblieben, und auch die Polemik der Bulgaren gegen diesen Versuch ist dort nicht registriert worden. Die betreffenden, erst im letzten Jahrzehnt erschienenen Werke haben freilich auch den unübersehbaren Schönheitsfehler, daß sie ausschließlich aus der Feder griechischer Philologen stammen. Eine Grammatik wurde sogar vom griechischen Heer angefertigt und herausgegeben. Die eigene, noch relativ dünne Intellektuellenschicht[14] der Pomaken steht diesen Versuchen in der Regel sehr zurückhaltend bis skeptisch-ablehnend gegenüber. Ausgerechnet die Lehrer pomakischer Abstammung an den Minderheitenschulen – an sich die natürlichen Verbündeten für dieses Vorhaben – distanzieren sich von ihm. Das ist insofern etwas verwunderlich, weil sie alltäglich die großen Probleme ihrer Schüler sehen, wenn diese sofort ab der 1. Klasse ohne muttersprachliche Einhilfen dem Schulunterricht auf Griechisch oder Türkisch folgen sollen. Manche Eltern versuchen diesen "Sprachschock" zu mildern,

---

[13] Man kann fast schon von einer Art pomakischen Wiedergeburt reden, die sich ab Beginn der 90er Jahre des XX. Jh. in Griechenland abzeichnet, als Grammatiken, Wörterbücher, eine Zeitschrift und schließlich sogar ein Sprachlehrgang erscheinen (IOANNIDOU, VOSS 2001).

[14] Daß diese Schicht bisher relativ klein geblieben ist, hängt mit dem für die Situation der Pomaken denkbar ungeeigneten Schulsystem zusammen. Die bis zum Schulbeginn häufig einsprachig aufgewachsenen Pomakenkinder werden von einem Tag auf den anderen, ohne entsprechende Vorbereitung, nur noch mit zwei Fremdsprachen, Griechisch und Türkisch, konfrontiert. Damit sind sie natürlich überfordert, was zu Frustrationen, schlechten Schulabschlüssen und geringen Chancen auf einen guten Studienplatz in Griechenland führt. In diesem Fall hilft übrigens die Türkei generös, aber sicher nicht ganz uneigennützig, mit Stipendien selbst für schwächere Schüler.

indem sie mit den Kindern in die Stadt ziehen, um sie dort im griechischsprachigen Milieu aufwachsen zu lassen, oder sich zu Haus abmühen, mit ihren Kindern Türkisch zu sprechen. Wohl auf massiven Druck der protürkischen "Fraktion"[15] in den Dörfern, zumal wenn die aus der Minderheit stammenden Lehrer auch noch Türkisch unterrichten, unterstützen letztere die Versuche zur Etablierung des Pomakischen nicht, so daß die Erfolgsaussichten für die Durchsetzung einer weiteren slavischen Schriftsprache sehr gering sind. Dafür müßte sich wohl der gesamte politische Kontext grundlegend ändern.

Anders als in Griechenland spielt die Konfession für die slavophone moslemische Minderheit in Albanien keine tragende Rolle bei ihrem Selbstverständnis als distinktive Gruppe, zudem unterscheidet sie diese auch nicht vom Staatsvolk, d.h. von ihren unmittelbaren, ebenfalls moslemischen albanischen Nachbarn. Generell hat die Religion in diesem Land nicht erst seit ihrem Verbot unter Enver Hoxha einen ganz anderen, d.h. geringeren Stellenwert. In dem überwiegend moslemischen Land scheint sie nämlich schon früher – anders als bei den Griechen[16] – für die ethnische Identifikation keine grundsätzliche Bedeutung gehabt zu haben, wie die von konfessionellen Differenzen weitgehend unbelastete Konstitution der albanischen Nation zeigt, in deren Wiedergeburtsbewegung alle großen Religionsgruppen, Moslems, Orthodoxe und Katholiken, in der einen oder andern Form mit wichtigen Beiträgen vertreten sind.

Die überwiegend moslemischen Slavophonen im Gora- und Golloborgebirge haben allerdings ebenso wie die Pomaken keinen muttersprachlichen Schulunterricht, sondern besuchen, da sie keinen offiziellen Status als Minderheit besitzen, rein albanische Schulen. Ihr

---

[15] Diese "Fraktion" ist allerdings schwer zu konkretisieren. Glaubt man der griechischen Seite, so handelt es sich gleich um insgesamt mehrere tausend einflußreiche Persönlichkeiten, die sogar auf den Gehaltslisten des türkischen Konsulats stehen und die öffentliche Meinung in dessen Sinne manipulieren sollen. Für diese etwas abenteuerlich klingende Behauptung wird man freilich kaum direkte Beweise finden. Andererseits ist es aber ein Fakt, daß eine deutliche Einflußnahme von außen auf diesen von den Türken für sich beanspruchten Teil der moslemischen Minderheit sehr unmittelbar in den Gesprächen auf den Dörfern zu spüren ist.

[16] Sie begünstigen durch das unverrückbare Gleichheitszeichen zwischen Orthodoxie und Griechentum erheblich die interethnische Spannung.

slavisches Idiom wird also ebenfalls ausschließlich mündlich tradiert, und sein Gebrauch ist im wesentlichen auf die Kommunikation innerhalb der ethnischen Gruppe beschränkt[17]. Die Konfession bildet daher, wenn man von den geringen Resten der orthodoxen Slavophonen in diesem Gebiet einmal absieht, kein relevantes Unterscheidungsmerkmal zu der albanischen Mehrheit in der unmittelbaren Umgebung. Damit wäre an sich die Voraussetzung für eine schnelle und problemlose sprachliche Assimilation an die Mehrheit und damit an die wichtige Bereiche des Lebens dominierende Staatssprache gegeben. Dennoch sind die slavischen Mundarten in diesem Gebiet noch sehr lebendig geblieben, obwohl die allgemeinen Lebensbedingungen unter dem kommunistischen Regime ihren Untergang zusätzlich begünstigt haben und ferner der wichtige Kontakt zu den Angehörigen der gleichen Volksgruppe jenseits der Grenze in Jugoslavien abgerissen war. Mittlerweile sind die unterbrochenen Verbindungen wiederhergestellt und der kleine Grenzverkehr wieder aufgenommen worden, und auch kulturell sowie politisch beginnt sich inzwischen die Minderheit deutlicher zu artikulieren, womit auch der Gebrauch des Idioms eine überlebenswichtige Stütze erhält. An diesen Ansatz versuchen zudem in den letzten Jahren die makedonische und die bulgarische Botschaft in Tirana im Wettbewerb miteinander anzuknüpfen und bei der Entwicklung des slavischen Bewußtseins dieser Gruppe mit wechselndem Erfolg eine Patenschaft zu übernehmen[18].

Wenn sich aufgrund der Konfession für diese Gruppe noch kein gravierender Unterschied zu den albanischen Nachbarn ergibt, so bleibt es doch überraschend, daß z.B. die Exogamie mit Albanern davon nicht unbedingt profitiert. Intensivere Nachforschungen vor Ort zeigen nämlich, daß Ehen mit albanischen Partnern, trotz gleichen Glaubens,

---

[17] Anders als die Gruppe am Prespasee haben sie keine im Schulunterricht erworbenen Kenntnisse der makedonischen Standardsprache und des kyrillischen Alphabets. Deshalb erscheint auch die für sie gedachte Zeitschrift "Mir" mit Latinica, und man orientiert sich zudem an den orthographischen Regeln des Albanischen.

[18] Das kann dann dazu führen, daß die von ihnen Betreuten sich mal so und mal so deklarieren, je nachdem ob sie gerade der bulgarische oder makedonische Botschafter besucht (MANGALAKOVA 2004, 288).

eher eine Ausnahme bleiben. Die wohl ohne Probleme nur möglich ist, wenn die junge Familie in der Stadt und nicht im Familienverband auf dem Dorf lebt. Zu den Besonderheiten gehört in diesem Zusammenhang, daß die wenigen in eine slavophone Familie eingeheirateten moslemischen Albanerinnen sich auf den Dörfern in aller Regel sehr schnell sprachlich assimilieren, um im Kreis des neuen Familienverbandes und der Dorfgemeinschaft bestehen zu können. Das geht sogar soweit, daß sie mit ihren eigenen Kindern keineswegs Albanisch – was diesen später immerhin den Schulbesuch erleichtern würde, – sondern in der Regel die slavische Familiensprache reden.

Die Kontakte mit den ebenfalls slavophonen, aber orthodoxen Nachbarn sind gleichfalls stark eingeschränkt und Fälle von Exogamie ebenfalls selten. Man spricht miteinander im gleichen Idiom, feiert auch gemeinsam Feste und hilft sich eventuell, aber darüber hinaus hält man sehr deutlich auf Distanz. Für die slavophone Minderheit als ganzes behält die Sprache im Gora- und Gollobordagebiet eine wichtige Funktion beim Ausdruck ihrer ethnischen Eigenständigkeit gegenüber den Albanern und erst innerhalb dieser Gruppe erhält die Konfession die Funktion eines weiteren, grundsätzlichen Unterscheidungsmerkmals. Für die sprachliche Vitalität des slavischen Idioms und die ethnische Identität bleibt damit die Konfession in diesem Fall an sich irrelevant, da sie für die Abgrenzung zu den Albanern nicht entscheidend ist. Für die Konstituierung und Bewahrung der ethnischen Identität müssen in diesem Fall andere Merkmale, unter denen die Sprache sicherlich zentral bleibt, ausschlaggebend sein. Damit ist ein deutlicher Unterschied zu den Pomaken in Griechenland zu erkennen, für welche die Konfession primäre Bedeutung besitzt und sogar einen freiwilligen Sprachwechsel zum Türkischen begünstigt.

Ganz anders stellt sich die Situation für die orthodoxen Slavophonen in beiden Ländern dar. Für die am Prespasee vom albanischen Staat offiziell als makedonische Minderheit anerkannte Gruppe, deren Angehörige ausnahmslos orthodox sind, ist der Gebrauch der Sprache aufgrund ihres amtlichen Minderheitenstatus bereits verbindlich geregelt. Albanisch wird erst nach Makedonisch ab der 2. Klasse in der Minderheitenschule obligatorisch unterrichtet. Die Kinder sind vorher in der Regel sogar einsprachig und sprechen nur Makedonisch, was übrigens auch bei vielen älteren Frauen zu beobachten ist, die Albanisch nur bruchstückhaft beherrschen. Damit ist die Existenz dieses Idioms

zumindest in den angestammten Wohnsitzen gesichert und seine Verwendung hier allgemein üblich, ja dominant. Die orthodoxe Konfession ist für ihre Identität von geringerer Bedeutung, aber doch nicht ganz wirkungslos, da Mischehen mit Albanern eine Ausnahme darstellen und praktisch nur außerhalb der heimatlichen Dorfgemeinschaft ohne Probleme möglich sind. Wer dennoch einheiratet, muß Makedonisch lernen und vielleicht sogar konvertieren. Es gibt in der Tat einige Albanerinnen, die hierher geheiratet und sich inzwischen sprachlich assimiliert haben. Stabilisierend wirkt sich ferner der nach langer Unterbrechung inzwischen mit Makedonien wieder aufgenommene kleine Grenzverkehr aus. Die weitere sprachliche Entwicklung der im Vorschulalter zunächst noch einsprachigen Kinder hat nach der Grenzöffnung übrigens eine ganz neue Perspektive bekommen, während vorher der soziale Aufstieg praktisch nur über gute Albanischkenntnisse möglich war, bietet die offene Grenze zu Makedonien mittlerweile interessante Alternativen. Einige Kinder besuchen nämlich bereits dort die Schule, und auch das anschließende Studium stellt kein Problem mehr dar, zumal da sie meist Stipendien erhalten. Die Angehörigen der Minderheit am Prespasee haben also inzwischen für ihre berufliche Zukunft die Wahl zwischen einer albanischen und makedonischen bzw. auch bulgarischen Option.

Den orthodoxen Slavophonen in Griechenland spricht man hingegen immer noch jeglichen Sonderstatus oder die eigene Ethnizität ab, da nach offizieller Auffassung Orthodoxe gleichzeitig immer auch Griechen sein müssen. Orthodoxie und Griechentum stellen für das moderne griechische Selbstverständnis eine untrennbare Einheit dar, in dem es praktisch keinen Platz für andere Orthodoxe, zumindest nicht in Südosteuropa, gibt. Diese Auffassung zieht sich wie ein roter Faden durch die neuere Geschichte in diesem Teil Europas. Das gipfelt u.a. im bulgarisch-griechischen Kirchen- und Kulturkampf des XIX. Jh. oder zeigt sich noch gegenwärtig im Anspruch Griechenlands auf alle Orthodoxen in Albanien. In diesem Zusammenhang sah man lange Zeit offiziell nur zwei Möglichkeiten, um das Problem im eigenen Lande zu lösen, nämlich die verirrten Schafe wieder zum Griechentum zurückzuführen oder die renitenten für immer zu vertreiben. Von beiden Methoden wurde ausgiebig Gebrauch gemacht, weshalb es verwundert, daß es immer noch Slavophone in Ägäis-Makedonien gibt. Unter diesen

Voraussetzungen bot die Konfession natürlich keine Möglichkeit zur Abgrenzung, sondern beschleunigte die sprachliche Assimilation.

Inzwischen wird dieses Problem unter dem Druck der europäischen Standards immerhin schon öffentlich diskutiert, und einige furchtlose griechische Historiker veröffentlichen sogar schon kritische Beiträge zu diesem lange Zeit tabuisierten Thema. Unter diesen Voraussetzungen ist es schwierig bzw. gegenwärtig sogar unmöglich, zuverlässige Aussagen über diese Minderheit in Nordgriechenland zu machen. Fakt bleibt indessen, daß immer noch Slavisch gesprochen wird, wobei es zwischen den Generationen spürbare Unterschiede gibt. Die ältere und mittlere Generation spricht oder versteht es zumindest noch ganz gut. Die jüngere in der Regel kaum noch, allerdings ist es inzwischen wieder chic geworden, dieses Idiom zu sprechen. Auf jeden Fall sind noch umfassende Untersuchungen durchzuführen, bevor verläßliche Aussagen gemacht werden können.

In einer kurzen Zusammenfassung sollen einige Schlüsse aus dem bisher Gesagten gezogen werden. Wenn es um die Bestimmung der sprachlichen Vitalität von Minderheiten geht, sind in der Regel keine einfachen Zuordnungen möglich. Die Interdependenzen zwischen den einzelnen Faktoren sind nicht ohne weiteres zu isolieren und insofern bietet das Modell von GILES et al. (1977) weiterhin einen guten und unverzichtbaren Ansatzpunkt für umfassende Untersuchungen. Dennoch gibt es einige spezifische Fälle, die relativ einfache Zuordnungen zu erlauben scheinen, weil die entsprechenden Zusammenhänge einfach zu evident sind und gewissermaßen eine Hierarchie der Bezüge erkennen lassen. Doch bei genauerer Analyse zeigt sich auch hier, daß die Sprache von den meisten Benutzern zwar als ein wichtiges Werkzeug, ja als ihr primäres Kommunikationsmittel erkannt wird, zu dem man eine besondere emotionale Beziehung entwickelt. Für den Umfang ihres Gebrauchs stehen indessen überwiegend praktische Erwägungen im Vordergrund. Fundamentaler scheint da schon die Beziehung zur Religion zu sein, sie spielt im Bewußtsein des einzelnen gewöhnlich eine dominantere Rolle. Das zeigt sich ganz deutlich an den Pomaken, für die ihr Bekenntnis zum Islam unverzichtbar ist, während die Sprache im Vergleich dazu fast bedeutungslos erscheint, so daß man auf sie verzichten könnte. Dieser Verzicht bleibt freilich für viele verbal, da sie eben doch weiterhin Pomakisch und nicht Türkisch sprechen. Wenn die Sprache wirklich so nebensächlich wäre, wie man vorgibt, läge in

diesem Verhalten ein eklatanter Widerspruch. Wo die Religion nicht mehr als Unterscheidungsmerkmal taugt, drängt sich auf einmal das enge Verhältnis der Minderheit zur Sprache wieder in den Vordergrund. Denn das Festhalten der moslemischen Goranen oder der orthodoxen Slavophonen in Griechenland, die sich durch die Konfession nicht von der jeweiligen Mehrheit unterscheiden, an ihrer Sprache harrt einer Erklärung. Utilitaristische Überlegungen würden den weiteren Gebrauch eines Idioms mit so geringem Prestige, das den sozialen Aufstieg in vielerlei Hinsicht nur massiv erschwert, von vorneherein ausschließen. Wenn also rationale Motive mehr oder weniger ausscheiden, wird man wohl die Kraft der emotionalen Bindung an das Idiom als weiteren wichtigen Faktor berücksichtigen müssen. Sie genauer zu bestimmen wird nicht einfach sein. Sicherlich wäre es bedenklich, beide Ansätze alternativ gegeneinander auszuspielen, da eine umfassende Erklärung beide einbeziehen muß. Sprache vermittelt immer auch das Gefühl der Geborgenheit, was in unserem globalisierten Zeitalter gern verdrängt wird.

Literatur

ACHTERBERG, J. 2005: *Zur Vitalität slavischer Idiome in Deutschland. Eine empirische Studie zum Sprachverhalten slavophoner Immigranten*. München

DULIČENKO 1981 – А. Д. ДУЛИЧЕНКО: Славянские литературные микроязыки. (Вопросы формирования и развития). Таллин

GILES, H., R. Y. BOURHIS, D. M. TAYLOR 1977: Towards a theory of language in ethnic group relations. In: H. Giles (Ed.). *Language, Ethnicity and Intergroup Relations*. London, p. 307–348

GRUEV 2003 – М. ГРУЕВ: *Между петолъчката и полумесеца*. София

IOANNIDOU, AL., CHR.VOSS 2001: Kodifizierungsversuche des Pomakischen und ihre ethnopolitische Dimension. In: *Die Welt der Slaven*, München, XLVI, S. 233–350

KARAGIANNIS, E. 1997: *Zur Ethnizität der Pomaken Bulgariens*. Münster

KOKKAS, N. 2004: *Úchem so pomátsko / Μαθήματα Πομακικής Γλώσσας*. Xanthi

KONSTANINOV, Y. 1992: An Account of Pomak Conversions in Bulgaria (1912–1990). In: G. Seewann (Hsg.) *Minderheitenfragen in Südosteuropa*. München, S. 342–357

KOSTOPOULOS, T. 2002³: *Η απαγορευμένη γλώσσα*. Athen

LIENAU, C. 2000: Die Muslime Griechenlands – zum Problem von Ethnizität, Identität und Nationalität. In: C. Lienau, L. Steindorff (Hsg.). *Ethnizität, Identität und Nationalität in Südosteuropa*. München, S. 49–70

MAŁECKI, M. 1934/1936: *Dwie gwary macedońskie*. 2 T. Kraków

MANGALAKOVA 2004 – Т. МАНГАЛАКОВА: Българите в Мала Преспа и Голо Бърдо. In: A. Željazkova (Hsg.). *Problems of Multiethnicity in the Western Balkans*. Sofia, p. 276–319

MILETIČ 1918 – Л. МИЛЕТИЧЪ: *Разорението на тракийските българи през 1913 година*. София [Reprint: София, 2003]

Minoritetet: e tashmja dhe e ardhmja / Minorities: the present and the future. Tirana 2003

MARINOV 2004 – Г. МАРИНОВ: Единството на българските родопски говори от двете страни на днешната гръцко-българската граница на лексикално равнище. In: *Език и литература* LVII, София, 1–2, с. 254–264

OBLAK, V. 1896: *Macedonische Studien*. Wien

RAJČEVSKI 2004² – СТ. РАЙЧЕВСКИ: *Българските Мохамедани*. София

SELIŠČEV 1931 – А. М. СЕЛИЩЕВ: *Славянское население в Албании*. София

SIMOVSKI 1978 – Т. СИМОВСКИ: *Населените места во Егејска Македонија*. 1–2. Скопје

ŠIŠKOV 1936 – СТ. Н. ШИШКОВЪ: *Българо-Мохамеданите (Помаци)*. Пловдивъ

STEINKE, K. 2001: Aspekte der ethnolinguistischen Vitalität staatenloser Minderheiten. (Am Beispiel der Banater Bulgaren, der Altgläubigen und der Kaschuben). In: *Kalbotyra 50 (2) / Slavistica Vilnensis 2001*. Vilnius, s. 57–66

STEINKE, K. 2002: Zum Begriff der "Vitalität" in der Soziolinguistik. In: *Język w przestrzeni społecznej*. Opole, s. 221–228

STEINKE, K. 2003: Zur Typologie der sprachlichen Vitalität slavischer Minderheiten. In: *Funktionale Beschreibung slavischer Sprachen. Beiträge zum XIII. Internationalen Slavistenkongress in Ljubljana.* München, S. 199–211

TELBIZOVA-SACK, J. 2000: Die Pomaken Bulgariens zwischen Identitätsverlust und Selbstbehauptung. In: C. Lienau, L. Steindorff (Hsg.). *Ethnizität, Identität und Nationalität in Südosteuropa.* München, S. 71–88

TRUBETA, S. 1998: Athen's Minority Policy. The Pomaks and Their Social Integration. In: *Süd-Osteuropa* 47, 12, p. 632–658

TRUBETA, S. 1999: *Die Konstitution von Minderheiten und die Ethnisierung sozialer und politischer Konflikte. Eine Untersuchung am Beispiel der im griechischen Thrakien ansässigen Moslemischen Minderheit.* Frankfurt a. M.

VIDOESKI 1998–1999 – В. ВИДОЕСКИ: *Дијалектите на македонскиот јазик.* 1–3. Скопје

VOSS, CHR. 2003: Sprachdiskurse in minoritären Ethnisierungs- und Nationalisierungsprozessen: Die slavischsprachige Minderheit in Griechenland. In: *Süd-Osteuropa* 52, 1–2, S. 1–20

Some remarks on the linguistic vitality of the Slavic minorities in Albania and Greece

Klaus Steinke

The Slavic minorities in heteroglossic environments have become an important topic of study during the last decade. This paper is principally concerned with the slavophone groups in Albania and Greece. For the most part two different groups can be distinguished in these countries: Christian and Moslem slavophones. Alongside many differences they also show some interesting parallels in their behaviour. The attitude of these groups to religion and language has an important influence on the vitality of their language. The Orthodox Slavic group on the Albanian side of Lake Prespa, which is officially recognised by the state as a Macedonian minority, shows the highest linguistic vitality, while the similar group in Greece, not recognized by the state, shows a lower degree of linguistic vitality. In general, the Moslems in these two countries are more devoted to their religion than to their language. Nevertheless, in Albania loyalty to the Slavic idiom is much

more pronounced than in Greece, where the Pomaks even declare themselves as Turks. The reasons for the different conduct of these groups are certainly connected to their historical and political experiences, but there must also exist other factors which influencing their linguistic attitude.

Klaus.Steinke@slav.phil.uni-erlangen.de

Christian Voss, Erlangen / Freiburg i. Br.

Toward the comparability of Slavic-speaking Balkan Muslims in the light of the 'microlanguage' concept

I would like to start my paper with a quote (ELLIS 2003, 77):

> "I sat in a warm kitchen in Tetovo, listening to a 62-year old woman and her 74-year old husband engage in an agitated debate about her 'Turkish' and his 'Albanian' identity. In a perfect Istanbul accent, she proudly declared herself 'the only Turk in this family' and 'all of these people (her children) turned out to be Albanian'. Her husband mumbled under his breath, 'Oh, sure you are Turkish. When I married you, your Torbeş (Muslim Macedonians) parents could not speak a word of Turkish!' She snapped back 'So when on earth did you become Albanian? You spoke Turkish all your life, and you still cannot put together two sentences in Albanian!' To this, he roared back, shaking his finger at her furiously: 'But I have the Albanian soul! The Albanian soul got to me!'"

This brief glance at the married life of a Muslim couple in western Macedonia illustrates the crucial point of my paper: Among the smaller ethnic groups in the Balkans, there is no equation of linguistic and ethnonational identities. This holds true especially for Muslims, whose religion, in contrast to the Serbian, Greek and Bulgarian national movements during the 19th century, was without national connotations. In this way, Balkan Muslims still preserve the Ottoman legacy of the *millet*-system, defining ethnicity on the basis of religion. As a consequence, Balkan Muslims have only now really begun to give a clear definition to their ethnic, national and linguistic belonging, using the post-communist liberalisation to negotiate their identities. This brings them into the context of the concept of microlanguages as developed by DULIČENKO (1994). Balkan Muslims,

whose history dates back to the Middle Ages (the XIVth century), fulfil the criteria for the development of potential microlanguages, i.e. a distinct ethnic identity with a historical tradition. Owing to the policy of the Christian, post-Ottoman successor states from the XIXth century onwards, Balkan Muslims have a clear consciousness of social exclusion that guarantees their external group boundaries.

My aim here is to explain why they have *not* developed any kind of microlanguage. Where there does exist any form of a written version of their speech variety, then it is produced by the Christian majority to instrumentalise the minority. In Macedonia, Greece and Bulgaria, Slavic-speaking Muslims are not legally recognised. This confirms the conflation of Muslimness and Turkishness which dates back to the Ottoman period; today it leads to the assimilation of the Torbeši and Pomaks in these countries not to the Christian majority, but to the Turkish minority (DEMETRIOU 2004; BOUGAREL/ CLAYER 2001). These identity patterns have sometimes been conceptualised lexically. The person practising the Muslim rite of circumcision (Turkish *sünnetçi*) is called in some Pomak regions simply *rezikur*; in other regions he is named *turčinar*: 'the one who makes you a Turk'. The conversion of religious difference into an ethnic distinction is revealed in two other options. In the Sandžak region since the early 1990s, a new identity option has been to be a Bošnjak, and in the Republic of Macedonia – owing to the massive emigration of Turks during the last few decades – the Torbeši opt to be Albanian.

Before I begin to present details and examples, let me briefly sum up my three points:

1. The Slavic-speaking Muslims until recently did not see any need to combine language and national loyalties. This fits the description of the semiotic process of so-called '*erasure*' as described by the well-known linguistic anthropologists GAL/ IRVINE (1995, 974):

> "Erasure is the process in which ideology, in simplifying the field of linguistic practices, renders some persons or activities or sociolinguistic phenomena invisible. Facts that are inconsistent with the ideological scheme may go unnoticed or get explained away".

A good example for this myth-producing ideology may be the conviction of Bulgarian Pomaks that they spoke exclusively Turkish until the integration of their region into the Bulgarian nation-state.

2. In obvious combination with a pragmatic, socio-economic perspective, Slavic-speaking Balkan Muslims have to date shifted their language to match their ethnonational identity, in this way trying to correspond to the ideology of language nationalism according to the formula of 'one language – one people' as developed by German political romanticism in the early 19th century.

3. Forms of microliteracy occur as an intervention by the majority to guide ethnopolitical orientations. This holds true for the Habsburg *Bošnjak*-programme after 1878 as well as for the Greek support of Pomak culture during the 1990s in an attempt to avoid the development of a pan-Muslim movement. This explains the minority's disapproval of such language policy. All Slavic-speaking Balkan Muslims strictly reject identifications offered by the majority that regard their mother tongue as being essentially a marker of ethnonational belonging. For them, language is the last relic of an unloved ethnicity that they are trying to overcome.

Who are the Balkan Muslims?

Today there are 8,3 million Muslims living in the Balkans – and if Turkish Eastern Thrace is included, they number almost 12 million (cf. CLEWING 1999; TELBIZOVA-SACK 2003). From a social, linguistic, ethnic and even religious point of view, Balkan Muslims are far from constituting a single, homogenous group. It is more appropriate to view them as a community of fate, since Serbia, Greece and Bulgaria have made them a single group of otherness that could be blamed for Southeast Europe's backwardness. As the target of 'ethnic cleansing', their 'flight from the cross' has been documented by MCCARTHY (1995): between 1821 and 1922, more than five million Muslims in the Balkans and the Caucasus were killed, and another five million Muslims fled the region. The worst cruelties took place during and after the Balkan Wars of 1912/13. Out of the 2.3 million Muslims living in the Balkans in 1911, only 870,000 remained by 1923. Nevertheless, Balkan Muslims today constitute 13.5% of the population in Southeast Europe.

How can we classify the Balkan Muslims? The largest group are the Albanians, of whom 3.1 million live in the Albanian state. Today there are Turkish-speaking Muslims living in Bulgaria (750,000), Macedonia (81,000) and in Greek Western Thrace (54,000). The smallest group are Muslim Roma. Linguistically we can distinguish three groups: Albanian-

speakers (4.3 million), Slavic-speakers (2.6 million) and Turkish-speakers (1 million). Because of the identification processes described here, these boundaries between these groups are highly fluid.

More than two-thirds of the Slavic-speaking Muslims live in Bosnia-Herzegovina (2 million); among these the Bosniacs have developed a political group concept. Owing to the support provided by Tito-Yugoslav ethnostatistical experiments during the 1960–1970s, today they form a nation. This process has partly reached the 229,000 Muslims in the Sandžak region of Serbia-Montenegro. Other Slavic-speaking Muslims are the so-called Torbeši in the Republic of Macedonia (about 60,000–70,000) and the so-called Pomaks in Bulgaria (about 250,000) and Greece (about 36,000).

Muslims, Bosnians or Bosniacs

Today's Bosnian standard language is part of the curious fact that since the 1990s, *four* standard languages in the former Yugoslavia are developing on the basis of one and the same dialect, the Neo-Štokavian/ Ijekavian dialect type (GREENBERG 2004). Bosnia was always a buffer zone between Croats and Serbs – something which found its linguistic expression in the Bosnian neutrality regarding Croatian or Serbian lexical doublets. The Bosnian standard is the reaction of the Bosnian Muslims to the new language ideology among Bosnian Croats and Serbs, who orientated themselves towards the exoglossic standards of Zagreb and Belgrade respectively, replacing the dialectologically defined areality of Bosnian dialects with the ethnonational criterion of territoriality. Language ideology and behaviour in Bosnia have to be seen as a result of three years of civil war (LEHFELDT 1999; NEUSIUS 2002).

Nevertheless, there are some aspects that contribute to a coherent line of Bosnian regionalism and a Bosnian history separate from the rest of the Slavic-speaking Muslims. This is, first, the survival of the local elites and nobles after the Ottoman conquest as a result of their conversion to Islam in vast numbers. Second, the Habsburg policy of Benjamin Kállay was aimed at counteracting the Croatian and Serbian national movements in the region during the second half of nineteenth century. Third, though this is not a popular topic in today's Sarajevo, Tito's support for the Bosniac cause was very important. The transformation of a religious group into a nation found its iconisation in the writing of *musliman* with a capi-

tal initial letter in the census of 1971 and the declaration of a Bosnian-Herzegovian 'standard linguistic idiom', whatever this may have been. In the late 1960s the Bosnian *Savez Komunista* started scientific projects at the University of Sarajevo intended to support by means of documentary evidence the idea of Bosnians as a 'prohibited nation', whose identity was only rediscovered thanks to the wisdom of Tito's communists. The recognition of a Muslim nation within Yugoslavia and the 'homeland' concept allegedly identifying six Yugoslav nations with six republics were the last steps in ethnicising the Serbo-Croatian dialects and fortifying the lines along which Yugoslavia broke up (BLUM 2002). I would disagree with MØNNESLAND (2005) where it is stated that in contrast to dialectal heterogeneity in Croatia and diglossic heterogeneity in Serbia, the Bosnian-Hercegovinian territory shows an «izvanredno jedinstvenu književnojezičku tradiciju» (2005, 7). Mønnesland here contributes to the Bosniac '*invention of tradition*' and constructs a teleological perspective that reifies Bosniac identity.

Torbeši in Macedonia

The Slavic-speaking Muslims in the Republic of Macedonia did not share the Bosnian experience of seeing their status upgraded during the 1960–1970s. The Torbeši were caught in the middle of the relatively recent Albanian-Macedonian conflict. Mostly living in western Macedonia between Tetovo and Debar, they were incorporated into the Italian protectorate of 'Greater Albania' in World War II. Since 1944 they have been included in the Macedonian *nation-building* process, the most tangible result of Tito's national pluralism (HAUSMANINGER 2005). Nevertheless, the Torbeši are to a high degree comparable to the Pomaks in Bulgaria. Both groups have been exposed to exclusion in the form of economic peripheralisation and to discursive inclusion (their archaic and isolated dialects are claimed as 'the purest' in Macedonian and Bulgarian dialectology respectively).

The most striking difference between the Torbeši and the Pomaks concerns their integration into the nation-state whose language they share. Whereas Bulgaria started a cruel campaign of compulsory conversion of the Pomaks in southern Macedonia and Thrace during the Balkan Wars of 1912–13, the Torbeši did not come into contact with a Christian-defined nation-state until 1991 with the independence of Macedonia. Since Tor-

beši did not constitute a census category during the Yugoslav period, they have three options: Macedonian, Turkish or Albanian. After the emigration of more than 220 000 Turks to Turkey during the 1950–1960s and the escalation of the 'Albanian question' during the 1990s, it is clear that the Torbeši are shifting their identity to the largest Muslim group in the country, the Albanians.

Since 1991 the Macedonian academic community – imitating the Bulgarian Pomak discourse – has doubled its activities, demonstrating the Macedonianness of the so-called 'Macedonian Muslims'. The Torbeši, on the other hand, drive the Macedonians to despair by demanding Turkish or Albanian primary schools in their villages. From 1994 to 2000, parents from the Torbeši village of Dolno Količani in the vicinity of Skopje organised bus transfers for their children to visit the Turkish minority school in Skopje, until the government gave in and allowed Turkish as an optional subject in the village school. The Torbeši elites conform to a certain degree to the notion of national Macedonianness, whereas the 'Islamic religious community' stands for a distinct Torbeš option. Their journal *Mlada mesečina* (founded in 1987) is published in Macedonian, Turkish and Albanian. This indicates that language does not play any role in defining and shaping their ethnonational identity (BOUGAREL/ CLAYER 2001). Especially in the Macedonian case, where language ideology is determined to a high degree by the issue of non-recognition by Greece and Bulgaria, the Torbeši would be very ill-advised to adopt and develop sub-varieties of standard Macedonian.

Pomaks in Bulgaria and Greece

The Pomaks as a group were brought into being during the XIXth century by a Bulgarian ethnocentric national discourse that was profoundly disconcerted by the fact that their alleged co-nationals actively fought against the founding of a Bulgarian nation-state in the 1870–1880s. The Pomaks threatened their national integrity (compare the broader term *bălgari* with *čisti bălgari* designating exclusively Christian Bulgarians), so that the assimilation campaigns carried out with unfailing regularity during the whole of the 20th century were according to Bulgarian logic simply a re-Bulgarianising restoration (GEORGIEV/ TRIFONOV 1995). Let me remind you that the communist policy of the 1980s, which led to the expulsion of hundreds of thousands of Turks to Turkey, was called *văzraždane* ('revival').

The Pomaks in the Rhodope Mountains have since the 1920s been divided by state borders that after 1949 became part of the Iron Curtain. They experienced the two extreme poles of minority policy in the Balkans. In Bulgaria, they suffered extreme forms of assimilationist suppression. Todor Živkov's famous remark from 1984 that "there are no Turks in Bulgaria" has contributed to a Turkish identity shift among about 20% of the Pomaks. Apart from a small group of secularised, well-educated and socially advanced Pomaks who are successfully assimilated into the Bulgarian nation, the Bulgarian Pomaks have retired into invisible spheres, so as to ensure their dissimilation, preserving their group boundaries by means of marriage strategies, choice of residence and by resistance against the general trend of rural exodus (KARAGIANNIS 2003).

In Greece, Turkey has been the official protecting power for the *whole* Muslim minority in Western Thrace since the Lausanne Treaty of 1923, so that the Pomaks' turkification may be expected to be in an advanced state. This constellation is the logic of the Ottoman *millet*-system allowing Greece to interpret the Christian-orthodox *millet rum* as national Greeks, whereas Muslims in self-ascription and categorisation by others traditionally coincided with 'Turks' (TSIBIRIDOU 2000; DEMETRIOU 2004). The conflation of religion and nationality made possible a compulsory population exchange between Greece and Turkey officially declared as 'Christians for Muslims'. Pomaks from eastern Macedonia (Drama, Serres, Kavala) consequently had to leave Greece, whereas the Pomaks in Western Thrace (as well as the Christian population in Istanbul) were exempted from the exchange (RAICHEVSKY 2004).

Pomak language policy

During the 1990s dozens of publications have created a Pomak microlanguage. Instead of supporting regional Pomak identity and ethnic pride, these publications have hastened the language death of Pomak in Greece, since the rejection of these books by the minority itself contributes to the decline of Pomak language loyalty. A comparable process took place in Kosovo in the 1960s when Belgrade tried to create a (Gheg-based) *šiptarski jezik*, stressing how it differs from the (Tosk-based) *albanski jezik*. Kosovars recognised the motivation behind this policy and firmly rejected any form of iconised symbol of their national separation from Albania (HETZER 2000, 114ff).

Codification attempts of the Pomak language have a clear political intention, that is, to neutralise the turkification process among the Pomaks. After several waves of compulsory and humiliating christianisation by the Bulgarian army and church during the Balkan Wars and in World Wars I und II, the Bulgarian option for Pomaks is a non-issue. Today the Pomak issue is situated within the antagonistic relationship of Greek and Turkish official rhetoric, both claiming the Pomaks for themselves.

Since language policy among the Pomaks has been analysed by IOANNIDOU/ VOSS (2001), I am concentrating here on the definition of what might be meant by the Pomak language in the context of a highly differentiated trilingualism. In this way, I hope to contribute to the general topic of this volume, the title of which I interpret as 'The role of language contact for the construction of microlanguages'. In the region of Xanthi and Komotini we have totally different umbrella languages. Roughly speaking, the population of the Xanthi region, where about three quarters of the Pomaks live, has total command of Pomak as its mother tongue, speaks Greek well and has a little Turkish. On the other hand, the population of the Komotini region has almost lost its language skills in Pomak, speaks Turkish very well and has a little Greek.

	Pomak	**Greek**	**Turkish**
Xanthi:	60%	30%	10%
Komotini:	10%	10%	80%

The process of language shift always leads through different phases of bilingualism and *code-switching*. Taking into account the different umbrella languages, we can even speak of mutual incomprehensibility among the Pomaks: A grandmother from an isolated village in the Xanthi region who did not attend the minority schools that in 1951 established bilingual Greek-Turkish primary education and who therefore has no command of Turkish whatsoever, cannot communicate with a Pomak from the Komotini region whose family switched to Turkish two generations ago. This illustrates the difficulty or even the impossibility of codifying a dialect continuum such as that of Pomak in Greek Thrace, where western part is shaped by Greek as the umbrella language and eastern part is largely determined by Turkish.

To show that the trilingual relationship cannot be simplified into two bi-lateral contact situations, let me quote an informant of mine whose lan-

guage use is typical for the young hellenised generation in the Xanthi region (cf. MICHAIL 2003). Although he pretends not to understand Turkish, he uses Turkish loans for nomination gaps in Pomak (like *hükümet* 'government') or as so-called tags to attract the listener's attention. Discourse strategies such as reiterations by means of trilingualism are occur two or even three times. For example, to stress the linguistic difference among the Pomaks, he first uses a switch from Pomak to Turkish and then repeats the Turkish tag *başka türlü* – first in Slavic (*nikako*), then in Greek (*kamia shesi* – in the following Greek elements are give in bold type, Turkish in Italics):

A: **vulgarika** ja slušam **episimi glossa idhisis**, ne razbira se nikana.
'**In Bulgarian** I listen to **official language broadcasts**, you don't understand anything'.
a ja slušam **apli polites**, **ap' ta notia** razbira se sičko,
'but I listen to **ordinary people, from the south**, you understand everything'.

B: V Smolen, ja hodim na Smolen, jace se leko razbereš.
'In Smoljan (BG), I go to Smoljan, you understand very easily'.
Văv Plovdiv na drugoto na gore, mnogo e po-zorno.
'In Plovdiv, on the other hand, over there, it is much more difficult'.

A: Ako odiš v Sofia, nikana.
'If you go to Sofia, nothing'.
I tursko. Na Orini, na Rodopi, na Xanthi,
'And Turkish. In Orini, in Rodopi, in Xanthi'
na başka türlü, nikako, **kamia shesi, akoma ke edho, ... kathe horio ehi ligho dhiafora**.
'*nothing*, nothing, **no comparison; even here, ... every village has slight differences'**.

The same discourse strategy is applied in his Greek-Turkish formulation "ehun apolito dhikio, *yüzde yüz*" ('they are absolutely right, 100%'), where the Greek 'absolutely' is glossed by the Turkish '100%'.

Turkisms can even be used for hybrid expressions with a Slavic auxiliary (*Isa* e *geç*):

Gimnasio, likio, ne dava da vlizoš. Nito po-goljam *meçit*.
'**Secondary schools**, you are not allowed to go there. Nor to *university*'.
Sja imam da kažem gadina **teleftea** atrovil. *Isa* e *geç*.

'Now I admit that during **the last few** years it has opened. (But) *now* it is *late*'.

This kind of hybrid language use brings us to the question of whether it should be described as *loaning* or as *code-switching*. For the most part, Turkish as well as Greek loans have become an integral part of the Pomak 'manner of speaking'. I can give an example to support this assertion. Speaking with young Pomaks in the Xanthi region, we had agreed to speak Pomak, although they knew I spoke Greek well. One discussant used the Greek expression for 'higher education', at which point his friend joined us and accused him of allegedly not speaking Pomak, which angered him because this reproach is absurd in the sense that everybody knows that there are nomination gaps in Pomak.

A: **Eho gnorisi anthropus**, *insani* znom, **ehun anotati morfosi**.
'I have met people, I know *people*, **they have the highest education**'.

B: Pomacki šte dumiš!
'You shall speak Pomak!'

A: Kak ja **anotati** pomacki... naj-goljamoto **morfosi**, i dumat pomacki.
'How can I (say) **highest** in Pomak... the 'biggest' **education**, and they speak Pomak'.

For multilingual borderland minorities, linguistic hybridity is an iconised symbol of their lack of one-dimensional ethnonational belonging. This explains their strong tendency to adopt the usual mode of *code-switching*. On the other hand, Turkish elements are an expression of their belonging to the broader Muslim community or even to the Turkish nation. This aspect is generally ignored by the codifiers of Pomak, mostly Greek village teachers having Greek as mother tongue and having learnt some Pomak. Not knowing Turkish, they ignore the real extent of the Turkish impact on the Pomak dialects as well as the Pomaks' own language ideology. Instead, they coin neologisms that the Pomaks themselves consider ridiculous, such the expression *doktor za uši* for 'cosmetician'. The avoidance of Turkish elements is interpreted by the Pomaks as a linguistic symbol of the Greek attempt to split the Muslim minority.

The most recent codification of Pomak (KOKKAS 2004), a course of Pomak for foreigners, even tries to offer computer terminology as well as translations of Shakespeare verses into Pomak, so as to help the Pomaks overcome the devaluation of their speech variety. I will not raise here the

issue of translating Shakespeare into dialects such as Pomak; this is just another example of a Eurocentric cultural model ignoring local traditions among the Muslims.

Conclusion

As the foregoing material has shown, the picture of language development among the Slavic-speaking Balkan Muslims is very heterogeneous. Can any regularities be discerned? Only Bosnian and Pomak in Greece have developed literacy. This cannot be explained on the purely linguistic level, since only the Slavic dialects in Greece function as *Abstand* languages, whereas all other relations are simply between standard and dialects. There are no other parallels between Bosnia and Greek Thrace. The contestation of Slavic ethnicity in Greece is absolutely incommensurable with the different forms of support for the Bosnian option. This seems to indicate that the development of literacy and especially of microliteracy is to a high degree coincidental.

	BOSNIACS	TORBEŠ	BULGARIAN POMAKS	GREEK POMAKS
1. Development of a:				
– standard language	+	–	–	–
– microlanguage	–	–	–	+
2. Linguistic aspects:				
– simple dialect-standard relationship	+	+	+	–
– tangible *Abstand*	–	–	–	+
3. Historical aspects:				
– integration into an ethnocentric state	–	–	+	+
– experience of *bratstvo i jedinstvo*	+	+	–	–
4. Political aspects:				
– categorisation: (linguistic) positive discrimination	+	–	–	+
– own *nation-building*	+	–	–	+

In the past few years it has become popular to speak about a 'Pomak language'. Having written one of the first articles about Pomak codification (IOANNIDOU/ VOSS 2001), I feel obliged to stress the following: linguists have established that there are no differences between the language use of

Christian and Muslim populations in the Balkans. Therefore, we are not even in a situation where we can use the label 'Pomak dialects'. Dialects have areas, standard languages have territories. Dialects as well as languages are *not* defined on the basis of religion or ethnicity. This is a myth of the 19th century. The comparison between the Bulgarian and Greek Pomaks demonstrates very convincingly that there is no necessary, cogent relationship between ethnicity and language. In Bulgaria you cannot distinguish the language use of Muslims and Christians living in the Rhodope Mountains; nevertheless, the external group boundaries of the Bulgarian Pomaks remain intact. Although the mother tongue of Greek Pomaks within the Greek-Turkish-Slavic trilingualism clearly functions as an *Abstand* language, their ethnicity is more fluid.

References

BLUM, D. 2002: *Sprache und Politik. Sprachpolitik und Sprachnationalismus in der Republik Indien und dem sozialistischen Jugoslawien (1945–1991)*. Würzburg

BOUGAREL, X., N. CLAYER (Hsg.) 2001: *Le nouvel islam balkanique: les musulmans, acteurs du post-communisme (1990–2000)*. Paris

CLEWING, K. 1999: Muslime. In: H. Roth (Hsg.). *Studienhandbuch Östliches Europa. Bd. 1: Geschichte Ostmittel- und Südosteuropas*. Köln / Weimar / Wien, S. 482–485

DEMETRIOU, O. 2004: Prioritizing 'ethnicities': The uncertainty of Pomakness in the urban Greek Rhodoppe. *Ethnic and Racial Studies* 27/1, p. 95–119

DULIČENKO, A. D. 1994: Kleinschriftsprachen in der slawischen Sprachenwelt. In: *Zeitschrift für Slawistik*, Berlin, 39/4, S. 560–567

ELLIS, B. A. 2003: *Shadow Genealogies. Memory and identity among urban Muslims in Macedonia*. New York

GAL, S., J. T. IRVINE 1995: The Boundaries of languages and disciplines: How ideologies construct difference. In: *Social research* 62/4, p. 967–1001

GAL, S., J. T. IRVINE 2000: Language ideology and linguistic differenttiation. In: P. Kroskrity (Hsg.). In: *Regimes of language: ideologies, polities and identities*. Santa Fe, Oxford, p. 35–83

GEORGIEV, TRIFONOV 1995 – В. ГЕОРГИЕВ, Ст. ТРИФОНОВ: *Покръстване на българите мохамедани 1912–1913*. София

GREENBERG, R. D. 2004: *Language and identity in the Balkans. Serbo-Croatian and its disintegration*. Oxford

HAUSMANINGER, A. 2005: Ethnische Identität – eine Notwendigkeit? Slawische Muslime in einem westmakedonischen Dorf zwischen Zuweisung und Selbstwahrnehmung. In: M. Daxner et al. (Hsg.). *Bilanz Balkan*. Wien, S. 152–165

HETZER, A. 2000: Kultur und Konflikt in Kosovo. In: J. Reuter, K. Clewing (Hsg.). *Der Kosovo Konflikt. Ursachen – Verlauf – Perspektiven*. Klagenfurt / Celovec, S. 105–117

IOANNIDOU, A., Chr. VOSS 2001: Kodifizierungsversuche des Pomakischen und ihre ethnopolitische Dimension. In: *Die Welt der Slaven*, München, 46, S. 233–250

KARAGIANNIS, E. 2003: Fremdzuschreibung und Minderheit: Bemerkungen zu den Pomaken Bulgariens. *Zeitschrift für Balkanologie* 39/1, S. 37–51

KOKKAS, N. 2004: *Učem se pomacko*. Xanthi

LEHFELDT, W. 1999: Zur gegenwärtigen Situation des Bosnischen. *Wiener Slavistisches Jahrbuch* 45, S. 83–90

MCCARTHY, J. 1995: *Death and exile. The ethnic cleansing of Ottoman Muslims, 1821–1922*. Princeton

MICHAIL, D. 2003: From 'locality' to 'European identity': Shifting identities among the Pomak minority in Greece. In: *Ethnologia Balkanica* 7, p. 139–157

MØNNESLAND, S. (Hsg.) 2005: *Jezik u Bosni i Hercegovini*. Oslo

NEUSIUS, B. 2002: Die Sprachenfrage in Bosnien und Herzegowina. In: *Südosteuropa* 51/4–6, S. 217–227

RAICHEVSKY, St. 2004: *The Mohammedan Bulgarians (Pomaks)*. Sofia

TELBIZOVA-SACK, J. 2003: Identitäten islamischer Gemeinschaften. In: *Ost-West Gegeninformationen* 2003/4, S. 37–41

TSIBIRIDOU, F. 2000: *Les Pomak dans la Thrace grecque. Discours ethnique et pratiques socioculturelles*. Paris

Zur Vergleichbarkeit der Kleinsprachen slawischsprachiger Balkanmuslime im Licht des Konzepts der "Mikroliteratursprachen"

Christian Voss

Der Artikel vergleicht die sprachliche Situation slawischsprachiger Balkanmuslime in Bosnien, in der Republik Makedonien (die sog. Torbeschen) und in Bulgarien und Griechenland (die sog. Pomaken). Die Muslime sind ein geeignetes Forschungsobjekt für die Nichtübereinstimmung von sprachlicher und ethnisch-nationaler Identität bei Minderheitengruppen in Südosteuropa, da die stärkere gruppenkonstituierende Kraft von Religion hier noch eindeutiger als bei christlichen Gruppen in der Kontinuität des osmanischen *millet*-Systems funktioniert, welches Ethnizität auf konfessioneller Basis definiert hatte.

Die tabellarische Auflistung der Parameter der Entwicklung von Schriftsprachlichkeit bei vier Gruppen der slawischen Balkanmuslime verdeutlicht, dass Kodifizierungsversuche eher auf Fremd- als auf Eigenzuschreibung zurückgehen, z. T. von der Mehrheitsbevölkerung als Instrument ethnopolitischer Beeinflussung eingesetzt werden und daher wenig Akzeptanz bei den Sprechern selbst finden.

Nur zwei der vier Gruppen, die allesamt deutlich erkennbare Identitätsmuster und Außengrenzen aufweisen, haben Verschriftlichungsprozesse durchlaufen: Bosnisch und Pomakisch in Griechenland. Dies besitzt keine innersprachliche Logik, da die Dialektbasis der Bosnjaken nahezu 0% Abstand zu den Katholiken und Orthodoxen der Region hat, während der bulgarische Dialekt der Griechenland-Pomaken 100% Abstand zum Griechischen und Türkischen aufweist.

christian.voss@geschichte.uni-freiburg.de

Фёдар Данілавіч Клімчук, Мінск

К истокам письменной традиции Берестейско-Пинского Полесья и о западнополесском литературном микроязыке в частности

Международная конференция 15–17 сентября 2005 г. в Тарту была посвящена славянским литературным микроязыкам и вопросам языковых контактов. Я буду вести речь о западнополесском литературном микроязыке. Но прежде, чем говорить о нем непосредственно, коснусь некоторых других вопросов, связанных с Полесьем.

Полесье – это большая восточнославянская область, простирающаяся от Бреста на западе до Калуги на востоке. Включает она юг Белоруссии, север Украины, соседние регионы России. Один из полесских регионов – Берестейско-Пинское Полесье. Занимает он южную часть нынешней Брестской области Белоруссии и соседние микрорегионы Польши и Украины. Речь пойдет о Берестейско-Пинском Полесье – даже не обо всем, а об основной его части, где бытуют брестско-пинские, или загородские, говоры.

Ведущий специалист по славянским литературным микроязыкам А. Д. Дуличенко в число литературных микроязыков первоначально не включал западнополесский (см. Дуличенко 1981). Прошло определенное время и в работах А. Д. Дуличенко, наряду с другими славянскими литературными микроязыками, уже фигурирует микроязык западнополесский, даётся его характеристика (Duličenko 1999, 29–43; Дуличенко 2004, 227–281).

Итак, в интерпретации ученых появился новый литературный микроязык – западнополесский. Почему то, что было опубликовано или написано на идиомах, в основе которых лежат западнополесские говоры, до конца 1980-х годов не интерпретировалось как литера-

турный микроязык? Да потому, что для подобной интерпретации было недостаточно опубликованного или написанного на указанных идиомах материала. Лишь в конце 1980-х годов наступил перелом. В 1988 г. создано общественное культурно-просветительское общество "Палісьсе" (существовало до 1998 г.). Его возглавил Николай Николаевич Шелягович. Члены общества в 1985–1992 гг. опубликовали ряд произведений на западнополесских говорах в газетах и журналах, издаваемых в Минске. Общество "Палісьсе" издавало страницу "Балесы Палісься" в газете "Чырвоная змена" (в 4-х номерах за 1988 г.). В 1989 г. изданы № 5–9 бюллетеня "Балесы Палісься".

Но особенно много печатной западнополесской продукции дала газета "Збудінне", издаваемая обществом «Палісьсе». За 1989–1995 гг. издано 85 номеров. Материал разнообразный: публицистика, художественная литература, история, этнография и проч. В 1990 г. обществом была проведена международная "Западнополесская (Ятвяжская) научно-практическая конференция". Опубликованы ее тезисы и материалы (ЗШПК 1990, ЗпШПК 1990). В 1994–1995 гг. проведены фестивали западнополесской эстрадной песни (в Бресте, Пинске, Дрогичине, Янове). На западнополесском говоре была издана брошюра, посвященная шахматной игре (Давыдюк 1992).

Таким образом, продукции оказалось вполне достаточно для того, чтобы публикации на идиомах, в основе которых лежат западнополесские говоры, дали основание научной общественности признать статус западнополесского литературного микроязыка.

Об особенностях варианта западнополесского литературного микроязыка, предложенного Н. Н. Шеляговичем (далее – вариант Шеляговича), мы остановимся ниже. А теперь дадим краткую характеристику письменной традиции Западного Полесья от самых ранних эпох до настоящего времени.

С алфавитным письмом жители Полесья, возможно, познакомились еще в начале нашей эры (Клімчук 2001, 20–22). "Познакомились" – это, видимо, какие-то единицы среди "полешуков" узнали, что буквенное письмо существует. Это было греческое и латинское письмо. В это время Полесье время от времени начали посещать античные купцы.

Возможно, в IX в. кое-кто из жителей Берестейско-Пинского Полесья узнал, что существует славянское буквенное письмо. В те вре-

мена в состав христианской Великоморавской державы входила юго-западная Волынь. Распространение в этой области в первой половине – середине IX в. христианства подтверждается археологическими материалами (Моця 1990, 114–133). С христианством связана письменность. А юго-западная Волынь от Берестейско-Пинского Полесья недалеко.

Утверждение славянской письменности в Берестейско-Пинском Полесье можно датировать 988–1005 годами. 988 г. – это начало введения христианства на Руси как официальной религии. 1005 г. – это учреждение великим князем киевским Владимиром Святославичем Туровской епископии (Мартос 1966; репринт: Минск, 1990, с. 69–70; Щапов 1965, 254–258, 271–273; он же. 1972, 51; он же. 1989, 42; Кучкин 1997, 166–233). Кроме Турова, в епископию входило 16 епархиальных центров. Из них на территории Берестейско-Пинского Полесья: Берестье, Пинск, Здитов (находился на территории села Старомлынье Дрогичинского района), может быть, еще Городен и Ляхов (Климчук 2005, 16–17). Появились церкви, хотя их вначале было немного. Во время богослужения использовались религиозные христианские книги. Богослужение велось на церковнославянском и частично греческом (Успенский 1983, 16–23; Успенский 1994, 16–22) языках, проповеди читались на более понятной верующим языковой системе. Для нас существенно то, что начала функционировать письменность, появились книги, грамотные люди. В эпоху Киевской Руси в Полесье существовало немало городов. Само существование города в Средневековье обусловливает наличия в нем грамотных людей.

Письменных памятников древнерусского периода (XI–XIII вв.), созданных или бытующих на территории Берестейско-Пинского Полесья, обнаружено немного (Клімчук 2001, 20–22; Лысенко 1999, 227–228, 232–235; Равдина 1957, 150–153; Лысенко 1966, 248–251; Лысенко 1985, 266–268, 391–392; ОАБ 1972, 184; Бобровский 1863, 818; АНБ 1993, 501; Авенариус 1890, 13–14; ВДП 1867, 15; SG 1888, 484; Hawryluk 1993, 72). Тем не менее они свидетельствуют о том, что грамотность в Полесье в эпоху Киевской Руси была распространена сравнительно широко. И в то же время бедность сохранившихся на территории региона памятников того времени не дает оснований говорить конкретно о характере книжного языка этой области в рассматриваемую эпоху.

Следующий период – это эпоха самостоятельного Великого княжества Литовского (XIV–XVI вв.) и эпоха Речи Посполитой (XVI–XVIII вв.). В это время на территории Белоруссии и Украины создано большое число письменных памятников, более всего – в XV–XVII вв. Язык этих памятников официально назывался "русским" ("Руським"). В настоящее время ученые различают язык разных восточнославянских памятников XIV–XVIII вв., созданных на территории Белоруссии и Украины и в сопредельных регионах. Язык одной их части получил наименование *старобелорусского*, другой части – *старо-украинского*. Наконец, есть значительная часть памятников, в которых фактически отсутствуют яркие белорусские или украинские черты. Характерно, что основная часть этих памятников создана в южной Белоруссии и северной Украине, т. е. в Полесье и на сопредельных территориях. Условно этот вариант можно назвать "полесским". Характерно, что с конца XIV до середины XVI вв. на "полесском" варианте "руського" языка была написана часть грамот великих князей литовских (Клімчук 2001, 23–24).

В рассматриваемую эпоху особенности брестско-пинских говоров наиболее отражены в двух памятниках. Это "Ревизия Кобринской экономии" 1563 г. и "Диариуш" Афанасия Филипповича 1646 г. (Коршунов 1965, 97–179).

Графика письменных памятников языковых систем с их вариантами, которые сформировались на основе древнерусского книжного языка и официально назывались в Великом княжестве Литовском "русским" ("руським") языком, в основе была древнерусской. Но в разных регионах они читались по-разному. При чтении ярко отражались черты местных говоров. На основной белорусской этнической территории все эти памятники читались на белорусский лад, на основной украинской этнической территории – на украинский лад, в разных регионах Полесья – на свой местный лад.

"Старый книжный русский язык", как его называли местные жители в XX в., существовал не только в письменной, но и в устной форме. На нем читались проповеди в церквях, он преподавался в школах (до конца XVIII в.) (Pidłypczak-Majerowicz 1986).

Таким образом, при чтении текстов на рассматриваемых идиомах (языковых системах), объединяемых под общим названием "старый книжный руський язык", в каждом регионе (в том числе в брестско-пинском Загородье) эти идиомы чаще всего представляли собой

структуру следующего рода: это по существу был местный народный говор (особенно в области фонетики) с элементами церковнославянскими, древнерусскими, польскими, а также с наличием признаков различных иных восточнославянских говоров. Указанные элементы в различных памятниках распределялись по-разному.

Кроме восточнославянских языковых систем и церковнославянского языка, в Берестейско-Пинском Полесье в рассматриваемую эпоху в письменной и устной форме бытовали также языки польский, частично латинский, в небольшой степени (преимущественно в братских школах) греческий.

Но наступило время – сменилась графика. Вместо старобелорусской и староукраинской графики стали употреблять латиницу, затем кириллицу. В связи с такой заменой графики произошли следующие изменения в отражении произношения звуков и слов при чтении. То, что ранее только читалось, но не писалось, теперь стало не только читаться, но и писаться. Теперь уже на письме отразились: твердость – мягкость согласных перед **e*, **u*, переход **ѣ > i*, *o > i*, аканье и другие черты.

Самые ранние памятники такого типа созданы в конце XVIII в. (Klimčuk 1999, 87–88). Самый поздний памятник – письмо П. Д. Саца в редакцию газеты «Збудінне», написанное в 1989 г. (Klimčuk 1999, 87–88). П. Д. Сац – дьякон церкви в с. Ляховцы Малоритского района Брестской области.

К этому типу относится один известный нам архивный документ (НИАРБ). Написан он в 1581 и 1584 гг. традиционным "руським" письмом эпохи Великого княжества Литовского, а в 1789 г. переписан латиницей.

К этому типу относится известный водевиль "Пинская шляхта". Написан кириллицей около 1866 г., опубликован в оригинале в 1984 г. В переводе на белорусский литературный язык впервые опубликован в 1918 г. Относительно авторства этого произведения ведутся дискуссии (Мечковская 2000, 225–238). Памятник обнаружен в архиве классика белорусской литературы В. И. Дунина-Марцинкевича. Экспертиза установила, что рукопись написана его рукой. Но высказано мнение, что В. И. Дунин-Марцинкевич только переписал "Пинскую шляхту", а ее автором является другой человек. Высказано также предположение, что автором "Пинской шляхты" является

С. И. Куклинский (Ильин 2004, 73). О языке оригинала "Пинской шляхты" предварительно можно сказать следующее. В основе его лежит говор, бытующий в населенных пунктах, расположенных к югу и юго-востоку от г. Пинска. И в то же время в нем сильны традиции языковых систем эпохи Великого княжества Литовского.

С конца XVIII в. и до Первой мировой войны Берестейско-Пинское Полесье входит в состав России. В это время официальным языком, языком администрации, школы является русский язык. В первой половине XIX в. в этих сферах, наряду с русским, употреблялся польский язык. Во второй половине XIX и в начале XX вв. имело место проникновение текстов на украинском литературном языке. Выражалось оно в следующем. У некоторых представителей местной интеллигенции имелись рукописные песенники, в которые, кроме русских песен, были включены и песни украинские. В XIX – начале XX вв. во многих населенных пунктах встречались старики, которые имели библии на церковнославянском языке и читали их молодёжи.

Таким образом, мы дали небольшую информацию об одном из вариантов языковой системы, в основе которой лежат брестско-пинские (загородские) говоры. Назовем его условно *первым вариантом*. Основной его признак – это *ориентация на письменные традиции эпохи Великого княжества Литовского*.

Второй вариант – это литература *на народных говорах*. Не будем подробно рассматривать его, поскольку ему уделено достаточно внимания в наших других публикациях (Klimčuk 1999, 88–89; Klimčuk 2004, 203–220). Появляются и новые публикации (Hawryluk 2001; Світ 2003, 389–403, 441–447, 445–457, 479–482, 497–499). Немало оригинальных произведений находятся в рукописях, поскольку публиковать художественные произведения на народных говорах сложно.

Третий вариант западнополесского литературного микроязыка – это *вариант Шеляговича*. Остановимся на его особенностях.

Н. Н. Шелягович является сторонником создания общего литературного языка (микроязыка) для коренных жителей Берестейско-Пинского и Волынского Полесья. Говоры этих регионов генетически близки между собой, но есть между ними и различия. Ныне Берестейско -Пинское и Волынское Полесье разделены государственны-

ми границами: первое входит в состав Белоруссии, второе – в состав Украины. По границе указанных регионов немало болотных массивов, что создавало препятствия для контактов населения. Правда, на брестско-волынском пограничье существуют и существовали варианты межрегионального койне. Но они играют второстепенную роль по сравнению с другими койне, сложившимися как в Берестейско-Пинском, так и в Волынском Полесье.

Н. Н. Шелягович ориентируется прежде всего на говоры южной части Ивановского района и на вариант койне, бытующий в этом регионе и на прилегающей территории Волынской области Украины. Южноивановские (или южнояновские) говоры относятся к южнозагородскому диалектному типу. Им также характерны некоторые диалектные особенности восточнозагородской зоны.

Лексический состав варианта литературного западнополесского микроязыка, предложенного Н. Н. Шеляговичем, отличается сложностью.

Его основу составляют общеупотребительные слова, характерные для брестско-пинских (загородских) говоров. К ним можно также отнести богатую традиционную лексику, употребляемую преимущественно пожилыми людьми, в первую очередь, малограмотными женщинами. Ее Н. Н. Шелягович, образно говоря, вернул из небытия. Для варианта Шеляговича характерны и иные типы слов. К ним, в частности, относятся следующие группы:

1) Узко региональные полесские слова, принятые Н. Н. Шеляговичем в качестве нормы. К таковым относятся, например, союз *кэ*, зарегистрированный лишь в нескольких населенных пунктах, и указательные местоимения *стэ*, *стой*, *ста*, *сты*, которые в Брестской области представлены только на территории двух сельсоветов. В большинстве брестско-пинских говоров союзу *кэ* соответствует *і* (рус. *и*), местоимениям *стэ*, *стой*, *ста*, *сты* – местоимения *гэто*, *гэтэ*, *гэтой*, *гэта*, *гэты* (рус. *это*, *этот*, *эта*, *эти*).

2) Слова, заимствованные из балтийских языков. В качестве примера можно привести слово *волóда* (рус. *язык*, *речь*) из латышского *valoda* в том же значении. В брестско-пинских говорах ему соответствуют *мова*, *разговор*, *язык*.

3) Слова-неологизмы, почерпнутые из речи пожилых людей. Носители говоров, воспринимая новые слова из литературных языков,

оформляют их в своей речи по-разному. Люди с неполным средним, средним и высшим образованием, учитывая систему говора, в большинстве случаев их частично или полностью видоизменяют. Пожилые малограмотные люди, преимущественно женщины, изменяют их больше, приспосабливая к своей речи. Приведем примеры таких слов, записанных нами в разных районах Загородья: *рыці́мыз* 'ревматизм', *чытра́дь* 'тетрадь', *ото́буз* 'автобус', *йіропла́н* 'аэроплан, самолет', *хамы́лія* 'фамилия', *казэ́та / азе́та / азэта* 'газета', *колхо́ськый* 'колхозный', *ныстыту́т / істіту́т* 'институт', *конба́йня / омба́йня* 'комбайн', *та́нта / а́нка* 'танк' и т. д.

Определить закономерности таких "искажений" не всегда просто. Существенно, что такие "искаженные" формы повторяются на всей территории Загородья от Бреста – на западе и до Столина – на востоке. Н. Н. Шелягович прямо или косвенно использовал такую группу лексики.

4) Неологизмы, созданные самим Н. Н. Шеляговичем на материале местной западнополесской лексики. Следует отметить, однако, что носители говоров также образуют подобные неологизмы в потоке речи, используя характерные для говора модели. Причем это происходит несмотря на то, что для таких неологизмов в говорах часто имеются соответствия, которые представляют собой адаптированные заимствования из литературных языков. Неологизмы данного типа легко воспринимаются и усваиваются местными жителями.

5) Неологизмы Н. Н. Шеляговича, которым соответствуют широко распространенные в говорах эквиваленты с иными корнями или суффиксами. Например, русскому *улица* соответствуют западнополесские *гу́лыця*, *у́лыця*, *ву́лыца* и т. п. Н. Н. Шелянович создал эквивалент *стэж* и принял его за норму. Соответственно и другие слова: рус. *лечение* – западнополесск. *лі́чынне* – вариант Шеляновича *лыко́ба*; *вторник – вто́рок – дру́годэнь*; *друг – това́рыш*, *друг*, *ся́бэр – па́рнык*; *воскресенье – ныді́ля – свјетодэ́нь*; *город – мі́сто*, *го́род – твэрдь*.

6) Есть заимствования из белорусского и польского литературных языков: *дві́йчы* – из белорусского литературного *двойчы* 'дважды'; *наодвори́т* – из белорус. лит. *наадварот* 'наоборот'; *людо́вый*, *дворэ́ць*, *коліјный* – из польского *ludowy* 'народный', *dworzec* 'вокзал', *kolejny* 'следующий' и др.

Приведу еще примеры неологизмов, созданных Шеляговичем и принятых им в качестве нормы: *боковыця* 'комната', *бочына* 'страница', *бутымушный* 'будущий', *всэзэмнышный* 'глобальный', *выробныця* 'завод, предприятие', *гір* 'товарищ; господин', *гуртгос* 'совхоз', *гынчопланэтнык* 'инопланетянин', *днэныччэ* 'сутки', *допыс* 'статья', *дылныця* 'отделение', *залога* 'учреждение', *зарышныj* 'современный', *людность* 'народ, нация', *малёвалнык* 'художник', *мовына* 'предложение (грам.)', *окримныця* 'отделение', *пjетодэнь* 'пятница', *Радыцькыj Спарез* 'Советский Союз', *спарнык* 'супруг', *стулянка* 'пилотка', *сходышныj* 'восточный', *сылчук* 'крестьянин', *твырдына* 'крепость', *трэтёдэнь* 'среда', *тырэтра* 'территория', *тычія* 'течение', *хвылыjтон* 'фельетон', *чолотвэрдь* 'столица', *шотыжныця* 'еженедельник', *шчымлывыj* 'чувствительный', *ють* 'являются, является'.

Алфавит варианта западнополесского литературного микроязыка, предложенного Шеляговичем, создан на основе кириллических алфавитов восточнославянских языков и по сербскому образцу взят *j*.

Для наименования западных полешуков (берестюков-пинчуков и северных волынцев) Шелягович ввел этноним *jітвjегы* 'ятвяги'. Это – название не существующего ныне средневекового балтийского этноса, родственного литовцам и латышам. Их поселения в бассейне р. Нарев граничили со славянскими поселениями Подляшья и Загородья. Отдельные группы ятвягов-балтов поселились в Загородье, где они были ассимилированы славянами. Н. Н. Шелягович полагает, что этноним *ятвяги* обозначал союз племен или политическое образование, в состав которого входили представители разных этносов: балтов, славян и других.

Свой вариант западнополесского литературного микроязыка Шелягович называет *ятвяжским языком – jітвjежа волода*. Этот вариант западнополесской общественностью воспринимается по-разному (KLIMČUK 1999, 93–94; KLIMČUK 2004, 203–220).

Основное значение деятельности Н. Н. Шеляговича заключается, на наш взгляд, в том, что он пробудил у некоторых представителей молодого поколения западных полешуков интерес к родному краю. Н. Н. Шелягович чем-то напоминает О. Лысогорского. Оба единственны в своем роде. Ляшский литературный микроязык фактически является творением одного О. Лысогорского. Н. Н. Шелягович фактически один создал свой вариант западнополесского литератур-

ного языка. В совершенстве им владел только он один. Относительно, но не в совершенстве, владели им некоторые другие члены общества "Поліcьсе".

Что же касается научных кругов, то следует отметить, что положительную оценку варианту Шеляговича дали профессор А. Д. Дуличенко (Дуліченко 1994; Duličenko 1995, 119–131) и академик Н. И. Толстой (Толстой 1990, 265–272). Появились и другие публикации, в которых анализируется западнополесский вариант литературного языка Шеляговича и деятельности объединения "Поліcьсе" (Цыхун 2001, 23–28; Дынько 2001, 29–35; Дынько 2001, 3–15; Бідэр 2000, 26–32; Bieder 1995, 398–414).

О функционировании других языковых систем в Берестейско-Пинском Полесье с наиболее ранних эпох и до начала XX в. речь шла выше.

В 1920–1930-е гг. Берестейско-Пинское Полесье входит в состав Польши. Официальным языком, а также языком администрации, школы являлся польский язык. Среди местных жителей был также распространен русский язык (книги, периодика, переписка[1] и др.), в меньшей степени украинский язык (книги, периодика). Из белорусских писателей в Берестейско-Пинском Полесье был известен М. Багданович.

До Второй мировой войны значительную часть жителей Берестейско-Пинского Полесья составляли евреи. В языковом отношении большинство из них являлись билингвами – владели и пользовались языком идиш и местным полесским говором. В некоторых местностях евреи владели двумя системами полесских говоров (города Пинск, Пружаны). Некоторые евреи владели языком иврит.

С 1939 г. основная часть Берестейско-Пинского Полесья входит в состав Белорусской ССР (СССР), сейчас – в составе Республики Белоруссия. Официальными языками, а также языками школы, радио, телевидения, фонда библиотек являются русский и белорусский языки. Языком администрации является русский язык, в незначительной степени язык белорусский. Кроме русского и белорусского языков, частично распространены языки украинский и польский.

---

[1] Многие коренные жители Берестейско-Пинского Полесья вели переписку на местных говорах.

Приложение № 1

Письмо Павла Даниловича Саца в редакцию газеты "Збудінне" (в сокращении); 1989 г.:

Стр. 1

Здравствуйтэ, ныбогы і прыятылі рыдакцыйі, кулегы. Я слухаючы Вашу пруграму, зубачыв мныго ныкропных справ.

1. Вітэ рузказувалы пру знак-памятку на могылках, сказалы, шо вуна гутовылась ка заводы в Малурыты. Йійі выпустыв мыталургычный завод (вылывав гурожу) сыла Руда Вылыкурыцкуго княжыства, там плавыльня була, пырырубляла булотню руду і був шкляный завод ду 1905 літа (ду пувстаня), выпускалы лямпы, фунарі, бутлі і шк/л/янкы. Працювныків було ду 300 чулувік і всі рузйіхалысь пу хуромам.

2. Удын казав, шо татары былысь каля місця "Берестье", то такая назва ны правдыва, було тугді назвыско (Бырыстыда) стулыця Ятвягув, і татары ду стулыці ны дуйшлы, нашы мугуты /?/ застанувылы в Ратынды і Дывынды. Як бы булы вуны на нашых зэмлях, то спалылыб цэркву і сыло. Казда (Ляхувці Малурыцькуго р-на) уд густынця 4 вырсті, котры загоны прурвалы мэжу, то казад нывырнулыся ду татарскых тэмув. Бырыстыда, так называють літупысы місця Казды. Була спаляна в 983 літы, 985 л. – Былувыжда місцэ (котрэ тыпэр у Польшчы) дэ зубралысь усі нашы людэ. Владымыр <…> пырысылыв Ятвягув, алэ мова е, жывэ і ду сюго часу.

Стр. 2

У Мыноныту Мексыкы, і Казахстана. На "Платдейчу" выдають газэты і магазыны (журналы), працюють школы.

В (дер. Ляховцы Малоритского) Владымыр пубудував цэркву (манастыр) – котра быз зміны стуйіть ду тьшэр, заложана – 1000 літы (21 с. н. ст.) будувалася 10 літ, закончана – 1010 л. высною. Во як напысав хуромнык туго часу на пулінувы сусновуму пуд крыж

Як захочытэ зубачыты, вам пукажуть тое пуліно і разом цэркву, котра будэ узначуваты (на Тріцю высвячував Стыпан І булгарын еп. Владымыр Вулынськый) 980 літ і 990 з часу засновы (закладу). В той час заклад був і в стулыцы цэркві св. Пытра. Пырыд тым в тых мысцях будувалы мулытвьнны хаты, а тувді булгарын Стыпан 1. святыв мысця для цэркві (дэсь каля 992 літа, хрыстыв нашых людэй), м. Гуродно, Бырыстыда, Казда, Камынэць (Камында), Кубрыньда, Бранскыда (Брянськ), Хулмыда, Любомлыда.

Друга цэрква сама старыння е в сылі Здітово, Жабынка р-н (каля 1430 літа – (559–літ) – 1989 р.

Стр. 3

Алэ то як закладують цэркву, пуложать пэршый камынь на схід, выбывають літо і хто высвячує місцэ, а другу закладають у прыстіл з камыня, 3[ю] як зроблять цэркву гэть, пышуть пуд крыжэм на купулувы найбульшуму, 4[ю] закладайіцця як святять цэркву пуд прыстіл → □. Трэба значыты, шо в цыркваx прыстолы могуть мынятысь, то найважнішэ літо, котрэ выбытэ на камыны і пуд крыжэм в купулувы. В сылі Війско Брэсцькуго пувіта – 1587 р. (401 літ), сыло Тырыбунь – 1609 р. (379 літ) [на] 1989 літо. 2[га] сыло Ляхівцы – 1713 р. (Мыкілна) – 275 літ. Малурыцькуго раёна.

3. Вітэ пумыналы Дмытра Фальківськуго, а чы хоч відайітэ шкулярськый гымн Лывчука альбо юго азбуку "Бона", котру він склав в 20-х руках. Він хутів, шоб Чырвоны людэ малы свую мову і культуру. Як бы вінь дужыв ду сітых часув, бувбы міністром прусвіты або мугутом (?) Чырвоно Русейскуго жонду. Він казав, шо Бырыстыда була нашьм сэрцэм ду того Былувыжда засвітыть навуцы. Зымля наша, як пташка, крыла рузпустыла на захуд б як самулёт лытыть на схід. <…> Всі нашы зэмлы <…> уд Владымыра ду Ковля і Любышова [вставка: азбуку я маю (фальківськую],

Стр. 4

уд Пынська, Кобрыня, Былувыжы і Гайнувкы. <…> Пырыд свуею смэртю він [Д. Фальківськый] пырыдав запувіт (тыстамынт). <…>

"Гымн пырыд навукыю й другых справах"

Дэ згода в сымействы,
Там мыр і тышына,
Шчяслывыйі там людэ,
Блажэнна стуруна.
Там Бог благуслувляе,
Шчасце йім дае,
Дубро йім пусылае.
І з йімы Вік жывэ!
І з йімы вік жывэ,
І з йімы вік жывэ

Дмытёр Фальківськый, с. Лыпысы, 20-й рік; 18 літ як було.
Він у тыстамэнты пырыдав для путомкув <…> [в зымлі] Крысакув: змагайтэсь за Чырвону мову (пулеську) як называють тыпэр і захуваты в школах, вывчаты платдейч нашых Ятвягув. Марыв напысаты гісторыю Свэйі батькувшчыны. Нам чірвоньм людём трэба школы, казав Дмытёр,

і трэба выдавныцтво ріднюго слова. <…> Гынэ нацыя, засыхае мова і культура...

"Мугуты Спасіння Батькувшч."

[Приписка справа:
<…> спалылы в 1939–41 гг. рукупысы лытупысны в Ляхувцях, візныця і др. м. в Мулурыцькуму цырк. домувы (хуромах) бульш як 25 тумів.]

Приложение № 2

1999 г. Брестская область. Этнические группы западных полешуков (счисление Ф. Д. Климчука)[2]

№	РЕГИОН	СОБСТВЕННО ЗАГОРОДЦЫ	ПЕРИФЕРИЙНЫЕ ЗАГОРОДЦЫ	ВЕРХНЕЯСЕЛЬДЦЫ (В) И БЕРЕЖНОВЦЫ (Б)
	Брестская область	676.330 – 45,5 %	52.230 – 3,5 %	(в) 32.960 – 2,2 % (б) 11.720 – 0,8 %
а	городское население	381.870 – 42,3 %	36.305 – 4,02 %	(в) 18.680 – 2,1 % (б) 4.660 – 0,5 %
б	сельское население	294.460 – 50,5 %	15.901 – 2,73 %	(в) 14.280 – 2,5 % (б) 7.060 – 1,2 %
1	г. Барановичи и Барановичский р-н	2.540 – 1,2 %	40 – 0,0 %	(в) 50 – 0,0 % (б) 30 – 0,0 %
а	г. Барановичи	2.500 – 1,5 %	40 – 0,0 %	(в) 50 – 0,0 % (б) 30 – 0,0 %
б	пгт Городище	…	…	…
в	сельское население	40 – 0,1 %	…	…
2	Березовский р-н	29.110 – 39,3 %	23.760 – 32,1 %	(в) 7.440 – 10,1 %
а	г. Береза	4.220 – 14,4 %	15.250 – 52,2 %	(в) 2.110 – 7,2 %
б	г. Белоозерск	7.390 – 53,6 %	2.570 – 18,6 %	(в) 470 – 3,4 %
в	сельское население	17.500 – 56,4 %	5.940 – 19,2 %	(в) 4.860 – 15,7 %
3	г. Брест и Брестский р-н	205.270 – 61,9 %	2.930 – 0,9 %	(в) 3.510 – 1,1 % (б) 600 – 0,2 %

[2] О принципах исчисления см.: Климчук 1991, 150–160.

а	г. Брест	169.800 – 59,3 %	2.930 – 1,0 %	(в) 3.510 – 1,2 % (б) 600 – 0,2 %
б	пгт Домачево	1.030 – 71,5 %	…	…
в	сельское население	34.440 – 78,6 %	…	…
4	Ганцевичский р-н	30 – 0,1 %	…	…
а	г. Ганцевичи	10 – 0,0 %	…	…
б	сельское население	20 – 0,1 %	…	…
5	Дрогичинский р-н	46.460 – 90,9 %	…	…
а	г. Дрогичин	12.750 – 88,5 %	…	…
б	гп Антополь	2.280 – 83,4 %	…	…
в	сельское население	31.430 – 92,5 %	…	…
6	Жабинковский р-н	21.150 – 82,0 %	…	…
а	г. Жабинка	10.070 – 79,3 %	…	…
б	сельское население	11.080 – 84,6 %	…	…
7	Ивановский р-н	46.810 – 92,2 %	…	…
а	г. Иваново	13.940 – 87,9 %	…	…
б	сельское население	32.870 – 94,2 %	…	…
8	Ивацевичский р-н	3.310 – 4,7 %	3.190 – 4,6 %	(б)2.790 – 4,0 %
а	г. Ивацевичи	90 – 0,4 %	90 – 0,4 %	…
б	г. Коссово	…	…	…
в	гп Телеханы	60 – 1,1 %	460 – 8,3 %	(б) 2.790 – 49,9 %
г	сельское население	3.160 – 8,1 %	2.640 – 6,8 %	…
9	Каменецкий р-н	34.340 – 78,6 %	…	…
а	г. Каменец	7.170 – 79,1 %	…	…
б	г. Высокое	3.840 – 81,02 %	…	…
в	сельское население	23.330 – 78,0 %	…	…

10	г. Кобрин и Кобринский р-н	73.070 – 79,4 %	…	…
а	г. Кобрин	37.570 – 74,1 %	…	…
б	сельское население	35.500 – 85,9 %	…	…
11	г. Лунинец и Лунинецкий р-н	9.830 – 12,2 %	…	(в) 5.570 – 6,9 % (б) 2.910 – 3,6 %
а	г. Лунинец	1.070 – 4,4 %	…	(в) 5.570 – 23,0 % (б) 480 – 2,0 %
б	гп Микашевичи	20 – 0,2 %	…	…
в	сельское население	8.740 – 20,4 %	…	(б) 2.430 – 5,7 %
12	Ляховичский р-н	30 – 0,1 %	…	…
а	г. Ляховичи	10 – 0,1 %	…	…
б	сельское население	20 – 0,1 %	…	…
13	Малоритский р-н	24.430–84,1 %	…	…
а	г. Малорита	8.840 – 77,2 %	…	…
б	сельское население	15.590 – 88,6 %	…	…
14	г. Пинск и Пинский р-н	149.910 – 89,0 %	2.970 – 1,6 %	(б) 1.080 – 0,6 %
а	г. Пинск	95.280 – 73,3 %	2.150 – 1,7 %	(б) 480 – 0,4 %
б	гп Логишин	1.510 – 54,1 %	10 – 0,4 %	…
в	сельское население	53.120 – 89,5 %	810 – 1,4 %	(б) 600 – 1,0 %
15	Пружанский р-н	3.930 – 6,1 %	…	(в) 16.390 – 25,3 %
а	г. Пружаны	210 – 1,0 %	…	(в) 6.970 – 34,1 %
б	гп Ружаны	…	…	…
в	гп Шерешево	20 – 0,9 %	…	…
г	сельское население	3.700 – 9,5 %	…	(в) 9.420 – 24,3 %
16	Столинский р-н	26.110 – 29,3 %	19.340 – 21,7 %	(б) 4.310 – 4,8 %

а	г. Столин	1.090 – 10,0 %	7.680 – 70,8 %	(б) 200 – 1,8 %
б	г. Давид-Городок	20 – 0,2 %	60 – 0,8 %	(б) 40 – 0,4 %
в	гп Речица	1.080 – 15,0 %	5.080 – 70,4 %	(б) 40 – 0,5 %
г	сельское население	23.920 – 37,9 %	6.520 – 10,3 %	(б) 4.030 – 6,4 %

Литература

Авенариус, Н. П. 1890: Дрогичин Надбужский и его древности. In: *Материалы по археологии России, издаваемые Императорской археологической комиссией. № 4. Древности северо-западного края*. С.-Петербург, с. 1–42

АНБ = *Археалогія і нумізматыка Беларусі. Энцыклапедыя*. Мінск, 1993, 704 с.

Мартос, Архиепископ Афанасий 1966: *Беларусь в исторической, государственной и церковной жизни*. Буэнос-Айрес; репринт: Минск, 1990, 299 с.

Bieder, H. 1995: Soziolinguistische Aspekte der weißrussischen Sprache. In: *Zeitschrift für Slawistik* 40, Berlin, H. 4, S. 398–414 [7. Mikroschriftsprache im West-Palesse]

Бідэр, Г. 2000: Моўная сітуацыя на Заходнім Палессі. In: *Язык и социум. III Международная научная конференция 4–5 декабря 1998 г.* Минск, с. 26–32

Бобровский, П. О. 1863: Гродненская губерния. In: *Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба*. Ч. II. С.-Петербург, 1082 с.

ВДП = *Воспоминание о древнем православии Западной Руси*. Москва, 1867, 59 с.

Hawryluk, J. 1993: *Z dziejów cerkwi prawosławnej na Podlasiu w X–XVII wieku*. Bielsk Podlaski, 224 s.

Hawryluk, J. 2001: *Nechaj żywe Pudlasze! Z pereżytoho i pereduma-noho*. Bi^{e}lśk, 128 s.

Давыдюк, С. 1992: *Літвежа шахова мынятюра*. Пынськ / Мынськ, 28 с.

Світ = *До тебе, світе...* Київ, 2003, 484 с.

Дуличенко, А. Д. 1981: *Славянские литературные микроязыки. (Вопросы формирования и развития)*. Таллин: Валгус, 1981, 323 с.

Дуліченко, А. 1994: Іші єден літературный язык: русинсько-поліськый. In: *Русин*, Пряшів, № 2, с. 20–21

Duličenko, A. 1995: The West Polesian Literary Language. In: *Uppsala Multiethnic Papers 34: Language, Minority, Migration*. Uppsala, p. 119–131

Duličenko, A. D. 1999: Языки малых этнических групп: функциональный статус и проблемы развития словаря (на славянском материале). In: *Modernisierung des Wortschatzes europäischer Regional- und Minderheitensprachen*. Hrsg. von Gunter Spieß. Tübingen: Narr, S. 29–43 [Zweigstelle für Niedersorbishe Forschungen des Sorbischen Institut]

Дуличенко, А. Д. 2004: *Славянские литературные микроязыки. Образцы текстов*. Том II. Тарту, 398 с.

Ильин, А. Л. 2004: Кто же является автором "Пинской шляхты"? In: *Гістарычная брама (Гісторыка-краязнаўчы часопіс)*, Бяроза (Брэсцкай вобласці), с. 73

Дынько, А. 2001: Пра заходнепалескі (яцвяжскі) нацыятворчы праект у 1980–1990-х гадах. In: *Загароддзе-3. Матэрыялы навукова-краязнаўчай канферэнцыі "Палессе ў XX стагоддзі" 1–4 чэрвеня 2000 г., Беласток*. Мінск: Тэхналогія, с. 29–35

Дынько, А. 2001: Найноўшая гісторыя яцьвягаў. In: *Arche-Skaryna*, Менск, № 6 (11), с. 3–15

ЈПШПК = *Јітвјежа (Поліська) штудійно-прахтыцька конфырэнция (13–14 априля 1990 р.). Тэзы проказэј*. Пынськ, 1990, 97 с.

ЈЗПШПК = *Јітвјежа (Заходышнополіська) штудійно-прахтыцька конфырэнция (13–14 априля 1990 р.). Матырјелы*. Пынськ, 1990, 23 с.

Климчук, Ф. Д. 1991: Этническая структура населения Брестской области (к вопросу о "скрытых" этносах). In: *Международный симпозиум Право и этнос. Материалы для обсуждения. Голицино (Московская обл.) 1–5 октября 1991 г.* Москва, с. 150–160

Klimčuk, F. D. 1999: Некоторые особенности письменной традиции Полесья. In: *Modernisierung des Wortschatzes europäischer Regional- und Minderheitensprachen*. Hrsg. von Gunter Spieß. Tübingen:

Narr, c. 83–94 [Zweigstelle für Niedersorbishe Forschungen des Sorbischen Institut]

Клімчук, Ф. Д. 2001: Старадаўняя пісьменнасць і палескія гаворкі. In: *Беларуская лінгвістыка*, вып. 50, Мінск, с. 19–24

Климчук, Ф. Д. 2004: Некаторыя асаблівасці пісьмовай традыцыі Палесся. In: *Мова і соцыум*. Магілёў, с. 203–220

Климчук, Ф. Д. 2005: Некоторые дискуссионные вопросы средневековой истории Надъясельдья и Погорынья (окончание). In: *Palaeoslavica*, XIII, Cambridge / Massachusetts, № 1, с. 5–28

Коршунов, А. Ф. 1965: *Афанасий Филиппович. Жизнь и творчество*. Минск, 184 с.

Кучкин, В. А. 1997: Княжеский памятник в составе Киево-Печерского патерика Иосифа Тризны. In: *Древнейшие государства Восточной Европы. Материалы и исследования. 1995 год*. Москва: Наука, с. 166–233

Лысенко, П. Ф. 1966: Шиферное пряслице с надписью из Пинска. In: *Советская археология*, Москва, № 3, с. 248–251

Лысенко, П. Ф. 1985: *Берестье*. Минск: Наука и техника, 400 с.

Лысенко, П. Ф. 1999: *Туровская земля IX–XIII вв*. Минск, 270 с.

Мечковская, Н. 2000: Винцент Дунин-Марцинкевич не был автором водевиля "Пинская шляхта". In: *Wiener Slawistischer Almanach* 46, S. 225–238

Моця, А. П. 1990: *Некоторые сведения о распространении христианства на юге Руси по данным погребального обряда. Обряды и верования древнего населения Украины*. Киев, 114–133

НИАРБ = *Национальный исторический архив Республики Беларусь*, фонд 1741, опись 1, дело 47, лл. 363–381

ОАБ = *Очерки по археологии Белоруссии*. Часть II. Минск, 1972, 248 с.

Pidłypczak-Majerowicz, M. 1986: *Bazylianie w Koronie i na Litwie. Szkoły i książki w działalności Zakonu*. Warszawa / Wrocław, 1986 [= Acta Universitatis Wratislaviensis, 779]

Равдина, Т. В. 1957: Надпись на корчаге из Пинска. In: *Краткие сообщения Института истории материальной культуры*, Москва, вып. 70, с. 150–153

Słownik geograficzny Królewstwa Polskiego i innych krajów, 1888, t. 8.

Толстой, Н. И. 1990: Новый славянский литературный микроязык? In: *Res Philologica. Филологические исследования*. Москва / Ленинград, с. 265–272

Успенский, Б. А. 1983: *Языковая ситуация Киевской Руси и ее значение для истории русского литературного языка*. Москва, 1983, 144 с.

Успенский, Б. А. 1994: *Краткий очерк истории русского литературного языка (XI–XIX вв.)*. Москва

Цыхун, Г. 2001: Пра заходнепалескую літаратурную мікрамову (праект М. Шэляговіча). In: *Загароддзе-3. Матэрыялы навукова-краязнаўчай канферэнцыі "Палессе ў XX стагоддзі" 1–4 чэрвеня 2000 г., Беласток*. Мінск: Тэхналогія, с. 23–28

Щапов, Я. Н. 1965: Туровские уставы XIV века о десятине. In: *Археографический ежегодник за 1964 год*. Москва: Наука, с. 252–273

Щапов, Я. Н. 1972: *Княжеские уставы и церковь в древней Руси XI–XIV вв*. Москва: Наука, 325 с.

Щапов, Я. Н. 1989: *Государство и церковь Древней Руси X–XIII вв*. Москва: Наука, 228+3 с.

On the sources of the written traditions of the Brest-Pinsk Poles'e and on the West Polesian literary microlanguage in particular

Feodor D. Klimčuk

This article deals with the written traditions of the Brest-Pinsk Poles'e. This area is located in the southern part of the Brest Region of Belarus and in the adjoining districts of Poland and Ukraine. The following historical periods can be distinguished:

1. The earliest period, when certain inhabitants of the area first encountered an alphabetic writing system;
2. Kievan Rus' (10th – 12th centuries);
3. The Grand Duchy of Lithuania and the Polish-Lithuanian Commonwealth (14th – 18th centuries).
4. Imperial Russian rule (from the end of the 18th century to the beginning of the 20th century);
5. Polish rule (1920s and 1930s);

6. The middle and second half of the 20th century and the beginning of the 21st century.

There exist a considerable number of written documents which have as their linguistic base the dialects of the Brest-Pinsk district. These can be divided into the following categories according to the linguistic tradition or system that serves as the main point of reference:

1. Those that have as their main point of reference an earlier written tradition, be it that of Kievan Rus', the Grand Duchy of Lithuania or the Polish-Lithuanian Commonwealth;
2. Literature written in local dialects;
3. The version proposed by N. N. Šeljagovič, where the main attention is focused on the different variants of neologisms;
4. Those having as their reference point the Belarusian literary language;
5. Those having as their reference point the Ukrainian literary language.

A particularly large quantity of material written in a language system based on the Brest-Pinsk (West Polesian) dialects appeared in the newspaper *Zbudinne*, which was published by the *Polis'se* society between 1989 and 1995.

fdk@tut.by

Artur Czesak, Kraków

Góralski i śląski – mikrojęzyki literackie in statu nascendi?

Tak jak należą do narodu, do którego wierzą, że należą,
ludzie po prostu mówią tym językiem,
którym wierzą, że mówią, i nazywają go tak,
jak im odpowiada i jak się przyzwyczaili.
Ranko Bugarski[1].

Sytuacja dwóch tytułowych obszarów językowych: Górnego Śląska (Oberschlesien, Horní Slezsko) i "góralszczyzny" jest złożona i dynamiczna, dlatego stawiam pod znakiem zapytania, czy używane tam systemy językowe staną się językami, a nawet czy procesy, które można współcześnie w nich obserwować to istotnie procesy właściwe stawaniu się mikrojęzykami literackimi.

Postaram się przedstawić w niniejszym szkicu tę sytuację, a przede wszystkim elementy, które uzasadniałyby odnoszenie do nich używanego w literaturze terminu mikrojęzyk literacki (w rozumieniu A. DULICZENKI 2003, 34 i rzecz jasna, wcześniej).

1. Cechy językowe

Cechy językowe dialektu śląskiego i jego gwar zostały dobrze opisane w licznych pracach, spośród których do dziś ważna jest monografia K. NITSCHA *Dialekty polskie Śląska* (1939). Co charakterystyczne, w pracy, której pierwsze wydanie było w 1909 r., autor nie uważa za problematyczną przynależności opisywanych gwar do języka polskiego, czemu dał wyraz w tytule. Tymczasem już wtedy funkcjonował niemiecki termin *Wasserpolnisch* 'rozwodniony polski', a przynależność gwar śląskich do pol-

[1] Cyt. za: POPIOŁEK 2005, 129.

szczyzny, a nawet pokrewieństwo z nią bywały podawane w wątpliwość. Mimo rozmaitych wyjaśnień (np. W OBRONIE... i OLESCH 1999) nadal w poważnych wystąpieniach spotyka się następujące opinie:

> "*Wasserpolnisch*, eine Mischung aus Deutsch, Polnisch und Tschechisch" (INHALTE 2003).

Także współczesnych Ślązaków dziwią uzasadnione lingwistycznie tytuły słowników R. OLESCHA (1958) i T. MENZELA / G. HENTSCHELA (2003).

Gwara podhalańska obejmuje kilkadziesiąt wsi pomiędzy Tatrami na południu a Gorcami na północy. Od wschodu graniczy ze Spiszem, gdzie w użyciu są gwary spiskie, a od zachodu z Orawą, gdzie pozycja miejscowej gwary również jest silna.

Pewne jednak więzy – niekiedy akcentowane, niekiedy przemilczane – łączą ten obszar ze znacznie szerszym, nazywanym góralszczyzną, zakreślanym dawniej od Jabłonkowa (Jablunkov) na Śląsku Cieszyńskim po Sądecczyznę i granicę z obszarem zamieszkiwania Łemków sprzed 1947 r. albo aż po Huculszczyznę.

2. Historia

Nie sposób omówić w krótkim tekście historii osadniczej i dialektalnej Śląska i Podhala. Cechą dominującą w historii Śląska jest jego charakter pograniczny, 600-letnie pozostawanie poza granicami Polski (także tymi z czasów zaborów 1795–1918), zmienna przynależność państwowa, rozwój górnictwa i przemysłu, dialektyka stałości i ruchu osadniczego.

> "Dialekt śląski przez długi okres rozwijał się w izolacji od pozostałych. Owa izolacja była spowodowana czynnikami politycznymi. Od 1339 roku Śląsk [...] należał najpierw do Czech i Austrii, a od 1740 roku do Prus" (KLESZCZ 2002, 89).

Powstanie nowoczesnego (w XIX w.) pojęcia narodu wywołało niegasnące do dziś spory i podziały oraz wielość modeli tożsamości, deklarowanych i realizowanych przez mieszkańców Śląska (zob. ŁĘCKI et al. 1992; FRYSZTACKI 1998; ŚMIEŁOWSKA 1999).

Po I wojnie światowej, plebiscycie i propolskich powstaniach, interpretowanych dziś często jako śląska wojna domowa, część okręgu przemysłowego z Katowicami przypadła Polsce, podobnie część Śląska Cieszyńskiego (sam Cieszyn, podobnie jak dziś, został podzielony), a Śląsk Opolski (z ludnością mówiącą gwarą słowiańską/ polską) i Dolny Śląsk

(z ludnością niemieckojęzyczną) pozostał w granicach Niemiec. Po 1945 r. nastąpiło wysiedlenie Niemców, weryfikacja narodowościowa i napływ ludności ze wschodniej części Polski, którą włączono do ZSRR. Przyspieszenie historii, przymus wyrażania konkretnej i tylko jednej przynależności narodowej był przyczyną dramatycznych wyborów i ludzkich tragedii, zwłaszcza że

> "Ślązacy przed XIX wiekiem identyfikowali się jedynie z miejscowością, w której mieszkali, lub w najlepszym razie ze Śląskiem" (KLESZCZ 2002, 90).

Kilkanaście lat między wojnami (1922–1939) doprowadziło do znacznych różnic między Ślązakami i obecnie częściej na wspólnotę wskazują dialektolodzy niż sami Ślązacy, którzy często działają w węższych kręgach tożsamości: są nimi właśnie Śląsk Cieszyński (wraz z częścią pozostającą w Republice Czeskiej, tzw. Zaolzie), tzw. Górny Śląsk (nazwa nie w pełni uzasadniona historycznie), czyli pozostający w granicach obecnego województwa śląskiego ze stolicą w Katowicach, i Śląsk Opolski, stanowiący odrębne województwo ze stolicą w Opolu.

Dominantą w historii i samoświadomości Podhala jest kultura karpacka i wywołująca spory wśród demografów i historyków kwestia "kolonizacji wołoskiej i narodowości" pasterzy wędrujących po Karpatach. Podobnie jak w kwestii *Wasserpolnich*, również co do odrębności etnicznej i językowej górali w świadomości społecznej funkcjonują liczne mity. Jednym z nich było wskazywanie na zdrowie, siłę, wolność i piękno "rasy" góralskiej, którą przeciwstawiano dekadentyzmowi inteligencji przełomu XIX i XX wieku, językowe wpływy niemieckie (wykorzystane w czasie II Wojny Światowej przez hitlerowców do stworzenia kategorii niepolskiego *Goral(l)envolk*; zob. NITSCH 1989; STIEBER 1974; PODHALE 2000). Z naukowego punktu widzenia kwestię językową przedstawia J. OKONIOWA (2002, 164):

> "Dziewiętnastowieczne intuicyjne przekonanie o oryginalności i wyjątkowym charakterze mowy góralskiej Podhala na tle innych odmian języka ludowego nie znalazło potwierdzenia w rozprawach ściśle naukowych. Okazało się bowiem, że gwara podhalańska jest osadzona ściśle w małopolskim systemie dialektycznym, częściowo łączy się też z dialektami śląskimi".

Żywe jednak są także w sferze publicznej poglądy, że

> "Górale są potomkami Wołochów, ludu, którego korzenie wywodzą się sprzed dwóch tysięcy lat" (TATRYNET).

W każdym razie zarówno (Górno)Ślązacy, jak i Podhalanie (bądź szerzej: Górale) powszechnie postrzegani są jako odrębne części narodu polskiego lub też bywają z niego z różnych przyczyn wyłączani. Gwara podhalańska jest "atrakcją turystyczną" i zwykle wartościowana jest pozytywnie, dialekt śląski (gwara śląska), głównie ze względu na niemieckie elementy leksykalne, bywa postrzegany jako "niemiecki", więc (sic!) "wrogi" językowi polskiemu – bez względu na fakty, historię i deklaracje jego użytkowników.

Gwarą podhalańską czynnie posługuje się co najmniej kilkadziesiąt tysięcy (liczna diaspora w Chicago), gwarami śląskimi – może ok. 1,5 mln. Jednak okres powojenny to czas osłabienia potencjału kulturalnego i demograficznego ludności autochtonicznej, głównie z powodu wyjazdów do Niemiec (różnie motywowanych; wielu Ślązaków doświadczyło prześladowania ze strony hitlerowców "za polskość" i co najmniej niechęci ze strony polskiej, a nieraz i więzienia – za "niemieckość").

> "[...] doszło do znacznego ilościowo ograniczenia użytkowników gwary, nie na skutek ograniczenia funkcjonalnego i wyzbywania się na rzecz polszczyzny literackiej, lecz na skutek porzucenia stron rodzinnych i wyboru niemieckiej opcji narodowościowej. Dziś Ślązacy stanowią mniej niż 1/3 ogółu mieszkańców Opolszczyzny, w jeszcze mniejszej liczbie zamieszkują dzisiejszy Górny Śląsk [tj. tę część Górnego Śląska, która znajduje się w województwie śląskim ze stolicą w Katowicach. – A. C.]" (WYDERKA 2003, 505).

Jednakże język jest jednym z głównych czynników śląskiej autoidentyfikacji:

> „Według badań przeprowadzonych w początkach lat dziewięćdziesiątych ubiegłego wieku [...] gwara śląska stanowi kod prymarny dla niemal 95% Ślązaków, jest dla nich językiem kontaktów rodzinnych i lokalnych, a w przeważającej części starszego pokolenia i części średniego jest jedynym używanym kodem" (WYDERKA 2003, 505).

W 1996 r. pojawił się projekt Związku Ludności Narodowości Śląskiej, którego rejestracji wciąż odmawiają polskie sądy, motywując odmowę "nieistnieniem obiektywnym" narodowości śląskiej, także po r. 2002, kiedy to w Narodowym Spisie Powszechnym narodowość śląską zadeklarowało 173153 osób, a posługiwanie się językiem śląskim:

56643. Całą tę liczbę media (głównie z perspektywy warszawskiej) zidentyfikowały z celami i działalnością Ruchu Autonomii Śląska.

3. Zróżnicowanie regionalne literatury śląskiej i góralskiej

Nie ignorując publikacji klasycznych, należy wskazać, że po 1989 r., gdy nastała demokracja, wolność słowa i samorządność lokalna, liczne miejscowe tożsamości i odmiany językowe mogły się prezentować tak, jak tego chcieli twórcy i czytelnicy. Wyraziło się to w znacznym rozwoju czasopiśmiennictwa, także parafialnego, gdzie bardzo często pojawiały się "kąciki gwarowe", władze samorządowe w ramach integrowania społeczności, a szkolne na "lekcjach regionalizmu" chętnie popierają gwarę, konkursy znajomości gwary. W takim klimacie powstają bardzo ciekawe publikacje, będące dyskursem autobiograficznym, historią lokalną, zapisane własnym głosem i własnym językiem (np. KUŚKA 2003; DRWIĘGA 2001; WONS 2001). Równocześnie odkłamuje się historię i wyzwala z propagandy komunistycznej, nacjonalistycznych fobii i zadekretowanej "jedności narodu", odkrywając wszechobecną "pograniczność" i wielokulturowość swoich (mikro)regionów.

a. Śląsk Cieszyński

Najstarsze tradycje literackie posiada Śląsk Cieszyński. Paradoksalnie, właśnie tam zdecydowanie dominuje przekonanie, że jest to część polskiego języka narodowego i polskiej kultury, choć nie zawsze tak było (to w Cieszynie działał Józef Kożdoń, lider "ślązakowców").

Wnikliwie i zwięźle przemiany językowe Śląska Cieszyńskiego na tle historii i zmian społecznych przedstawiła J. LABOCHA (1997). W kontekście niniejszych rozważań interesujący może być rozdział *Kształtowanie się cieszyńskiej polszczyzny pisanej* (s. 82–93),

> „stanowiącej wzorzec dla starannej, mówionej odmiany regionalnej, którą, zgodnie z przyjętą terminologią w polskim językoznawstwie historycznym, można by określić mianem regionalnego dialektu kulturalnego" (LABOCHA 1997, 91).

Ta sama badaczka zaznacza, że

> "gwara cieszyńska czyli 'mówienie po naszemu' nie oznacza kodu jednolitego, takiego samego na wsi czy w mieście, w ustach ludzi niewykształconych i wykształconych. Podkreślić należy, że 'mówienie po naszemu' obejmowało i obejmuje różne warianty – od wiejskiej

gwary ludowej, dziś już zanikającej, do starannej odmiany opartej na gwarze, ale zawierającej sporo elementów polszczyzny ogólnej. Ta właśnie odmiana – niby gwarowa a równocześnie literacka – odbierana była przez Polaków zza Olzy jako właściwie już nie gwara, a język literacki (ogólny), czyli mówienie po polsku, a nie gwarą" (LABOCHA 1997, 90).

Inaczej sytuacja układała się i układa na tzw. Zaolziu, tj. w części Śląska Cieszyńskiego w Republice Czeskiej, w czeskim otoczeniu językowym. Tam mozaika językowa i liczba wariantów, zwłaszcza języka mówionego, jest liczniejsza. "Klasykiem" beskidzkiej, góralskiej literatury na Śląsku Cieszyńskim w Republice Czeskiej był Karol Piegza (1899–1988), autor kilku tomów opowiadań (PIEGZA 1971, 1975, 1979), udokumentowano też życie miejskie w przemysłowej Karwinie (KADŁUBIEC 2002) i w okolicach Bogumina (SZELIGA 1997).

b. "Górny Śląsk" ("Śląsk Katowicki")

Tu już w okresie międzywojennym rozwijało się piśmiennictwo gwarą, choć trzeba przyznać, że częściej była to stylizacja, np. nasycanie dialogów formami gwarowymi, podczas gdy narracja zasadniczo prowadzona była polszczyzną literacką.

Po wojnie charakterystyczne są wybory tekstów humorystycznych, ludycznych, w dużej mierze zapisów autentycznych wypowiedzi, a zatem tyleż literatura ludowa (prymarnie mówiona), co archiwizacja folkloru. Prace były częściowo prowadzone wraz z Wyższą Szkołą Pedagogiczną w Opolu: LIGOŃ 1957; SIMONIDES 1967, 1975; WIDERA 1978; ONDRUSZ 1963 (taka sama tendencja na Zaolziu).

Region ten ma pozycję dominującą i przewodzącą, do niedawna jedyny na Górnym Śląsku ośrodek telewizyjny, Uniwersytet. W latach 80. XX w. został wypracowany pewien model pisania po śląsku, głównie były to teksty humorystyczne, niekiedy niskiego lotu. Były one ambiwalentnie przyjmowane przez Ślązaków, wprawdzie uczestników kultury plebejskiej, górniczej, ale nie chcących uchodzić jedynie za sowizdrzałów i *wigyjców*. Śląski etos pracy, rodziny, wiary i walki ukazywały filmy Kazimierza Kutza (*Perła w Koronie*, *Sól ziemi czarnej*, *Paciorki jednego różańca*, *Śmierć jak kromka chleba*).

W Polsce słowo *Śląsk* kojarzy się zasadniczo z Katowickiem, górnictwem (od kilkunastu lat w kryzysie i przebudowie) i zarysowaną powyżej formacją kulturową.

c. Śląsk Opolski

Doświadczony w XX w. przez reżym hitlerowski, horrendum dni wyzwolenia przez Armię Czerwoną, trudnymi latami powojennymi Śląsk Opolski pozostał w znacznej mierze regionem odrębnym. Jego kultura i styl bycia jest nieznana Ślązakom "katowickim", często wartościowana jako obca. Z perspektywy ludności polskiej zarówno z terenu województwa opolskiego, jak i innych części Polski dominuje postrzeganie ludności autochtonicznej jako Niemców, w najlepszym razie jako elementu niepewnego i ambiwalentnego narodowo. Kulturę tej ziemi opisują D. SIMONIDES (np. 1988) i T. SMOLIŃSKA (2004). Profetycznie o tożsamości śląskiej, chrześcijańskiej i europejskiej wypowiada się ordynariusz opolski abp Alfons Nossol.

d. Podhale a Góralszczyzna

Kulturę podhalańską i góralską można przedstawić w postaci kręgów, może rozchodzących się. Dominującym ośrodkiem jest Zakopane i kilka najbliższych miejscowości, tworzących "Skalne Podhale", dalej wskazać można Podhale w węższym zakresie (po pasmo Gorców, z historyczną stolicą Nowym Targiem), niekiedy wraz z wchodzącymi przez dłuższy czas w skład Królestwa Węgierskiego Orawą i Spiszem. Góralami nazywana jest też ludność Żywiecczyzny, części Beskidu Śląskiego, Sądeckiego i Pienin. W oczach mieszkańców Warszawy góralami są wszyscy mieszkający na południe od Krakowa, dla mieszkańca Zakopanego "prawdziwi górale" mieszkają w promieniu kilkunastu kilometrów (a zatem różnica dotyczy postrzegania kilkuset tysięcy ludzi).

Literatura podhalańska ma swych klasyków: gawędziarza Jana Krzeptowskiego Sabałę (1809–1894), którego teksty zapisywali literaci i etnografowie. Znakomicie "ducha" góralskiego wyrażali S. WITKIEWICZ (1963) i K. Przerwa Tetmajer. Do pierwszej ćwierci XX w. dominowała zakopiańska wizja "góralszczyzny".

Współcześnie na Skalnym Podhalu tworzą J. PITOŃ (1997, 2000, 2002) i F. ŁOJAS-KOŚLA (2004).

Niemniej jednak gwarą góralską (z lokalnymi odmianami) posługuje się znaczna część mieszkańców Małopolski. Nic dziwnego zatem, że powstaje literatura w gwarze "Niźniego Podhala" (CZUBERNATOWA 2003), okolic miasta Żywca (ZAREMBA 1931; NA GÓRALSKICH 2002, NOWAK 1989), położonej pod Babią Górą wsi Zawoja (S. Rak), gwarą orawską (np. GROBARCZYK 2001), spiską (M. Balara), pienińską (A. Dziedzina-

Wiwer), limanowską (PIWOWARCZYK [ok. 2000], PTASZEK 2004), a nawet jeszcze góralską, choć nieodległą już od Krakowa gwarą miasteczka Pcimia (GODAWA 2001).

4. Zróżnicowanie gatunkowe i zakresy używania gwary (?)

A zatem, po zarysowaniu rozprzestrzenienia i zróżnicowania geograficznego piśmiennictwa śląskiego i podhalańskiego/góralskiego, przedstawić wypada zróżnicowanie gatunkowe i zakres używania "śląskiego" i "góralskiego".

a) gatunki "ludowe"; gawędziarstwo

Górnośląscy pisarze z upodobaniem nawiązują do tradycyjnej gawędy czy facecji. Tego rodzaju literaturę reprezentują opowieści S. KOSZYKA (1959), a współcześnie J. Wadas, B. DZIERŻAWA (2000, 2001), M. LELONEK (1999, 2000), R. Paciok, A. MYSZYŃSKA (1999).

Dobry przegląd krótkich form narracyjnych "literatury podhalańskiej" zawiera antologia *Gawędy Skalnego Podhala* (WNUK 1975), a współcześnie duże walory mają utwory J. Pitonia.

b) "literatura wysoka"

Pisarze bardzo często poruszali problem głoszonego przez dyskurs dominujący nieobsługiwania przez gwary wyższych rejestrów stylistycznych. Tworząc poezję i prozę o większych walorach estetycznych tym samym zaprzeczali wspomnianej tezie.

Gdzieś blisko "prawdy życia", ale zarazem w sferze literatury wysokiej lokuje się twórczość Stanisława Witkiewicza, który gwarę góralską wyzyskał literacko w książce *Na przełęczy* (1891). Bogatą historię poezji podhalańskiej, w tym gwarowej przedstawia A. BRZOZOWSKA-KRAJKA (1989).

α) "Wydoskonaleniu" każdego języka zawsze służą tłumaczenia.

Na Śląsku już pod koniec XIX w. dokonywano parodystycznych tłumaczeń m. in. Schillera, ale było to robione *na spas*, 'dla żartu' (HAASE 2002). Aby jednak podnieść prestiż gwary, dokonuje się współcześnie poważniejszych przedsięwzięć. Nie są one skoordynowane, nie są też ożywiane tymi samymi ideami, nie odżegnują się również od funkcji ludycznych.

Marian MAKULA dokonał scenicznych adapatacji *Zemsty* Aleksandra Fredry i *Ożenku* (*Свадьба*) N. Gogola (1998, 2001). Marek SZOŁTYSEK,

nauczyciel historii z Rybnika, po ogromnym sukcesie, także komercyjnym, *Biblii Ślązoka* (2000), gdzie strawestował lub przełożył kilkanaście scen / historii biblijnych i zestawił je z historią Śląska, odwołując się do słynnego zdania Mikołaja Reja, "iż Polacy nie gęsi, iż swój język mają", napisał książkę *Ślązoki nie gęsi* (2002). Zawiera ona fragmenty *Odysei* (*Na konia pozór dejcie Trojoki*), *Obrony Sokratesa* (*Umrzić sie werci*), *Żywotów...* Diogenesa Laertiosa, Biblii (*Pieśniczka nad Pieśniczkami*, Eklezjastes – *Wszysko je psinco i bele co*, *Magnificat*), *Quo vadis* H. Sienkiewicza, *Złotej legendy*, *Wyznań* św. Augustyna, *Pieśni słonecznej* św. Franciszka, *Pieśni o Rolandzie*, *Dekameronu*, fraszek Jana Kochanowskiego, *Don Kichota*, *Myśli* Pascala, *Podróży Guliwera*, *Małego księcia*, *Przygód dobrego wojaka Szwejka*, *Ani z Zielonego Wzgórza*, *Hobbita*, *Kubusia Puchatka* aż do *Harry'ego Pottera i Kamienia Filozoficznego* (*Bajtel z furgającą mietłą*). Do tego *Czerwony Kapturek*, *Romeo i Julia* oraz komiks o bohaterach dowcipów Antku i Francku.

Idea pomocności przekładu biblijnego w celu stworzenia języka literackiego nie jest nowa. Księgę Rodzaju więc "pszetuplikowou na jynzyk s'loonski Szwager z Laband" (Ireneusz Czaja).

Gwara podhalańska (jak każda gwara w pewien sposób archaiczna) urzekała już pod koniec XIX w. swym surowym pięknem i echami wspaniałej, klasycznej staropolszczyzny. Literat niegóralskiego pochodzenia Michał Pawlikowski uznał ją za właściwą do przekładania *Iliady* Homera:

> „jedyna polska żywa mowa epicka wykształcona, raczej zachowana na warunkach bytu staroświeckich, o pysznym stylu – to mowa ludu góralskiego [...] urodzona [...] na reminiscencyach tradycyjnych wojen szwedzkich i na fantazyi zbójnika, czerpanej z żywej natury" (PAWLIKOWSKI 1909, 493–494).

Nie było to jednak pierwsze przedsięwzięcie translatorskie tego rodzaju. Wcześniej wspominany już S. Witkiewicz, po części w celach doskonalenia etycznego ludu przetłumaczył na gwarę podhalańską fragmenty *Kwiatków świętego Franciszka*, bajkę bretońską *Ociec Nędza* i utwór Lwa Tołstoja *Cem ludzie zyjom* (*Чем люди живут*). Komedie Moliera, również *Zemstę* Fredry i inne przełożył J. GUTT-MOSTOWY z Poronina (2003). Cieszą się one dużą popularnością.

Dużym zaskoczeniem, ale i wydarzeniem było również stworzenie w stosunkowo krótkim czasie przekładu najpierw Ewangelii, a następnie całego Nowego Testamentu na gwarę "górali skalnopodhalańskich z Zako-

panego" (EWPODH i NTPODH). Można wykazać wiele niedostatków natury translatologicznej i językowej, niemniej jednak z punktu widzenia tworzenia się (?) języka jest to fakt istotny, o czym niżej.

β) twórczość oryginalna

Być może przekłady lepiej pokazują "sprawność" systemu dotychczas uważanego za "słabszy". Niemniej jednak należy podkreślić, że wiele osób z Górnego Śląska, jak również z Podhala tworzy literaturę o wysokim poziomie artyzmu, interesującą krytykę i chętnie czytaną.

Warci wspomnienia są śląscy poeci J. WĄTROBA (2001), W. BUGLA (2001), H. KAŁUŻA (2003), a ze współczesnych poetów podhalańskich F. Łojas-Kośla i F. Bachleda-Księdzularz.

Interesującą prozą, językiem w pewnym stopniu przez siebie wykreowanym pisze opowiadania i miniatury historyczne B. PAŹDZIOR (1997, 2003). Jego książki warte są osobnego omówienia.

Jeszcze bardziej oryginalnym pomysłem była książka ks. prof. J. TISCHNERA (1931–2000) *Historia filozofii po góralsku* (1997). Wygłaszał on również niekiedy kazania gwarą (2003).

c) publicystyka, Kościół, nauka

I na Śląsku, i na Podhalu kwitnie twórczość kabaretowa i satyryczna. Pisane do prasy i wygłaszane w rozgłośniach radiowych są też jednak felietony o jak najbardziej poważnej wymowie. Ceniony był ks. Klemens Kosyrczyk (1912–1975) na łamach poczytnego katolickiego tygodnika "Gość Niedzielny" w l. 1945–1951 (KOSYRCZYK 1994). Obecnie jednym z ciekawszych twórców jest Eugeniusz Kosmała (*Ojgyn z Pnioków*), który teksty swoje czytał w Radiu Piekary. Swobodnie po śląsku rozmawia się również na falach Radia Vanessa i internetowego Radia Wesoły Hanys, a po góralsku np. w zakopiańskim Radiu Alex. Na Śląsku powstają nowe formy muzyczne, inspirowane *szlagrami* 'hitami' z Niemiec i rytmami latynoamerykańskimi, na Podhalu niekiedy do tradycyjnej muzyki dołącza rock (należy wspomnieć ciekawy poetycko i muzycznie zespół "Rzoz" z Bukowiny Tatrzańskiej).

Najostrzejszym piórem na Podhalu dysponuje W. Czubernatowa, a na tematy polityczne i społeczne wypowiada się na łamach "Dziennika Polskiego" prof. S. A. HODOROWICZ (2004).

"Standardy" górnośląski i podhalański często obecne są w środkach masowego przekazu. Od końca lat 80. coraz częściej można było mówić "po swojemu", równocześnie "efekt swojskości", funkcję identyfikacyjną

mowy rodzinnej wykorzystywała reklama. Turyści (Polacy na Podhalu, reemigranci lub Ślązacy przyjeżdżający z Niemiec w odwiedziny) chętnie widzą "gwarowe" restauracyjne menu z wierszowanymi hasłami i nazwami potraw.

Także szkoła, zarządzana przez samorządy, lepiej pełni funkcję socjalizacyjną i integrującą lokalne społeczności. Rzadziej bywa środkiem nacisku państwa, nie ma już w zasadzie przypadków "potępiania" i "tępienia" gwary – prymarnego kodu wielu uczniów.

Górale zaczęli się posługiwać gwarą w Kościele. Najpierw były to pieśni bożonarodzeniowe (kolędy, pastorałki), które naturalnie współgrały z pasterskimi tradycjami regionu, później pieśni pielgrzymkowe, obecnie w kilku kościołach w liturgii słowa używa się "gwary skalnopodhalańskiej" EWPODH i NTPODH. Na Śląsku tego rodzaju zabiegi mają o wiele mniejszy zasięg, ale były notowane.

Napisano po śląsku naukowe prace botaniczne i etnograficzne (KUFA 2005).

6. Poczucie narodowe

Deklaracje narodowościowe wspomnianych twórców i użytkowników omawianych kodów nie są jednorodne (zob. np. NIJAKOWSKI 2004), ale w działaniach na rzecz utrwalenia tradycji w mowie przodków wszyscy są raczej zgodni.

7. Deklaracje "językowości"

Przekonanie, że (górno)śląski jest językiem jest dość powszechne i wyraziło się w deklaracjach spisu powszechnego. Ponieważ jest to sytuacja nowa i w pewien sposób "nieoczekiwana", budzi ona rozmaite reakcje.

> "Badania socjolingwistyczne wskazują na szerzący się pogląd o gwarze śląskiej jako odrębnym języku słowiańskim. Podkreśla się wszelkie kontrasty z polszczyzną ogólną, niepomiernie do stanu faktycznego uwydatnia się tzw. wpływy morawskie (nie mówię tu o gwarach laskich ani o Zaolziu) i oczywiście niemieckie. Polski charakter gwar śląskich jest w ten sposób 'ideologicznie' rozrzedzany" (WYDERKA 2003, 505).

Niekiedy nawet w środowiskach naukowych nad analizą górę biorą emocje. Wspomnienie w wywiadzie artykułu prof. G. Hentschela rozważającego kwestie istnienia języków: śląskiego, podhalańskiego i mazurskiego

wywołało oburzenie prof. L. Moszyńskiego, a wizja "rozpadu" i "dezintegracji" języka polskiego określana jest jako "apokaliptyczna".

> "Jednolity język polski, jednoczący od średniowiecza polski naród, takich tendencji rozpadowych nie wykazuje" (MOSZYŃSKI 2003, 338).

W. Mańczak wprost mówi o celowym działaniu na szkodę narodu polskiego w odniesieniu do S. Ramułta:

> "głoszeniem swej błędnej tezy wspiera propagandę niemiecką, i tym samym występuje przeciw własnemu narodowi, który Niemcy usiłowali wynarodowić. A tymczasem propaganda niemiecka utrzymująca, że na ziemiach polskich mieszkają cztery narody: Ślązacy, Polacy, Kaszubi i Mazurzy, była niezwykle skuteczna, jak tego dowiodły plebiscyty przeprowadzone po I wojnie światowej: niemal wszyscy Mazurzy i bardzo liczni Ślązacy uwierzyli niestety, że nie są Polakami. Co gorsza, do dziś są w Polsce ludzie, którzy wymienione twierdzenie propagandy niemieckiej biorą za dobrą monetę" (MAŃCZAK 2002, 74).

Istnieją podejścia mówiące, że:

> "to nie język przyczynia się do powstania wspólnoty narodowej, ale właśnie realizowany przez elity projekt takiej wspólnoty jest najważniejszym czynnikiem decydującym o postaci i przemianach danego idiomu" (MOLAS 2004, 298).

W tym kontekście najsilniejszą deklaracją w sferze publicznej było zgłoszenie języka śląskiego do PolBLUL (Unii Języków Regionalnych i Mniejszościowych w Polsce), dokonane 13 XII 2003 r. przez Andrzeja Rocznioka z ramienia Ruchu Autonomii Śląska.

Jak zadeklarowany język śląski będzie się rozwijał – zobaczymy.

Trwają również spory terminologiczne. Najostrzejszy z nich wiodą uczeni z dwóch "paradygmatów": T. KAMUSELLA (2001) (*ethnic studies*), piszący o "kreolu górnośląskim" i B. Wyderka (socjolingwista i dialektolog) (zob. WYDERKA 2004). Samo słowo "gwara" jest XIX-wieczną pożyczką z dialektów do języka ogólnego, a w dialektach bywało ono synonimem języka, więc po części spór o to czy "gwara" jest "językiem" jest od początku niezbyt trafnie "ustawiony".

> "Powyższy stan rzeczy, a mianowicie, że te góralskie gwary są na wskroś polskie, nigdzie nie był w językoznawczej literaturze kwestionowany" –

pisał w 1941 r. prof. Kazimierz Nitsch, indagowany przez hitlerowską policję (NITSCH 1989, 85).

Tymczasem w obiegu potocznym, nie obciążonym świadomością i refleksją historyczną terminy "język śląski" i "język podhalański/góralski" właściwie już funkcjonują. Określenie "język góralski" nie jest w ogóle kontrowersyjne i możemy je spotkać nawet w tygodniku o poglądach raczej prawicowych

Teraz Maria Mateja-Torbiasz (właśc. Torbiarz. – A. C.) zamierza przełożyć na g w a r ę g ó r a l s k ą Apokalipsę św. Jana. Tym samym prace nad Nowym Testamentem dobiegną końca. Poetka nie wyklucza też, że przełoży na j ę z y k g ó r a l s k i cały Stary Testament (podkreśl. A. C.]) (DRWAL 2004).

Co oczywiste, deklaracje wartości mowy rodzinnej (ale tu nie wprost wobec języka literackiego) wyrażono przy okazji powstania EWPODH:

> "To przecie i świynty Pieter godoł po swojemu, bo służonco na dziedzińcu Piyłota po mowie go poznała. Niekze ta mowa ojców i braci i moja gwara podhalańsko, we ftoryj zalubiyłek sie na śmierzć, bedzie brano na rynce i pokazowano światu" (ZĄZEL 2002, 5).

Wzruszenia tym, że pisze po domowemu, po śląsku nie kryje także H. Kałuża:

> "Juz cas, cobychmy łotwarli gamba! Juz cas, cobychmy zacōni śpiywać całą dusą nasã ślōnskoł piejśń, we chtorej schowane jes całe nase zyciy. Juz cas łotworzić dwiyrzi do ślōnskygo serca. Juz cas – bo i tak za nieskoro. Nie nołlezy sie stydzić tego, co dziejś tã na samỹ dnie lujdzkyj łosobowojści drzymie zaplejśniałe i schuchrzałe [...]
>
> Juz cas łotworzić dusã – niech śpiywoł jak ino umiy, niech płace, niech sie raduje, niech z bolejści urzykoł, niech je łōna w końcu słysanoł.
>
> [...] ślōnskoł mowo [...] casỹ to ludzie myślą, ize ty sie mozes przidać ino do wicow ło Antku i Francku. Nic wiyncej łod ciebie moga nie chciejć, na nic nie baną cekać. Ślōnskoł mowo, łodezwi sie gojśniyj, choćby cie zołdyn nie chcioł suchać. To nic, nic to nie znacy. Zacni śpiywać roły yntlich swojy włołsne nuty. Śpiywej – nie stydź sie!
>
> A choćby cie, ślōnskoł mowo, zołdyn najziymi nie słysoł, to i tak jes jescyk chtojś, chto cie usłysy i chto sie nad tobą pochyli – to twōj nołwierniejsy ze wiernych, Pōn Bōcek rōztomiyły. Łobudź sie, mowo ślōnskoł, ściep te swojy postrōnki i kajdany zielazne, stōń na nogi, ło-

> bejrz sie – są tacy, co ci jescyk przają mocno. Nie dej sie zagusyć ani zagajsić – śpiywać zacni!" (KAŁUŻA 2003, 10–11).

Chłodne naukowe analizy na nic się tu nie zdadzą.

8. Zabiegi kodyfikacyjne

Śląskie próby skodyfikowania pisowni i ujednolicenia opisywałem już wcześniej (CZESAK 2004). Sytuacja się rozwija. Wspomniany A. Roczniok chce przez skoordynowany ruch wydawniczy (jak w przypadku języka polskiego w XVI w.) doprowadzić do upowszechnienia się pewnych norm (innych niż dotychczasowe, nie dość różne od polskiego języka literackiego):

> "Ślonsko szpracha wyrywo sie ku kodyfikacyje, ino na profesorów niy ma co tukej rachować. Godajom co niy poradzom, eli niy miarkujom. Beztóż ino pisanim fest wiela ludziów poradzi ślónsko godka szrajbowano łostawić drugim generacyjom. I ku tymu wszyjskich smowiom" (ROCZNIOK 2004, 5).

Ustaleniem wspólnej pisowni podhalańskiej zajmowano się już przed wojną (USTALENIE 1938), obecnie sprzyja temu istnienie w Nowym Targu szkoły wyższej i nawiązanie współpracy między uczonymi polonistami dialektologami a twórcami (KĄŚ, SIKORA 2004).

9. Podsumowanie

Wydaje się, że omawiane systemy językowe, ciągle poszerzając zakres swego występowania, spełniają już kryteria, by nazwać je mikrojęzykami literackimi w rozumieniu A. Duliczenki.

Mimo to chciałbym na zakończenie przypomnieć i poddać pod dyskusję inną propozycję terminologiczną. Obecnie wydaje mi się ona przystawać do sytuacji obu omawianych dialektów.

> "Where a dialect comes to be used in a conventional form for particular functions of the literary language, but without attaining more than local currency, it may be legitimate to speak of a 'literary dialect'" (AUTY 1958, 48, cyt. za: ALBIJANIĆ 1985, 121).

Bibliografia

ALBIJANIĆ, A. 1985: The Demise of Serbian Church Slavic and the Advent of the Slaveno-Serbski Literary Dialect. In: *The Formation of the Slavonic Literary Languages. Proceedings of a Conference Held in Memory of Robert Auty and Anne Pennington at Oxford 6-11 July 1981*. Ed. by G. Stone and D. Worth. Columbus, Ohio, p. 115–123 [= UCLA Slavic Studies 11]

AUTY, R. 1958: Some Thoughts on the History of Literary Languages. In: *Cercetări de lingvistică* (*Mélanges linguistiques offerts à Emil Petrovici par ses amis étrangers à l'occasion de son soixantième anniversaire*), III. Cluj, p. 45–51

BARTYLLA-BLANKE, A. 2000: *Ród. Przyczynek w sprawie śląskiej*. [Krapkowice]

BRZOZOWSKA-KRAJKA, A. 1989: *Stare i nowe nuty na góralskich gęślikach. O ludowej poezji podhalańskiej (1945–1980)*. Warszawa

BUGLA, W. 2001: *Pod zajlbanom. Wiersze gwarowe*. Racibórz / Radlin

CZESAK, A. 2003: Czy możliwa jest Biblia po śląsku? Stereotypy Ślązaków i ich mowy. In: *Stereotyp a przekład*. Pod red. U. Kropiwiec, M. Filipowicz-Rudek, J. Koniecznej-Twardzikowej. Kraków, s. 69–78 [Między Oryginałem a Przekładem VIII]

CZESAK, A. 2004: Ślązacy w poszukiwaniu języka. In: *Przegląd Polonijny* XXX, z. 3 (113), s. 105–111

CZUBERNATOWA, W. 2003: *Ugwarzania w cornyj izbie*. Kraków

CZUBERNATOWA, W., TISCHNER, ks. J. 2001: *Wieści ze słuchanicy*. Kraków

DEJNA, K. 1992: W sprawie "statusu języka kaszubskiego". In: *Problem statusu językowego kaszubszczyzny. Materiały z sesji popularnonaukowej 17 X 1991*. Red. nauk. E. Breza. Gdańsk, s. 29–34

DRWAL, K. 2004: Powstaje Biblia po góralsku. In: *Niedziela*, nr 13, (http://www.niedziela.pl/xml.php?wyd=nd&nr=17&doc=nd200413.xml)

DRWIĘGA, J. 2001: *Okrągły rok. Praca zbiorowa uczniów szkoły podstawowej i gimnazjum w Zimnicach Wielkich*. Wybór, wstęp i korekta J. Drwięga. Zimnice Wielkie

DULICZENKO 2003 – А. Д. ДУЛИЧЕНКО: *Языки этнических меньшинств и языки региональные (регионолекты): некоторые методологические аспекты*. In: *Języki mniejszości...*, c. 27–39

DZIERŻAWA, B. 2000: *Utopek z Wielopola*. Wyd. 2. Żory

DZIERŻAWA, B. 2001: *Z biegiem Rudy*. Chorzów

EWPODH: *Ewangelie w przekładzie Marii Matejowej Torbiarz na gwarę górali skalnopodhalańskich z Zakopanego. Praca studyjna na podstawie Biblii Tysiąclecia Wydawnictwo Pallottinum 1982*. Poznań / Zakopane Krzeptówki 2002

FRYSZTACKI, K. (red.) 1998: *Polacy, Ślązacy, Niemcy. Studia nad stosunkami społeczno-kulturowymi na Śląsku Opolskim*. Kraków

FURDAL, A. 2002: Dialekt czy język – problem nie tylko lingwistyczny. In: *Studia dialektologiczne*, II. Pod red. J. Okoniowej i B. Dunaja. Kraków, s. 37–41 [Prace IJP PAN 114]

GODAWA, ks. M. 2001: *Cyś widzioł potok...* Pcim

GÓRNIKOWSKA-ZWOLAK, E. 2000: *Szkic do portretu Ślązaczki. Refleksja feministyczna*. Przy współpracy A. Tobor. Katowice

GROBARCZYK, I. 2001: *Gawędy orawskie*. Kraków

GUTT-MOSTOWY, J. 1998: *Gwara o gwarze*. Kraków

GUTT-MOSTOWY, J. 2003: *Utwory sceniczne po góralsku. Adaptacje. Utwory własne. Utwory obrzędowe*. Oprac. J. Gutt-Mostowy. Językowo zredagował i wstępem opatrzył J. Kąś. Kraków

HAASE 2002: *Tak na spas übersetzowane. Doktora Haasego żartobliwe spolszczenia poezji niemieckiej*. Oprac. P. Obrączka. Opole

HENTSCHEL, G. 2002: Czy mogą powstać śląski, kaszubski albo góralski język nieliteracki? In: *Język w przestrzeni społecznej*. Red. nauk. S. Gajda, K. Rymut, U. Żydek-Bednarczuk. Opole, s. 83–91

HODOROWICZ, S. A., 2004: *Słownik gwary górali Skalnego Podhala*. Nowy Targ

INHALTE 2003: http://www.vda-sachsen.de/Inhalte/Forum2003.htm

JĘZYKI MNIEJSZOŚCI...: *Języki mniejszości i języki regionalne*. Pod red. E. Wrocławskiej i J. Zieniukowej. Warszawa 2003 [= Język na Pograniczach 24]

KADŁUBIEC, K. 2002: *Skoro zapómniane. O radościach i smutkach starej Karwiny*. Karwina

KAŁUŻA, H., SVD, 2003: *Nasa ślōnskoł dusa*. Brynica

KAMUSELLA, T. 2001: *Schlonzsko, Horní Slezsko, Oberschlesien, Górny Śląsk. Esej o regionie i jego mieszkańcach*. Elbląg [= Biblioteka Spraw Politycznych III]

KAMUSELLA, T. 2003: *Codzienność komunikacyjno-językowa na obszarze historycznego Górnego Śląska* [komputeropis udostępniony przez Autora]

KAWALEC, K. 2004: Rewizjonizm historyczny w internetowej propagandzie śląskiego ruchu separatystycznego. In: *Śląski Kwartalnik Historyczny Sobótka* LIX, nr 4, s. 483–496 (http://www. polskislask. republika.pl/kawalec.html)

KĄŚ, J., K. SIKORA 2004: Ortografia podhalańska – problemy podstawowe i propozycje rozwiązań. In: *Edukacja regionalna na Podtatrzu. Ścieżki i manowce*. Pod red. A. Mlekodaj. Nowy Targ, s. 17–51

KLESZCZ, K. 2002: Zapożyczenia niemieckie w gwarach śląskich. In: *Z polskich studiów slawistycznych, seria 10. Językoznawstwo*. Prace na XIII Międzynarodowy Kongres Slawistów w Lublanie 2003. Warszawa, s. 89–99

KLON, Z. 1970: Dialekt. In: *Ziemia rybnicko-wodzisławska*. Pod red. J. Ligęzy. Katowice, s. 111–119

KOSYRCZYK, ks. K. 1994: *Gawędy Stacha Kropiciela*. Do druku zebrał i oprac. Ks. Prał. J. Smandziuch. Katowice

KOSZYK, S. (oprac.) 1959: *Pogwarki opolskie. Wesołe Go"dki i statecne łospro"wki jakotez róztomajte śpiywki ze strón łodrzańskich*. Katowice

KOWALSKA, A. 2002: *Z badań nad dziejami języka polskiego na Górnym Śląsku*. Materiały do druku przygotowali J. Kowalski, J. Śliwiok. Katowice

KUFA, J. 2005: Sałasznictwo w Beskidach (łod miyszanio po rozsad). In: *Sałasznictwo w Beskidach*. Red. L. Richter i J. Szymik, Czeski Cieszyn, s. 7–13

KULISZ, J. 2002: Potrzebujemy języka. In: *Echo Ślonska*, 3_01/2002 (http://www.echoslonska.com/0201/debata/020103db_JozekKulisz_ Potrzebujemyjezyka.htm)

KUŚKA, E. 2003: *Tak tu bywało*. Jastrzębie Zdrój

KUŚKA, E. 2005: *Skąd sie bierom diobły*. Jastrzębie Zdrój

LABOCHA, J. 1997: *Polsko-czeskie pogranicze na Śląsku Cieszyńskim. Zagadnienia językowe*. Kraków

ŁABOCHA, J. 2003: Polszczyzna zaolziańska w odmianie oficjalnej. In: *Języki mniejszości...*, s. 441–449

LELONEK, M. 1999: *Cila klacho*. Rybnik

LELONEK, M. 2000: *Klachula Cila*. Chorzów

LIGOŃ, S. (Karlik z Kocyndra) 1957: *Bery i bojki śląskie*. Katowice

LUBAŚ, W. 1998: Czy powstanie śląski język literacki? In: *Język Polski* LXXVIII, z. 1–2, s. 49–56

LUBAŚ, W. 2000: Co jest t e r a z ważne w polskiej polityce językowej? In: *Socjolingwistyka* XVI, s. 111–120

ŁĘCKI et al. 1992: K. Łęcki, J. Wódz, K. Wódz, P. Wróblewski. *Świat społeczny Ślązaków. Rekonstrukcja treści świadomości potocznej*. Katowice

ŁOPATA, H. "Topór Kapac" 2004: *Miyndzy Zoniówkom a Budzówym Wiyrchym*. Kraków

ŁOJAS-KOŚLA, F. 2004: *Rodowe dziedzictwo*. Poronin

MAKULA, M. 1998: *Pomsta. Libretto musicalu w śląskiej gwarze w czterech aktach wierszem na podstawie "Zemsty" Aleksandra Fredry z muzyką Katarzyny Gaertner*. Ruda Śląska

MAKULA, M. 2001: *Libretto musicalu* Zolyty *wierszem w śląskiej gwarze z inspiracji "Ożenku" Mikołaja Gogola*. Chorzów

MAŃCZAK, W. 2002: Czy istnieje kaszubski język. In: W. Mańczak. *O pochodzeniu i dialekcie Kaszubów*. Gdańsk, s. 67–75 [pierwodruk: 1995]

MENZEL, T., G. HENTSCHEL 2003: *Wörterbuch der deutschen Lehnwörter im Teschener Dialekt des Polnischen*. Unter Mitarbeit P. Jančák und J. Balhar. Oldenburg [= Studia Slavica Oldenburgensia 10]

MOLAS, J. 2004: Język narodowy jako wypadkowa procesów narodotwórczych (reinterpretacja relacji języka a naród w ujęciu Dubravka Škiljana). In: *Studia z Filologii Polskiej i Słowiańskiej* 39, s. 285–300

MORCINIEC, N. 2002: Wieloetniczność w historii Śląska na przykładzie polsko-niemieckich stosunków językowych. In: *Silesia Philologica. I Kongres Germanistyki Wrocławskiej*. Pod red. M. Hołuba. Wrocław, s. 27–35 [= Acta Universitatis Wratislaviensis, № 2386]

MOSZYŃSKI, L. 2003: Glosa do wypowiedzi profesora Władysława Lubasia w prasie słoweńskiej na temat rozpadu języka polskiego. In: *Język Polski* LXXXIII, z. 4–5, s. 338–339

MYSZYŃSKA, A. 1999: *Śląskie Rozprawianie*. Biała Prudnicka

NA GÓRALSKICH 2002: W. Prochownik, M. Grzegorek, K. Paciorek. *Na Góralskich Posiadach*. Wieprz

NIJAKOWSKI, L. (red.) 2004: *Nadciągają Ślązacy. Czy istnieje narodowość śląska*? Warszawa

NITSCH, K. 1939: *Dialekty polskie Śląska*. Część I. Wydanie drugie. Kraków [= Polska Akademia Umiejętności. Wydawnictwa Śląskie. Prace Językowe 5) [wyd. 1: 1909]

NITSCH, K. 1989: Gwara góralska a język polski [tłum. z niem. S. Urbańczyk]. In: *Język Polski* LXIX, z. 3–5, s. 82–85 [opinia na żądanie władz niemieckich z 22 VI 1941 r.].

NOWAK, J. K. 1989: *Godki z Grojca dziadka i babki nieboscyków Panie, łodpuś jim ta grzychy*. Warszawa

NTPODH: *Nowy Testament w przekładzie Marii Matejowej Torbiarz na gwarę górali skalnopodhalańskich z Zakopanego. Praca studyjna na podstawie Biblii Tysiąclecia Wydawnictwo Pallottinum 1982*. Poznań / Zakopane Krzeptówki 2005

OKONIOWA, J. 2002: Stan badań i perspektywy prac leksykograficznych nad językiem polskiego Podhala. In: *Z polskich studiów slawistycznych*, seria 10. Językoznawstwo. Prace na XIII Międzynarodowy Kongres Slawistów w Lublanie 2003. Warszawa, s. 161–165

OLESCH, R. 1958: *Der Wortschatz der polnischen Mundart von Sankt Annaberg*, 1. Teil, Wiesbaden [= Veröffentlichungen der Abteilung für slavische Sprachen und Literaturen des Osteuropa-Instituts (Slavisches Seminar) an der Freien Universität Berlin, hrsg. von M. Vasmer, Band 17]

OLESCH, R., 1999: Język polski na Górnym Śląsku i jego stosunek do języka niemieckiego. Tłum. J. Goczoł. In: *Kalendarz Opolski 1999*, 99–106 [oryg.: 1979]

ONDRUSZ, J. 1963: *Śląskie opowieści ludowe*. Ostrawa

PAWLIKOWSKI, M. 1909: O wojnie Greków z Trojami (Fragmenta). In: *Lamus*, s. 493–508

PAŹDZIOR, B. 1997: *Radaś pochylono*. Siemianowice Śląskie

PAŹDZIOR, B. 2003: *Dębina. Śląskie bajdy*. Siemianowice Śląskie

PIEGZA, K. 1971: *Opowiadania beskidzkie*. Ostrava

PIEGZA, K. 1975: *Tam pod Kozubową. Jabłonkowskie opowieści ludowe*. Ostrava

PIEGZA, K. 1979: *Sękaci ludzie*. Ostrava [wyd. 1: 1960]

PITOŃ, J. 1997: *Moje bajdy*. Kraków

PITOŃ, J. 2000: *Holni ludzie*. Kraków

PITOŃ, J. 2002: *Lecom roki*. Kraków

PIWOWARCZYK, K. [ok. 2000]: *Pomiędzy Cietniem a Kostrzą. Opowiadania, wiersze, obrazki sceniczne, w gwarze mieszkańców wsi położonych pomiędzy górami Ciecień i Kostrza, w Gminie Jodłownik, w północnej części Beskidu Wyspowego*. Tarnów

PLUTA, F. 2002: Dialekt śląski w literaturze polskiej. In: *Dialektologia jako dziedzina językoznawstwa i przedmiot dydaktyki. Księga jubileuszowa dedykowana Profesorowi Karolowi Dejnie*. Pod red. S. Gali. Łódź, s. 393–402

PODHALE 2000: *Podhale. Tradycja we współczesnej wsi*. Praca zbiorowa pod red. D. Tylkowej. Kraków [= Biblioteka Etnografii Polskiej 55]

POPIOŁEK, B. 2005: Język serbski na przełomie wieków. In: *W poszukiwaniu nowego kanonu. Reinterpretacje tradycji kulturalnej w krajach postjugosłowiańsakich po 1995 roku*. Pod red. M. Dąbrowskiej-Partyki. Kraków

PTASZEK, S. 2004: *Opowieści z dawnych lat*. Pasierbiec

ROCZNIOK, A. 2004: Łod wydawce. In: J. Buczyński. *Bojdy ślonskie*. Górny Śląsk [Zabrze], s. 5.

RUCKI, J. [1999]: *By uchronić od zapomnienia. Zbiór wspomnień z młodości w gwarze zakątka istebniańskiego*. Cieszyn

SAJDOK, K. 1995: *Podróż do źródeł śląskiej tradycji*. Mysłowice

SIMONIDES, D. 1967: *Bery śmieszne i ucieszne. Humor śląski*. Opole

SIMONIDES 1975: *Gadka za gadką. 300 podań, bajek i anegdot z Górnego Śląska*. Zebrali i oprac. D. Simonides i J. Ligęza. Opole

SIMONIDES, D. 1988: *Od kolebki do grobu. Śląskie wierzenia, zwyczaje i obrzędy rodzinne w XIX wieku*. Opole

SKUDRZYKOWA, A., J. TAMBOR, K. URBAN, O. WOLIŃSKA 2001: *Gwara śląska – świadectwo kultury, narzędzie komunikacji. Sytuacja językowa w miastach Górnego Śląska*. Katowice

SMOLIŃSKA, T. (oprac.) 2004: *Tradycyjne zwyczaje i obrzędy śląskie. Wypisy*. Opole

SPOROŃ, H. 2004: Śląski – język czy gwara? In: H. Sporoń. *W poszukiwaniu historycznej prawdy*. Lublin, s. 82–83

STIEBER, Z. 1974: Problem językowej i etnicznej odrębności Podhala. In: Z. Stieber. *Świat językowy Słowian*. Warszawa, s. 393–406 [pierwodruk: 1947]

SZELIGA, W., przy współudziale D. Kadłubca 1997: *Tam około Bogumina. Obrazy z życia autochtonicznej ludności północnego Zaolzia*. Czeski Cieszyn

SZOŁTYSEK, M. 2000: *Biblia Ślązoka*. Rybnik

SZOŁTYSEK, M. 2002: *Ślązoki nie gęsi, czyli konski nojfajniyjszych książek na świecie przełonaczone na śląsko godka*. Rybnik

ŚMIEŁOWSKA, M. 1999: *Obecności etniczne i narodowe na Śląsku Opolskim. Procesy kształtowania toższamości i relacji międzygrupowych*. Opole [= Uniwersytet Opolski, Studia i Monografie nr 277]

TAMBOR, J. (red.) 2002: *Gwara śląska – świadectwo kultury, narzędzie komunikacji. Teksty*. Katowice

TATRYNET: http://raven.tatrynet.pl/cgi-bin/tp/wza.pl?rok=02&nr=tp30&dzial=07&nazwa_a=07a5ł n3002.html

TISCHNER, J. 1997: *Historia filozofii po góralsku*. Kraków

TISCHNER, ks. J. 2003: *Słowo o ślebodzie. Kazania spod Turbacza 1981–1997*. Zebrał i oprac. K. Tischner, posłowie W. Bonowicz. Kraków

TWOREK, A. 2003: Die Sprachen Schlesiens. Konstante Mischdialekte? In: *Rocznik Centrum Studiów Niemieckich i Europejskich im. Willy Brandta Uniwersytetu Wrocławskiego* (1), Wrocław, s. 125–135 [= Acta Universitatis Wratislaviensis No 2499]

USTALENIE 1938: Ustalenie ortografii podhalańskiej. In: *Język Polski* XXIII, z. 1, s. 31–32

WĄTROBA, J. 2001: *To było wczora*. Jasienica

WICHERKIEWICZ, T. 2003: Języki mniejszościowe i regionalne w Europie – problemy typologii. In: *Języki mniejszości...*, s. 73–78

WIDERA, A. 1978: *Od Cieszyna do Gogolina. Gawędy, baśnie, legendy.* Opole

WITKIEWICZ, S. 1963: *Pisma tatrzańskie.* T. 1–2. Kraków

WNUK W. (red.) 1975: *Gawędy Skalnego Podhala.* Wyd. 3. Kraków [wyd. 1: 1960]

W OBRONIE...: *W obronie mowy śląskiej.* Oprac. i tłum. J. Burka na podstawie broszurki z roku 1918 pt. Odezwa "Towarzystwa Oświaty na Śląsku imienia św. Jacka" na wywody pana ministra kultury dr Schmidta dotyczących [! – A. C.] tzw. "Wasserpolnisch" na Górnym Śląsku. [Racibórz, 1994]

WONS, D. 2001: *Hanzlik i Gryjtka.* Zębowice

WYDERKA, B. 1998: Zadania dialektologii wobec przemian społecznych i językowych na Śląsku. In: *Teoretyczne, badawcze i dydaktyczne założenia dialektologii* Pod red. S. Gali. Łódź, s. 143–151

WYDERKA, B. 2003: Śląsk jako region językowy. In: *Języki mniejszości...*, s. 501–509

WYDERKA, B. 2004: Język, dialekt czy kreol? In: *Nijakowski 2004*, s. 187–215

ZAREMBA, J. A. 1931: *Stare pogodki gorolskie łod Zywca.* Zbier I. Żywiec

ZARĘBA, A. 1988: Literackie języki regionalne w Polsce? In: *Język Polski* LXVIII, z. 2–3, s. 76–86

ZĄZEL, ks. W. 2002: *1.* Słowo wprowadzające. In: EWPODH, s. 5–6

Aneksy

I. Górny Śląsk, poezja

Nasza mowa

Już Cie kiejś zapomnieć chcieli
Wyrwać ze historje kart
Bo to oni władza mieli
A ty byłaś dlo nich "żart"

Już Cie kiejs zamordowali
Tysionc razy ustawami
Yno żodyn tego nie zgod
Że i tak zostaniesz z nami

Czy to w szkole, na muzyce
Przi robocie, na praktyce
Byłaś zawsze miyndzy nami
Choć godomy jynzykami

Chocioż momy wykształcyni
Z uniwerku i ze siyni
I choć momy doktoraty
Nie bojymy sie łopaty

Ty nom zawsze pomogałaś
I otuchy dodowałaś
Byłaś z nami cołki czas
Jak prastary śloński las

Ty istniejesz, tyś jest żywo
Tak po ślońsku sie nazywo
Jak godomy od stuleci
Szczewik, lauba, bombon, Ecik...

Edulik

http://www.slonzoki.de/

II. Górny Śląsk, publicystyka

Nale, wice wicami a sam sie juzaś mele. Roztomajte gupoty szrajbujom. Choby telko ksionżka "Historia narodu śląskiego". Jedyn diosecki angyjber, niycytaty, niypisaty (ślonski "niypodległościowiec", kiery ino nom gańba robi) wypokopioł ci bół telkie gupoty, iże niy godzi sie sam bali ło tym spominać. A to wszyjsko ino skuli tego co łońskigo roku we tym spisie powszychnym sam u nos aże sto siedymdziesiont trzi tysionce chopa kozało sie szrajbnońć, iże łoni som na isto narodowości ślonskij. Z tego ci jesce na isto wiela łostudy moge być. Bo podle raje to bołło tak: zawdy sie sam u nos roztomajte mondroki ciepali co momy srogo myńszojść miymiecko. I to i samtukej, i we łopolskim, kaj tyn cołki srogi Kroll (downiyjszy nasz Król) festelnie sie roztopiyrzoł, coby chocia jednygo posła mog mieć we tym naszym Syjmie. A terozki sie pokozało, iże tych co to ło sia godajom "myńszość miymiecko" blank tak wiela niy ma, a już nojbarzij żodyn sie niy spodzioł co richticznych Ślonzokow je za tela.

– No wiycie, panie Ojgyn, jo tam sie wiela ze tego niy pomiarkowała, a mie sie żodyn niy spytoł cy jo je Ślonzocka, abo fto.
– Jo wiym, mie tyż ta gryfno dziołcha, kiero nos ze Elzom w doma nawiedziyła, ani sie niy spytała, nale jo już wiedzioł, i kozołech jeji naszkryflać we tyj tabulce co jo je Ślonzok. A to ino beztoż, iże mie richtik zgorszyli te wszyjskie asy we tyj Warszawie.
– Niy godejcie, panie Ojgyn, to wyście niy som Ślonzok? To wyście niy som, jakech medikowała, samstond?
– Ja, Majzlino, jo jes samstond, tak jak i moje Łojce i Staroszki. Jo jes Ślonzok, tela ino, iże już downij, za starego piyrwyj stary Ligoń (starzik łod Karlika ze "Kocyndra") godoł co miyndzy wszyjskimi nacjoma som Słowianie. Miyndzy tymi Słowianami som Poloki. A juzaś miyndzy Polokami som Ślonzoki, i we telkij ino raji jo na to gawca, wiedzom łoni, pani Majzlino?

Ojgyn z Pnioków, *Lato i chlyb*; na 26 czerwca 2004 r.

III. Podhale, publicystyka

Moi Rodni Podhalanie

Co sie stało?
Po mojemu, nic takowego, coby nos miało smucić. Nie dogodali sie. Óni ciongli swojom nute, Nasi nasom. Nie nałozyły sie i trza bee dopiyro ku temu krocek po krocku przykrocać. Zaś nie syćka to pojmujom i juz powiadajom, co nos cekajom dopusta. Nie bee takowych dutków, jakowe być miały. Po mojemu zaś, to nie tak. Uwazuje, co ku Unije krocać wypodo. No dyć i godnie i za pozwolyniem nie ino skróny dutków. Jakby ino dutki miały tymu zespolyniu przewodzić, to Boze sie śnim pozol. Po gwarze moznyk z tamtyj stróny uwazuje, co Óni tyz tak wej i uwazujom. Ino miyndzy nami, poniefto-rzy tak wej banujom. Widno im mamóna biylmym na ocyska siadła, a tyz i we wnuku sercyska przydryntwiyła. Z tyk takowemu poniejednymu pasuje śpiywke zaciongnoć:

"Pinionzki, pinionzki
tak cie omomiyły,
co ci polskom duse
calućkom przykryły".

Pasuje zaśpiywać, no dyć tyz i ik we rozumie utrwolić. Ftorzy to óni. Utrwolić Kochani, boć przecie sie za cas jakisi nowymi japostołami okazywać sie mogom. Fte zbacowacka jak roz sie przydo.

(S. A. Hodorowicz).

Гуральский и силезский – литературные микроязыки in statu nascendi?

Artur Czesak

С 1989 г. в Польше обновилась демократия, свобода слова и введена новая модель муниципальной власти. Локальные диалекты, говоры – это уже не нечто маргинальное, но важная часть языка и важный фактор локальной, региональной идентичности, который надо передать следующим поколениям.

Наличие большого числа интеллигенции, говорящей на родственных говорах не только в быту, влияет на развитие литературы, в том числе на новые, нефольклорные жанры (автобиографические и исторические рассказы, поэзия, переводы комедий Мольера и Гоголя, церковная литература, переводы Библии).

В регионах со специфической традицией и историей, каковыми являются Верхняя Силезия (Górny Śląsk/ Oberschlesien/ Horní Slezsko) и Подгалье (Podhale), возникают новые условия и тенденции к повышению статуса говора – до уровня языка. Это не всем нравится, в том числе и некоторым лингвистам. Мы выделяем в этом вопросе: 1) территориальный, или ареальный, аспект процесса: Śląsk Cieszyński (г. Цешин – Cieszyn/ Těšín/ Teschen), Śląsk "Katowicki" (г. Катовице – Katowice и Рыбник – Rybnik; промышленно-шахтерский регион), Śląsk Opolski (г. Ополе – Opole/Oppeln) и малопольский регион на юге страны, на север от гор Татр, Подгалье – Podhale и другие регионы с пастушеской культурой; и 2) творческий, заключающийся в появлении переводов и формировании жанров оригинального творчества. Среди переводов интереснее всего: А. (подгальский говор) *Wojna Greków z Trojami* (фрагмент *Илиады*) с 1909 г. Михала Павликовского и сделанные Станиславом Виткевичем переводы *Fioretti* св. Франциска и *Чем люди живут* Л. Н. Толстого (конец XIX – начало XX вв.), перевод Нового Завета (2002–2005 г.); Б. (силезские говоры) юмористические переводы стихотворений Ф. Шиллера с конца XIX в. со многими лексическими и синтаксическими германизмами; современные: *Biblia Ślązoka* (2000) и *Ślązoki nie gęsi* (2002) – эти переводы мировой литературы издал Марэк Шолтысэк.

В докладе показана разница в национальном самосознании или самопонимании жителей Подгалья и Верхней Силезии: 173 тыс. человек декларирует "силезскую национальность"; Górale (гуральцы/горцы) не хотят вспоминать *Gorallenvolk* со времен Второй мировой войны, но *de facto* считают свой говор языком: особенно важно, что есть приходы, где по-гуральски читают Библию во время Св. Мессы.

Кажется, что силезский и подгальский говоры движутся к статусу литературных микроязыков (А. Д. Дуличенко), но пока что только часть их носителей об этом знает и согласна с подобными устремлениями. Пример кашубского, который с 2005 г. имеет в Польше статус "регионального языка", позволяет думать, что, если носители силезских и подгальского говоров будут работать в этом направлении (кодификация нормы и т. д.), то и они смогут доказать то, что уже доказали кашубы.

Podhalean and Upper Silesian – literary microlanguages in statu nascendi?

Artur Czesak

This paper deals with dialectology and language politics. It discusses the problem of the contemporary linguistic situation and language politics in Poland, e. g. the tendencies in the new social and political situation in Poland after 1989 towards the literarization and codification of the dialects spoken in the Podhale region of the Tatra district in the Carpathian Mountains and Upper Silesia (3 sub-regions: Cieszyn/ Teschen, Katowice/ Kattowitz and Opole/ Oppeln).

aczesak@kki.net.pl

ПРИЛОЖЕНИЯ

Славянские литературные микроязыки: грамматики, учебники, словари, очерки, периодика в библиографическом представлении

Более полное библиографическое представление СЛМЯов дается в кн.: А. Д. Дуличенко.Славянские литературные микроязыки. Образцы текстов. Т. II. Тарту, 2004, с. 369–394.

I. Работы общего характера

Дуличенко А. Д. Славянские литературные микроязыки. (Вопросы формирования и развития). 10.02.03 — славянские языки. Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук. Т. I–IV. — Минск, 1980, [957 с./лл.]. (АН БССР. Институт языкознания им. Я. Коласа).

Текст диссертации (машинопись) хранится в Российской Государственной библиотеке (← Библиотека им. В. И. Ленина) в Москве и в архиве автора.

[Т. I]. Введение (с. 2–28). Глава I: Условия и факторы, способствующие возникновению славянских литературных микроязыков либо их проектов (с. 29–128). Глава II: Диалектно-говорная основа и вопросы литературно-языкового койне (с. 129–168);

[Т. II]. Глава III: Проблемы нормы и кодификации. а) Виды нормы и формы кодификации (с. 169–183); б) Становление и развитие графики и орфографии (с. 183–208); в) Становление и развитие лексики и фразеологии (с. 208–254); г) Становление и развитие фонетики и грамматики (с. 254–292). Глава IV: Экстралингвистические факторы, способствующие поддержанию и развитию славянских литературных микроязыков (с. 293–343). Заключение (с. 344–361). Литература (с. 362–399) — 463 позиции. Оглавление (с. 400).

[Т. III]. Приложение к диссертации “Славянские литературные микроязыки”: Очерки славянских литературных микроязыков и их проектов. I. — Минск, 1980, 280 с./лл.

Содержание: Градищанско-хорватский литературный язык (gradišćanskohrvatski književni jezik) (с. 2–66). Молизско-хорватский (молизско-славянский) литературный язык (molizanskohrvatski književni jezik) (с. 67–110). Чакавский литературный язык (čakavski književni jezik, književna čakavština) (с. 111–214). Кайкавский литературный язык (kajkavski književni jezik, književna kajkavština) (с. 215–280).

[Т. IV]. Приложение к диссертации "Славянские литературные микроязыки": Очерки славянских литературных микроязыков и их проектов. II. Образцы текстов на славянских литературных микроязыках и их проектах. — Минск, 1980, 281–557 с./лл.

Содержание: Прекмурско-словенский литературный язык (knjižna prekmurščina) (с. 281–319). Банатско-болгарский литературный язык (bâlgarsći učen-jàzić) (с. 320–339). Кашубский литературный язык (kaszëbskô mowa) (с. 340–409). Другие опыты создания литературных микроязыков: Опыт создания восточнословацкого литературного языка (с. 410–426). Попытки литературной ляштины (с. 427–458). Проекты литературного языка в Закарпатье и Восточной Словакии (так наз. карпаторусинский язык, или "язычие") (с. 459–482). Проба создания литературной резьянщины (с. 483–492).

Образцы текстов на славянских литературных микроязыках и их проектах (с. 493–555). Оглавление (с. 556–557).

Дуличенко А. Д. Славянские литературные микроязыки. (Вопросы формирования и развития). Отв. ред. Н. И. Толстой. — Таллин: Валгус, 1981, 323 с.

Дуличенко А. Д. Славянские литературные микроязыки. Образцы текстов. Т. I–II. Тарту: Изд-во Тартуского университета, 2003–2004, 420 с., 398 с.

Толстой Н. И. Славянские литературные языки и их отношение к другим языковым идиомам (стратам). (Опыт сравнительного рассмотрения). — Функциональная стратификация языка. Москва: Наука, 1985, с. 9–24.

Языки малые и большие. In memoriam acad. Nikita I. Tolstoi. (Slavica Tartuensia IV).Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus, 1998, 317 с.

Duličenko A. D. Kleinschriftsprachen in der slawischen Sprachenwelt. — Zeitschrift für Slawistik, Bd. 39, Berlin, 1994, Heft 4, S. 560–567.

Duličenko A. D. Славянские микроязыки в Европе на пороге XXI века. — Sprachwandel in der Slavia. Die slavischen Sprachen an der

Schwelle zum 21. Jahrhundert. Ein internationales Handbuch. Teil 2. Hrsg. Lew N. Zybatow. (Linguistik International, Bd. 4). Frankfurt am Main etc.: Peter Lang, Europäischer Verlag der Wissenschaften, 2000, S. 843–852.

Marti R. Probleme europäischer Kleinsprachen. Sorbisch und Bündnerromanisch. — München, 1990, 94 S.

Marti R. Sprachenpolitik im slavischsprachigen Raum. Das Verhältnis "großer" und "kleiner" slavischer Standardsprachen. — Zeitschrift für slavische Philologie, 1998, Bd. 57, S. 353–370.

Nekvapil J. O vztahu malých a velkých slovanských jazyků. — Inter-slavica. Отдельный оттиск из: Lětopis, lět. 50, Budyšin, 2003, č. 1, s. 113–127.

II. Синтезированные очерки и монографии

Автономные СЛМЯи

Верхнелужицкий

Stone G. Sorbian (Upper and Lower). — The Slavonic languages. Ed. by B. Comry, G. G. Corbett. New York, 1993, p. 593–685.

Panzer A. Das Ober- und Niedersorbische. — Die slavischen Sprachen in Gegenwart und Geschichte. Frankfurt/M., 1996, S. 81–96.

Serbšćina. Red. H. Faska. (Серия "Najnowsze dzieje języków słowiańskich"). — Opole: Uniwersytet Opolski – Instytut Filologii Polskiej, 1998, 337 s.

Stone G. Das Obersorbische. — Einführung in die slavischen Sprachen (mit einer Einführung in die Balkanphilologie). 3., verbesserte und erweiterte Aufl. Hrsg. P. Rehder. — Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1998, S. 178–187; 4., durchgesehene Aufl. — Darmstadt, 2003, S. 178–187.

Spieß G., Steenwijk H. Sorbisch. — Minderheiten- und Regionalsprachen in Europa. Hrsg. J. Wirrer. Wiesbaden, 2000, S. 186–212.

Lewaszkiewicz T. Obersorbisch. — Wieser Enzyklopädie des europäischen Ostens. Bd. 10: Lexikon der Sprachen des europäischen Ostens. Klagenfurt: Wieser Verlag, 2002, S. 343–354.

Нижнелужицкий

Panzer B. Das Ober- und Niedersorbische. — Die slavischen Sprachen in Gegenwart und Geschichte. Frankfurt/M., 1996, S. 81–96.

Spieß G. Niedersorbisch. — Wieser Enzyklopädie des europäischen Ostens. Bd. 10: Lexikon der Sprachen des europäischen Ostens. Klagenfurt: Wieser Verlag, 2002, S. 323–342.

Stone G. Sorbian (Upper and Lower). — The Slavonic languages. Ed. by B. Comry, G. G. Corbett. New York, 1993, p. 593–685.

Serbšćina. Red. H. Faska. (Серия "Najnowsze dzieje języków słowiańskich"). — Opole: Uniwersytet Opolski – Instytut Filologii Polskiej, 1998, 337 s.

Spieß G., Steenwijk H. Sorbisch. — Minderheiten- und Regionalsprachen in Europa. Hrsg. J. Wirrer. Wiesbaden, 2000, S. 186–212.

Stone G. Das Niedersorbische. — Einführung in die slavischen Sprachen (mit einer Einführung in die Balkanphilologie). 4. Aufl. Hrsg. P. Rehder. Darmstadt, 2003, 188–193; 4., durchgesehene Aufl. — Darmstadt, 2003, S. 188–193.

Кашубский

Popowska-Taborska H. Kaszubszczyzna. Zarys dziejów. — Warszawa: PWN, 1980, 111 s.

Breza E. Das Kaschubische. — Einführung in die slavischen Sprachen (mit einer Einführung in die Balkanphilologie). 3., verbesserte und erweiterte Aufl. Hrsg. P. Rehder. — Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1998, S. 171–177; 4., durchgesehene Aufl. — Darmstadt, 2003, S. 171–177.

Kaszubszczyzna/Kaszëbizna. Red. E. Breza. (Серия "Najnowsze dzieje języków słowiańskich"). — Opole: Uniwersytet Opolski – Instytut Filologii Polskiej, 2001, 341 s.

Lubaś W. Kaschubisch. — Wieser Enzyklopädie des europäischen Ostens. Bd. 10: Lexikon der Sprachen des europäischen Ostens. Klagenfurt: Wieser Verlag, 2002, S. 265–273.

Югославо-русинский

Дуличенко А. Д. Jugoslavo-Ruthenica. Роботи з рускей филологиї. Предходне слово Н. И. Толстой. — Нови Сад: Руске слово, 1995, 333 б.

Дуличенко А. Д. Кнїжка о руским язику. Увод до рускей филологиї у документох и коментарох. — Нови Сад: Руске слово, 223 б.

Дуличенко А. Д. Язык русин Сербии и Хорватии (югославо-русинский язык). — Основы балканского языкознания. Языки балканского региона. Ч. 2 (славянские языки). Под ред. А. В. Десницкой и Н. И. Толстого. Санкт-Петербург: Наука, 1998, с. 247–272.

Duličenko A. D. Das Russinische. — Einführung in die slavischen Sprachen (mit einer Einführung in die Balkanphilologie). 3., verbesserte und erweiterte Auflage. Hrsg. P. Rehder. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1998, S. 126–140; 4., durchgesehene Aufl. — Darmstadt, 2003, S. 126–140.

Stegherr M. Rusinisch. — Wieser Enzyklopädie des europäischen Ostens. Bd. 10: Lexikon der Sprachen des europäischen Ostens. Klagenfurt: Wieser Verlag, 2002, S. 399–408.

Stegherr M. Das Russinische. Kulturhistorische und soziolinguistische Aspekte. (Slavistische Beiträge. Bd. 417). — München: Verlag Otto Sagner, 2003, XII, 529 S.

Градищанско-хорватский

Vasilev Ch. Die heutige čakavische Schriftsprache der Burgenland-Kroaten. — Ost und West, Wiesbaden, 1966, Bd. I, S. 189–237.

Hadrovics L. Schrifttum und Sprache der burgenländischen Kroaten im 18. und 19. Jahrhundert. Mit 12 Faksimiles. — Budapest: Akadémiai kiadó, 1974, 564 S.

Дуличенко А. Д. Славянские литературные микроязыки. (Вопросы формирования и развития). II. Градищанско-хорватский литературный язык в Австрии. — Проблемы внутриструктурного и функционального описания языка. (Ученые записки ТартуГУ. Вып. 524.

Труды по русской и славянской филологии. XXXII). Тарту, 1980, с. 86–146.

Neweklowsky G. Das Burgenländisch-Kroatische. — Einführung in die slavischen Sprachen (mit einer Einführung in die Balkanphilologie). 3., verbesserte und erweiterte Auflage. Hrsgb. von P. Rehder. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1998, S. 268–273; 4., durchgesehene Aufl. — Darmstadt, 2003, S. 268–273.

Tornow S. Burgenlandkroatisch. — Wieser Enzyklopädie des europäischen Ostens. Bd. 10: Lexikon der Sprachen des europäischen Ostens. Klagenfurt: Wieser Verlag, 2002, S. 235–245.

Молизско-славянский

Дуличенко А. Д. Славянские литературные микроязыки. (Вопросы формирования и развития). I. Попытки молизско-славянского литературного языка в Италии. — Проблемы описания системы языка и ее функционирования. (Ученые записки ТартуГУ. Вып. 486. Труды по русской и славянской филологии. Серия лингвистическая. XXX). Тарту, 1979, с. 56–99.

Breu W. Das Moliseslavische. — Einführung in die slavischen Sprachen (mit einer Einführung in die Balkanphilologie). 3., verbesserte und erweiterte Auflage. Hrsgb. von P. Rehder. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1998, S. 274–278; 4., durchgesehene Aufl. — Darmstadt, 2003, S. 274–278.

Breu W. Moliseslawisch. — Wieser Enzyklopädie des europäischen Ostens. Bd. 10: Lexikon der Sprachen des europäischen Ostens. Klagenfurt: Wieser Verlag, 2002, S. 315–317.

Резьянский

Бодуэнъ де Куртенэ И. А. Опытъ фонетики резьянскихъ говоровъ. — Варшава – Петербургъ, 1875, XVI, 128 с.

Duličenko A. D. Das Resianische. — Einführung in die slavischen Sprachen (mit einer Einführung in die Balkanphilologie). 3., verbesserte und erweiterte Auflage. Hrsgb. von P. Rehder. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1998, S. 246–249; 4., durchgesehene Aufl. — Darmstadt, 2003, S. 246–249.

Duličenko A. D. Resianisch. — Wieser Enzyklopädie des europäischen Ostens. Bd. 10: Lexikon der Sprachen des europäischen Ostens. Klagenfurt: Wieser Verlag, 2002, S. 395–397.

Банатско-болгарский

Милетичъ Л.. Книжнината и езикътъ на банатскитѣ Българи. — Сборникъ за народни умотворения, наука и книжнина, София, 1900, кн. XVI и XVII, с. 339–482.

Duličenko A. D. Das Banater Bulgarische. — Einführung in die slavischen Sprachen (mit einer Einführung in die Balkanphilologie). 3., verbesserte und erweiterte Auflage. Hrsgb. von P. Rehder. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1998, S. 326–330; 4., durchgesehene Aufl. — Darmstadt, 2003, S. 326–330.

Duličenko A. D. Banater Bulgarisch. — Wieser Enzyklopädie des europäischen Ostens. Bd. 10: Lexikon der Sprachen des europäischen Ostens. Klagenfurt: Wieser Verlag, 2002, S. 203–208.

Периферийно-островные СЛМЯи

Карпаторусинский

Gerovskij G. Jazyk Podkarpatské Rusi. Československá vlastivěda. D. III. — Praha, 1934, s. 460–517.

Tichý F. Vývoj současného spisovného jazyka na Podkarpatské Rusi. — V Praze: Sbor pro výzkum Slovenska a Podkarpatské Rusi, 1938, XII , 215 s.

Штець М. Літературна мова українців Закарпаття і Східної Словаччини (після 1918 р.). — Братіслава: Словацьке педагогічне видавництво, 1969, 169 с.

Штець М. Українська мова в Словаччині. (Соціолінгвістичне та інтерлінгвістичне дослідження). (Acta Facultatis philosophicae Universitatis Šafarikianae. Monographia 13). — Prešov, 1996, 255 с.

Duličenko A. D. Das Russinische. — Einführung in die slavischen Sprachen (mit einer Einführung in die Balkanphilologie). 3., verbesserte und erweiterte Auflage. Hrsg. von P. Rehder. Darmstadt: Wissenschaftliche

Buchgesellschaft, 1998, S. 126–140; 4., durchgesehene Aufl. — Darmstadt, 2003, S. 126–140.

Teutsch A. Das Rusinische der Ostslowakei im Kontext seiner Nachbarsprachen. (Heidelberger Publikationen zur Slavistik. A. Linguistische Reihe. Bd. 12). — Frankfurt/M. etc.: Peter Lang, Europäischer Verlag der Wissenschaften, 2001, XII, 230 S.

Dulichenko A. D., Magocsi P. R. Language question [of Subcarpathian Rus]. — Encyclopedia of Rusyn History and Culture. Ed. by P. R. Magocsi and I. Pop. — Toronto – Buffalo – London: Toronto University Press, 2002, p. 264–269.

Stegherr M. Das Russinische. Kulturhistorische und soziolinguistische Aspekte. (Slavistische Beiträge. Bd. 417). — München: Verlag Otto Sagner, 2003, XII, 529 S.

Эгейско-македонский

Duličenko A. D. Ägäisch-Makedonisch. — Wieser Enzyklopädie des europäischen Ostens. Bd. 10: Lexikon der Sprachen des europäischen Ostens. Klagenfurt: Wieser Verlag, 2002, S. 183–185.

Помакский

Steinke K. Pomakisch. — Wieser Enzyklopädie des europäischen Ostens. Bd. 10: Lexikon der Sprachen des europäischen Ostens. Klagenfurt: Wieser Verlag, 2002, S. 391–393.

Венецианско-словенский

Pogorelec B. Slovenski knjižni jezik v Beneški Sloveniji. — Govor, jezik in besedno ustvarjanje v Beneški Sloveniji. Špeter Slovenov – Trst, 1978, s. 93–118.

Периферийные СЛМЯи

Чакавский

Дуличенко А. Д. Славянские литературные микроязыки. (Вопросы формирования и развития). III. Чакавский литературный язык. Часть 1: до XVI в. — Проблемы внутриструктурного и функционального

описания языка. (Ученые записки ТартуГУ. Вып. 524. Труды по русской и славянской филологии. XXXII). Тарту, 1980, с. 147–168.

Nehring G.-D. Čakawisch. — Wieser Enzyklopädie des europäischen Ostens. Bd. 10: Lexikon der Sprachen des europäischen Ostens. Klagenfurt: Wieser Verlag, 2002, S. 247–251.

Кайкавский

Lončarić M. Kajkawisch. — Wieser Enzyklopädie des europäischen Ostens. Bd. 10: Lexikon der Sprachen des europäischen Ostens. Klagenfurt: Wieser Verlag, 2002, S. 257–264.

Ляшский

Duličenko A. D. Lachisch. — Wieser Enzyklopädie des europäischen Ostens. Bd. 10: Lexikon der Sprachen des europäischen Ostens. Klagenfurt: Wieser Verlag, 2002, S. 287–290.

Прекмурско-словенский

Orožen M. Prekmurski knjižni jezik. — XXV. Seminar slovenskega jezika, literature in kulture. Zbornik predavanj. Ljubljana, 1989, s. 37–60.

Западнополесский

Толстой Н. И. Новый славянский литературный микроязык? — Res philologica. Филологические исследования. Памяти акад. Г. В. Степанова. 1919–1986. Москва – Ленинград: Наука, 1990, с. 265–272.

Duličenko A. D. The West Polesian Literary Language. — Language, Minority, Migration. Yearbook 1994/1995 from the Centre for Multiethnic Research. (Uppsala Multiethnic Papers 34). Uppsala: Centre for Multiethnic Research – Uppsala University, 1995, p. 119–131.

Duličenko A. D. Westpolesisch. — Wieser Enzyklopädie des europäischen Ostens. Bd. 10: Lexikon der Sprachen des europäischen Ostens. Klagenfurt: Wieser Verlag, 2002, S. 581–587.

Luft A. Das Westpolesische. — Einführung in die slavischen Sprachen (mit einer Einführung in die Balkanphilologie). 3., verbesserte und erweiterte Aufl. Hrsg. P. Rehder. — Darmstadt: Wissenschaftliche Buchge-

sellschaft, 1998, S. 141–144; 4., durchgesehene Aufl. — Darmstadt, 2003, S. 141–144.

Восточнословацкий

Duličenko A. D. Ostslowakisch. — Wieser Enzyklopädie des europäischen Ostens. Bd. 10: Lexikon der Sprachen des europäischen Ostens. Klagenfurt: Wieser Verlag, 2002, S. 355–358.

[Halaga O. R.] Špecifiky [východoslovenskej] gramatiky. — Východoslovenský slovník. Historicky dokumentovaný (921–1918); paralely české, slovenské ekvivalenty. Zred. O. R. Halaga. I. Košice – Prešov, 2002, s. 86–110.

III. Грамматики, учебники, справочники

Автономные СЛМЯи

Верхнелужицкий

Šewc H. Gramatika hornjoserbskeje rěče. 1. Fonematika a morfologija. — Budyšin: Ludowe nakładnistwo Domowina, 1968, 320 s.; 2 wyd. 1984, 264 s.; 2. … Syntaksa. — Budyšin, 1976, 240 s.

Ермакова М. И. Очерк грамматики верхнелужицкого литературного языка. — Москва: Наука, 1973, 283 с.

Трофимович К. К. Серболужицкий язык. — Славянские языки. (Очерки грамматики западнославянских и южнославянских языков). Москва, 1977, с. 170–215.

Faßke H. (mit S. Michalk). Grammatik der obersorbischen Schriftsprache der Gegenwart. Morphologie. — Bautzen: Domowina-Verlag, 1981, 882 S.

Мудра И., Петр Я. Учебник верхнелужицкого языка. — Bautzen: Domowina-Verlag, 1983, 300 с.

Трофимович К. К. Серболужицкий язык. — Минск: Изд-во "Университетское", 1989, 68 с.

Нижнелужицкий

Janaš P. Niedersorbische Grammatik für den Gebrauch der sorbischen erweiterten Oberschule. — Bautzen, 1976, 366 S.; 2. Aufl., 1984, 366 S.

Šwela B. Grammatik der niedersorbischen Sprache. — Bautzen, 1952, XV,107 S.

Starosta M. Niedersorbisch schnell und intensive. 1–2. — Bautzen, 1991–1992, 258, 288 S.

Кашубский

Ceynowa F. Kurze Betrachtungen über die kaßubische Sprache, als Entwurf zur Gram□atik. Herausgegeben, eingeleitet und kommentiert von A. D. Duličenko und W. Lehfeldt. (Abhandlungen der Akademie der Wissenschaften in Göttingen. Philologisch-historische Klasse. Dritte Folge. Nr. 229). — Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1998. — XI, 146, (5) S.

Cenôva F. Zarés do Grammatikj Kaŝébsko-Słovjnskjè Mòvé / Entwurf zur Grammatik der kassubisch-slovinischen Sprache. — W Poznaniu, 1879, 96 S.

Lorentz F. Kaschubische Grammatik. — Danzig, 1919, 97 S.

Breza E., Treder J. Zasady pisowni kaszubskiej. — Gdańsk: Zrzeszenie Kaszubsko-Pomorskie, 1975, 52 s.

Breza E., Treder J. Gramatyka kaszubska. — Gdańsk: Zrzeszenie Kaszubsko-Pomorskie, 1981, 185 s.

Wosiak-Śliwa R., Cybulski M. Kaszubski język literacki. Podręcznik dla lektoratów. — Gdańsk: Graf, 1992, 84 s.

Cybulski M., Wosiak-Śliwa R. Ùczimë sã pò kaszëbskù. Książka pomocnicza dla klas starszych. — Gdańsk: Oficyna Czec oraz Zarząd Główny Zrzeszenia Kaszubsko-Pomorskiego, 2001, 103 s.

Островные СЛМЯи

Югославо-русинский

Костельник Ґ. Граматика бачваньско-рускей бешеди. — Ср. Карловци: Српска манастирска штампарија, 1923, 108 б.

Кочиш М. М. Мацеринска бешеда. Часц I. Ґраматика за V и VI класу основней школи. — Нови Сад: Завод за видаванє учебнїкох, 1965, 135 б.

Кочиш М. М. Мацеринска бешеда. Часц II. Ґраматика за VII класу основней школи. — Нови Сад: Покраїнски завод за видаванє учебнїкох, 1967, 79 б.

Кочиш М. М. Мацеринска бешеда. Ґраматика за VIII класу основней школи. — Нови Сад: Покраїнски завод за видаванє учебнїкох, 1968, 98 б.

Кочиш М. М. Правопис руского язика. Школске виданє. — Нови Сад: Покраїнски завод за видаванє учебнїкох, 1971, 159 б.

Кочиш М. М. Ґраматика руского язика. — Нови Сад: Покраїнски завод за видаванє учебнїкох, 1974, 134 б.

Дуличенко А. Д. Литературный русинский язык Югославии. (Очерк фонетики и морфологии). № 10.02.03 — славянские языки. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Науч. рук. — доктор филологических наук Н. И. Толстой. [Т. I–II]. — Москва, 1973, [449 с./лл.]. (АН СССР. Институт славяноведения и балканистики).

Текст диссертации (машинопись) под тем же названием хранится в Российской Государственной библиотеке (← Библиотека им. В. И. Ленина) в Москве и в архиве автора. Защищена в 1974 г.

[Т. I]. Введение. Становление и развитие русинского литературного языка Югославии (с. 2–27). Глава I: Фонетика. Графика и орфография (с. 28–41). Глава II: Морфология (с. 42–174). Список принятых сокращений (источники) (с. 175–177). Литература (с. 178–184). Оглавление (с. 185–187).

[Т. II]. Приложение к кандидатской диссертации "Литературный русинский язык Югославии (Очерк фонетики и морфологии)": Хрестоматия русинского языка Югославии. — Москва, 1973, 262 с.

Дуличенко А. Д. Литературный язык русин Югославии. (Очерк фонетики и морфологии). № 10.02.03 — славянские языки. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. — Москва: Наука, 1973, 30 с. (АН СССР. Институт славяноведения и балканистики).

Рамач Ю. Ґраматика руского язика за I, II, III и IV класу ґимназиї. — Београд: Завод за уџбенике и наставна средства, 2002, 615 б.

Градищанско-хорватский

Miloradić M. Slovnica hervatskoga jezika. — Györ, 1919.

Berlaković M. Hrvatska gramatika. Mali pregled gramatike gradišćanskohrvatskoga i hrvatskoga jezika (usporedna gramatika). — Željezno / Eisenstadt: Hrvatski kulturni i dokumentarni centar, 1995, 109 s.

Gramatika gradišćanskohrvatskoga jezika. N. Benčić i dr. — Željezno: Znanstveni Institut Gradišćanskih Hrvatov, 2003, 701 s.

Молизско-славянский

Vidov B. Gramatika ikavsko-štokavskoga govora molizanskih Hrvata u srednjoj Italiji / Grammatica del dialetto ikavo-štokavo dei Croati (Slavi) del Molise. — Grottaferrata, 1968, (4), 47 s.; 2-е изд.: Grammatica del dialetto ikavo-štokavo delle località dell'isola linguistica croata nel Molise Montemitro – San Felice – Acquaviva Collecroce / Gramatika ikavsko-štokavskog govora stanovnika hrvatskog podrijetla Mundimitra – Sti Filića – Kruča u pokrajini Molise. — Toronto, 1974.

Sammartino A. Grammatica della lingua croata-molisana / Gramatika moliškohrvatskoga jezika. — Montemitro: Fondazione "Agostina Piccoli" / Zagreb: Profil Internacional, 2004, 413 s.

Резьянский

Steenwijk H. Ortografia resiana. Tö jošt rozajanskë pïsanjï. — Padova: CLEUP – Cooperativa Libraria Editrice Università di Padova, 1994, VI, 73 p.

Po näs. Primo libro di lettura in resiano. R. Dapit, L. Negro, S. Paletti, H. Steenwijk. — S. Dorligo della Valle (TS), 1998, 63 s.

Банатско-болгарский

Rill J. Bâlgàrskutu právupísanji. Sàs idná navískà. Písanu i dumêstinu ud Józu Rill, naúčnić. — U Péštà: Stàmpísànu vàz G. Emich, 1866, VIII, 48 s.

Периферийно-островные СЛМЯи

(Карпато)русинский

Панько Ю., Ябур В. Правила русиньского правопису. — Пряшів: Русиньска оброда, 1994, 133 с.

Керча І., Попович С. Материнськый язык. Писемниця русинського языка. — Мукачово: Удало общество им. А. Духновича, 1999, 98 с.

Фонтаньскій Г., Хомяк М. Ґраматыка лемківского языка / Gramatyka języka łemkowskiego. — Katowice: "Śląsk", 2000, 188 с.

Эгейско-македонский

Abecedar. — EN ΑΘΗΝΑΙΣ, 1925, 40 s.; 2-е изд.: Абецедар. — Скопје, 1985, 40 с.

Граматика по македонски език. Фонетика – морфология. — [Букарест]: Неа Елада, Македонски отдел, 1953, 167 с.

Граматика на македонскио език. Фонетика – морфология. — Warszawa: Państwowe zakłady wydawnictw szkolnych, 1956, 156 с.

Помакский

Θεοχαρίδης Π. Δ. Γραμματική της πομακικής γλώσσας. Παράρτημα: Φράσεις και κείμενα πομακοελληνικά – ελληνοπομακικά. — Θεσσαλονίκη, 1996, 240 p.

Καραχότζα Ρ. Γραμματική πομακικής γλώσσας. — [Б. м.]: [Δ'Σώμα Στρατού (εκδ.)], 1996.

Παναγιωτίδης Ν. Μ. Οι Πομάκοι και η γλώσσα τους. — Αλεξανδρούπολη, 1997.

Венецианско-словенский

Merkù P. Po našin. Primo libro di lettura nel dialetto dell'Alta valle del Torre. — Tavagnacco, 1993, 61 s.

Периферийные СЛМЯи

Чакавский

[Kašić B.] B. Cassius. Institutionum lingvae illiricae libri duo. — Romae: Apud Aloyſium Zannettum, 1604, 191 p.; переизд.: Köln, 1978.

Кайкавский

Kriztianovich I. Grammatik der kroatischen Mundart. — Zagreb, 1837, 261 S.

Восточнословацкий

Urbán A. Sárosi tót nyelvtan vázlata. — Eperjes [Prešov], 1875.

Dobranski E. Slovjacka gramatika. — Kassa [Košice], 1941.

Koperdan M. Porovnávacia gramatika východoslovenského nárečia. Príručka pre učitel'ov. — Turč. sv. Martin: Matica slovenská, 1940, 43 s.

Западнополесский

Rusinsky łementar – Русінски лементар. Napysau Staryj Hospodar. — [Б. м.], 1907.

[Шыляговіч М. М.] Н. Н. Шелягович. Краткое фонетико-морфологическое описание брестско-пинского диалекта белорусского языка (проект литературного варианта). Минск: Белорусский университет, 1984. (Машинопись; копия в архиве А. Д. Дуличенко).

IV. Словари

Автономные СЛМЯи

Верхнелужицкий

Jakubaš F. Hornjoserbsko-němski słownik / Obersorbisch-deutsches Wörterbuch. — Budyšin / Bautzen: Domowina, 1954, XVI, 543 s.

Trofimowič K. K. Hornjoserbsko-ruski słownik / Верхнелужицко-русский словарь. — Budyšin: Ludowe nakładnistwo Domowina – Moskwa: Ruska rěč, 1974, XVI, 564 s.

Jenč H. Němsko-hornjoserbski słownik. I–II. — Budyšin, 1989–1991, 600, 608 s.

Нижнелужицкий

Starosta M. Dolnoserbsko-nimski słownik / Obersorbisch-deutsches Wörterbuch. — Budyšin – Bautzen: Domowina, 1999, 720 s.

Šwjela B. Deutsch-niedersorbisches Wörterbuch. — Bautzen, 1953, 371 S.

Кашубский

Labuda A. Słowniczek kaszubski. — Warszawa: Państwowe zakłady wydawnictw szkolnych, 1960, 115 s.

Labuda A. Słownik polsko-kaszubski / Słowôrz kaszëbsko-polsczi. — Gdańsk: Zrzeszenie Kaszubsko-Pomorskie, 1981–1982, 146 s., 204 s. (в одной книге).

Trepczyk J. Słownik polsko-kaszubski. Naukowo opracował i aneksem opatrzył J. Treder. T. 1 (A–Ó). — Gdańsk: Zrzeszenie Kaszubsko-Pomorskie, 1994, 446 s.; t. 2 (P–Ż), 495 s.

Островные СЛМЯи

Югославо-русинский

Кочиш М. М. Приручни терминолошки речник српскохрватско-русинско-украјински / Приручни терминолоґийни словнїк сербско-горватско-руско-украïнски / Підручний термінологічний словник сербохорватсько-русько-украïнський. — Нови Сад: Руске слово, 1972, 370 с.

Минимални речник српскохрватског језика. Српскохрватско-русински. — Нови Сад: Завод за издавање уџбеника, 1981, 144 с.

Рамач Ю. Руска лексика. — Нови Сад: Универзитет у Новим Садзе, 1983, (2), 266 б. (ротапринт).

Frazeološki rečnik srpskohrvatskog jezika. Srpskohrvatsko-rusinski. — Novi Sad: Filozofski fakultet – Zavod za izdavanje udžbenika, 1987, 146 s.

Сербско-руски словнїк / Српско-русински речник. Главни редактор/уредник Юлиян Рамач. Т. I (А–Њ). — Нови Сад: Друкарня Вивершней Ради АП Войводини, 1995, XXIII, 892 б. (Универзитет у Новим Садзе — Филозофски факултет. Катедра за руски язик и литературу. Дружтво за руски язик и литературу). Т. II (О–Ш). — Београд: Будућност (Нови Сад), 1062 б. (Завод за уџбенике и наставна средства, Београд. Универзитет у Новим Садзе…).

Градищанско-хорватский

Deutsch-burgenländischkroatisch-kroatisches Wörterbuch / Nimško-gradišćanskohrvatsko-hrvatski rječnik. — Eisenstadt – Zagreb, 1982, 637 S.

Gradišćanskohrvatsko-hrvatsko-nimški rječnik / Burgenländischkroatisch-kroatisch-deutsches Wörterbuch. — Eisenstadt – Zagreb, 1991, 842 s.

Молизско-славянский

Vidov B. Vocabolario del dialetto delle localita dell'isola linguistica croata nel Molise Montemitro – San Felice – Acquaviva Collecroce / Talijansko-hrvatski i hrvatsko-talijanski rječnik ikavsko-štokavskog govora molisanskih Hrvata u srednjoj Italiji Mundimitar – Sti Filić – Kruč. — Toronto: Kiev Printers Ltd., 1972, 96 p.

Breu W., Piccoli G. (con collaborazione di S. Marčec). Dizionario croato molisano di Acquaviva Collecroce. Dizionario plurlingue della lingua slava della minoranza di provenienza di Acquaviva Collecroce in Provincia di Campobasso. Dizionario, registri, grammatica, testi. — Campobasso, 2000, XXIII, 447 p.

Piccoli A., Sammartino A. Dizionario dell'idioma croato-molisano di Montemitro / Rječnik moliškohrvatskoga govora Mundimitra. — Montemitro: Fondazione "Agostina Piccoli" – Zagreb: Matica hrvatska, 2000, XXXI, 325 p.

Резьянский

Chinese Hugjöu S. Rośajanskë-laškë bysidnjäk / Repertorio lessicale italiano-resiano. — Udine: Tipografia Marioni, 2003, 174 s.

Банатско-болгарский

Velčov L. Manen madžársci-bâlgarsci rêčnić, zarad bâlgarsci nárudni škulsći škuláre sabrál Velčov Luku / L. Velčov. Kis magyar-bolgár szótár. Bolgár népiskolai tamelók számára. — [Szeged, 1896], 40 p.

Периферийно-островные ЛМЯи

Карпаторусинский

Горощак Я. Перший лемківско-польскій словник / Pierwszy słownik łemkowsko-polski. — Legnica, 1993.

Орфографічный словник русиньского языка. Приближно 42 000 слов. — Пряшів: Русиньска оброда, 1994, 304 с.

Панько Ю. Русиньско-русько-україньско-словеньско-польскый словник лінгвістічных термінів. — Пряшов: Русиньска оброда, 1994, 231 с.

Попович С. Поруналный русинсько-мадярсько-русско-украинськый словарьчик / Ruszin-magyar-orosz-ukrán összehasonlító zsebszótár. — Будапешт: Видавательство Етнікум, 1999, 254 с. (книга карманного формата).

Алмашій М., Поп Д., О. Димитрий (Сидор). Русинсько-украйинсько-руськый словарь. — Ужгород, 2001.

Чорі Ю. Словарь русинського языка. Т. 1 (А–Д). — Ужгород, 2001–2002.

Помакский

Θεοχαρίδης Π. Δ. Πομακοελληνικό λεξικό / Pomachtsku-urumtsku leksiko. — Θεσσαλονίκη, 1996, 700 p.

Θεοχαρίδης Π. Δ. Ελληνοπομακικό λεξικό / Urumtsku-pomachtsku leksiko. — Θεσσαλονίκη, 1996, 236 p.

Кайкавский

Rječnik hrvatskoga kajkavskoga književnog jezika. Ur. B. Finka. Knj. I, sv. 1 →. — Zagreb, 1984 →.

Прекмурско-словенский

Fliszár J. Vogrszki-vendiski récsnik / Magyar-vend szótár. — Budapest, 1942, 180 p.

Novak V. Slovar stare knjižne prekmurščine. Poskusni snopič. — Ljubljana: ZRC – SAZU etc., 1988, 73 s.

Восточнословацкий

Východoslovenský slovník. Historicky dokumentovaný (921–1918); paralely české, slovenské ekvivalenty. Zred. O. R. Halaga. I–II. — Košice – Prešov, 2002, 625 s., 626–1394 s.

V. Периодика

Включены наиболее актуальные периодические издания. Названия и подзаголовки (т. е. кто издает и т. д.) даются по состоянию на 90-е гг. XX – начало XXI вв.

Автономные СЛМЯи

Верхнелужицкий

Rozhlad (Serbski kulturny časopis. Wydawaćel: Ludowe nakładnistwo Domowina), Budyšin/Bautzen, 1950 →. Ежемесячный журнал (отдельные тексты печатаются также на нижнелужицком).

Nowa doba (Organ Zwjazkoweho předsydstwa Domowiny), Budyšin/Bautzen, 1946 → *Serbske Nowiny* (Njewotwisny dźenik za serbski lud), 1991 →. Еженедельная газета.

Serbska šula (Časopis za serbskich wučerjow a kubłarjow), Budyšin, 1965 →. Журнал.

Нижнелужицкий

Nowy Casnik (Tyźenik za serbski lud), Chośebuz/Cottbus, 1958 →. Еженедельная газета.

Кашубский

Pomerania (Miesięcznik regionalny. Wydawca: Zarząd główny Zrzeszenia Kaszubsko-Pomorskiego), Gdańsk, 1963 →. Ежемесячный журнал на польском и кашубском языках.

Zrzesz Kaszëbskô (Pismo ludu kaszubskiego), Wejherowo, 1992 →. Бюллетень на польском и кашубском языках.

Norda (Pismiono Kaszëbsczi Zemi), Puck – Rëmiô – Wejrowò, 1995 →. Газета на польском и кашубском языках.

Островные СЛМЯи

Югославо-русинский

Руске слово (Орган Скупштини АП Войводини. Гласнїк по руски), Нови Сад, 1945 →. Еженедельная газета.

Заградка (Часопис за дзеци. Видава Новинско-видавателна установа "Руске слово"), Нови Сад, 1947 →. Детский ежемесячный журнал.

Шветлосц (Часопис за литературу, културу и уметносц. Видава Новинско-видавателна установа "Руске слово"), Нови Сад, 1952 →. Двухмесячный журнал.

Градищанско-хорватский

Hrvatske Novine (Tajednik Gradišćanskih Hrvatov. Nakladnik, uredničtvo: Hrvatsko štamparsko društvo), Eisenstadt/Željezno, 1910 →. Еженедельная газета.

Crikveni Glasnik Gradišća (Nabožni list biskupije Željezna), Eisenstadt / Željezno, 1954 →. Газета.

Молизско-славянский

Naš jezik – La nostra lingua (Glasnik molizanskih Hrvata / Periodico del paesi Slavi del Molise), Roma, 1967 → в 70-е гг. издание прекращается. На молизско-славянском, хорватском и итальянском языках.

Резьянский

All'Ombra del Canin / Ta pod Ćanynowo sinco (Bollettino parrocchiale di Resia. Edito dalla Parocchia di Resia/Italia. Pubblicazione trimestrale), Udine, 1927 →. Бюллетень на итальянском языке с текстами по-резьянски.

Näš glas / La nostra voce (Semestrale del Circolo Culturale Resiano "Rozajanski Dum"), Prato di Resia, 2006 →. Журнал на резьянском и итальянском языках.

Банатско-болгарский

Náša glás (Organ na Balgarskotu družstvu ud Banáta. Banátska-balgarska nuvina za kultura, nauka i stopánstvo), Timišvár, 1991 →. Двухнедельная газета.

Периферийно-островные СЛМЯи

Карпаторусинский

Народны новинкы (Двойтыжденик Русинів ЧСФР / Културно-сполоченьскый тыжденник Русинів СР. Выдавать Русиньска оброда СР),

Пряшов, 1991 →. Еженедельная газета на карпаторусинском ("словацко-русинском") языке.

Русин (Культурно-хрістияньскый часопис. Выдавать Русиньска оброда), Пряшов, 1990 →. Журнал на карпаторусинском ("словацко-русинском"); печатает также тексты на других русинских вариантах.

Blahovistnik/**БЛАГОВѢСТНИКЪ** (Mesačník priatel'ov baziliánov na Slovensku), Prešov, 1946 →. Ежемесячный журнал на словацком, карпаторусинском ("словацко-русинском", в том числе латиницей), украинском языках.

Подкарпатська Русь, Ужгород, 1992 →. Газета на карпаторусинском (Украины), украинском, русском языках.

Карпаторусский вестник (Независимая областная газета), Ужгород, 1995 → (?). На русском, украинском и карпаторусинском языках.

Русинська бисіда/бисїда (Народна новинка. За братство истинных русинов), Ужгород, 1997 →. Газета на карпаторусинском (Украины), украинском, русском языках.

Русинська газета, Хуст, 1995 →. Газета на карпаторусинском (Украины), украинском, русском языках.

Християнська родина, Ужгород, 1996 →. Газета на карпаторусинском (Украины), украинском, русском языках.

Отчий храм (Выданя Ужгородської горрайорганизації Товаришества Карпатськых Русинўв), Ужгород, 1991→ (?), ротапринт, нерегулярно. На карпаторусинском (Украины) языке.

Бесіда (Головний заряд Стоваришыня Лемків), Креныця / Krynica, 1989 →. Бюллетень на карпаторусинском (лемковском, лемковско-русинском Польши) языке.

Русинскый Жывот (Културно-сполоченськый/сполоченский часопис Русинів/Русинов у Мадярску. Выдавать Орґанізація Русинів у Мадярску — ОРРУМА), Budapest, 1994 → 1999. Газета-бюллетень на карпаторусинском ("венгерско-русинском") языке и других русинских вариантах, на венгерском языке.

Столична Русинска Новинка (Регіонална обществена, інформачна/інформаційна мішацна/місячна новинка/Місячна новинка Русинского Меншынового Самоуправленія), Будапешт, 1999–2000. Журнал-

бюллетень на карпаторусинском ("венгерско-русинском") языке и других русинских вариантах, на венгерском языке.

Вседержавный Русинскый Вісник/Országos Ruszin Hírlap (Общественна, информаційна місячна новинка русинув у Мадярщині / Місячна новинка Столичного Русинского Меншынового Самоуправленія), Будапешт, 1999 → (? 2002). Журнал на карпаторусинском ("венгерско-русинском") языке и других русинских вариантах, на венгерском языке.

Русинськый світ/Ruszin világ (Общественна, информаційна місячна новинка русинув у Мадярщині. Выдає: Вседержавноє Русинськоє Меншиновоє Самоуправленіє), Будапешт, 2003 →. Журнал на карпаторусинском ("венгерско-русинском") языке и других русинских вариантах, на венгерском языке.

Помакский

ΖΑΓΑΛΙΣΑ. ΔΕΛΤΙΟ ΤΟΥ ΚΕΝΤΡΟΥ ΠΟΜΑΚΙΚΩΝ ΕΠΕΥΝΩΝ / Pomak kültür araştırma merkezenin bülteni, Комотηνή. Газета. С 1990-х гг.

Венецианско-словенский

Novi Matajur (Tednik Slovencev Videmske pokrajine), Čedad/ Cividale, 19...? →. Газета на словенском, венецианско-словенском, итальянском языках.

Dom (Kulturno Verski List. Petnajstdnevnik katoliških Slovencev Videnske pokrajine), Udine, 1965 →. Двухнедельная газета на итальянском, словенском и венецианско-словенском языках.

Периферийные СЛМЯи

Чакавский

Čakavska rič (Polugodišnjak za proučavanje čakavske riječi. Izdavač: Čakavski sabor – Katedra za književnost i kulturu), Split, 1971 →. Журнал на хорватском и чакавском языках.

Кайкавский

Kaj (Časopis za kulturu i prosvjetu. Izdavač: Kajkavsko spravišče), Zagreb, 1968 →. Ежемесячный (и поквартальный) журнал на хорватском и кайкавском языках.

Ляшский

Zpravodaj Centra Óndry Łysohorského (Vyd.: Muzeum Beskyd Frýdek-Místek), Frýdek-Místek, 1998 →. Бюллетень на чешском и ляшском языках.

Западнополесский

Збудінне (Газэта громадсько-культурного згуртования "Полісьсе"), Мінск, 1989–1994. Газета на западнополесском (печатались также тексты на белорусском и русском языках).

Составитель А. Д. Дуличенко.

Программа международной конференции "Славянские литературные микроязыки и языковые контакты" (Тарту, 15–17 сентября 2005 г.)

15 сентября 2005 г., четверг

Утреннее заседание

Актовый зал университета

9.30: Регистрация участников конференции

10.00: Открытие конференции

Выступления членов оргкомитета конференции, организационные вопросы.

Председательствующие: G. Hentschel, А. Д. Дуличенко

10.20: Hentschel, Gerd (Oldenburg). Современные исследования по языковым контактам и славистическая лингвистика.

11.00: Дуличенко, Александр Дмитриевич (Тарту). Современное славянское языкознание и славянские литературные микроязыки.

11.40: Gustavsson, Sven (Uppsala). The Framework Convention for the Protection of National Minorities, the European Charter for Regional or Minority Languages, Euromosaic and the Slavic Literary Microlanguages.

12.10: Цыхун, Геннадий Афанасьевич (Минск). Славянские литературные микроязыковые проекты в эколингвистической перспективе.

Вечернее заседание (ауд. 129, Näituse, 2)

Председательствующие: S. Gustavsson, Г. А. Цыхун

14.15: Алпатов, Владимир Михайлович (Москва). Что делать с малыми языками?

14.45: Künnap, Ago (Tartu). On the Finno-Ugric and Samoyed microlanguages.

15.15: Презентация двухтомной книги проф. А. Д. Дуличенко "Славянские литературные микроязыки. Образцы текстов" (Тарту, т. I, 2003, 420 с.; т. II, 2004, 398 с.).

16.15: Никитин, Олег Викторович (Москва). О языковых контактах, языковых сближениях и языковых отталкиваниях (в связи со славянскими микроязыками).

16.45: Marti, Roland (Saarbrücken). Дружелюбные и враждебные объятия: положение нижнелужицкого языка.

17.15: Открытие выставки изданий на славянских микроязыках (Кафедра славянской филологии, ком. 214–215).

19.00: Экскурсия по университету и по городу (проводит доц. Светлана Борисовна Евстратова; сбор у деканата философского факультета – ул. Lossi, 3).

16 сентября 2005 г., пятница

Утреннее заседание (ауд. 129, Näituse, 2)

Председательствующие: В. М. Алпатов, M. Moser

9.30: Dunn, John (Glasgow). What do you do if you haven't got an army or a navy? Some observations on the standardisation of regional and microlanguages.

10.00: Steinke, Klaus (Erlangen). Zur sprachlichen Vitalität der slavischen Minderheiten in Albanien und Nordgriechenland.

10.30: Voss, Christian (Freiburg). Toward the comparability of the Slav-speaking Balkan Muslims (Bošnjaci, Sandžaklije, Torbeši and Pomaks) in the light of the microlanguage concept.

11.30: Lončarić, Mijo; Kekez, Stipe (Zagreb). Kajkavština i čakavština kao književni jezici danas u književnosti.

12.00: Markoja, Darja (Ljubljana). Рукописная грамматика прекмурско-словенского литературного языка (начало 20-го века).

12.30: Dapit, Roberto (Udine). Resian dialect and its evolution as literary language.

Вечернее заседание (ауд. 129, Näituse, 2)

Председательствующие: K. Steinke, J. Dunn

14.30: Tyran, Katharina (Wien / Eisenstadt). Der Streit um die Standardsprache bei den Burgenländischen Kroaten / Rasprava o standardizaciji gradišćanskohrvatskog jezika.

15.00: Романчик, Ромаш Эрленд (Тарту). Кашубско-польские дилеммы в лексикографическом аспекте.

16.00: Czesak, Artur (Kraków). Góralski i śląski — mikrojęzyki in statu nascendi?

16.30: Климчук, Федор Данилович (Минск). О некоторых письменных традициях Полесья.

17.00: Презентация справочника "Национальный Комитет славистов Эстонии 2005" (Тарту, 2005).

17 СЕНТЯБРЯ 2005 Г., СУББОТА

Русинологическое заседание (русинистика) (ауд. 129, Näituse, 2)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЕ: P. R. MAGOCSI, R. MARTI

9.30: Moser, Michael (Wien). The Rusyn linguistic and cultural identity in the 19th century from a Galician-Ukrainian point of view.

10.00: Тамаш, Юлин (Нови Сад). Правни аспект статуса русинского/ русинских языка/ языкох: дияхрония, синхрония и телеология.

10.15: Падяк, Валерий Иванович (Ужгород). Закарпатье/ Подкарпатская Русь: функционирование русинского литературного языка в контексте национального возрождения.

11.15: Рамач, Юлиян (Нови Сад). Пременки у руским язику без цудзого уплїву (ґенерализация и др.).

11.45: Magocsi, Paul Robert (Toronto). Русинский язык: результаты развития последних лет и сегодняшние задачи.

12.15: Завершение конференции. Подведение итогов.

13.00: Поездка участников конференции в деревню Кольки (Чудское озеро).

18 СЕНТЯБРЯ 2005 Г., ВОСКРЕСЕНЬЕ

День отъезда из Тарту.

В серии *Slavica Tartuensia* вышли:

I. *Исследования по истории славянского языкознания. Посвящается 150-летию отечественного университетского славяноведения.* (УЗ ТартуГУ. Вып. 710). Отв. ред. А. Д. Дуличенко. Тарту, 1985, 144 с.

II. *Славянские литературные языки и историография славяноведения.* (УЗ ТартуГУ. Вып. 811). Отв. ред. А. Д. Дуличенко.Тарту, 1988, 171 с.

III. *Славяно-славянские и славяно-финно-угорские сопоставления/ Slovensko-slovenska i slovensko-ugrofinska poređenja.* (УЗ ТартуГУ. Вып. 932). Отв. редакторы А. Д. Дуличенко и Б. Тошович. Tartu, 1991, 206 с.

IV. *Языки малые и большие... In memoriam acad. Nikita I. Tolstoi.* Отв. ред. А. Д. Дуличенко. Tartu, 1998, 317 с.

V. *200 лет русско-славянской филологии в Тарту.* Отв. ред. А. Д. Дуличенко. Tartu, 2003, 430 с.

VI. *Славянские языки: от прошлого к настоящему. К XIII Международному съезду славистов (Любляна, 15–21.08.2003).* Отв. ред. А. Д. Дуличенко. Tartu, 2003, 337 с.

VII. *Славянские литературные микроязыки и языковые контакты. Материалы международной конференции, организованной в рамках Комиссии по языковым контактам при Международном Комитете славистов.* Тарту, 15-17 сентября 2005 г. Под редакцией Александра Д. Дуличенко и Свена Густавссона (при участии Джона Данна). Тарту, 2006, 412 с.

8 Filoloogia

Книга содержит материалы м
конференции "Славянские
микроязыки и языковые ко
веденной 15–17 сентября 200
Кафедрой славянской филологии Тартуского университета и Королевской Шведской Академией литературы, истории и древностей в рамках Комиссии по языковым контактам при Международном Комитете славистов:

1. Общетеоретические аспекты малых языков (микроязыков) и контактная лингвистика (G. Hentschel, А. Д. Дуличенко, Г. Цыхун, J. Dunn, О. В. Никитин, В. М. Алпатов, S. Gustavsson); 2. Вопросы нормализации и эволюции славянских литературных микроязыков (R. Marti K. Tyran, Р. Э. Романчик, R. Dapit, D. Markoja, M. Lončarić, S. Kekez); 3. Проблемы русинистики / русинологии (P. R. Magocsi, Ю. Тамаш, M. Moser, В. І. Падяк, Ю. Рамач); 4. На путях к нормализации и кодификации (K. Steinke, Ch. Voss, Ф. Д. Клімчук, A. Czesak); библиография по микроязыкам.

НИЖНЕЛУЖИЦКИЙ
КАШУБСКИЙ
ЮГОСЛАВО-РУСИНСКИЙ И
(КАРПАТО)РУСИНСКИЙ
ГРАДИЩАНСКО-ХОРВАТСКИЙ
РЕЗЬЯНСКИЙ
ПРЕКМУРСКО-СЛОВЕНСКИЙ
ЧАКАВСКИЙ, КАЙКАВСКИЙ
ЗАПАДНОПОЛЕССКИЙ
ГУРАЛЬСКИЙ И СИЛЕЗСКИЙ
И ДР.

TARTU 2006